

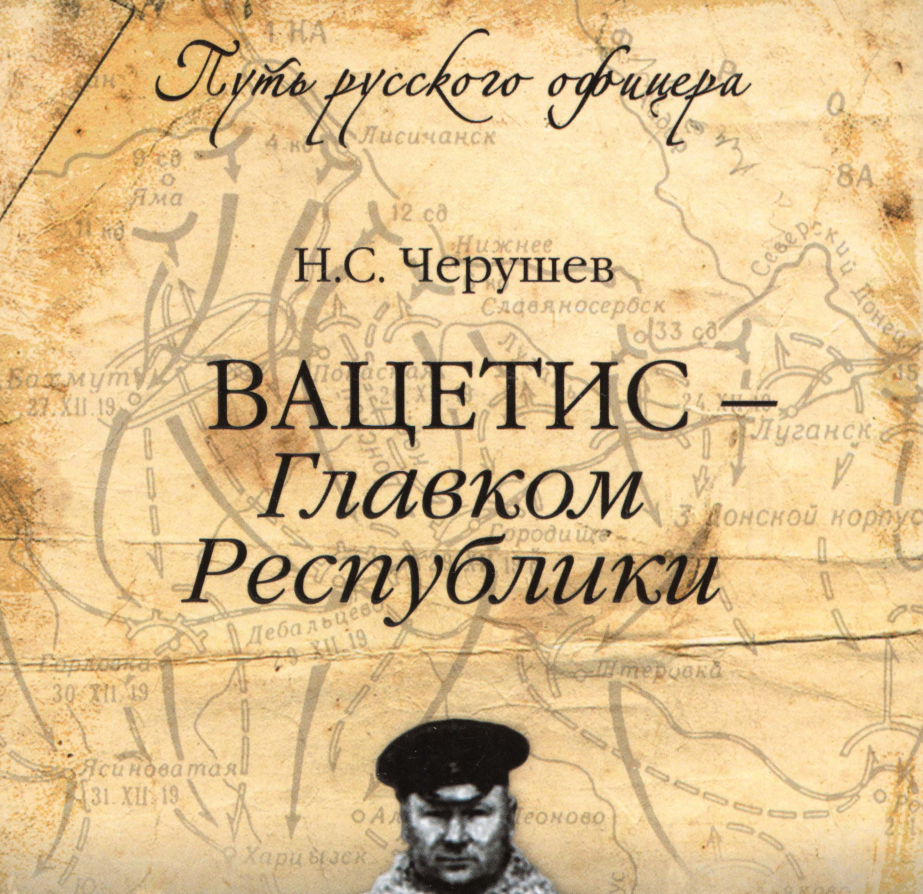

Путь русского офицера

Н.С. Черушев

ВАЦЕТИС – Главком Республики

Н.С. Черушев
ВАЦЕТИС –
Главком Республики

ПУТЬ РУССКОГО ОФИЦЕРА

Н.С. ЧЕРУШЕВ

ВАЦЕТИС — ГЛАВКОМ РЕСПУБЛИКИ

Москва
«Вече»

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)612.8
Ч93

Черушев, Н.С.

Ч93 Вацетис — Главком Республики / Н.С. Черушев. — М. : Вече, 2015. — 384 с., ил. — (Путь русского офицера).

ISBN 978-5-4444-1176-6

Знак информационной продукции **12+**

Новая книга Н.С. Черушева повествует о судьбе Иоакима Вацетиса. Начав службу простым солдатом русской армии, этот латышский паренек дослужился до звания полковника, а затем, приняв революцию, стал Главнокомандующим вооруженными силами РСФСР.

На основе многочисленных архивных источников автор рассказывает о взлетах и падениях латышского стрелка Вацетиса, особенно подробно описана его карьера в Советском Союзе и обстоятельства трагической гибели.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)612.8

ISBN 978-5-4444-1176-6

© Черушев Н.С., 2015
© ООО «Издательство «Вече», 2015

*Военспецам,
стоявшим у истоков
Красной Армии,
ПОСВЯЩАЕТСЯ*

ОТ АВТОРА

В последние десятилетия текущего века на территории бывших республик СССР, а ныне самостоятельных суверенных государств, стала заметной возросшая волна ярого национализма. В первую очередь это относится к странам Прибалтики. Здесь, особенно в Латвии и Литве, русскоязычное население подвергается всякому гонению, оно включено в разряд «неграждан» этих стран, подвергаясь ограничениям и дискриминации по национальному признаку. Разделение жителей страны на истинных граждан и «неграждан» является глубоко оскорбительным и унижающим достоинство человека, служит препятствием к раскрытию его способностей и таланта.

Даже в царской России, которую революционные демократы называли тюрьмой народов, такого противостояния народов не бывало. Они (народы России) веками жили в дружбе и согласии, хотя попытки раскачать эту лодку предпринимались неоднократно. Очередная попытка поссорить народы (мощный всплеск национализма в Прибалтике и Украине) наблюдается в настоящее время. Но вековые связи народов нельзя мгновенно разрушить — слишком многое связывает наши народы, в том числе совместная борьба с иноземными захватчиками. История свидетельствует, что в ее критические моменты из толщи народа выдвигаются герои-самородки, способные вести за собой массы против сильного противника,

вести и побеждать. В раздумьях о судьбах народов бывшего СССР и отдельных их представителей у автора родился замысел этой книги.

Можно привести немало примеров из жизни окраин России, когда представители из самых низов некоренных народов своим трудолюбием, способностями выбивались из общей массы, поднимались к высотам знаний, обеспечивали себе карьерный рост. Примером тому служит герой нашего повествования — латыш по национальности, сын батрака, подпасок, солдат, унтер-офицер. Путем огромной работы над собой, посредством самоограничения, жесточайшей самодисциплины и самоконтроля Иоаким Вацетис сумел достичь намеченной им цели, преодолев все препоны и препятствия на этом пути. А цель у него была благородная — получить высшее образование, стать дипломированным специалистом военного дела. В числе первых военных специалистов (военспецов) И.И. Вацетис предложил свои услуги Республике Советов в 1917 г. Его талант организатора и другие качества военачальника были замечены руководителями Республики, и он последовательно занимал должности начальника дивизии, командующего фронтом и Главнокомандующего всеми Вооруженными силами РСФСР.

Деятельность И.И. Вацетиса протекала в особых условиях Гражданской войны и борьбы с иностранными военными интервентами. Можно с уверенностью утверждать, что на всех занимаемых постах он с обязанностями своими успешно справлялся. Но дела его на многие годы были незаслуженно забыты. Воздать должное трудам этого замечательного воина и полководца — обязанность и долг потомков.

Источниковой базой для данной книги послужили личные воспоминания И.И. Вацетиса, документы отечественных архивов, в первую очередь Российского государственного военного архива (РГВА), свидетельства современников И.И. Ва-

цетиса (сослуживцев, его начальников и подчиненных), труды российских историков.

Выражаю свою сердечную благодарность тем, кто бескорыстно помогал мне в сборе материала для книги, в его обработке, в подготовке рукописи книги: Черушевой Р.Н., Черушеву Ю.Н., Чукиной Э.Н., Чукину А.Г., Гурской А.Ю., Чукину И.А., Коваленко О.Н., Каминскому Г.И.

Особая благодарность Г.Э. Кучкову и С.Н. Дмитриеву за поддержку замысла об издании книги о первом Главкоме Республики.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В начале этого века стал заметен возросший интерес к литературе военно-исторической тематики. Стало больше выпускаться книг, показывающих жизненный путь известных государственных, политических и военных деятелей, их дела и свершения. И этот интерес продолжает нарастать — ведь в истории государства Российского было немало выдающихся людей, достойных подражания. Некоторые из них до сих пор недостаточно известны широкому кругу граждан, хотя имеют к тому все основания. Одним из таких людей и является герой данного документального повествования — Иоаким Иоакимович Вацетис.

Заслуги И.И. Вацетиса перед Россией бесспорны — он храбро сражался на полях сражений в годы Первой мировой войны, одним из первых старых военных специалистов вступил в ряды вооруженных сил молодой Республики Советов, чтобы менее чем через год возглавить их. Под его руководством были одержаны первые победы над внутренней контрреволюцией и иностранными военными интервентами, значительно упрочив существующий строй и порядок. Обо всем этом говорится в предлагаемой читателю книге.

Необходимо заметить, что совсем имя И.И. Вацетиса не забыто — в 1974 г. в Стокгольме на немецком языке вышла книга У. Германиса «Полковник Вацетис и латышские стрелки в мировой войне и Октябрьской революции». Но этот труд

составлен откровенно тенденциозно, с узко националистических позиций, без серьезной документальной базы. В 1978 г. в Риге был издан сборник документов, подготовленных и подписанных И.И. Вацетисом в бытность его командующим Восточным фронтом и Главнокомандующим всеми вооруженными силами Республики. В сборнике «Этапы большого пути» (М.: Воениздат, 1962) опубликованы его воспоминания о подавлении левозэсеровского мятежа в Москве в 1918 г. Но из большого документального наследия И.И. Вацетиса этого явно недостаточно, чтобы раскрыть богатое содержание такого незаурядного человека и военачальника, каким являлся И.И. Вацетис.

В 2014 г. исполнилось сто лет со дня начала Первой мировой войны. Минул целый век, сменились поколения, но все так же волнуют вопросы: «Почему случилось то или иное событие?», «Как получилось, что?..», «Могли ли?..». И многие другие. Современная война — это война машин, моторов, техники во всех ее проявлениях, но все-таки главным инструментом войны являются люди. И они решают исход боя, сражения. И не только их количество, но и качество. А людей (солдат, сержантов, офицеров) обучают и воспитывают командиры. Наш рассказ в основном о людях на войне, рассказ об одном таком русском офицере, о его нелегкой судьбе, о выборе им пути на крутом изломе истории страны. В раздумьях о сложных путях развития России, о нелегкой судьбе отдельных личностей в эти нелегкие годы и родился замысел данной книги.

И.И. Вацетис — один из тех «военспецов, которые круто изменили свою судьбу, связав ее с властью Советов и ее армией. Будучи беспартийным, бывший полковник старой армии, присягнув на верность новой власти, честно и беспорочно служил ей, как подобает порядочному человеку. За годы этой службы И.И. Вацетис проявил свои лучшие качества организатора, педагога, ученого, воспитателя.

Вклад И.И. Вацетиса в военно-историческую науку достаточно большой. Это монографии, статьи, воспоминания. Не менее вложено им в развитие тактики, оперативного искусства, опыт планирования крупных армейских и фронтовых операций до сих пор не потерял своего значения. Вопросы тылового обеспечения действующей армии, также поднятые им, представляют значительный интерес. Остается добавить, что его ученики (слушатели Военной академии имени М.В. Фрунзе), успешно командовали соединениями и объединениями (дивизиями, корпусами, армиями и фронтами) в годы Великой Отечественной войны).

ИСТОКИ. НАЧАЛО РАТНОГО ПУТИ

В 1935 г. для командно-начальствующего состава Красной Армии были введены персональные воинские звания. Среди десяти лиц высшего комсостава РККА, которым присвоено звание «командарм 2-го ранга» был и профессор Военной академии имени М.В. Фрунзе, бывший Главнокомандующий всеми вооруженными силами Республики (1918—1919 гг.) Иоаким Иоакимович Вацетис.

Родился Иоаким Вацетис (до 1906 г. он носил имя Юкумс, сменив его на Иоакима перед поступлением в Академию Генерального штаба) в ноябре 1873 г. в семье батрака имения Нейгоф Гольдингенского уезда Курляндской губернии. Семья была многодетная: у Иоакима было четыре брата и три сестры. Когда он родился, отцу его было 37 лет. Один из братьев умер в семилетнем возрасте.

О годах детства и юности И.И. Вацетис вспоминал так: «С шести лет я начал борьбу за существование. К этому вынуждала бедность моих родителей, которые своим трудом не могли нас, семерых детей, прокормить. Благодаря этому я так рано столкнулся со множеством людей: бедных и богатых, ученых и неграмотных, хороших и скверных, окончательно испорченных.

Больше всего я завидовал тем, кто мог хорошо поесть, хорошо выспаться и хорошо одеваться. Вероятно, такого рода зависть проснулась во мне прежде всего потому, что я был ли-

шен всех этих благ. Я видел, что дети богатых учились в городе, их возили туда на собственных лошадях, родители могли платить за учебу. Многие учились плохо, некоторые вовсе учиться не хотели, а их все-таки отдавали в гимназию, семинарию, принуждали учиться.

Я хотел учиться, я чувствовал, что способен усваивать преподаваемую премудрость, но мои родители не имели денег, и я был вынужден идти не этим путем, а путем житейским, ведущим прямехонько в батраки.

С самой ранней юности я сознавал всю несправедливость на земле и все обиды, которые терпели бедные люди.

Старшие братья тоже не хотели быть батраками и пошли учиться ремеслу. Я же работал и учился, мечтая стать сильным мира сего, чтобы помочь бедным людям лучше устроить свою жизнь.

Бедными и горемычными я считал батраков, с городской жизнью я совершенно не был знаком. Мне даже казалось, что простые люди в городах живут счастливо, что они богачи, дети учатся на равных с детьми богатых. Многие батраки — пожилые, семейные и неженатые парни — уходили в город, не желая быть батраками. Из города они приезжали в деревню гостить хорошо одетые, в штиблетах. Некоторым в городе повезло, они неплохо зарабатывали и пополняли ряды мелкой буржуазии.

В то время как батрацкая масса спасалась от невыносимого гнета, устремляясь в города, в свою очередь пролетариат из прибалтийских городов устремлялся в Россию, преимущественно к берегам Азовского моря и в Сибирь. Некоторые, наиболее предприимчивые представители городского пролетариата, уезжали в Южную Америку, в Бразилию, особенно это было заметно в девяностые годы»¹.

Годы тяжелого батрацкого детства, перенесенные им тогда тяготы и лишения остались в памяти Вацетиса на все последующие годы. До мельчайших деталей он помнит свою жизнь

в батрацкой семье, свой детский труд на барона: «Власть барона над батраками была безраздельно велика. Можно сказать, барон был для них всем. Человек начинался от барона, а батрак был лишь его рабочей силой, которую он покупал, выжимая все соки, а иногда забирал и жену и дочь, вводил право первой ночи. Серые бароны, т.е. мелкие земельные собственники из латышей, державшие по два-три батрака, в общем, обходились с ними человечнее в том смысле, что жалели все-таки в батраке рабочее животное, однако ничуть не заботились, чтобы батрак стал богаче, развитее, культурнее.

Батрак работал не только от зари до зари, а также и ночью. Для батрака не было ни праздника, ни отдыха, его никто не спрашивал, есть ли у него теплая обувь и шуба, чтобы выдержать поездку в дальний город в зимнюю стужу; может ли он уехать на неделю, когда его жена и дети лежат при смерти. Врача в таком случае никто не позовет.

Зарботка моего отца не хватало на прокормление многочисленной семьи, и поэтому пришлось отдавать нас, детей, с малолетства по чужим людям, «к хозяевам», чтобы зарабатывать себе средства существования сельскохозяйственным трудом. Обыкновенно отдавали нас на лето от 23 апреля до 15 октября. Батраков нанимали на год, от 23 апреля до 23 апреля следующего года. Таким образом, в Прибалтике для батрацкого сословия существовал традиционный Егорьев день, сохранившийся до революции. 23 апреля по всей Прибалтике представлял собою день народной скорби: беднота переезжала в этот день от одного хозяина к другому, в надежде, что у нового работодателя будет лучше. В этот исторический день все транспортные средства хозяев, в особенности плохих, были заняты перевозкой скарба вновь нанятых батраков. У такого сорта «благодетелей» батраки менялись каждый год, и приходилось ездить за новыми через 2—3 волости. Восемь раз в течение восьми лет пришлось мне шагать 23 апреля к хозяину и 15 октября возвращаться домой с заработанным пайком,

которого до следующего 23 апреля обыкновенно не хватало. По расценкам 1887 г., например, я, юноша 14 лет, заработал, в переводе на деньги, от 23 апреля до 15 октября около 13 рублей, на хозяйских харчах. Обыкновенно являлись дети от хозяев исхудалыми, так как нас кормили хуже, чем взрослых батраков. Отдавать детей к хозяевам считалось несчастьем. Этот вид эксплуатации детского труда существовал только для батрацких детей; дети разночинцев и горожан росли в иных условиях: у них было беззаботное детство, они посещали школу круглый год.

Батрак вынужден был мириться с тяжелой участью своих детей: он был беден, и его семья разделяла его участь бедняка. Он вынужден был отдавать своих детей с самого раннего возраста хозяевам для того, во-первых, чтобы они не голодали и, во-вторых, чтобы дать возможность им зимой посещать местную волостную школу; те батраки, которые своих детей не отдавали хозяевам, должны были платить за право обучения штраф — три рубля. Отдавать своего ребенка на лето вне своей волости батрак тоже не имел права; те, кто это делал, должны были платить штраф — три рубля. Такой порядок был введен для того, чтобы разоренные баронами волости не лишались дешевых рабочих рук. Протестовать против таких рабских порядков было бесполезно, ибо в руках хозяев была мызная полиция и волостная тюрьма. Никакой протест не получал законного выхода. Поэтому напряженность глухого скрытого брожения среди батрачества росла от поколения к поколению, неоднократно давая взрывы, трактуемые при царизме как нарушение общественного спокойствия, караемые казацкими нагайками и тюрьмой.

Самая высшая ступень просвещения и знаний для детей батрака — волостная школа, которая ставила своей задачей наставление в житейских правилах посредством закона божия. Дети учили наизусть десять заповедей, вкратце Ветхий и Новый завет, немного арифметики, географии, и больше

всего времени посвящалось закону божьему, пению духовному и светскому и выработке красивого почерка»².

Будучи любознательным мальчиком, Иоаким хотел учиться, получать новые знания и познавать окружающий его мир. В своих воспоминаниях И.И. Вацетис отмечает, что «большим событием в нашей детской жизни стали первые шаги в книжной премудрости: предстояло научиться читать и усвоить десять заповедей. Без этого в волостную школу не принимали. В Прибалтийском крае издавна существовало обязательное обучение, причем дети должны были попечением своих родителей пройти предварительную подготовку дома. Обыкновенно родители старались давать возможность своим детям учиться в школе пять-восемь зим. Я учился в волостной школе семь зим.

Я начал добровольно учить азбуку и так углубился в эту науку, что незаметно для других выучился довольно сносно читать.

Первую зиму в школе мне было позволено учиться с азов с начинающими. Благодаря этому свободного времени оставалось много.

В школу приходили дети на неделю. Собирались к 10 часам утра в понедельник и распускались в 12 часов в субботу. В субботу входили в класс с трепетом, в особенности ученики, обладавшие слабой памятью, мало одаренные от природы, которые не могли удержать в уме весь научный багаж, приобретенный за неделю...

Метод обучения был патриархальный: «отсюда — досюда выучить». Школа давала слишком ограниченный круг полезных знаний. Волостная школа непосредственно находилась под наблюдением приходского пастыря. К его приезду готовились, как впоследствии я видел в армии, когда ожидали инспекторского смотра строгого начальника дивизии. В обоих случаях все было бесполезно и бестолково. Пастор этот был своего рода оригинал — он считался наиболее демократически

настроенным, так как пьянствовал со всякими, кто только его угощал»³.

С большой теплотой И.И. Вацетис вспоминает своего учителя Г. Ласиса. «Последующие четыре года я учился в Нейгофской волостной школе. Наша волость считалась самой бедной и самой отсталой. Но вот в 1883 г. построили новый дом для школы и выбрали нового учителя Густава Ласиса. Он — воспитанник Ирлавской семинарии, из которой выходили часто отличные учителя...

Программа ученья была изменена радикально. Школьный режим стал другим, совершенно непохожим на тот, что был в окружающих волостных школах. Совершенно была исключена из употребления порка и побои. Эти отжившие варварские приемы, проникшие из Пруссии, он заменил нравственным воздействием на душу ребенка. Преподавание преобразилось окончательно. Мы не тратили более времени на заучивание деталей из священной истории. Книги для классного чтения были заменены новыми. Начали изучение латышского языка. Изучение русского языка велось по новому методу. В свободные часы он выводил нас на лед, учил кататься на коньках и сам отлично катался.

К этому учителю я привязался всей душой. Я отлично учился и пошаливал, хотя и не так, как прежде. Но все-таки я частенько стоял у черной доски. Этот учитель так сумел приохотить меня к книге, что я вне школы, усердно занимаясь, прошел почти столько же, сколько и те, кто учился в школе и летом»⁴.

Молодой И.Вацетис хотел выбиться в люди, получить уважаемую профессию (учителя, доктора, адвоката). Но на учебу нужны были деньги. «К 15 годам у меня сложилось определенное желание продолжать образование в городе в министерском училище, а потом в учительской Гольдингенской семинарии. Перспективы я рисовал себе широкие, но средств не было. Я страшно завидовал детям богатых людей, которые могли

ходить в гимназию. Я хотел стать доктором, пастором, знаменитым адвокатом — только не быть батраком. Мой учитель, заметив мои способности, подогревал эти мечтания, указывая на разные пути, возможные для получения образования. Отец все еще был на прежнем месте батраком, но старшие братья уже зарабатывали и помогали семье.

Весной 1889 г. я пошел на конфирмацию. Она заключалась в том, что две недели под непосредственным руководством пастора заканчивалось религиозно-нравственное воспитание юношей. Мне было 15 лет. Ко дню конфирмации старший брат купил мне сапоги. До сих пор я не имел ни сапог, ни башмаков.

Чтобы продолжать учиться, я остался у моего учителя на положении полуроботника, полупастуха и продолжал изучение предметов, необходимых для переезда в город с целью продолжения образования.

С огромным трудом дело кое-как налаживалось. На семейном совете родители, братья и сестры решили сообща помогать мне, чтобы я продолжал учиться. Осенью 1889 г. я поехал в Гольдинген и выдержал экзамен в старший класс училища министерского просвещения. Это был огромный шаг вперед. В волости все ошалели от удивления: как это удалось мне из волостной школы попасть прямо в старший класс.

Министерское училище в Гольдингене пользовалось доброй славой. Учительский персонал был строгий и хороший. В этом училище имелось два класса и в каждом классе два отделения — младшее и старшее. В каждом отделении надо было учиться год...»⁵.

В министерском училище И.И. Вацетис учился два года. Однако он не только учился, но и подрабатывал на местной спичечной фабрике. В его мемуарах читаем: «Первые дни училищной жизни показали слабость моих познаний по русскому языку и математике. По этим двум предметам пришлось опять много трудиться.

Я поселился сначала в квартире вместе с другими товарищами, которые во многом помогли мне. Жить приходилось очень скромно, даже более чем скромно. Продовольствие присылали из дома с оказией. Немного выручало то обстоятельство, что потом я переехал жить к дальнему родственнику, который как-то помогал.

Я всей душой отдался учению и чтению книг из обширной школьной библиотеки. Так, в подготовке я скоро перегнал своих товарищей, но в материальном отношении было крайне тяжело. После Нового года нужда пригнула и приютившего меня квартирохозяина, и меня самого. Нужно было искать заработок, хотя бы грошовый. Пришлось познакомиться с фабричной жизнью.

Мои родственники работали на спичечной фабрике, и мы получили работу на дом, а именно клеили спичечные коробки. На дом с фабрики отпускали все материалы. Этот труд давал моим хозяевам заработок до трех рублей в неделю. А мне выпадало карманных денег копеек двадцать-тридцать в неделю. Было не до роскоши.

Так первая зима прошла в напряженном труде в школе и дома. По будним дням свободной минуты не оставалось: я был рад, когда в 9 часов вечера мог лечь спать, и усталый засыпал моментально, спал как убитый до 6 утра. Занятия в училище начинались в 8 часов утра и кончались в 3 часа пополудни. В воскресенье после обеда я должен был читать по книге очередную проповедь. Хотя кирха была в городе, туда мало кто ходил.

Знакомств в городе у меня не было. Первый раз в жизни попал в театр, прошмыгнул зайцем. Подошла весна, и состоялся мой перевод без экзамена на старшее отделение. Из дому получил вести неутешительные: там случились различные несчастья, принесшие большой материальный убыток. Другие товарищи разъехались по домам на отдых, а я пошел работать на спичечную фабрику. Надо было заработать деньги на сапоги и про запас, на ученье»⁶.

Понадобилось немного времени, чтобы Иоаким познал все «прелести» фабричного труда. «Проработал я на фабрике два месяца. Что это был за каторжный труд! Двенадцатичасовой рабочий день. Я должен был стоять у ворота и прикручивать рамы со спичками (без головок). Работа была адски тяжелой, страшно болели ноги и руки, ладони сплошь были покрыты мозолями, сухими и лопнувшими, в крови. В комнате находилось 12 машин, трясущихся и издававших страшный шум. Разговоров не было слышно. Работавший у машины хотел больше выгнать заработной платы за день и прямо-таки доводил меня до иступления. Я работал через силу.

Через два месяца работы я заболел грудью и уехал домой отдохнуть до начала учебного года. Сколько я заработал? Всего 21 руб. 60 коп. Из них половину я проел и осталось рублей десять. Но зато эти два месяца, проведенные на фабрике, среди рабочих, дали мне хорошее представление о том, что такое фабричная жизнь.

Второй учебный год прошел так же, как и первый...»⁷

Приближалось время окончания училища, и остро встал вопрос: что делать дальше? Продолжать учебу в каком-то другом учебном заведении или идти работать? Вацетис пишет: «По мере приближения к окончательным экзаменам все чаще и чаще вставал вопрос: что же делать дальше, за что приняться, какую поставить цель в жизни? Это пришлось решать самостоятельно. Учиться дальше при таких средствах, на которые я существовал последние два года, невысказанно. Из министерского училища можно поступить по конкурсному экзамену в Гольдингенскую учительскую семинарию с четырехгодичным курсом. Но надо было дорого платить за учебу, и одеваться надо было лучше, чем я мог это себе позволить.

Я решил искать службу. Написал волостному писарю, просил место помощника при нем. Ответа не получил. Вижу, время уходит. Пока поступил учеником каменщика и стал

усердно изучать штукатурное дело. Я и тут показал хорошие успехи. Работа была хотя и грязная, но очень интересная.

Случайно я наткнулся на объявление командира Рижского учебного унтер-офицерского батальона с приглашением поступать туда. Молодым людям — латышам с образованием училища министерства народного просвещения. В этом объявлении было сказано, что отлично окончившие учебу в батальоне могут поступить впоследствии в юнкерское училище на казенный счет. Объявление создавало впечатление, что Рижский учебный батальон является подготовительной школой к офицерскому званию. Но я был осведомлен до некоторой степени о том, что главная цель этого батальона — выпустить унтер-офицеров. Некоторые неудачники из семинарии и училища министерства просвещения уже там были. Однако я усмотрел возможность учиться за казенный счет и окончательно поставил перед собой цель, составил программу действий.

Целью моих стремлений стало окончить Академию Генерального штаба. Программа была мною выработана такая: кончить учебный батальон, подготовиться в течение одного года для поступления в юнкерское училище, а после этого — в академию.

Итак, я решил. Путь через учебный батальон был тернистым, через звание простого солдата, но все-таки он отвечал более моему настроению: он вел к цели без случайных колебаний, все зависело от меня самого, и я этот путь выбрал. Все стало ясно, труда я не боялся, а тяготы солдатской службы меня тоже не пугали...»⁸.

Иоаким Вацетис с ранних лет вырабатывал в себе твердость характера: однажды приняв решение, он затем стремился во что бы то ни стало добиться поставленной цели. Так было и на этот раз: «3 сентября 1891 г. пополудни я уехал в Тукумс, чтобы оттуда по железной дороге следовать дальше до Риги.

Прощание с родными было тяжелым. Я не был любимцем семьи, но все были со мной хороши и почему-то жалели. Помоему, родные, прощаясь со мной, думали: «Вряд ли еще сви-

димся». Даже отец прослезился, чего никогда с ним не было. Я чувствовал, что начинаю новый период жизни, что впереди много труда, лишений, борьбы за достижение цели, но смутить меня это не могло, остановить меня никто не был в силе.

В Тукумсе я в первый раз увидел железную дорогу и паровоз! По пути в Ригу я в первый раз увидел море!

С вокзала поехал прямо в учебный батальон (он помещался в цитадели), подал прошение и после экзамена был зачислен в четвертую роту рядовым. Через несколько часов я уже из штатского превратился в солдата! Сразу же очутился в новой обстановке.

Повели нас в кабинет командира батальона полковника Гапонова. Перед этим здорово всех стращали его строгостью. Мы замерли. Он начал говорить приблизительно так:

— Вы приняты на действительную службу его величества. На первом месте дисциплина. Когда начальник говорит, то надо смотреть ему в глаза! А ты чего ворон считаешь по потолкам! — вдруг набросился он на одного из моих товарищей. — Выгнать его вон, — указал он адъютанту, — таких баранов нам не надо, и посадить на 5 суток в карцер, а потом коленом под... Вон! — закричал он.

«Ой, да ты угодил в баню, что-то дальше будет», — думал я, выходя из кабинета.

Штаны и мундир были настолько ветхи и излатаны, что через день приходилось накладывать заплатки на дыры. Все надо было делать самому: стирать белье, чинить платье, мыть пол, убирать двор и помещения, столовую, носить воду, чистить картофель, пилить дрова. На душе сразу стало тяжело. Я подумал, как бы уйти из этого батальона.

Всю ночь я не спал. Плакал и размышлял, что делать, что будет дальше. Оказалось, что я многого не знал или не хотел знать. Теперь мне объяснили, что в учебном батальоне я должен учиться два года, после этого прослужить в полку один год и после этого по усмотрению начальства мог быть коман-

дирован на конкурсный экзамен для поступления в юнкерское училище. Если его не выдержу, то должен прослужить еще четыре года на сверхсрочной службе.

Итак, в случае неудачи я могу оказаться закабаленным на военной службе на 7 лет. Кроме того, сама жизнь в батальоне показалась мне чудовищно тяжелой и неприглядной. Я решил уйти из батальона и пристроиться где-нибудь в Риге.

На другой день пошел к своему взводному офицеру и заявил, что желаю уйти и прошу вернуть мне бумаги. Об этом доложили ротному командиру, который вместо ответа и возвращения бумаг приказал показать мне карцер. Вижу, деревянная лавка, стол и табурет и больше ничего. Сидеть 20 суток.

Этого я уже испугался. И тут же заявил, что буду служить. Я дал себе слово исполнять все требования, которые будет предъявлять мне служба, вести себя примерно и учиться для достижения главной цели. Мое решение служить было искреннее и совершенно определенное.

На другой день начались занятия. Гимнастика и словесность, разборка и сборка винтовки и зубрежка названий ее частей, а в свободные часы пришлось работать — набивать тюфяки, пилить дрова, мести улицу. Самым отвратительным было, когда приказывали очищать тротуары около батальона от травы, которую приходилось вырывать руками, сидя на коленях. Было стыдно и как-то грустно, что на это тратится солдатская энергия.

Отношение к работе учитывалось наравне с другими педагогическими приемами. Ротный командир не стыдился сам взять швабру и показать, как надо мыть пол. Офицеры же учили, как надо чинить белье, как содержать себя в порядке. Решительно все объяснялось на примере и показывалось. В конце концов я так втянулся в службу и режим батальона мне так понравился, что служебные тяготы не казались особенно обременительными.

...На старшем курсе занятия проводились главным образом по инструкторской подготовке по чисто специальной про-

грамме. Я пробовал обращаться к учебникам и готовиться к поступлению в юнкерское училище, но было тяжело, режим требовал слишком много физических усилий...

Физически я развивался прекрасно. Из хилого и бледного я сделался краснощеким, широкоплечим и мускулистым. Но умственное развитие, несомненно, приостановилось, то есть регрессировало. Трудно представить себе, что значит провести два года под камертон барабана: вставать по барабану, ложиться по барабану, на завтрак — по барабану и т.д.»⁹

Затем началась армейская служба в качестве унтер-офицера. «Из учебного батальона я был командирован в 105-й Оренбургский полк для дальнейшей службы. Этот полк я выбрал потому, что он был расположен в Вильне, где было юнкерское училище.

Я сделал большой шаг вперед к намеченной цели, так как отличное окончание учебного батальона давало мне право на поступление в юнкерское училище. Кроме того, за службу я буду получать жалованье 13 рублей в два месяца на всем готовом. Это означало, что самостоятельное существование и самостоятельное продвижение к намеченной цели обеспечены. В дальнейшем все зависело от меня самого и часто от непредвиденных случайностей»¹⁰.

В 105-м Оренбургском полку И.И. Вацетис прослужил на унтер-офицерской должности не один год, как он планировал, а два. Эта задержка была вызвана наличием взыскания, наложенного на него командиром полка за некоторую оплошность на смотровой стрельбе. И хотя через месяц это взыскание было отменено, сам факт наказания сыграл свою негативную роль и отложил поступление в военное училище еще на один год.

«Это для меня было большой неожиданностью. Пришлось примириться и еще год тянуть солдатскую лямку. Одно время участвовал в полковом церковном хоре. С командиром полка мы подружились. Позднее он приходил в юнкерское училище навещать меня.

В августе (1895 г. — *Н.Ч.*) был командирован в юнкерское училище, чтобы держать конкурсные экзамены. Экзамены организовали очень оригинально: в течение шести дней были налицо все экзаменаторы по всем предметам, и каждый поступающий мог экзаменоваться в любой день по любому предмету.

Я выдержал все экзамены в один день, сказалось мое серьезное отношение к подготовке. Я сразу увидел, что знаю гораздо больше, чем от меня требовалось, и поэтому сдавал экзамены шутя. Само собой разумеется, я прыгал от радости, когда объявили, что я принят в юнкерское училище.

Начался новый период жизни. Это было 1 сентября 1895 г.»¹¹.

Источники и литература

¹ *Вацетис И.И.* Моя жизнь и мои воспоминания // Даугава. 1980. № 2. С. 92—93.

² Там же. С. 93—94.

³ Там же. С. 97.

⁴ Там же. С. 97—98.

⁵ Там же. С. 98.

⁶ Даугава. 1980. № 3. С. 85—86.

⁷ Там же. С. 86.

⁸ Там же. С. 86—87.

⁹ Там же. С. 87—88.

¹⁰ Там же. С. 88.

¹¹ Там же. С. 90.

В УЧИЛИЩЕ И АКАДЕМИИ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА

В военно-исторической литературе есть немало воспоминаний лиц офицерского и генеральского состава (хотя по сути генералы являются теми же офицерами, но только высшего ранга)

об их учебе в военном (юнкерском) училище. Каждое из таких свидетельств, несмотря на общие положения о постановке учебного процесса, является сугубо индивидуальным, неповторимым, а посему и представляет особый интерес для исследователя, занимающегося той или иной эпохой. Воспоминания И.И. Вацетиса о периоде его учебы в Виленском юнкерском училище вносят существенный вклад в копилку знаний о системе подготовки офицерских кадров российской армии в конце XIX века.

«Мне шел 22-й год. С виду я был совсем юноша. С поступлением в юнкерское училище я вместо прежнего жалования теперь получал 3 рубля в два месяца при содержании на казенный счет. Можно жить, не получая из дома ни копейки. Это было для меня чрезвычайно важно, так как на помощь из дома рассчитывать я не мог.

Итак, снова тяжелый труд, который нужно преодолеть во что бы то ни стало. Каждому юнкеру была выдана инструкция, как себя вести. Эту инструкцию я основательно усвоил и старался строго выполнять. По строевой части я был выше других юнкеров. По учебной же части приходилось здорово налегать. Но я все-таки одолел. К рождеству я был в числе лучших по успехам.

Юнкерское училище — это богатейшая коллекция раритетов. Двух похожих друг на друга юнкеров найти почти невозможно. Юнкерский состав пополнялся из представителей всех сословий, направлений, наклонностей, умовоззрений. По своей подготовке ценз юнкеров был ниже среднего, то есть тот, что «оставлял желать лучшего». Там были князья, графы, бароны, виконты, потомственные дворяне, мещане, крестьяне, батраки и так называемые «кухаркины дети». Большую часть составляли представители среднего класса. Такой разношерстный состав юнкеров не был склонен без противодействия подчиниться суровому режиму.

Вставали по барабану в 6 часов утра, спать ложились в 10 часов вечера. Эти шестнадцать часов я был занят настоль-

ко, что у меня не оставалось ни минуты свободного времени. Свободное время считалось только от 5 до 6 часов вечера, я обыкновенно проводил его за чтением в библиотеке. При училище была отличная библиотека. Я принялся за чтение русских классиков.

В тон учителям я попасть не мог: там, где требовалось простое усвоение знаний, я выступал с неуместным анализом, делая это большей частью интуитивным путем. Мой ум работал, что называется, на всех парах. Курс был слишком обширен, чтобы пройти его основательно за восемь месяцев.

По вечерам — от 8 до 8 часов 20 минут — в столовой учился танцевать. В Виленском училище было принято, чтобы юнкера хорошо танцевали. Многие юнкера на наших балах теряли сердце и рассудок. Никогда позднее в гарнизонных собраниях я не видел такие роскошные балы, как в Виленском училище.

...На рождество я поехал в отпуск. Более четырех лет не видел родных. Был сильный мороз, когда я на ст. Ауце вышел из поезда. Я же одет совсем не по сезону: юнкерская шинель, легкие сапоги, барашковая шапка, даже без теплого белья. Взял извозчика. Отъехали верст десять. Мороз стал пронизывать страшно. Версты три прошел пешком, опять поехал, опять пешком. А ехать надо было 35 верст до Фрауенбурга.

Во Фрауенбурге меня встретил старший брат. Сейчас же дали несколько стаканов горячего чаю с ромом, оттерли уши, сняли сапоги и оттерли ноги. Часа два-три я проспал и... встал как ни в чем не бывало. Потом поехали дальше в Нейгоф.

Мой отец был по-прежнему батраком, жил в той же комнате. После этого отпуска для меня стало вопросом будущего создать безбедную и уютную жизнь моим старикам»¹.

Представляют интерес и зарисовки, сделанные И.И. Вацетисом относительно порядков, традиций училища, межличностных отношений между юнкерами. «Вечерняя поверка юнкеров происходила в длинном коридоре, где вся рота строилась развернутым фронтом в две шеренги. Впереди строя стояли

взводные портупей-юнкеры и фельдфебель (из юнкеров). На вечернюю поверку ежедневно являлся сам ротный командир и обходил роту по фронту, осматривая каждого юнкера. Даже после проверки юнкер не мог сказать, что его сегодня ни за что не взгреют. Нет! Наказание могло последовать и во время сна, если окажется, что вещи сложены не согласно инструкции.

Мы старались всевозможнейшими способами поддержать друг друга, не выдавать товарища. Юнкерам строго запрещалось курить в спальне. За такую провинность сажали в карцер на пять суток на хлеб и воду. И вот в нашей спальне, в которой я был за старшего, смотрю, юнкер З-ко, нагнувшись к печке, курит и дым пускает в печку.

Я подошел и говорю юнкеру З-ко, чтобы бросил курить, а он продолжал затягиваться. Вдруг раздается «Смирно!». З-ко ошалел и, бросив дымящийся окурочок на пол, ретировался. Подошел ротный командир и, увидев окурочок у моих ног, крикнул мне:

— Почему вы здесь курите?

Я ответил, что некурящий.

А кто же курил?

Отвечаю:

— Я не заметил.

— То есть как это вы не заметили? — кричит ротный и с удивлением смотрит на меня. — Вы не заметили? Так знайте, юнкер Вацетис, что за такую службу я вас вышвырну за борт-с. Вы-с не заметили-с? Четыре дневальства вне очереди. А в следующий раз я вас за борт-с!

Это называлось по-юнкерски выручать товарища.

Весной переходной экзамен. В нашем отделении было всего 34 юнкера. Из них перешли на старший курс 18 человек, остальные частично были исключены, частично остались на второй курс в младшем классе. На экзамене резали беспощадно. Для подготовки к экзамену давалось всего два дня. За такой короткий срок повторить весь курс немислимо.

Самые свирепые экзамены были по математике, физике и географии. Все три названных экзамена действовали на юнкеров как сильные потогонные средства.

После экзаменов был устроен шикарный бал. Лето провели в лагерях, тут же в училище. Осенью я был переведен на старший курс и как один из лучших назначен взводным командиром (портупей-юнкером). Этому я мало обрадовался, так как взводным командиром быть в училище крайне тяжело.

Осталось до выпуска две недели. Настроение в старших классах приподнятое, нервное. В глубокой тайне конференция заседает уже два дня, решает судьбу каждого юнкера старшего курса. От результатов решения конференции зависит дальнейшая судьба. Выпускают из училища по первому, второму и третьему разрядам. Быть выпущенным из училища по первому разряду означает, что через два месяца будешь офицером. Выпущенные по второму разряду служат подпрапорщиками по два-три года. По 3-му разряду выпускались в том состоянии, какими были при поступлении в училище, они могли быть представлены в офицеры по особому экзамену, но не ранее года.

Призы по стрельбе были уже разыграны: мне присуждены серебряные часы. Разыгрывались также призы по гимнастике, по фехтованию на ружьях, эспадронах и на рапирах.

Состязания на призы происходили публично. Присутствовало много дам. Победителю устраивалась овация. Я получил два училищных приза. Первый — по гимнастике на турнике, на трапедии и на кольцах — часы. Второй приз — за бой на ружьях — револьвер. В обоих случаях я победил своих противников как из нашей, так и из второй роты.

В день выпуска все училище построено. Ждут командующего войсками округа. Командующий войсками поздравил нас с производством в подпрапорщики (только двое выпущены рядовыми по 3-му разряду) и роздал призы. Церемониальный марш. В тот же день получили бумаги на отправление в полк.

Я выбрал 2-й Ковенский крепостной пехотный полк, куда на другой день отправился.

Из училища нас выпустили подпрапорщиками. В служебной иерархии подпрапорщик занимал среднее положение между офицером и нижним чином. Но на практике на офицерство подпрапорщик смотрел восхищенными глазами, а от массы нижних чинов держался изолированно! Положение подпрапорщика вообще было трагикомичным. В офицерское собрание он имел право прийти только пообедать и поужинать. На танцевальный вечер вход ему был закрыт. В поезде подпрапорщик должен был ехать в третьем классе, из второго класса его мог вышибить первый попавшийся офицер»².

Прощаясь с училищем и своим юнкерским прошлым, И.И. Вацетис подвел итоги пройденного пути: «Результатами своих училищных трудов я был доволен: кончил по первому разряду с тремя призами, через три месяца мог стать офицером. Я шел верным путем к намеченной цели. В кармане около 7 рублей. В полку до производства в офицеры буду получать 20 рублей в месяц. Конечно, этого мало для существования. Я решил в случае надобности перейти на солдатскую кухню. Иначе на 20 рублей жить нельзя. Если бы не эта вечная забота о том, как свести концы с концами, то мог бы считать себя одним из счастливейших людей в мире. Правда, я был один, вернее одинок, как улитка.

Мне совершенно не жалко было расстаться с училищем, которое не было для нас, юнкеров, «Альма матер». Училище мне рисовалось вроде мастерской с пороховым двигателем, где нас обрабатывали, а потом, когда пришло время, раскидывали по всей матушке России. Четыре года назад мне было очень трудно расстаться с учебным батальоном. Я с большим удовольствием вернулся бы туда. Но вторично попасть в училище? Нет!

18 ноября 1897 г. я был произведен в офицеры и переведен в 3-й Ковенский крепостной пехотный полк на должность

младшего офицера. Перевод в этот полк мне не очень был по сердцу, так как у нас имелись сведения о внутренней жизни этого полка не особенно приятные. В течение последних лет там происходили многочисленные скандалы, на почве коих из полка было уволено более двадцати офицеров»³.

Рассказывая о начале своей офицерской службы, И.И. Вацетис пишет: «Первые шаги каждого молодого офицера отмечались рядом более или менее серьезных или игровых промахов, без этого обойтись было невозможно. Служебная обстановка была незнакомая. Обыкновенно было так, что один ротный командир смотрел на младшего офицера как на помеху, он-де только портит солдат. Другой же, наоборот, передавал в неопытные руки младшего офицера всю роту. Мой ротный командир был из последней категории.

Сам ротный командир в русской армии представлял из себя некий индивидуум, которого всякий вышестоящий начальник третировал, терзал и гнул в бараний рог, но никто не учил. Неся колоссальную ответственность за благосостояние и обучение роты, он являлся единственным лицом в армии, которое обязано было безапелляционно отбывать скучную и трудную казарменную барщину без особенной перспективы насчет повышения по службе.

Чтобы сделать служебную карьеру, чтобы не состариться в капитанском чине, надо было попасть в штаб-офицеры за отличия, обогнать своих товарищей. Из таких был мой ротный командир. Он был из числа тех, кому во что бы то ни стало надо составить себе служебную карьеру, чтобы подравняться в общественном положении со своими высокопоставленными родственниками по жене: он был женат на дочери коменданта одной крепости.

К этому господину я и попал в роту. Позднее я узнал, что он очень хлопотал об этом, имея в виду использовать мои отличные строевые способности с целью постановки обучения в роте лучше, чем в других»⁴.

Попав в гарнизонную среду, И.И. Вацетис наблюдает, анализирует ее состояние, влияние на молодых офицеров, делает для себя выводы, в большинстве своем выводы нужные и верные. «Я попал в общество, которое было выше меня по воспитанию, кроме того, я был офицером из солдат, то есть из мужиков. Ко мне присматривались, изучали, составляли оценку. Ареной соревнования на высшую оценку служил, как и везде, паркет гарнизонного собрания. Экспертами были, как ни странно, не сами действующие лица — любительницы потанцевать, а те мамыши и тетушки, которые обыкновенно рассаживаются вдоль стен зала так, чтобы не мешать танцующим.

В танцевальном зале было большое оживление. На хорошего танцора был большой спрос. Я, хотя числился в училище в числе хороших танцоров, любил глядеть на кружащиеся пары и рассуждать о пользе танцев. Как только что произведенный в офицеры, я был одет с иголочки. Соседки бросали на меня взгляды, выражая удивление, что я забрался на неподобающее мне место.

Я внимательно следил за моим ротным командиром, который танцевал с нашей полковой дамой. Он танцевал плохо, а она — шикарно. Они не были парой на паркете, однако видно было, что он старается заслужить ее внимание, но без заметного успеха. Дама им тяготилась. Во время танца с фигурами кавалер (и мой начальник) по неловкости запутался и оставил даму посреди зала. Она посмотрела на меня. Я вскочил и пригласил ее «до прибытия» ее штатного кавалера. Но по ее желанию мы протанцевали один лишний тур мимо него. Это маленькое событие имело последствия. Первым последствием было то, что у меня сразу же испортились отношения с начальником. Вторым (было) то, что эта дама пригласила меня составить тройку в котильоне* а затем уже я с ней много

* Танец, которым обычно заканчивался бал.

танцевал на этом вечере, а не мой ротный командир. Во всяком случае, хорошо танцующему молодому офицеру было гораздо легче войти в общество, чем не танцующему.

Занятия в роте отнимали весь день: утром от 8 до 12, днем от 3 до 6 часов. Свободно располагать я мог только вечерним временем. Строевая служба требовала большого напряжения физических сил, часам к девяти вечера глаза слипались. Месяца через два я уже вполне ориентировался в новой обстановке, меня считали прекрасным строевиком и молодым офицером, не чуждающимся общества.

И действительно, я очень исправно знал строевую службу и исполнял ее усердно. С солдатами обращался гуманно, занятия вел умело и разнообразил их настолько, что мои солдаты никогда не скучали. За это я пользовался большой любовью у них»⁵.

Несмотря на занятость по службе в полку, И.И. Вацетис не забывал своих родных и близких. На рождество я поехал домой на свадьбу сестры. Эта свадьба произвела на меня чрезвычайно глубокое впечатление. Она происходила в той самой избе, которую я описал выше и в которой мой отец жил, кажется, тридцать четвертый год. Отцу было около 70, он все еще должен был работать батраком. Изба наша имела очень плачевный вид, хуже, чем прежде. Людей было много. Они нанесли в комнату снега столько, что под конец глиняный пол обратился в какое-то месиво. В комнате стало сыро и неудобно. Знакомые и мои школьные товарищи стали серьезными отцами семейств, старики еще более состарились.

Я всем понравился: старикам — тем, что говорил с ними, с молодежью хорошо повеселились. Я сравнил это общество с тем, в которое попал в Ковно. Разница была большая. Но сердечности, душевной и искренней теплоты было неизмеримо больше. среди этих простых людей эти качества полностью господствовали. Если бы я задался целью найти людей многоуважаемых в буквальном смысле этого слова, то я ис-

кал бы их именно среди этих простых, честных, милых и не знающих лукавства людей.

...Я уехал из дома в очень подавленном настроении. Мне хотелось во что бы то ни стало вывести моих родителей из того бедственного положения, в котором они находились, их старость следовало обеспечить, они должны были жить безбедно и иметь заслуженный отдых. Рассеянный образ жизни, который я начал после производства в офицеры, должен быть введен в определенные рамки. Жить я должен скромно, кое-что откладывать из содержания (я получал 48 рублей в месяц), жить по средствам.

О моей будущей служебной карьере задумываться не приходилось. Здесь вопрос ясен. Вырисовывались две перспективы. Если я ограничусь тем, чего достиг, и учиться не буду, а поплыву по житейскому течению, то останусь заурядным армейским офицером с весьма ограниченной будущностью, без карьеры. Если я буду учиться, готовиться в академию и если я окончу ее, то будущее улыбается широко-широко. Я крепко остановился на последнем решении, тем более что это отвечало моим давнишним мечтаниям. Попасть в академию, получить высшее образование, почувствовать под ногами твердую почву на широком служебном поприще — это составляло конечную цель моих устремлений»⁶.

В своих воспоминаниях Иоаким Иоакимович подробно рассказывает о том, как он готовился к поступлению в Академию Генерального штаба: «Итак, решено снова засесть за книги. Серьезное отношение к службе и серьезное отношение к подготовке в академию! Я начал с иностранных языков и математики. Особенно много трудиться приходилось над французским языком, которого я совершенно не знал. Главным руководством служил самоучитель Туссена и Лангеншейдта. Много пришлось заниматься литературой, прочитал всех классиков — русских и иностранных. Необходимо было следить за политической жизнью современных государств

и за внутренней политикой России. Чтобы в этом отношении постоянно накапливать знания и расширять кругозор, я абонировал лучшие политические газеты — русские, немецкие и французские.

Я читал газеты всех направлений, начиная от крайне правых и кончая левыми органами печати. Последние в виде заграничных изданий я получал от знакомых студентов. Вскоре я стал серьезно разбираться в целях, преследуемых различными политическими партиями. Но программная сторона партий для меня все-таки оставалась «terra incognita», существенный смысл которой надо было научиться усваивать. Я почувствовал склонность левым политическим течениям, что в свою очередь побудило меня заняться изучением социологии.

Кстати, было принято считать, что офицерская среда осталась глуха, индифферентна к политическим явлениям внутри государства. Это не совсем так. Многие офицеры были основательно знакомы с новейшими политическими течениями и с глубоким интересом следили за той борьбой, которая происходила внутри государства на революционной почве. Многие молодые офицеры снимали мундир и переходили на частную службу, чтобы принимать участие в прогрессивном движении. Офицеру трудно было услышать смелое критическое слово на политическую тему. В офицерских собраниях разговоры на политическую тему не допускались. Такие разговоры велись по квартирам.

...Однако в каждом полку мы могли встретить двух-трех офицеров, превосходно разбиравшихся в революционных доктринах, основательно знакомых с партийными программами. Я знал одного офицера, который ходил на фабрики выступать перед рабочими. От него я впервые услышал, что революцию в России может и должен провести рабочий класс. Сближаясь с этой группой офицеров, получая от них литературу и разъяснения политических доктрин, я в конце концов почувствовал

сам, что очутился в новом мире стремлений и мыслей. Мой ум стал обогащаться такими знаниями, каких у многих не было. Я почувствовал потребность стремиться к широкому знанию дозволенного и недозволенного законами. Став на этот путь, я уже не мог слиться с той офицерской массой, которая чем дольше служит, тем более сужает свои горизонты, тем более специализируется в определенном служебном направлении.

В полку оказалась на редкость хорошая библиотека. Мне не приходилось видеть ни в одном полку каталог, в котором так много места было бы отведено философии, социальным наукам, политической экономии и новейшей литературе. За эту библиотеку я принялся, с усердием изучая ее богатое и разнообразное содержание. Кроме того, у меня незаметно вошло в обычай ежемесячно покупать несколько новейших книг. Этого обычая я придерживаюсь до сих пор.

Занятия по подготовке в академию я вел систематически и с неослабевающим упорством. По мере углубления в академическую программу я удалялся от аппликационного способа усвоения предмета. От того метода, по которому я работал до сих пор. Академическая программа (вступительная) настолько обширна, что вы зубрить все предметы невозможно. Из каждого предмета надо было сделать выборки и внимательно следить за литературой — военной и общей.

Восемь лет я занимался таким образом и могу сказать, что был подготовлен к слушанию академического курса основательно»⁷.

За эти восемь лет И.И. Вацетис рос не только в общеобразовательном, политическом и культурном отношении. — он продвигался и по служебной лестнице. Получал очередные воинские звания. Так, в 1899 г. (через два года после окончания училища) он получил в своем полку роту, которой командовал до лета 1902 г. В том же году И.И. Вацетис стал поручиком. Когда ему предложили принять роту в Рижском унтер-офицерском батальоне, он немедленно дал свое согла-

сие, вспомнив свое пребывание в нем в качестве рядового. Вскоре И.И. Вацетис отличился на состязаниях по стрельбе из винтовки, завоевав приз. Два года он командовал ротой, потом стал исполнять обязанности батальонного адъютанта. В августе 1905 г. И.И. Вацетис был произведен в чин штабс-капитана, а в 1906 г. награжден орденом Св. Станислава 3-й степени.

«В академию надо было пройти через двойной фильтр, предстояло выдержать предварительный экзамен при штабе округа по полной вступительной программе, а затем при академии — конкурсный экзамен*.

Вступительный экзамен я выдержал отлично. У всех профессоров я получил отличный балл. Экзамен продолжался с 20 августа до 26 сентября. После этого экзамена первый раз в жизни я почувствовал, что такое умственное переутомление. Последний экзамен был по математике. Мне пришлось пробыть у доски около четырех часов, что меня до крайности утомило. Пообедав, я прилег, но не мог заснуть. Мысль страшно работала, отыскивая какие-то логарифмы, а мозг, как иглами, тыкали тангенсы, котангенсы, синусы и косинусы. Я думал, что серьезно заболеваю. Через неделю отдыха я поправился.

Однако это было начало тяжелого недуга, которым я страдаю до сих пор и который постепенно прогрессирует. С тех пор у меня начал в голове формироваться какой-то шум. Сначала я не знал, что тот шум, который я явственно слышу, у меня в голове. По-видимому, нервы в академии были сильно напряжены.

...В Академию Генерального штаба я поступил осенью 1906 года. Это событие положило грань к новому событию в моей жизни. Мне шел тридцать третий год. Я был уже женат.

* При поступлении в Академию Генерального штаба предстояло выдержать экзамены по уставам, тактике, артиллерии, фортификации, основам военной администрации, а также по математике, политической истории, географии, топографическому черчению, русскому и иностранному языкам.

В академии предстояло учиться три года. Значит, я окончательно распрощаюсь с учебниками на тридцать шестом году жизни.

Я нанял квартиру напротив академии и устроился так, что предаваться научным занятиям было вполне удобно.

Тому, кто не был в академии, трудно себе представить, что такое на самом деле там делается, что она из себя представляет. Общее мнение такое, что Академия Генерального штаба по обширности и по глубине своего курса находится во главе всех высших учебных заведений. И это мнение нисколько не грешит против действительности.

Академия Генерального штаба давала каждому столько, сколько вмещали его умственные способности и желание освоить науку.

Военные предметы* изучались с исчерпывающей полнотой. Кроме военных дисциплин преподавались следующие предметы: русская история (читал профессор Платонов); всеобщая история девятнадцатого века (профессор Форстен); государственное право (профессор Цизирев); статистика иностранных государств и статистика России; русская и иностранная литература (профессор Котляревский); международное право; геодезия (генерал-майор Шарнгорст).

При академии находилась самая обширная библиотека. Кроме того, по заявлению слушателя выписывалась на казенный счет любая книга.

Отношение слушателей к академическим занятиям было различным. Добрая часть смотрела на них так: надо только усвоить требуемые программы, чтобы получить на экзамене высокий балл, чтобы получить право на перевод в Генеральный штаб. Про таких говорили, что они стараются только обеспечить себе крышу, то есть попасть в Генеральный штаб

* К военным предметам относились тактика, стратегия, военная администрация, военная статистика, история и др.

и служить в штабе. Большая же часть относилась к академическим занятиям, как студенты. В числе этих был и я.

Мы старались из аудитории вынести как можно больше знаний материала, которые дополняли при самостоятельной работе, сопровождая ее собственным анализом. Лично я старался во всех вопросах найти определенный критерий, который я понимал как выработку в себе способности во всех случаях практической жизни самостоятельно решить, что нужно для достижения поставленной цели и что этому вредит.

...В аудиториях порядок занятий был лекционный, то есть каждый профессор в течение семестра должен прочитать свой курс, а затем весной на экзамене требовать отчета от слушателей. Такой порядок был очень хорош, в особенности для тех слушателей, которые отдавались академическим занятиям с полной серьезностью. Само собой разумеется, что для такого рода отношения требовалась хорошая подготовка слушателей. Другой способ — репетиционный — заключался в том, что профессор после нескольких лекций требует от слушателей отчета. Этот метод, по-моему, хуже. Он рассчитан на слушателей с низким подготовительным цензом и против лентяев, лодырей. Этот метод хорош для средних учебных заведений.

Военные предметы читались талантливыми профессорами, сумевшими заинтересовать слушателей даже на своих лекциях по наиболее сухим предметам. Из предметов военных я особенно увлекался лекциями академика Нестора Александровича Котляревского. Он читал нам на младших курсах русскую литературу. Его лекции произвели на меня самое глубокое впечатление...

Не менее интересны были лекции по русской истории профессора Платонова и по истории девятнадцатого столетия профессора Форстена.

Много внимания я уделял докладам на дополнительном курсе. Там каждый офицер должен разработать совершенно самостоятельно три доклада или диссертации. Доклады чи-

тались перед всей аудиторией. Оппонентами назначались два профессора. Иногда на докладах присутствовал начальник академии. Станным казалось мне, что на этих докладах мало присутствовало слушателей, почти только те, кто должен был делать это по обязанности. А между тем польза от этих докладов была для присутствующих огромная.

Первый год прошел в самом упорном труде. Подоспела весна и экзамены. Было не до шуток. Экзаменуют очень строго, а курс каждого предмета огромный. Чрезвычайно характерным был первый день экзаменов. Это бенефис для каждого из нас. Это пробный шар. Экзамен — это скачка через препятствия в Генеральный штаб, а чтобы туда попасть, надо отлично окончить академию: иметь не менее 10 баллов в среднем.

Выше я упомянул, что в академии существовала лекционная система. Поэтому в течение всего семестра, около шести месяцев, слушателей никто не беспокоил, профессора не интересовались тем, кто занимается, а кто лодырничает, академическое же начальство следило только за тем, чтобы лекции исправно посещались, для чего надо было расписываться ежедневно в именном списке. Вообще экзамен служил для перегруппировки слушателей, не имеющих надежду на Генеральный штаб и на имеющих таковую. Например, при мне при переводе из младшего на старший курс (приступило к экзаменам 114 человек) перешло 78 человек, 36 срезались и были отчислены из академии в полки. При мне же перешли из старшего курса на дополнительный курс из 78 человек только 52 человека, 26 — срезались и были отправлены в полки. Из этих 52 попал в Генеральный штаб 41 человек, восемь признаны окончившими успешно, а трое отчислены в полки. Таким образом, из 114 поступивших попали в Генеральный штаб только 41.

Первый же экзамен положил начало для группировки на избранных и неудачников. Здесь необходимо остановиться на одной подробности, пусть маленькой, но характерной. Дело в том, что слушатели академии во время первого года неволь-

но держались обособленно: гвардия с гвардией, армейские офицеры составляли другую группу.

В течение первого года эти группы были настолько отчуждены друг от друга, что многие между собой ни разу не говорили. Гвардия не могла отказаться от своей фанаберии, армия считала ненужным заискивать перед гвардией.

В академической столовой гвардейцы имели свой особый стол для завтрака. Среди них, между означенными двумя группами, (находились) бедные гвардейцы неаристократического происхождения и представители армейской кавалерии, не принятые в гвардейских кругах. Гвардейцы в течение первого года шикавали, в особенности гвардейская кавалерия. После завтрака многие гвардейцы удирали из академии...

Академическое начальство и весьма значительная часть профессуры смотрели на гвардейцев как на самый желанный контингент для комплектования Генерального штаба. В мое время был даже один профессор, который, обращаясь к гвардейцу, говорил так: «Когда вы будете в Генеральном штабе...», а обращаясь к армейцу, говорил иначе: «Если вы будете в Генеральном штабе...».

Я был офицером крепостного полка, т.е. из самой глубокой армии. Но все-таки я не могу сказать, чтобы ко мне была проявлена несправедливость. Однако все же двузначный балл давался гвардейцу легче, чем армейцу...

На первый экзамен шли с большим волнением. Получить 11 или 12 баллов на первом экзамене, в особенности по одному из главных предметов, значило подъем духа, уверенность в своих силах. Зато провал на первом экзамене приносил не только огорчение, но и необходимость стараться на будущих экзаменах наверстать его. Второй и третий экзамены уже окончательно намечали группировку сил и настроения. Результаты экзаменов могли служить правдивой вывеской умственных способностей слушателя. Само собой разумеется, что я не допускаю даже и мысли о том, что по результатам экзаменов можно судить о талантливости и тем более о гениальности человека...

К концу экзамена на первый план выступили наиболее способные, признак привилегированности рода оружия (гвардия) утрачивал свою привлекательность. Предметом зависти становились наиболее способные, получившие высокую оценку на экзамене.

Я выдержал переходной экзамен из младшего на старший курс в общем удачно...

К концу экзаменов ряды слушателей значительно поредели: из 114 почти четвертая часть срезалась. Выдержавшие экзамены отправились на полевые съемки. Мне достался участок у станции Плюсса...

В середине июля началась новая поездка. Мне достался участок в районе Павловска. Ежедневно по вечерам я посещал Павловский курзал (зал отдыха. — *Н.Ч.*), где слушал музыку. Здесь я впервые научился понимать музыку и стал увлекаться ею. Моей мечтой было создать хороший оркестр. Формируя в конце 1915 года в Риге 5-й Земгальский латышский полк, я получил возможность осуществить ее.

После полевых работ, которые закончились для меня отлично, я поехал на три недели в отпуск в Ригу»⁸.

На старшем курсе И.И. Вацетис учился так же старательно, как и на младшем. Все предметы были очень серьезные и было много практических занятий. В частности, среди этих учебных дисциплин была и статистика, которой Иоаким Иоакимович очень заинтересовался.

«На выпускном экзамене для перевода на дополнительный курс надо было иметь не менее 10 по сочинению. Мои занятия увенчались большим успехом: на экзамене я писал сочинение на тему: «Причины влияния наполеоновских войн на увеличение национального чувства в Европе в начале XIX столетия». На работу дано было четыре часа, и моя работа была оценена всеми тремя профессорами, оценивавшими сочинения, достойной высшей отметки — 12 баллов.

Выпускной экзамен я выдержал сравнительно хорошо, имея одиннадцать баллов в среднем.

Предстояла летняя работа. Состоявшая из съемки, поездки в Ковно для осмотра крепости, полевых поездок. На съемках я был в Новгородской губернии около города Валдая. Более интересная была поездка в Ковно для осмотра крепости. В этой крепости я начал свою офицерскую службу на должности младшего офицера 3-го крепостного полка. Все крепостные сооружения мне были хорошо знакомы по прежней службе.

На вокзале меня встретили представители от общества офицеров полка, приветствовали меня и пригласили в лагерь в офицерское собрание на ужин. Меня до слез обрадовало такое внимание товарищей. Два дня я провел в полку среди товарищей, делясь воспоминаниями.

...После полевых поездок, которые закончились около 20 сентября, подводились итоги. Общее внимание было обращено на то, кто будет удостоен перевода на дополнительный курс, а кто — должен ехать в полк. Один профессор говорил, что ничего нет легче, чем отчислить из академии офицера: надо только поставить на одну сотую балла меньше того, что требуется. Вот этого обстоятельства мы, армейцы, очень опасались, многим оно принесло разочарование.

В день конференции академия была битком набита офицерами. Заседали долго. Я был в числе окончивших академию по первому разряду и переводился на дополнительный курс* с награждением академическим значком. Когда я шел домой

* На дополнительный курс зачислялись лишь те из слушателей, которые окончили оба основных курса по первому разряду. К тому же, начиная с 1907 г., эти слушатели по основным предметам должны были иметь полных 10 баллов. Общее количество слушателей дополнительного курса каждый год определял военный министр. Дополнительный курс был предусмотрен главным образом для практических занятий с офицерами, которые после его окончания готовились служить в Генеральном штабе.

из академии, мне припомнилось, что 17 лет тому назад я поступил в учебный батальон рядовым. Тогда я вступил на путь тяжелой военной службы со светлой мечтой добиться высшего образования, идя военной дорогой. Теперь моя мечта сбылась. Я был счастлив. Я пришел домой (семья была в Риге) и от радости не знал, что делать. Вечером же уехал в Ригу в отпуск до 1 октября⁹.

На дополнительном курсе были свои трудности, в основном связанные с разработкой и защитой военно-стратегических и военно-исторических тем. Об этом И.И. Вацетис достаточно подробно рассказывает в своих воспоминаниях: «На дополнительном курсе дают для разработки темы. Первая тема военно-историческая. Мне досталась четвертая революционная война во Франции в 1794 году.

Тема чрезвычайно интересная. Я изучил богатейший литературный материал об этой кампании. Но овладеть темой мне все-таки не удалось. Я чувствовал какую-то усталость, перешедшую в равнодушие.

Что касается моих оппонентов, то от одного из них я с уверенностью не мог ждать ничего хорошего. Этот профессор (Вацетис не называет его фамилию, однако есть веские основания полагать, что им являлся полковник М.Д. Бонч-Бруевич. — *Н.Ч.*) отличался крайним самолюбием и раздражительностью...

Другой оппонент был в высшей степени тактичным и выдержанным.

За 50 минут я должен был доложить всю эту огромную кампанию. Начали говорить оппоненты. Первый по обыкновению начал безбожно критиковать: «Это нехорошо, это неправильно, это не так...» Но ни разу не сказал, как хорошо, как нужно и как правильно. Я стал возражать и очень удачно. Он стал горячиться. Я уличил его в незнании фактической стороны этой войны. Он еще больше рассердился. Но все-таки, увидев, что я не из тех, которые пасуют, оборвал оппонирование, заявив мне, что я их «хорошо» не выскочил...

Другой оппонент оценил мою работу на «очень хорошо». Значит — 11. В результате в окончательном выводе я получил 9,5 балла за эту тему. Я отнесся к этому равнодушно, но присутствовавшая аудитория нашла оценку неправильной, очень низкой.

Должен заметить, что у меня не было особенно большого желания служить в Генеральном штабе. Штабная работа мне вообще не нравилась. Кроме того, я не подходил у этой корпорации вследствие своего плебейского происхождения. Я не хотел быть в Генеральном штабе последним, я хотел быть в строю, но первым.

Вторая тема была отвлеченная. Мне досталась такая тема: «сравнительное значение для Германии в военном отношении Восточной Пруссии и Эльзас-Лотарингского плацдарма». Эту тему можно разрабатывать двояко: или как военно-географическую, или же как чисто стратегическую.

Я написал доклад, взяв за основу тогдашнюю группировку европейских государств. Я допускал, что подготавливается европейская война. Группировку держав представляли с одной стороны Россия, Франция, Англия, Сербия и Болгария, с другой стороны — Германия, Австрия и Румыния. Турция и Италия — нейтральны. Я доказал, что Германия нападет на Францию через Бельгию, нарушив нейтралитет, что это заставит ввязаться в войну Англию. И как вывод определил, что Эльзас-Лотарингский плацдарм будет иметь второстепенное значение как для Франции, так и для Германии.

Что касается Восточной Пруссии, то значение ее вывел из того обстоятельства, что германский флот, уступая англо-французскому, должен будет на Северном море вести оборонительные действия, но зато разовьет всю свою мощь в сторону Балтийского моря, господство на котором ему бесспорно обеспечено.

На этом докладе присутствовал сам начальник академии (генерал Д.Г. Щербачев. — *Н.Ч.*). Окончив доклад, я заметил

на лице моих оппонентов недоумение. Как прежде, так и на этот раз профессор (М.Д. Бонч-Бруевич. — *Н.Ч.*) начал с жесточайшей критики и вел свою критику бестолково. Я хотел возражать, И я чувствовал, что если бы дело происходило в свободной от воинской дисциплины аудитории, я своего оппонента разгромил бы наголову. Кончилось тем, что этот профессор отказался оппонировать мне, заявив, что считает мой труд лишь удовлетворительным.

Другой оппонент отделался полусловом и воздержался от завязки спора со мной. Заявив, что считает мою работу неудовлетворительной. Но тут начальник академии вступился за меня и в своем разборе высказал много лестного по поводу моей работы. Результат — 8 баллов. Так что (все) клонилось к тому, что я в Генеральный штаб не попаду, так как за третью тему мне надо было получить 11,5 (балла). Но такой высокий балл редко кто получает, ибо третья тема очень сложная и трудная. В нее входит стратегия, тактика, статистика, военная администрация и железнодорожное дело. Я решил эту задачу разработать на балл душевного спокойствия, то есть на 7, но я ошибся, так как получил семь и три четвертых балла.

Третья тема представляла собой очень интересную работу. На докладе этой темы у меня вышел курьезный инцидент со всеми тремя оппонентами. Инцидент начался с оппонента по тактике. Замечания которого по поводу моей работы показались мне несправедливыми, а мои возражения оппонент счел неосновательными. Я перестал ему возражать. Он задал вопрос, почему я не возражаю ему. Я ответил, что согласен со всеми теми замечаниями, которые он сделает при дальнейшем разборе моего труда. За это я получил предупреждение от председательствующего.

С другими оппонентами у меня тоже вышло столкновение. Кончилось тем, что все три оппонента на меня рассердились и поставили мне за эту тему в общем семь и три четвертых (балла).

Разбирая инциденты с оппонентами на всех трех темах, я вижу теперь, что в большинстве случаев я был прав. Тогда я отстаивал свою самостоятельную точку зрения, которая являлась результатом добросовестного и упорного штудирования академического курса.

В конце концов в среднем за два курса академии и за дополнительный курс получилось у меня 9,4 (балла). Для причисления к Генеральному штабу требовалось в среднем 10 баллов. По этой причине я не был причислен к Генеральному штабу. В таком же положении очутились еще 6 человек. Однако конференция постановила считать меня окончившим дополнительный курс с отметкой «успешно».

Итак, 3 мая 1909 г. я достиг поставленной цели: окончил высшее учебное заведение, достиг того, к чему стремился в течение долгих восемнадцати лет...»¹⁰.

Следует отметить, что отголоски тех событий (споры с оппонентами при защите И.И. Вацетисом подготовленных им научных работ, особенно с М.Д. Бонч-Бруевичем) мы находим через много лет в мемуарах генерал-лейтенанта в отставке М.Д. Бонч-Бруевича. Рассказывая о своем назначении на должность начальника Полевого штаба Реввоенсовета республики, он пишет, что опасался попасть в подчинение к И.И. Вацетису. Правда, автор не упоминает об этой защите в Академии Генерального штаба, зато высказывает свое мнение о личности и способностях Главнокомандующего всеми вооруженными силами Республики — оно крайне субъективное: «Смущало меня и то, что Склянский (Э.М. Склянский — заместитель председателя Реввоенсовета Республики. — Н.Ч.) не мог точно сказать — начальником какого штаба я назначаюсь: штаба ли главнокомандующего или Полевого штаба Реввоенсовета Республики. В первом случае я оказывался в подчинении Вацетиса; во втором — моим начальником являлся председатель Реввоенсовета Республики или его заместитель.

Идти к Вацетису в подчинение я решительно не хотел. Я не ладил с ним ни будучи начальником штаба Ставки, ни сделавшись военным руководителем Высшего Военного Совета. К тому же я был значительно старше его по службе. В то время, когда я в чине полковника преподавал тактику в Академии Генерального штаба, поручик (штабс-капитан. — *Н.Ч.*) был только слушателем, и притом малоуспевающим. Позже, уже во время войны, мы соприкоснулись на Северном фронте, и разница в нашем положении оказалась еще более ощутимой: я, как начальник штаба фронта, пользовался правами командующего армией, Вацетис же командовал батальоном и в самом конце войны — одним из пехотных полков.

Мой служебный опыт настойчиво говорил мне, что на высших постах в армии, во избежание неизбежных в таких случаях трений, никогда не следует становиться под начало младшего, менее опытного по службе начальника»¹¹.

Значительный интерес представляют те страницы воспоминаний И.И. Вацетиса, где описаны торжества по поводу выпуска из академии, встреча с императором российским и беседа с ним: «...5 мая (1909 г. — *Н.Ч.*) мы должны были представиться государю в Царском Селе по случаю окончания академии, а 6-го отправиться к месту назначения. Я получил назначение отправиться для отбытия лагерного сбора при штабе 45-й пехотной дивизии для ознакомления с обязанностями офицера Генерального штаба.

В Царском Селе нас выстроили в одну шеренгу в Малом дворце в огромном зале. Нас, не причисленных, было 7 человек и нас построили на левом фланге. Я стоял четвертым в этой группе. Ждали около двух часов.

Меня очень интересовал этот случай, так как я хотел увидеть вблизи человека, которому я тогда служил 18 лет и которого за это время ни разу не видел. А нас учили, что надо его любить, уважать. В каком же хозяйстве или предприятии хозяин никому не показывался?

Наконец, около 2 часов раздалась команда начальника академии:

— Смирно, равнение налево!

И в сопровождении военного министра Сухомлинова и начальника Генерального штаба Мышлаевского вышел Николай II. Среднего роста, исхудалый, цвет лица зеленовато-пепельный, небольшая бородка, волосы на пробор. Он был в форме стрелкового батальона своего имени.

Сначала я себя чувствовал в приподнятом настроении, прилив какого-то чувства напряженности. А потом это прошло и сменилось обыкновенным чувством апатии, как это уже бывало сотни раз при представлениях.

Он каждого подробно расспрашивал о службе, об успехах. Наконец подошел к нашей группе. На правом фланге группы стояли трое, о которых начальство хлопотало через тетушек, кумушек, кузин и военного министра о причислении к Генеральному штабу, хотя у них не хватало до 10 баллов по 0,2 или 0,3.

Сухомлинов докладывал:

— Ваше императорское величество, эти не могли быть причислены к Генеральному штабу, так как у них до 10 баллов недостает по одной сотой.

А Мышлаевский поправил Сухомлинова:

— У них не хватает по одной десятой, — уличая военного министра в неточном докладе.

Сухомлинов отпарировал:

— Даже по одной десятой, — и злобно взглянул на начальника Генерального штаба.

Во время этого диалога Николай посматривал на тех трех и сказал:

— Хорошо.

Со мной он поговорил минуты две-три, расспрашивая о прохождении службы.

— Ну, дай бог успеха, — сказал и продвинулся к моему товарищу.

Эта маленькая встреча с могущественным монархом величайшей империи на меня произвела крайне игривое настроение. Мне почему-то пришла мысль, что если бы в этот зал зашел бы прохожий, то он обратился бы к Николаю II с просьбой сказать, не знает ли он, как увидеть императора всероссийского, короля польского, великого князя финляндского и пр., пр. ...

Мне Николай II показался человеком ограниченных умственных способностей, непроницаемым.

Вечером того же дня в академии был обед окончивших дополнительный курс с участием академического начальства и профессоров. Обед начался в 8 часов вечера и затянулся до 6 часов утра. Не знаю почему, но в начале обеда у меня было ужасно скверное настроение. На меня произвел скверное впечатление этот торг с одной десятой и сотой. Мне что-то было обидно.

Среди окончивших сорок процентов были гвардейцы. Гвардейцы добились незадолго до этого особых привилегий, а именно: в Петербургском округе в Генеральном штабе служат только гвардейцы, офицеры Генерального штаба петербургского округа носят особые отличия на погонах. Это свидетельствовало, что в высших сферах начинают выдвигать гвардейцев в ущерб армейцам. Все преимущества были на стороне гвардии.

Под влиянием подобных размышлений я в уме сделал набросок речи, которую озаглавил: не заграждайте рта у вала молотящего. В ярких красках я обрисовал угнетенность и безрадостное положение армии, оторванность ее от центра и от народа. Указал, что сердце народное должно биться в унисон с сердцем его армии, а не гвардии, которая служит для опоры реакции. Указал, что в Маньчжурию не был послан ни один гвардейский полк. Указал, что гвардия не имеет никаких нравственных преимуществ, что вал молотящий — это армия.

Моя речь была выслушана с чрезвычайным вниманием. По мере того, как я развивал свою тему, я сам взволновался

и пример за примером сыпал для подтверждения доводов. Но того, что случилось после окончания речи, я не ожидал. Когда я громовым голосом заявил, что если армия не будет выведена из состояния заброшенности и оторванности от трудовых масс, то нас ожидает катастрофа на европейской войне, мы должны восстановить честь нашего оружия, эти мои слова вызвали овацию, меня подхватили на руки и начали качать.

После этой речи я стал центральной фигурой на этом торжестве. Один из профессоров подхватил меня под руку и вывел в другую комнату, расцеловал меня и говорит:

— Благодарю, благодарю, видите, у меня слезы льются, я сам революционер. Мы о вас еще услышим, нельзя обижать армию. Что такое гвардия? Это веселая компания, она оторвалась от народной массы.

Другой профессор подошел ко мне и говорит:

— Кто мог подумать, что вы такой смелый оратор, ведь то, что вы говорили, все сознают, но только не смеют высказать...»¹²

Вне сомнения, нехватка проходного балла для причисления к Генеральному штабу И.И. Вацетиса весьма огорчила. В своих воспоминаниях он говорит, что ему было очень тяжело и обидно. Однако в другом месте он утверждает, что не очень-то и хотел быть на штабной работе: «...Я задавал себе вопрос: «Что же дальше?». Я мог удовлетвориться служебной карьерой и с этой целью отдаться целиком службе. Но в течение лета 1909 года в штабе 45-й дивизии я увидел, что штабная жизнь меня удовлетворить не может: она слишком шаблонная, она обрекла офицера Генерального штаба на пожизненную должность писаря. Что же касается строевой службы, то она гораздо разнообразнее и интереснее, но если заняться исключительно ею, то тоже в конце концов чувствуется скука, неудовлетворенность.

Мне предстояло с осени 1909 года прокомандовать ротой три года, а затем быть командиром батальона, бригады, дивизи-

зии и т.д. в зависимости от того, как повезет. Вернее всего, что я, если бы не было войны, успел бы добраться до должности командира корпуса. Однако эта должность меня не удовлетворяла.

К осени 1909 года у меня составил определенный план на будущее. Мне было 36 лет, значит, до предельного возраста оставалось лет 20—25. Я постановил в принципе: до 50-летнего возраста служить в строю, а потом перейти на военно-ученую должность профессора на кафедре в Академии Генерального штаба. Значит, книги бросать нельзя, надо учиться дальше.

Для изучения я избрал две эпохи. первая — войны Петра Великого, вторая — войны Наполеона после 1812 года, то есть после изгнания из России. Изучение эпохи Петра Великого давало мне возможность ознакомиться с условиями ведения большой войны на территории европейской России, а изучение войн Наполеона — ознакомиться с ведением боевых действий на территории Западной Европы. В обоих случаях действия Петра Великого и Наполеона дают первокласснейшие образцы стратегии и военно-организаторского опыта в обширнейшем смысле.

Весь цикл войн обеих эпох я проштудировал и законспектировал в течение 1910—1913 годов. В то же время, изучая эти войны, я выступал с лекциями о наиболее поучительных эпизодах из них в гарнизонных собраниях в Вильно, Ковно, Гродно, Двинске и Витебске. Конечно, конкретной целью моих лекций было написать фундаментальный труд по военной философии и представить его в качестве диссертации на соискание звания профессора военной философии. Другими словами, я задался целью заполнить весьма существенный пробел в программе академии Генерального штаба, в которой военная философия отсутствовала. Я задался целью создать в академии кафедру военной философии.

Цель весьма почтенная, но крайне достижимая в отсталом монархическом государстве, какой была Россия, где фило-

софия войны исчерпывалась коротко и ясно — сражаться «за веру, царя и отечество».

К началу 1914 года мои занятия весьма значительно продвинулись вперед. Но война прекратила мои кабинетные занятия и раскрыла передо мною совершенно неведомую книгу, — в ней заключалась настоящая война, на которую я собирался бросить философский взгляд, чтобы найти в ней место среди мировых явлений человечества»¹³.

После окончания Академии Генерального штаба служба И.И. Вацетиса протекала следующим образом. Все лето 1909 г. он провел при штабе 45-й пехотной дивизии, стоявшей лагерем недалеко от Риги. Там Иоаким Иоакимович в порядке стажировки исполнял обязанности офицера Генерального штаба, проделав большую работу по разработке заданий частям дивизии на предстоящих маневрах. Здесь Вацетис впервые в крупном масштабе убедился в том, что точно и полно воплотить запланированное в жизнь — это большое искусство со стороны командиров и штабов, обусловленное наличием у них необходимого опыта.

«Маневр был разработан мною очень тщательно. Все было бы очень хорошо, если бы не напутали мои расчеты некоторые старшие начальники, которые совершенно не соблюдали расчет времени. К полудню все части должны были уже переправиться на левый берег, но некоторые опоздали, некоторые столкнулись у места переправы... В общем, маневр не получился, и командир корпуса рассердился и уехал.

Вот этот первый случай. Который навел меня на мысль, что теоретический расчет и практическое исполнение его не всегда плотно смыкаются, между ними остается скрытая для неопытного глаза пропасть, для заравнивания которой необходимо... опыт.

Кроме того, на этих маневрах я познакомился близко с высшим начальством и убедился тогда, что характер, знания и опытность играют главную роль в практическом деле, а не красивые слова и громкие приказы»¹⁴.

После указанных учений И.И. Вацетис возвратился в Ковно, в свой ставший ему родным 3-й крепостной полк, где получил под свое начало 4-ю роту, которой командовал до августа 1910 г., до расформирования крепостных полков. После этого он был переведен в 100-й Островский пехотный полк, где возглавил учебную команду. Этот полк дислоцировался в г. Витебске. Ежегодно на время крупных маневров Вацетиса прикомандировывали к штабу 25-й пехотной дивизии на должность офицера Генерального штаба, а в 1912 г. он на маневрах исполнял должность начальника штаба дивизии. Несколько месяцев Иоаким Иоакимович исполнял обязанности штаб-офицера для особых поручений при штабе 20-го армейского корпуса. В 1911 г. он был награжден орденом Св. Анны 3-й степени.

В 1912 г. после маневров Вацетис был произведен в подполковники и назначен в Гродно в 102-й Вятский пехотный полк на должность командира батальона. Заметим, что чин подполковника он получил на 21-м году военной службы. В этой должности И.И. Вацетис встретил Первую мировую войну.

Здесь уместно сказать, что в годы Гражданской войны выпускники Академии Генерального штаба 1909 г. служили в составе обеих воюющих сторон. В Красной Армии некоторые из них занимали крупные командные и штабные должности. Правда, кроме И.И. Вацетиса, из выпускников этого года до должности командующего фронтом никто не дослужился, а вот армиями, их штабами, а также штабами дивизий они руководили. Приведем несколько примеров карьеры однокашников Иоакима Иоакимовича в рядах Рабоче-крестьянской Красной Армии.

АЛЕКСЕЕВ Константин Васильевич, полковник старой армии. В роли начальника штаба формировал 2-ю Тверскую пехотную дивизию (июль—август 1918 г.).

БЕЛОЙ Александр Сергеевич, полковник старой армии. В годы Гражданской войны был начальником штаба 4-й армии, командовал 3-й армией Западного фронта и 4-й армией Южного фронта. После Гражданской войны на преподава-

тельской работе в военно-учебных заведениях РККА, в том числе в Академии Генерального штаба. Имел воинское звание «комбриг». Арестован в марте 1938 г., расстрелян в мае того же года. Реабилитирован в 1959 г.

БЕСЯДОВСКИЙ Константин Иванович, полковник старой армии. В годы Гражданской войны служил в Полевом штабе РВСР в должности помощника Организационного управления и Центрального управления военных сообщений. В октябре 1920 г. подвергся аресту по подозрению в антисоветской деятельности, однако без суда был отпущен. После Гражданской войны работал преподавателем Военной академии РККА. В феврале 1931 г. подвергся аресту по делу «Весна». Был приговорен к пяти годам ИТЛ. В июле 1934 г. досрочно освобожден. В том же году назначен преподавателем военной кафедры Московской консерватории, Умер от кровоизлияния в мозг в январе 1935 г.

ГЛАГОЛЕВ Василий Павлович, полковник старой армии. В годы Гражданской войны — военный руководитель Курского губвоенкомата, начальник 1-й Курской пехотной дивизии, командующий Резервной армией, начальник штаба Украинского фронта, командующий 6, 16 и 10-й армиями, начальник 11-й и 12-й кавалерийских дивизий. После Гражданской войны на различных должностях в штабах военных округов и в центральном аппарате. Последняя должность — сотрудник Разведывательного управления РККА. Имел воинское звание «комбриг». Арестован в декабре 1937 г., расстрелян в марте 1938 г. Реабилитирован в 1957 г.

ДБЯКОВ Владимир Авраамович, полковник старой армии. В годы Гражданской войны занимал должности в органах военных сообщений (ВОСО) — помощник начальника ВОСО штаба Западного фронта, начальник ВОСО штаба 16-й армии и штаба Западного фронта. После Гражданской войны — преподаватель Военной академии имени М.В. Фрунзе. Имел воинское звание «комбриг». Арестован в ноябре 1937 г., расстрелян в апреле 1938 г. Реабилитирован в 1956 г.

ОКЕРМАН Виктор Вильгельмович, полковник старой армии. В годы Гражданской войны был первым начальником штаба 1-й стрелковой дивизии войск Междоузernого района (ноябрь 1918 г. — февраль 1919 г.).

Кроме названных лиц, выпускники академии 1909 г. — однокашники И.И. Вацетиса служили в Красной Армии, в большинстве своем добровольно: полковники старой армии —

С.Д. Григорьев, О.Г. Дитц, М.С. Михалькевич, В.В. Новиков, Е.Н. Ригельман, И.В. Яцко; подполковники — Ф.Ф. Андреев, В.М. Гуков, С.Г. Бежанов-Сакварелидзе и др.

Выпускники 1909 г. служили и в белой армии. Обратившись к «Биографическому справочнику» Н. Рутыча, находим там их краткие биографии. Приведем некоторые из них.

БАБКИН Александр Иванович, генерал-майор. С 1912 г. — старший адъютант штаба казачьей сводной дивизии, затем на такой же должности в штабе 20-го армейского корпуса. В 1917 г. — начальник штаба 6-й кавалерийской дивизии. После этого исполнял должность начальника штаба Войска Донского. В 1919 г. — начальник 2-й Донской казачьей дивизии. В конце 1920 г. назначен директором 2-го Донского кадетского корпуса. В эмиграции находился во Франции, Канаде. Умер в 1974 г.

БЕЛОГОРЦЕВ Владимир Федорович, генерал-майор. После окончания академии назначен старшим адъютантом штаба 4-й Сибирской стрелковой дивизии. Затем был оберофицером для поручений при штабе 3-го Кавказского корпуса. В годы Первой мировой войны — и.д. начальника штаба 7-й и 24-й пехотных дивизий. В начале 1917 г. назначен командиром 150-го Таманского, а затем 149-го Черноморского пехотных полков. Принимал участие в формировании белоказачьих частей на территории Терского казачьего войска. В 1919 г. — начальник 2-й Терской пластунской бригады, в 1920 г. — начальник штаба Терского казачьего войска. В эмиграции жил в Сербии, Франции. Умер в 1955 г.

БРЕДОВ Федор Эмильевич, генерал-майор. После академии командовал ротой в лейб-гвардии Финляндском полку. С 1912 г. — помощник старшего адъютанта Иркутского военного округа. В начале 1915 г. — и.д. начальника штаба 8-й пехотной дивизии. С августа 1915 г. в плену. В годы Гражданской войны — начальник штаба Дроздовской дивизии, начальник штаба 11-го армейского корпуса. В эмиграции жил в Турции, Болгарии, Сербии, Австрии США. Умер в 1959 г.

ГЕОРГИЕВИЧ Михаил Миланович, генерал-майор. В годы Первой мировой войны — начальник штаба 12-й кавалерийской дивизии (командир дивизии — генерал Маннергейм), начальник штаба гарнизона на острове Эзель. Тяжелораненым попал в плен к немцам. Летом 1918 г. из плена бежал. В Добровольческой армии — начальник штаба 1-й конной дивизии и 4-го кавалерийского корпуса. В эмиграции жил в Турции, Болгарии, Сербии, Германии, Австралии. Умер в 1969 г.

КЕЛЬЧЕВСКИЙ Анатолий Киприанович, генерал-лейтенант. Накануне Первой мировой войны — заведующий обучающимися, а затем профессор Николаевской академии Генерального штаба. С конца 1915 г. — генерал-квартирмейстер штаба 9-й армии. С сентября 1917 г. — командующий 9-й армией Румынского фронта. В годы Гражданской войны — начальник штаба группы войск генерала Мамонтова. В 1919—1920 гг. — начальник штаба Донской армии, штаба Донского корпуса (в Крыму). Генералом Врангелем отрешен от должности. В эмиграции жил в Германии. Умер в 1923 г.

МАЛЕВАНОВ Владимир Львович, генерал-майор. Накануне Первой мировой войны служил старшим адъютантом 27-й пехотной дивизии. В годы Первой мировой войны — начальник штаба 26-й пехотной дивизии. В годы Гражданской войны — генерал для поручений в Кавказской армии. В эмиграции жил в Сербии, Франции, США. Умер в 1961 г.

ПОТОЦКИЙ Дмитрий Николаевич, генерал-майор. В годы Первой мировой войны — командир 25-го Донского казачье-

го полка, командир бригады 4-й Донской казачьей дивизии. В годы Гражданской войны — командующий Ростовским округом, председатель комиссии по вопросу о военнопленных, уполномоченный Общества Красного Креста в Германии, военный агент (атташе) в королевстве Сербии и Хорватии. В эмиграции жил в Сербии, Франции, США. Умер в 1949 г.

Источники и литература

¹ *Вацетис И.И.* Моя жизнь и мои воспоминания // Даугава. 1980. № 4. С. 69, 70.

² Там же. С. 69—71.

³ Там же. С. 72.

⁴ Там же. С. 72—73.

⁵ Там же. С. 73.

⁶ Там же. С. 74.

⁷ Там же. С. 74—75.

⁸ Там же. С. 75—81.

⁹ Там же. С. 81, 83.

¹⁰ Там же. С. 83—85.

¹¹ *Бонч-Бруевич М.Д.* Вся власть Советам. М.: Воениздат, 1964. С. 335—336.

¹² Даугава. 1980. № 4. С. 85—86.

¹³ Там же. С. 87—88.

¹⁴ Даугава. 1980. № 5. С. 91.

В РЯДАХ ЛАТЫШСКИХ СТРЕЛКОВ

Первая мировая война втянула в орбиту своих действий десяток больших и малых стран и народов. Как известно, эта война была порождением отношений, которые к тому времени сложились между ведущими странами в мире и, в частности, в Европе. Речь шла об очередном переделе зон и сфер влияния, за колонии и рынки сбыта. В основном это противоборство

происходило между Англией и Германией, а также между Германией и Россией. Именно столкновение интересов этих великих держав и определило направленность действий двух противоборствующих сторон — Германии, Австро-Венгрии с примкнувшей к ним Италией, и Тройственным Союзом (Антантой) в составе Англии, Франции и России.

В качестве главного инициатора войны выступала Германия. А поводом для нее послужило покушение на наследника австро-венгерского престола Франца-Фердинанда в столице Боснии — г. Сараеве, предпринятое 28 июня 1914 г. сербскими националистами. После убийства Франца-Фердинанда Австро-Венгрия объявила войну Сербии. Вооруженные силы России в связи с событиями на Балканах стали приводиться в повышенную боевую готовность. Воспользовавшись этим в качестве повода, спустя три дня Германия объявила войну России. Прошло еще три дня, и Германия уже в состоянии войны с Францией. Англия также вступает в войну. Так началась Первая мировая война, в которую будут вовлечены и другие государства: в августе 1914 г. на стороне Англии, России и Франции выступит Япония, в конце октября того же года к германо-австро-венгерскому блоку присоединится Турция. Отколовшись от союза с Германией, в мае 1915 г. к странам Антанты примкнет Италия. В апреле 1917 г. на стороне Антанты выступят США (тогда они именовались САСШ — Северо-Американские Соединенные Штаты).

Начавшаяся война тяжело отразилась как на центральных районах России, так и на ее окраинах. В частности, на экономике Латвии. Испытывали серьезные трудности промышленные предприятия Риги и других крупных латвийских городов. Блокада германским флотом торговых путей подрывала морскую внешнюю торговлю, а железные дороги были предельно загружены воинскими перевозками. Ухудшилось материальное состояние трудящихся — многие предприятия прекратили работу совсем или же значительно сократили объем произ-

водства. Безработными стали портовые и строительные рабочие, рабочие лесопильных, пивоваренных и спирто-водочных заводов. При этом быстро росли цены на продукты и товары широкого потребления. В народе зрело недовольство.

Первую мировую войну, как уже упоминалось, подполковник И.И. Вацетис встретил в Гродно в должности командира 4-го батальона 102-го Вятского пехотного полка. В своих воспоминаниях Иоаким Иоакимович так описывает первые недели и месяцы боевых действий, настроения и мысли свои, а также офицеров и солдат полка: «Когда узнали о войне, у большинства стала ясна конечная цель назначения. Я же как-то раздвоился. Ведь затаенной целью моей жизни, моих стремлений являлось найти возможность улучшить горемычное житье-бытье бедных людей. Для этой цели, пожертвовав почти личной жизнью, я учился и шел вперед, все выше и выше. Одно время меня занимала мысль выйти в отставку и стать членом Государственной думы. Это было после 1912 года. Но как это сделать, научить никто не мог. Теперь же предстоит идти на войну и стать игрушкой случайности, подвергнуть жизнь и все затаенные цели моей тяжелой, трудовой жизни риску погибнуть, как погибают сотни и тысячи других.

Когда я увидел, что наше военное министерство формирует XII армию, для меня стало ясно, что война на этот раз станет общенародным делом в противоположность прежним кабинетным и ведомственным войнам. Передовые люди в армии это понимали и с нетерпением ждали преобразования государственного аппарата, ибо для нас было ясно, что вооруженный народ в конце концов совершит это силой.

На позициях мы часто обсуждали этот вопрос, и до нас доходили отголоски глухой борьбы между Государственной думой и бюрократией. Этими вопросами интересовались не только офицеры, но и солдаты, в особенности сознательно относились попавшие по мобилизации рабочие элементы. Я был поражен, с каким спокойствием и знанием солдаты из рабочих обсуж-

дали этот вопрос и с каким самоотвержением и храбростью они исполняли свой солдатский долг, умирая в боях в первых рядах. У меня в батальоне были рабочие — специалисты, на них я больше всего полагался в критические минуты.

Солдаты из деревенских жителей начали прозревать только после того, как побывали в Германии. Там они увидели богатство и порядок. Такие солдаты задавали откровенно вопросы мне: «За что мы воюем?» У меня установились с моими солдатами близкие, товарищеские отношения, они меня любили, доверяли мне и выручали из бедственного положения. Я, со своей стороны, старался беречь их в бою и заботился об их здоровье и об их домашних. И могу утвердительно сказать, что такие отношения нисколько не вредили дисциплине. Наоборот, мой батальон был самым боевым, гораздо лучше других...»¹

Батальон и его командир И.И. Вацетис сражались мужественно и умело. В своих воспоминаниях Иоаким Иоахимович приводит такой пример: «...2 ноября (1914 г. — Н.Ч.) за Варшавой, западнее Красновице, германская кавалерийская дивизия атаковала наш полк внезапно с тыла и сбросила с позиции 1, 2, 3-й батальоны и бывшие при полку две батареи. Мой же батальон остался на позиции, несмотря на то, что (до) этого боролся с немецкой конницей, при которой были две легкие и одна тяжелая батареи. Германцы не могли заставить мой батальон покинуть позиции, несмотря на то, что этого им очень хотелось, так как я занимал позицию, прикрывавшую фланг нашей дивизии.

Мой батальон был окружен с трех сторон спешенной конницей и с двух сторон подвергался перекрестному огню артиллерии. Только тогда, когда на помощь немецкой коннице направилась пехота, я отдал приказ прорваться к соседнему полку нашей же дивизии. Во время этого прорыва я был ранен ружейной пулей, пробившей мне насквозь сустав правого колена, но продолжал командовать своим батальоном.

Вслед нам германцы бросили в атаку два эскадрона, но они были нами расстреляны, а германскую военную батарею, участвовавшую в этой атаке и открывшую нам во фланг в упор картечный огонь, моя 13-я рота разбила, перестреляв всю артиллерийскую прислугу и захватив два орудия. При этом я был второй раз ранен артиллерийской картечью в ногу, упал и остался на поле боя.

Четыре санитары хотели меня вынести, но так как образовалась группа людей, то германцы нескольких из них убили и ранили. Я просил их оставить меня, но не дать германцам захватить в плен. Однако германские кавалеристы нас заметили, спешившись, захватили шагах в 200 от нас деревню Белице и начали обстреливать нас из ружей, пулеметов. Гибель для нас была почти неминуемой. Тогда бывший около меня тоже раненый унтер-офицер 14-й роты быстро собрал всех, сколько мог, раненых, могущих действовать винтовкой. Набралось около 16 человек, они пошли в атаку на деревню Белице и выбили оттуда германцев. Благодаря этому мне удалось кое-как переползти в лощину и оттуда дальше и таким образом спастись от плена. Этот случай показывает, что дисциплина, основанная на началах боевого товарищества, является возможной и она есть наиболее прочная дисциплина.

Но такая дисциплина на войне возможна в тех частях, где основы ее были заложены в мирное время. Свой батальон я так воспитал еще в мирное время, в течение двухлетнего командования им»².

Начавшаяся война способствовала росту национализма в Прибалтике. Латышские националисты призывали своих соотечественников к борьбе против Германии, подавая это как борьбу за свободу народа. В апреле 1915 г. при вторжении немецких войск в Курземе, группа студентов Рижского политехнического института предложила создать из латышских студентов команды разведчиков и связистов. Поначалу военные власти отнеслись к этому предложению с определенным

недоверием: студентам не было доверия, к тому же в русской армии такие части и подразделения не были предусмотрены. Когда же немецкое наступление под Елгавой было остановлено, идея о создании отдельных латышских частей вновь получила распространение. Дополнительным козырем в этом деле послужила стойкость и мужество батальонов Усть-Двинских ополченцев в боях под Елгавой.

Новое наступление немецких войск и приближение фронта к Риге ускорило решение вопроса о латышских частях. В середине июля 1915 г. главнокомандующий Северо-Западным фронтом генерал М.В. Алексеев в соответствии с указаниями Верховного главнокомандующего подписал приказ о формировании двух латышских добровольческих дружин, получивших наименования — 1-й Усть-Двинский и 2-й Рижский латышские стрелковые батальоны. Для руководства формированием этих и других частей был создан Организационный комитет латышских стрелковых батальонов во главе с депутатом Государственной думы Я. Голдманисом.

В утвержденном генералом Алексеевым «Временном положении о латышских стрелковых батальонах» указывалось, что они формируются из латышей-добровольцев и предназначаются для совместных действий с войсками в Прибалтике. При этом в латышские стрелковые батальоны разрешалось переводить солдат-латышей из других воинских частей. По первоначальному замыслу организаторов латышских частей сферой их деятельности должно было быть оказание помощи разведывательным частям и службе связи действующей армии. Такое сужение их задач было тактическим ходом организаторов — таким образом они хотели быстрее получить разрешение на формирование латышских частей. Причем речь шла не о формировании полков, бригад и дивизий, а только лишь дружин или батальонов.

Член Организационного комитета Г. Кемпелис по этому поводу писал: «Стремление к организации больших боевых соеди-

нений мы считали нежелательным и даже вредным для нашего начинания; это могло вызвать подозрение. Мы знали, что в высших кругах еще помнили выступление латышей в 1905 году»⁴.

Противодействие созданию латышских частей было реальным как на местах, так и в центре. Так, прибалтийский генерал-губернатор Курлов высказал по этому поводу свое мнение главнокомандующему Северо-Западным фронтом генералу Алексееву: «Считаю такое формирование с государственной точки зрения нежелательным и даже весьма опасным. По окончании войны, независимо от ее исхода, наличие таких национальных войск в стране, где разные части населения относятся друг к другу неприязненно, может иметь весьма серьезные последствия»⁵.

Немецкое лобби при царском дворе и Ставке также старалось запретить или, на худой конец, затормозить создание латышских частей. Например, в ноябре 1915 г. лифляндский ландмаршал Пилар фон Пильхау писал генералу Дитерихсу в Ставку о том, что, по его мнению, разрешение организовать латышские стрелковые батальоны совершенно излишний и нежелательный шаг, который может вызвать неприятные осложнения в местной жизни, и требовал остановить формирование этих частей⁶.

К числу таких людей относилась и супруга царя Николая II. Она крайне отрицательно встретила известие о создании латышских батальонов. Это видно, в частности, из ее писем мужу. Так, 29 августа 1915 г. царица в очередной раз напоминает своему сиятельному мужу: «Не забыл ли ты разослать латышские дружины по полкам?» Прошла неделя, и она снова спрашивает его: «А как обстоит дело с дружиной латышей? Распустил ли ты ее, распределив ее участников по другим полкам, что ты намеревался сделать и что во всех отношениях было бы безопаснее и правильнее?»⁷

Не стояла в стороне и церковь. Руководители лютеранской церкви Латвии запретили богослужения с духовными концертами, во время которых велся сбор пожертвований

в пользу стрелков. Организационный комитет не мог оставить без внимания такие факты. Он обратился в соответствующие военные и гражданские инстанции с просьбой отменить подобные запреты. В результате всех этих мер в середине августа 1915 г. было получено разрешение на формирование 3-го Курземского латышского стрелкового батальона.

Усилению притока добровольцев в латышские части способствовал ряд обстоятельств. Во-первых, Оргкомитет объявил, что записавшиеся в стрелки считаются на активной службе и пользуются всеми связанными с этим правами и преимуществами. Во-вторых, эта служба являлась для многих основным источником существования. Дело в том, что в результате эвакуации промышленных предприятий Риги тысячи рабочих потеряли работу и фактически их семьи бедствовали. В-третьих, запись добровольцев ускорилась и потому, что многим из них в ближайшее время все равно предстояло быть призванными в армию, ибо уже шла мобилизация резервистов и части ополченцев. В конце 1915 г. в состав батальонов были зачислены призванные в Видземе ополченцы 2-го разряда. Начиная с 1916 г. латышские стрелковые батальоны пополнялись новобранцами, призванными мобилизационными комиссиями, а также солдатами-латышами, добровольно перешедшими или переведенными из других частей русской армии.

В начале сентября 1915 г. было разрешено сформировать 4-й Видземский латышский стрелковый батальон. Разрешение то было получено, но одновременно, согласно приказу штаба Северного фронта, этот батальон, еще не обученный и обмундированный, должен был отправиться в г. Тарту. А первые три батальона для дальнейшего доформирования и обучения планировалось перевести в Псковскую губернию. Все это, по существу, должно было привести к ликвидации латышских стрелковых батальонов. Лишь с большим трудом членам Оргкомитета удалось добиться, чтобы сформированные батальоны были оставлены в Риге. И даже достичь боль-

шего — получить разрешение на формирование еще четырех стрелковых батальонов.

Согласно утвержденным штатам, каждый батальон состоял из четырех рот и команд: пулеметчиков, разведчиков, связистов, а также конно-подрывной и хозяйственной команд. Все это составляло 1246 стрелков при 26 офицерах. В некоторые периоды времени (1916 г.) численный состав батальонов превышал предусмотренный штатом.

Командиром 5-го Земгальского латышского стрелкового батальона в ноябре 1915 г. был назначен подполковник И.И. Вацетис, до этого командовавший батальоном в 102-м Вятском пехотном полку. По данным И.И. Вацетиса, в конце февраля 1916 г. в его 5-м Земгальском батальоне был 1521 стрелок. Городские рабочие и ремесленники среди них составляли почти 35 %, сельскохозяйственные рабочие — 40 %, землевладельцы и их сыновья — 13,4 %⁸.

Добровольно записалось в батальоны примерно четверть стрелков. По национальности подавляющая часть стрелков являлись латышами (90 %). Остальная часть была представлена эстонцами, русскими, литовцами и представителями других национальностей. Почти все стрелки умели читать и писать, число неграмотных не превышало 2 %.

Как военнослужащие, латышские стрелки подвергались дисциплинарным взысканиям. Во время войны перечень взысканий пополнился еще несколькими видами, ранее отмененными, а теперь восстановленными. Это, в первую очередь, относилось к телесным наказаниям. По усмотрению командиров за такие проступки, как самовольная отлучка, неповиновение и некоторые другие, солдат наказывали розгами. Однако в латышских стрелковых батальонах такой вид наказания применялся крайне редко, нежели в других частях русской армии. Например, И.И. Вацетис официально запретил у себя в 5-м Земгальском батальоне телесные наказания, унижающие достоинство человека⁹.

Говоря о боевой готовности латышских стрелков в годы Первой мировой войны, необходимо отметить следующее. В начале октября 1915 г. германские войска активизировали свои действия на рижском направлении. В связи с создавшимся положением латышские стрелки были переданы 12-й армии, оборонявшей подступы к Риге. Стрелки первых четырех батальонов мужественно сражались, неся потери в личном составе. Остальные четыре батальона (5—8-й) закончили свое формирование только в конце февраля 1916 г., приняв участие в мартовских боях 1916 г., окончившихся неудачно для русских войск.

Директивой Верховного главнокомандующего русской армии от 23 июня 1916 г. войсками Северного фронта предстояло перейти в наступление и оттеснить противника от Даугавы. Цель этого наступления — помочь армиям Юго-Западного фронта. 12-й армии, в которую входили латышские части, предстояло, защищая Ригу, прорвать позиции немцев и выйти на назначенный рубеж. Наступление началось в начале июля 1916 г. Из латышских частей в полосе наступления не было только 3-го Курземского батальона. 5-й Земгальский батальон И.И. Вацетиса занимал позиции под Олайне. При этом заметим, что после мартовских боев все латышские стрелковые батальоны получили усиление — в них были сформированы 5-е и 6-е роты.

Несмотря на перевес в людях, пушках и пулеметах, 12-й армии в июльских боях (3—9 июля) 1916 г. не удалось достичь намеченных рубежей. По существу, это было очередным поражением русской армии. Из латышских батальонов наиболее пострадали в этих боях 6-й Тукумский, 7-й Бауский и 1-й Усть-Двинский, понесшие большие потери. Например, 6-й Тукумский батальон за несколько дней боев потерял 872 стрелка убитыми, ранеными и пропавшими без вести, что составило более 70 % его боевого состава. Об ожесточенности боев говорит хотя бы тот факт, что 1-й Усть-Двинский батальон 8 июля

из шести своих пулеметов потерял четыре, там были убиты все пулеметные расчеты¹⁰.

Остальные батальоны, в том числе и 5-й Земгальский под командованием И.И. Вацетиса, использовались руководством 12-й армии для демонстративных действий и в качестве резерва. Эти части тоже несли потери, хотя и значительно меньше названных выше.

Как вел себя подполковник И.И. Вацетис в этой обстановке? Он всегда дорожил жизнью своих подчиненных, выступал против неоправданных, бессмысленных жертв, стремился к тому, чтобы воевать с наименьшими потерями. Как вспоминают стрелки 5-го Земгальского полка (в сентябре 1916 г. батальон был переформирован в полк. — *Н.Ч.*), после «рождественских» боев и понесенных полком потерь Вацетис, получивший тяжелую контузию, долгое время был в подавленном состоянии, остро переживая бессмысленные жертвы.

Иоаким Иоакимович был заботливым командиром. В одной из аттестаций того времени читаем: «Полковник (это звание И.И. Вацетис получит в конце августа 1916 г. — *Н.Ч.*) хорошо знает солдата и заботится о нем, благодаря чему пользуется любовью своих подчиненных. Вверенный ему полк держит в порядке и обучение его ведет хорошо. В бою хладнокровный, распорядительный и храбрый, скоро и хорошо ориентируется в обстановке, но в действиях осторожный»¹¹.

После безуспешных июльских боев русской армии под Ригой наступило относительное затишье, которое русское и немецкое командование использовало для дальнейшего укрепления своих позиций. Латышские батальоны получили большое пополнение. Командование русской армии не оставляло замысла нового наступления в Прибалтике, поэтому предпринимало меры и по укреплению латышских частей. В силу этих обстоятельств 15 сентября 1916 г. штаб Верховного главнокомандующего издал приказ о переформировании всех восьми латышских батальонов в полки.

При этом полки получили тот же номер и наименование. Каждый из полков должен был состоять из двух батальонов четырехротного состава. Несколько позже пришло распоряжение объединить латышские полки в две бригады, причем 1—4 полки составляли 1-ю бригаду, а 5—8 полки — 2-ю бригаду. Командиром 5-го Земгальского полка был утвержден полковник И.И. Вацетис.

Латышские стрелковые батальоны в предыдущих боях показали свою боеспособность, а потому осенью 1916 г. уже не было явно выраженных противников их существования и использования. Более того, штаб Северного фронта торопил и требовал скорейшего переформирования батальонов в полнокровные полки. Поэтому эта реорганизация долго не затянулась: формирование полков 1-й и 2-й бригад было завершено к концу октября 1916 г. Каждый полк, согласно штатному расписанию, должен был насчитывать 2497 стрелков, из них 1854 стрелка строевой службы, 50 офицеров, 7 чиновников и врачей. По данным штаба Северного фронта, на начало января 1917 г. в восьми латышских стрелковых полках насчитывалось около 19 тысяч человек¹².

В декабрьской операции 1916 г., получившей наименование «рождественские бои», наступление намечалось провести на участке фронта шириной в 31 км — от Тирельского болота до Олайне — с тем, чтобы прорвать линию обороны противника и оттеснить его за реки Лиелупе и Иецава. Главный удар наносила группа войск, в которую входили 6-й Сибирский корпус и обе латышские стрелковые бригады. На участке главного удара превосходство русских войск над немцами составляло почти шесть раз.

В период подготовки к этому наступлению произошла еще одна реорганизация латышских частей — обе бригады были объединены в одну дивизию, которой стал командовать генерал А. Мисинь, одновременно возглавлявший 1-ю бригаду. Второй бригадой командовал полковник А. Аузан. Справа

от латышских бригад наступала 3-я Сибирская стрелковая дивизия, а слева — 14-я Сибирская стрелковая дивизия.

«Рождественские бои» начались утром 23 декабря (по старому стилю) 1916 г. При подготовке к ним командование 12-й армии допустило несколько серьезных ошибок. Во-первых, командарм-12 генерал Радко-Дмитриев после неудачных июльских боев почему-то решил, что артиллерийская подготовка атаки малоэффективна и она только привлекает внимание противника, заставляя его подтягивать резервы, усиливая тем самым силы неприятеля. Исходя из этого ошибочного вывода, Радко-Дмитриев сумел добиться от командования Северного фронта (командующий генерал Н. Рузский) разрешения совершить внезапное наступление без артиллерийской подготовки.

Второй ошибкой было то, что произошла недооценка противника: командирам и солдатам внушили мысль, что позиции перед ними обороняют слабые немецкие части. В своем приказе от 1 декабря командарм Радко-Дмитриев отмечал, что в качественном отношении противостоящие немецкие войска хуже русских, так как в них много солдат старших возрастов, к тому же пришедших из хозяйственных команд.

В итоге латышские стрелки пошли в наступление без предварительной артиллерийской подготовки, используя взорванные или прорезанные в проволочных заграждениях проходы. Трудность для продвижения заключалась и в том, что незадолго до наступления на еще не замерзшую землю выпал снег, покрыв ее толстым слоем, а болотистые места не успели замерзнуть.

Латышские полки действовали совместно с частями 14-й Сибирской дивизии. Из 2-й латышской бригады, в состав которой входил полк И.И. Вацетиса, первым немецких позиций достиг 7-й Бауский полк, которому пришлось по глубокому снегу пересечь заросшую кустарником болотистую полосу примерно в полтора километра. Внезапность латышами до-

стигнута — противник заметил полк тогда, когда тот находился уже в проволочных заграждениях. Немцы принялись его усиленно обстреливать, но перелом был достигнут, и стрелки ворвались в немецкие окопы. Действия 8-го Вольмарского полка также были успешными.

Удар полка Вацетиса 23 декабря несколько запоздал — его участок наступления от Мангали до канала Грабу немцы укрепили железобетонными блокгаузами и дополнительными пулеметными гнездами. Вдобавок к этому подчиненные И.И. Вацетиса не смогли здесь прорезать проходы в проволочных заграждениях и прорваться к немецким окопам. В результате стрелки 5-го Земгальского полка были вынуждены залечь в немецких заграждениях или перед ними, неся большие потери. Всего было убито и ранено 25 офицеров и 525 стрелков. По данным И.И. Вацетиса, потери его полка за период боев 23—25 декабря 1916 г. составили около 150 стрелков убитыми и 500 ранеными. Сильно пострадали и другие латышские полки¹³.

В последующие дни, вплоть до 29 декабря 1916 г., шли жестокие бои — обе стороны пытались серией атак добиться тактического успеха. Но большого успеха как раз и не было. Поэтому командарм Радко-Дмитриев 29 декабря приказал временно прекратить наступление и закрепиться на занятых позициях. В своем донесении командующему Северным фронтом командарм писал, что, начиная с 25 декабря, наступление потеряло характер внезапности и вступило в фазу, когда каждую пядь земли приходится завоевывать в продолжительных боях и с помощью артиллерийской подготовки, что обходится очень дорого.

После прекращения «рождественских боев» латышские стрелковые полки были выведены в резерв. В частности, 2-ю бригаду разместили на Рижском взморье. Отдых и пополнение для ее полков были крайне необходимы, ибо они потеряли до 43 % своего состава¹⁴.

У Вацетиса по этому поводу находим: «Обилие пулеметов у противника и отличная выучка приводили к тому, что десятки тысяч людей выводились из строя с неожиданной быстротой. Затем обилие у противника тяжелой артиллерии и введение ее в полевом бою в передовые колонны создали в наших войсках представление о превосходстве технической стороны противника и нашей слабости. При первых разрывах тяжелого снаряда наши войска охватывала растерянность, кавалерия обычно спешила ретироваться вне досягаемости артиллерии, а пехота прижималась к земле, начинала окапываться, но часто поддавалась панике.

К весне 1915 г. в войсках стал замечаться определенный психологический сдвиг от мужества и стойкости к неустойчивости и желанию избавиться от боевой опасности. Наша техническая отсталость привела к тому, что войсковая масса начала реагировать на это бедствие по-своему, то есть уклоняться от боя, сдаваться в плен.

К концу 1915 г. мы израсходовали почти все обученные в мирное время кадры солдат и офицеров, в дальнейшем мы вынуждены были вести войну милицией, что по-нашему называлось всеобщим ополчением. Наиболее милиционную физиономию приобрела пехота, так как она больше всего понесла потерь в своем личном составе, который в некоторых полках более десятка раз переменялся. После пехоты больше всего потерь понесла артиллерия. Пехота поэтому стала наиболее подготовленной к революции, а за ней — артиллерия. Меньше всего потерь несла кавалерия, поэтому она до некоторой степени сохранила свою консервативную физиономию.

Можно сказать с уверенностью, что в 1916 г. русская армия уже не хотела сражаться...»¹⁵

Под влиянием неудач и потерь, постигших русские войска, в латышских частях стали быстро расти антивоенные настроения. И не только среди латышей. Широкий резонанс в 12-й армии получил случай, когда солдаты одного из бата-

льонов 17-го Сибирского стрелкового полка, узнав о предстоящем наступлении, сложили у землянки командира свои маскировочные халаты и заявили, что в наступление не пойдут. В конце декабря 1916 г. 24 солдата были приговорены военно-полевым судом к смертной казни, а более 100 человек — к различным видам лишения свободы. Отказывались идти в атаку, неся бессмысленные потери, солдаты и других полков.

Вацетис отмечает, что «причину отсутствия боеспособности русских войск надо искать в моральной стороне, ибо старые направляющие стимулы отслужили свой век. Новые стимулы мужества и самоотвержения надо было искать в идеологии обновленной государственной жизни. Нужна была радикальная встряска обветшало́го и одряхлевшего государственного организма. Нужна была...революция»¹⁶.

А бои тем временем не прекращались. Подтянув свежие силы, немцы в начале января 1917 г. перешли в наступление. Уже 10 января 1917 г. 5-й Земгальский и 6-й Тукумский латышские полки из района Яундубулты, где они стояли на отдыхе, были отправлены на боевые позиции. Вслед за ними туда же убыли 7-й и 8-й латышские полки. Полк И.И. Вацетиса в бою 12 января 1917 г. наступал на правом фланге 3-й Сибирской стрелковой дивизии, вместе с ее 11-м и 12-м полками. В этом бою Иоаким Иоакимович командовал группой из двух латышских полков — своим и 6-м Тукумским. Эта группа вместе с сибиряками наступала вдоль Калнциемского большака в направлении Ледыни—Витыни—Скудрас.

Полковник И.И. Вацетис отмечал, что это был самый тяжелый и кровопролитный бой во время всей операции, что план наступления был составлен бездарно, а конечная цель боя оставалась неясной. В трудных зимних условиях наступавшим русским и латышским частям пришлось действовать фронтально, неся большие потери. В своем рапорте И.И. Вацетис писал, что «5-му Земгальскому латышскому

стрелковому полку уже с самого начала пришлось наступать по совершенно открытой местности под сильным артиллерийским огнем»¹⁷.

Многочасовой бой 12 января 1917 г. И.И. Вацетису запомнился надолго. Поначалу стрелки добились успеха, заняв Ледыни. Они стали двигаться к Витыни, хотя и несли значительные потери от огня немецких пулеметов. Однако дальнейшее наступление латышских стрелков было остановлено. А потом немецкие войска перешли в контрнаступление. Стрелки 5-го Земгальского полка прицельным огнем отбили атаку немцев, нанеся им ощутимые потери. С наступлением темноты роты латышей были возвращены в свои прежние окопы, кроме одного батальона, которому было приказано занять позицию, где не было блиндажей и землянок. Стрелкам этого батальона пришлось наскоро отрывать ямы в придорожной канаве и накрывать их палатками, тем самым спасаясь от сильного мороза.

В этом бою И.И. Вацетис был контужен. Артиллерийский снаряд попал в блиндаж, в котором он находился. В воспоминаниях Вацетиса тот бой и та контузия описаны подробно: «На войне я был трижды ранен, один раз контужен, один раз расшиблен, один раз отморозил себе ноги. Расшиблен был ужасно. Это чрезвычайно интересный случай. Произошел он 12 января 1917 г. на Рижском фронте.

Я расположил свой штаб в немецком блиндаже, который окнами был обращен в сторону немецких батарей. Во время наступления 12 января немцы начали усиленно обстреливать занятый мною блиндаж. Снаряды ударялись о крышу и отскакивали от железобетонного покрытия. Многие снаряды ложились впереди окна и осколками вышибли стекла.

Я сидел перед окном, писал донесение и по телефону разговаривал со своими батальонными командирами и с высшим начальством. Мне пришла мысль, что я могу быть ранен случайным осколком и выведен из строя. Поэтому я встал с целью

отойти от окна. Но в ту же секунду послышалось приближение какого-то дьявольского гуденья. Машинально я бросился за бревно, служившее подпоркой потолка. Но в это время случилось что-то ужасное. Шестидюймовый снаряд влетел в окно и, ударившись о подоконник, разорвался, выбросив свои осколки в блиндаж. Я потерял сознание.

Когда меня привели в чувство, то я увидел, что внутри блиндажа каша из человеческих тел и все горит. В блиндаже было 8 офицеров и человек 20 связистов, стоял крик умирающих и искалеченных и бьющихся в панике от пожара. Я был страшно разбит, но ранений не было. После этого я еще девять дней оставался в строю, а потом меня отправили в госпиталь, где я пролежал шесть недель. Этот снаряд разорвался от меня не дальше двух-трех шагов, и контузия от разрыва была ужасная»¹⁸.

5-й Земгальский полк упорно оборонял район Силениеки. Предпринятая немцами атака вынудила другие части отступить, но только не земгальцев. При этом подчиненные Вацетиса сумели устроить немцам западню, в которую попали их наступавшие роты. За это немцы «наказали» земгальцев, обстреляв их огнем из артиллерии. Полк понес большие потери — после вывода его в резерв оказалось, что в нем насчитывалось всего 1029 строевых и нестроевых стрелков. После декабрьских 1916 г. и январских 1917 г. боев в госпиталях на лечении находился 961 чел. Не меньшие потери понесли и другие латышские полки. Всего обе латышские бригады в «рождественских» и январских боях потеряли около 37,5 % своего состава¹⁹.

Стремясь доказать, что такие огромные жертвы были необходимы, впоследствии генералы буржуазной Латвии (в 20-х и 30-х гг.) писали, что этими боями латыши заслужили (!) доверие союзников, на котором впоследствии основывалось признание независимости Латвии. Однако прошедшие бои создали и другой эффект: в латышских полках, как и во всем

обществе, стали быстро распространяться антивоенные настроения. Этому во многом способствовала революционная агитация социал-демократии Латышского края (СДЛК). В латышских частях распространялись «крамольные» листовки на латышском и русском языках, раскрывающие истинные цели войны и призывающие превратить войну империалистическую в войну гражданскую. Значительную антивоенную пропаганду вели также издававшиеся СДЛК нелегальные и легальные издания — «Циня» («Борьба»), «Биедрис» («Товарищ»), «Зиньотайс» («Вестник») и др.

Усиление антивоенной пропаганды в войсках серьезно беспокоило командование 12-й армии и Северного фронта. Так, штаб Северного фронта был встревожен усилением революционной пропаганды в войсках Рижского направления, среди раненых в госпиталях и лазаретах. Он поручил командующим армиями принять меры по недопущению антигосударственной пропаганды среди солдат, применяя против замеченных в таких действиях всю строгость законов военного времени. Другой пример — начальник Даугавпилсского военного округа секретным циркуляром поручил начальникам штабов армий, управлений и учреждений, командирам воинских частей собрать с помощью жандармерии сведения о политической благонадежности резервистов и лиц, ранее освобожденных от военной службы, а также выбрать в каждой части офицера, который бы следил за настроением солдат.

Во всех латышских стрелковых полках, в том числе и в 5-м Земгальском, нелегально действовали члены СДЛК, проводившие свою работу среди солдат. Несколько позже И.И. Вацетису стало известно, что погибший в бою командир его 8-й роты А. Гринберг являлся членом СДЛК. Результатами проведенной антивоенной работы были случаи братания с немецкими солдатами, усилившееся дезертирство с фронта. Донесения штаба 12-й армии о дезертировавших солдатах свидетельствуют, что и в латышских полках было немало таковых.

Задержанных дезертиров немедленно отдавали под суд. Рост антивоенных и революционных настроений приближал конец царского самодержавия.

Политическая активность латышских стрелков повышалась. Характерен в этом плане следующий случай — 26 февраля 1917 г., накануне свержения царизма, в Риге произошло столкновение между стрелками 1-го Усть-Двинского полка и жандармами, конвоировавшими около 30 стрелков, задержанных в городе без увольнительных записок. Одна из рот полка бросилась на помощь товарищам и освободила их, а затем обстреляла жандармское подразделение, прибывшее на подкрепление своим. Жандармы потеряли несколько человек убитыми и ранеными.

Политическая работа в латышских полках резко возросла после получения вести о победе революции в России. Особую активность солдат вызвал приказ № 1, принятый 1 марта 1917 г. Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов и адресованный войскам Петроградского военного округа. Однако на практике приказ № 1 приобрел повсеместное звучание. Во всех латышских полках стали создавать солдатские комитеты (ротные, батальонные, полковые), а также делегировать своих представителей в местные советы.

Исключительно большое значение для окончательного определения позиции латышских солдат и офицеров по многим вопросам имел 1-й съезд латышских стрелков. Несмотря на то, что делегаты этого съезда в большинстве своем были беспартийными и слабо еще ориентировались в политических вопросах, в целях и задачах различных политических группировок, несмотря на заметное влияние меньшевиков и эсеров, тем не менее съезду удалось принять несколько политически важных резолюций, отвечающих интересам широких масс стрелков, их настроениям и чаяниям. Известный латышский революционер К.-Ю. Данишевский, вскоре ставший ближайшим соратником И.И. Вацетиса, писал: «Полны противоречий

были политические позиции латышских стрелков в марте—апреле (1917 г. — *Н.Ч.*), и все же уже в конце апреля не было сомнений, куда движутся стрелки»²⁰.

Для ведения текущей работы был избран Исполнительный комитет латышских стрелков (Исколастрел) в составе 22 стрелков и 6 офицеров. Председателем Исколастрела избрали штабс-капитана В. Озола, секретарем — стрелка Ю. Тимерманиса.

2-й съезд латышских стрелков состоялся в середине мая 1917 г. в Риге. На нем присутствовало свыше 200 делегатов. Стремясь приостановить, замедлить процесс революционизации латышских частей, на съезд прибыл командующий 12-й армией генерал Радко-Дмитриев. Но его речь, где он восхвалял «героев латышей», не произвела на тех заметного влияния. Тем более что Радко-Дмитриев призывал к продолжению войны до победного конца. Более того, прибывшего на съезд адъютанта А.Ф. Керенского — Ильина, который пытался уговорить стрелков идти в наступление, делегаты свистом и топотом ног прогнали с трибуны.

Май месяц 1917 г. был поворотным в истории латышских стрелков. На 2-м их съезде большевики в упорной борьбе с меньшевиками, эсерами и буржуазными националистами сумели добиться перевеса в свою пользу. Выступившие Петр Стучка, Карл Данишевский призывали отказать в доверии Временному правительству и его политике на продолжение войны. Резолюцию о текущем моменте, предложенную делегатам Данишевским, стрелки приняли почти единогласно. По самому важному вопросу — вопросу о власти — съезд высказался за передачу ее Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Более половины нового состава Исколастрела составляли представители социал-демократии Латышского края. Исколастрел стал главной опорой СДЛК в Риге и Латвии.

Решения 2-го съезда латышских стрелков вызвали ожесточенную реакцию со стороны различных буржуазных органи-

заций. Открытую кампанию травли стрелков начал Рижский совет общественных организаций. На его срочно созванном заседании была принята резолюция, в которой утверждалось, что принятое стрелками 17 мая постановление является легкомысленным шагом, так как этот документ не выражает взглядов латышского народа, что отказ продолжать войну является предательством по отношению к союзникам и т.п.

Различные буржуазные общества пытались даже подкупить стрелков. Например, торговец Ф. Фрейвалд в начале июня отослал члену Государственной думы Я. Голдманису 100 рублей с требованием передать их тем стрелкам, которые откажутся от резолюции 17 мая. У И.И. Вацетиса в 5-м Земгальском полку произошел следующий случай: Лубанский молочно-хозяйственный кооперативный союз послал в полк 100 фунтов масла стрелкам, которые отрекутся от названной резолюции. На это полковой комитет от имени большинства стрелков ответил, что они потуже затянут пояса, но не продадут себя за фунт масла²¹.

А война продолжалась. Немцы готовились к новому наступлению на Рижском направлении. А вот 12-я армия августовские события 1917 г. встретила ослабленной: в связи с неудачами русских войск на Юго-Западном фронте из ее состава были изъяты несколько дивизий. В августе 1917 г. 1-я латышская бригада входила в состав 2-го Сибирского корпуса и занимала участок фронта по обе стороны шоссе Елгава—Рига. 2-я латышская бригада с мая месяца и до начала августа 1917 г. занимала позиции в районе Пулеметной горки и Калнциемского шоссе, а затем была выведена в резерв 12-й армии, разместившись в районе Ропажы.

Наступление немцев началось утром 19 августа. Немецкая артиллерия применила наряду с обычными и химические снаряды, вызвав потери и панику среди русских войск, потерю связи артиллерии с пехотой. Командующий 12-й армией генерал Парский решил усилить 44-й корпус 2-й латышской

стрелковой бригадой. После полудня 19 августа бригада заняла оборонительные позиции у Малой Юглы протяженностью около 15 км. В центре обороны был 5-й Земгальский полк И.И. Вацетиса, занявший позиции у хутора Скрипте, по обе стороны большака. Соседом справа был 8-й Вольмарский полк (командир подполковник П. Авен), а слева — 6-й Тукумский полк под командованием подполковника А. Крустыня. Командир 2-й бригады полковник А. Лиелгалвис в качестве резерва оставил 7-й Бауский полк подполковника Г. Мангулиса.

Иоаким Иоакимович Вацетис разместил свой штаб в замаскированном сарае, который немецкие летчики и артиллеристы так и не обнаружили до конца боев. В самом их начале в боевом составе 5-го Земгальского полка было 1600 стрелков, а на его вооружении — 27 пулеметов и восемь бомбометов. При этом полк Вацетиса поддерживала артиллерия в составе одного тяжелого орудия и двух легких батарей, у которых было 800 снарядов²².

По сравнению с частями 43-го корпуса, где после применения немцами ядовитых газов возникла паника, латышские стрелки упорно держали оборону, преградив путь наступавшей 2-й гвардейской дивизии немцев, задержав ее на срок более суток. Этим самым латышские стрелки спасли 12-ю армию от угрозы окружения и, возможно, от разгрома. Позже об этом И.И. Вацетис писал: «Теперь мы ясно видели, что нашим единственным и верным оружием являются наше мужество и наши пулеметы, ружья и ручные гранаты. Нам предстояло подготовиться к самому ожесточенному траншейному бою».

Утром 20 августа после мощной артиллерийской подготовки немцы перешли в наступление в полосе обороны 2-й латышской бригады. Основной их удар был направлен в сторону Скрипте, где позицию длиной около 3 км оборонял 5-й Земгальский полк И.И. Вацетиса. Эта позиция состояла из траншей, оборудование которых стрелками еще не было закончено. По словам Вацетиса, земгальцам пришлось в этот день выдержать натиск целой дивизии.

Сильный артиллерийский огонь противника разрушил многие окопы и траншеи 5-го Земгальского полка, вызвав потери личного состава. Однако земгальцы успешно отразили наступление немцев, нанеся им значительный урон. В ответ противник усилил артиллерийский обстрел позиций полка. Почти полностью была уничтожена 1-я рота, располагавшаяся на правом фланге. Чтобы закрыть эту брешь, из резервного 7-го Бауского полка была послана одна рота и команда разведчиков.

Подтянув свои резервы, стремясь отбросить латышей со своих позиций, немцы вновь пошли в атаку. Но и на этот раз были отброшены назад с большими потерями. Подобные попытки наступать немцы повторили еще несколько раз, но все безрезультатно. Точнее, результат был — количество трупов немецких солдат перед траншеями стрелков с каждым разом увеличивалось.

После полудня 20 августа, когда кончились снаряды к пушкам и пулеметам, а защитники позиций понесли большие потери, положение стрелков стало очень тяжелым. Все силы 2-й латышской бригады иссякли, а обещанные 43-м корпусом резервы еще не прибыли. Немцы продолжали насаждать и бой зачастую шел уже в самих траншеях. Уцелевшие стрелки 5-го Земгальского полка героически защищали свои окопы, нередко переходя в рукопашную схватку. Один из стрелков — участников этих событий так описывает картину отражения атак немцев: «Резервы бригады были исчерпаны, пришлось полагаться лишь на собственные силы. Неприятельские цепи одна за другой шли на нас. Через лежащие среди заграждений немецкие трупы бежали их пьяные товарищи. Для нас начался самый ужасный эпизод боя. В ход были пущены пулеметы, ручные гранаты, приклады, котелки, камни и кулаки. Именно здесь латышские стрелки доказали свою храбрость и стойкость. В некоторых местах стрелки под руководством своих офицеров бросались на немцев и с помощью штыков отбрасывали их далеко от наших окопов»²³.

Слева от земгальцев, в полосе обороны 6-го Тукумского полка, немцам удалось добиться успеха и занять большой участок его траншей. Теперь 5-му Земгальскому полку угрожала опасность с обеих флангов, но его стрелки без приказа не отходили с занимаемых позиций. И только получив распоряжение командира бригады об отходе, полковник Вацетис дал указание оставить позиции. Но чтобы обезопасить свой отход и припугнуть при этом немцев, Вацетис предпринял контратаку, собрав для этого все имеющиеся у него резервы полка: роту охраны, связистов, других стрелков, оказавшихся поблизости у штаба полка. Этой контратакой, которой руководил лично Вацетис, немцы были отброшены от траншей, в результате чего полку удалось без преследования противником оторваться от него. Вместе с другими частями 2-й латышской бригады 5-й Земгальский полк отошел на позиции у Большой Юглы, а днем позже бригада была оттянута к Нитауре.

Вот как описывает эти бои сам И.И. Вацетис: «В течение 19—21 августа я с полком оборонял позиции у Маза...во время атаки германцами Риги. Особенно 5-й полк отличился в бою 19 и 20 августа на Малом Егеле, где полк занимал позиции на главном направлении прорыва по обеим сторонам Скрипте. В течение 28 часов 5-й (полк) отбивал атаки всей прусской резервной гвардейской дивизии, и все атаки были отбиты.

С 8 часов вечера 20 августа я получил приказ отступить, ввиду прорыва германцами позиций соседних полков. В этом бою 5-й латышский Земгальский полк проявил небывалые в истории полевой войны примеры стойкости. За этот период боев полк и получил 840 георгиевских крестов. За доблестное командование в этом бою полк присудил мне почетную золотую саблю и георгиевский солдатский крест 4-й степени. За этот же бой я представлен начальством к офицерскому георгиевскому ордену 4-й степени и к чину генерал-майора, но вследствие наступившей Октябрьской революции и демократизации армии эти награды не были получены»²⁴.

21 августа немецкие войска заняли Ригу. А части и соединения 12-й армии в беспорядке отступали в направлении Цесиса, где и сосредоточились к 25 августа, заняв Венденские позиции. Немцы, в свою очередь, понеся большие потери в боях у Малой Юглы, не решились продолжать наступление и перешли к обороне. Между силами обеих сторон образовалась полоса, в которой действовали группы разведчиков и патрули.

Во время боев по обороне Риги латышские стрелки понесли огромные потери — всего около 5,5 тыс. стрелков, т.е. на долю этих полков пришлось более пятой части всех потерь 12-й армии. Больше всего в боях у Малой Юглы пострадал полк И.И. Вацетиса, потерявший из своего боевого состава 80 % офицеров и 67 % стрелков. При этом 1-я и 5-я роты полка были уничтожены почти полностью²⁵.

К чести И.И. Вацетиса следует отметить, что он не скупился на награды отличившимся в боях. По его представлению за героизм и мужество, проявленные в боях у Малой Юглы, георгиевскими крестами были награждены 642 стрелка 5-го Земгальского полка, т.е. более трети его боевого состава²⁶.

Стойкость и выдержка, проявленные латышскими стрелками в боях у Малой Юглы, позволили вывести из-под угрозы окружения 2-й и 6-й Сибирские корпуса и избежать полного разгрома 12-й армии. Защищая Ригу, латышские полки вместе с другими частями 12-й армии лишили немецкие войска возможности продвигаться дальше, чтобы оккупировать всю Видземе и угрожать Петрограду.

Падение Риги Верховный главнокомандующий генерал Л.Г. Корнилов использовал как сигнал для начала мятежа и захвата всей власти в стране в свои руки, стремясь установить военную диктатуру и с ее помощью задушить революционное движение. Еще 25 августа, когда на рижском фронте шло отступление русской армии, Корнилов направил верные ему воинские части на революционный Петроград. Рабочие и солдатские массы столицы поднялись на ее защиту. Петроградские рабочие

вооружались и вступали в отряды Красной гвардии, солдаты гарнизона также готовились дать отпор войскам Корнилова. На помощь Петрограду выступили моряки Кронштадта.

Солдаты 12-й армии, особенно латышские стрелки, были готовы выступить на помощь Петрограду, на подавление мятежа генерала Корнилова. 2 августа на заседании Исколастрела в Цесисе было решено быть готовым двинуть латышские части против контрреволюционеров, при этом строго контролируя работу штабов и пресекая, вплоть до ареста, деятельность сторонников Корнилова. Исколастрел потребовал ареста активных агитаторов за Корнилова — полковников К. Гоппера и Каркляня. Еще в начале мятежа были арестованы агенты Корнилова, прибывшие в 12-ю армию. В латышских полках прошли собрания, на которых была принята резолюция с осуждением действий мятежников.

После разгрома мятежа Корнилова, в целях борьбы с контрреволюцией и усиления своего влияния в войсках, Исколастрел в начале сентября 1917 г. решил ввести в латышских полках и бригадах должность комиссара. На последних возлагалась задача осуществления контроля над деятельностью командного состава и штабов. Причем без подписи комиссара приказы соответствующих командиров не имели силы. Комиссары полков избирались комитетами частей, а комиссары бригад назначались Исколастрелом. Учреждалась и должность комиссара всех латышских стрелковых полков. В этом качестве был утвержден прапорщик Семен Нахимсон.

Наряду с назначением комиссаров в латышских полках происходила чистка командного состава от корниловцев. Исколастрел поручил полковым комитетам обсудить отношение офицеров к стрелкам и их организациям во время корниловского мятежа. Тех офицеров, которые сотрудничали с корниловцами и пытались притеснять революционные организации стрелков, рекомендовалось смещать с должности и отчислять из полков. У командира 5-го Земгальского полка И.И. Вацети-

са никаких тренировок с полковым комитетом не было, он работал с ним в тесном сотрудничестве.

Опасаясь дальнейшего развития революционных настроений в латышских частях, командование 12-й армии в конце сентября 1917 г. предприняло попытку разоружить их. Прежде всего предполагалось переместить 2-ю латышскую бригаду на эстонское побережье в район Хаапсалу, таким образом изолировав ее от 1-й бригады казачьими частями и батальонами «смерти», а затем разоружив. Ввиду такой угрозы Исколастрел 5 октября принял решение усилить бдительность в латышских полках и бригадах и быть готовыми оказать вооруженный отпор подобным действиям.

Большевики готовились к вооруженному восстанию. Во всех латышских полках были созданы военно-революционные комитеты (ВРК), перед которыми ВРК 12-й армии поставил конкретную задачу подготовки к выступлению. ВРК 5-го Земгальского полка заявил его командиру полковнику Вацетису, что стрелки полка готовы к выполнению задач социалистической революции. На вопрос, готов ли он в этих условиях командовать частью, Иоаким Иоакимович без колебаний решительно ответил: «Я всегда был и буду вместе с земгальцами, куда пойдут они, туда отправлюсь и я»²⁷.

Убедившись еще раз в преданности И.И. Вацетиса идеям революции, члены полкового комитета детально обсудили с ним практические вопросы о приведении полка в боевую готовность.

Первое известие о начале вооруженного восстания в Петрограде пришло в Латвию утром 25 октября. Сообщалось, что Временное правительство свергнуто и власть перешла в руки Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов и его Военно-революционного комитета (ВРК). Получив весть о событиях в Петрограде, в латышских частях всю власть взяли в свои руки полковые и бригадные комитеты и выделенные из их состава ВРК.

Согласно приказам ВРК 12-й армии и 2-й латышской бригады, 6-й Тукумский и 7-й Бауский полки должны были 27 октября выступить в Валмиеру и обеспечить там переход всей власти в руки Советов. В 6-м полку большинство офицеров отказались подчиниться ВРК и были арестованы. Командиром полка назначили комиссара полка прапорщика Р. Кирхенштейна, а места арестованных офицеров заняли унтер-офицеры и опытные стрелки. После этого 6-й полк отправился в Валмиеру, которую занял без сопротивления. Одновременно с 6-м полком в город вступил и 7-й полк. Заняв важнейшие пункты города, полки затем передали всю власть в руки Совета рабочих, солдатских и безземельных депутатов. Прибывшие эшелоны с казаками были стрелками задержаны и разоружены. Примерно так же действовали и другие латышские полки. Власть повсеместно переходила в руки Советов.

Однако оставался один опорный пункт контрреволюции — это г. Валка, где разместился штаб 12-й армии и другие армейские организации. Их основной опорой были крупные силы казаков и ударные батальоны, дислоцированные в этом районе. После съезда Советов 12-й армии, состоявшегося в конце октября и принявшего резолюцию о поддержке Советской власти, встал вопрос о ликвидации гнезда контрреволюции в Валке. План взятия Валки был поручен разработать командиру 5-го Земгальского полка И.И. Вацетису. И он с этой задачей успешно справился.

Согласно этому плану 4 ноября 6-й Тукумский полк и 2-й батальон 436-го Новоладожского полка при поддержке тяжелой батареи выступили из Валмиеры на Валку. Гарнизон Валки при приближении революционных войск отказался выполнять приказы командования 12-й армии, заявив, что он не выступит против власти Советов. Командарм генерал Юзефович и другие генералы бежали из города. 7 ноября революционные части заняли Валку и его важнейшие объекты — железнодорожный узел, телеграф, почту, штаб 12-й армии.

Последний опорный пункт контрреволюции в Латвии был ликвидирован.

После этих событий в карьере И.И. Вацетиса начались важные изменения — начинается стремительное движение вверх по служебной лестнице. Сначала состоялось назначение его командиром 2-й латышской бригады. 21 ноября 1917 г. телеграммой Главкома Н.В. Крыленко И.И. Вацетис назначается командующим 12-й армией. Однако в эту должность Иоаким Вацетис практически вступить не успел, ибо тем же Крыленко вскоре был вызван в Могилев и назначен начальником оперативного отдела Полевого штаба при Ставке. Фактически же он возглавил этот Полевой штаб.

Начальник штаба Верховного главнокомандующего М.Д. Бонч-Бруевич по этому поводу пишет: «Вскоре после первого приезда Крыленко в Могилев, формально при Ставке, а фактически параллельно ей, был создан так называемый Полевой штаб. Во главе этого штаба, обосновавшегося в парадных комнатах бывшего губернаторского дома, стал полковник Вацетис, командир одного из латышских полков. Комиссаром Полевого штаба был назначен прапорщик Тер-Арутюнянц — большевик...»²⁸

Изданный в конце 1917 г. приказ Главковерха Н.В. Крыленко так определил цели и задачи Полевого штаба:

«...Революционный Полевой штаб при Ставке разбивается на два отдела: отдел укомплектования и оперативный отдел.

Первый отдел — укомплектований — снабжает живой силой все внутренние фронты по требованию отдельных отрядов и народного комиссара по борьбе с контрреволюцией, действуя через Ставку, а в исключительных случаях — через фронты, но как в том, так и в другом случае от имени Главковерха и с его ведома.

Второй отдел — оперативный — ведет операции»²⁹.

Забегая немного вперед, скажем о дальнейшей судьбе Полевого штаба, у истоков которого стоял И.И. Вацетис. Спустя

некоторое время этот штаб переехал в Москву, где, слившись с оперативным отделом штаба Московского военного округа, стал функционировать в качестве оперативного отдела (Оперода) Наркомата по военным делам. Руководить этим отделом у Троцкого в наркомате стал бывший штабс-капитан С.И. Аралов. Оперод взял на себя руководство операциями не только против Каледина и чехословаков, но и против немцев. Не довольствуясь оперативным руководством, С.И. Аралов и его помощники занимались вопросами снабжения, подбора командиров, посылки на фронт комиссаров и агитаторов. Сотрудники в Опероде подобрались в основном молодые, энергичные, а поэтому фронтовые командиры по многим вопросам предпочитали иметь дело с ними, а не со «старорежимными» генералами и полковниками из Высшего военного совета во главе с его военруком М.Д. Бонч-Бруевичем.

Находясь в Могилеве, решая множество задач оперативно-го характера, Иоаким Иоакимович тем не менее старался поддерживать связь с латышскими частями. А там происходили сложные процессы утверждения и защиты Советской власти на местах.

На оккупированной немцами части Латвии в ноябре—декабре 1917 г. стали создаваться отряды Красной гвардии. Исколастрел образовал ее центральный штаб и помогал в организации штабов на местах, он призывал демобилизованных стрелков вступать в Красную гвардию. При его содействии было налажено военное обучение красногвардейцев. К концу 1917 г. отряды Красной гвардии (по 30—40 чел.) были созданы при многих уездных и волостных Советах.

Одна существенная деталь — при осуществлении своих преобразований Советская власть в Латвии была вынуждена преодолевать сопротивление национальной буржуазии, которая вела курс на отделение Латвии от Советской России. Латышские стрелки, как и все трудящиеся Латвии, связанные с русским пролетариатом узами общей борьбы за

социальную справедливость, всецело поддерживали лозунг социал-демократии Латвии: «Свободная Латвия в свободной Советской России». Стрелки поддержали запрет деятельности буржуазных обществ и закрытие газет, разжигавших национальную рознь.

Важное значение для определения задач латышских стрелков в борьбе за укрепление власти Советов в Латвии имел их 5-й съезд, открывшийся 7 декабря 1917 г. в Цесисе. На съезде было особо отмечено, что в революционном освободительном движении Латвии главная роль принадлежит им, латышским стрелкам. В резолюции «О положении в полках и очередных задачах» съезд обратился к стрелкам с призывом «выполнять распоряжения революционных органов, как бы тяжелы они ни были». Вместе с тем съезд предложил Исколастрелу принять меры по улучшению материального положения полков. В резолюции «О текущем моменте» съезд призвал стрелков активно поддерживать Советское правительство и энергично бороться со всеми контрреволюционными организациями³⁰.

Встал вопрос и о дальнейших организационных основах существования латышских полков. Учитывая большой их вклад в революционные преобразования в Латвии, 5-й съезд латышских стрелков в специальной резолюции отметил, что «в интересах революции необходимо немедленно создать латышский стрелковый корпус». При этом съезд выразил уверенность, что он, корпус, «не свернет на чисто национальный путь, а всегда будет стоять на точке зрения классовой борьбы».

17 декабря 1917 г. Верховный главнокомандующий Н.В. Крыленко подписал приказ о формировании Латышского стрелкового корпуса. Его командиром назначался И.И. Вацетис, начальником штаба — А.В. Косматов. 1-я и 2-я латышские стрелковые бригады переформировывались в дивизии. Командиром 1-й дивизии был назначен командир 7-го полка Г. Мангулис, командиром 2-й — командир 8-го полка П. Авен.

Однако начавшаяся работа по созданию корпуса была прервана начавшимся наступлением немецкой армии.

Сам И.И. Вацетис в январе 1918 г. получает новое назначение — ему поручено командование войсками, направленными на подавление антисоветского мятежа польского корпуса под началом генерала И.Р. Довбор-Мусницкого в Белоруссии.

Источники и литература

¹ *Вацетис И.И.* Моя жизнь и мои воспоминания // Даугава. 1980. № 5. С. 92—93.

² Там же. С. 93—94.

³ История латышских стрелков (1915—1920). Рига, Зинатне, 1972. С. 49.

⁴ Там же. С. 50.

⁵ *Курлов П.* Конец русского царизма. Пг.—М., 1923. С. 254.

⁶ История латышских стрелков. С. 51.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 55.

⁹ Там же. С. 58.

¹⁰ Там же. С. 70, 71.

¹¹ Центральный государственный военно-исторический архив (далее ЦГВИА). Ф. 215. Оп. 2. Д. 251. Л. 110об.

¹² История латышских стрелков. С. 75.

¹³ Там же. С. 79.

¹⁴ Там же. С. 81, 82.

¹⁵ Даугава. 1980. № 5. С. 94.

¹⁶ Там же.

¹⁷ История латышских стрелков. С. 91.

¹⁸ Даугава. 1980. № 5. С. 96.

¹⁹ История латышских стрелков. С. 91.

²⁰ Там же. С. 123.

²¹ Там же. С. 139.

²² Там же. С. 168.

²³ Там же. С. 169—170.

²⁴ Даугава. 1980. № 5. С. 97.

²⁵ История латышских стрелков. С. 172.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. С. 187.

²⁸ *Бонч-Бруевич М.Д.* Вся власть Советам. С. 236.

²⁹ Известия Московского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 30 дек.

³⁰ История латышских стрелков. С. 196.

ПРОТИВ ДОВБОР-МУСНИЦКОГО

Одной из крупных антисоветских акций конца 1917 — начала 1918 г. явился мятеж 1-го польского корпуса легионеров под командованием генерал-лейтенанта Юзефа (Иосифа Романовича) Довбор-Мусницкого. Этот корпус был сформирован в июле 1917 г. по решению Временного правительства из поляков, служивших в русской армии и военнопленных. С августа 1917 г. им командовал И.Р. Довбор-Мусницкий.

1-й польский корпус состоял из национальных формирований — трех пехотных дивизий, артиллерийских и кавалерийских частей. В их составе был высокий процент офицеров. Некоторые, так называемые ударные роты, состояли только из офицеров. Части корпуса дислоцировались на территории Минской, Могилевской, Витебской и Смоленской губерний. Во время похода казаков генерала Краснова на Петроград Керенский рассчитывал использовать части этого корпуса для борьбы с большевиками. Общая численность корпуса по состоянию на 15 января 1918 г. составляла 29 тысяч человек¹.

С самого начала социалистических преобразований в России Довбор-Мусницкий был их противником. Он отказался выполнить постановление Советского правительства о демобилизации армии, запретил выборы в корпусной, дивизионные

и полковые комитеты. Когда командующий Западным фронтом А.Ф. Мясников 7 января отдал приказ о расформировании и демобилизации корпуса, Довбор-Мусницкий отказался выполнять его. 12 января он открыто выступил против Советской власти и, предприняв наступление, захватил Рогачев, Бобруйск, Оршу и другие города. По пути легионеры грабили крестьян, разгоняли и арестовывали местные советы.

Вся тяжесть борьбы с мятежным польским корпусом пришла на долю Полевого штаба, возглавляемого И.И. Вацетисом. Вот что об этом пишет уже упомянутый нами М.Д. Бонч-Бруевич: «...Как-то приехав в Могилев, Мясников сказал мне, что есть решение расформировать польский корпус, а командира его генерала Довбор-Мусницкого объявить «вне закона». Ликвидировать явно враждебный новой власти польский корпус не удалось, и вооруженная борьба с ним легла на плечи Полевого штаба. Полевому же штабу пришлось заняться и множеством других неотложных дел, начиная с преследования и розыска Корнилова и бежавших «быховцев» и кончая подавлением контрреволюционных мятежей и погромов, вспыхивавших то тут, то там.

Мне, занятому привычной штабной работой и безнадежно пытавшемуся наладить какой-то порядок в управлении совершенно дезорганизованной старой армией, казалось, что Полевой штаб только и занят тем, чтобы окончательно развалить штабную работу. Я наивно полагал, что уж кому-кому, а мне большевики обязаны оказывать полное доверие. Но и Крыленко, и Мясников, и тот же Вацетис, и приветливый Тер-Арутюнянц относились ко мне с понятной настороженностью, и во многие вопросы меня не посвящали. Они, естественно, считали, что мое дело ликвидировать Ставку, а уж для борьбы с контрреволюцией найдутся люди, куда более подходящие. Они были правы...»²

Создалось чрезвычайно опасное положение. В Бресте советская делегация с большим трудом вела переговоры с Гер-

манией и ее союзниками, а тут, совсем рядом, в Белоруссии, мятеж целого корпуса. К тому же, заняв Рогачев и Бобруйск, основные силы корпуса двинулись на Жлобин и Могилев, угрожая захватить Ставку русской армии. Польские части, захватив железнодорожные узлы и станции, не пропускали эшелоны с продовольствием с Украины для северных областей, для Петрограда и Прибалтики, для армий Западного и Северного фронтов. Положение осложнилось еще и тем, что значительная часть Красной гвардии была занята подавлением очагов контрреволюции на Дону и борьбой с войсками украинской Центральной рады.

Требовались срочные меры по ликвидации мятежа польского корпуса. Важную роль в сопротивлении мятежникам сыграли отряды Красной гвардии, находившиеся вблизи района действий частей корпуса. Их ряды быстро росли за счет массового вступления трудящихся Белоруссии, заинтересованных в защите власти Советов. Значительные силы Красной гвардии были переброшены в Белоруссию с Украины, в частности 1-й Минский революционный отряд численностью 2500 чел. На осиповичском направлении, прикрывавшем Минск, было сосредоточено 4 тысячи красногвардейцев.

Но одними красногвардейскими силами подавить мятеж польских легионеров, разумеется, было невозможно. Поэтому на разгром частей и соединений Довбор-Мусницкого, кроме красногвардейских отрядов, были двинуты наиболее устойчивые части старой армии, вызванные с позиций фронта. В их число входили и латышские стрелки. Уже 9 января 1918 г. из Цесиса в Белоруссию направился сводный отряд латышских стрелков в составе 1-го батальона 4-го полка, двух рот и пулеметной команды 1-го полка (несколько позже к ним присоединилась и основная часть 1-го полка). 10 января этот отряд прибыл в Могилев. Здесь было окончательно оформлено создание специальной группы советских войск в количестве 3800—4300 штыков, в которую и вошли прибывшие

латышские части. Эта группа была названа «Главным отрядом латышских стрелков». Командовать им было доверено командиру 1-го батальона 4-го полка Яну Лацису, а комиссаром туда был назначен Карл Дозитис, участник войны, из унтер-офицеров. Общее оперативное командование войсками, действовавшими против Довбор-Мусницкого, возлагалось на командира Латышского корпуса И.И. Вацетиса.

22 января в Могилеве состоялся парад «Главного отряда латышских стрелков», который принимал Верховный главнокомандующий Н.В. Крыленко. В своем выступлении перед стрелками он разъяснил контрреволюционные планы мятежников, цель и значение предстоящих боев с ними. Подчеркнув роль латышского пролетариата в освободительном движении, Крыленко приветствовал стрелков как авангард революции. Стрелки обещали Главковерху своими делами доказать свою преданность революции.

К этому времени 1-я польская дивизия занимала Рогачев, 2-я — находилась на железной дороге Жлобин—Бобруйск, 3-я — на пути из Рославля в Рогачев. Штаб Довбор-Мусницкого и кавалерийская бригада располагались в Бобруйске. Поляки вели наступление вдоль железной дороги от Рогачева на Могилев и от Бобруйска на Жлобин.

22 января Н.В. Крыленко отдал приказ о беспощадной борьбе с мятежниками. В приказе говорилось: «...Вскормленные и пригретые попустительством правительства Керенского, образованные польской буржуазией со специальной целью защиты польских помещиков против крестьян, так называемые польские легионеры и польский корпус в лице командира корпуса Довбор-Мусницкого объявили войну советским войскам. Наймиты буржуазии, поддерживаемые французскими деньгами, в тайном союзе с Украинской радой...польский комитет и другие руководящие круги польской буржуазии недаром так противились демократизации армии, они знали, чем пахнет для них выборное начало в войсках, и когда оття-

гивать демократизацию больше не могли, они пошли на все. Обманутые офицерами польские войска заняли ст. Рогачев и Бобруйск, а отдельные войска осмелились ударить в тыл революционным войскам. Советская власть не может допустить подобных явно мятежнических действий. Никакая часть войск не может предъявить требований Советской власти, как не может быть признана его воюющей стороной.

В согласии с этим предписываю: прекратить отпуск довольствия приставшим к контрреволюционному командному составу и поднявшимся на защиту польских помещиков войскам. Предлагаю товарищам польским солдатам немедленно оставить расположения польского корпуса и явиться с изъявлением готовности бороться вместе с русскими солдатами, арестовать командный состав и офицеров. Командира корпуса Довбор-Мусницкого объявляю врагом революции и вне закона. Всех офицеров, взятых с оружием в руках, приказываю немедленно на месте предавать революционному суду и действовать по отношению к ним без пощады, а в случае сопротивления расстреливать без суда. Крестьянам Могилевской губернии предлагаю расправляться с насильниками по своему усмотрению»³.

Помимо латышских стрелков, против поляков действовал 19-й Сибирский полк, а также 1, 2 и 3-й Петроградские батальоны Красной гвардии численностью около 1500 человек, Жлобинский — около 1000 штыков, Минский — 3500—4000 штыков, Ельнинский и Смоленский отряды — 500 штыков. В составе революционных сил также действовали три бронепоезда и один бронеавтомобильный отряд. По численности советские войска были почти в три раза меньше поляков, но они имели над противником превосходство в артиллерии.

Для подрыва морально-политического состояния польских легионеров в район боевых действий была направлена группа поляков-коммунистов, опытных пропагандистов во главе с Иосифом Уншлихтом. В распоряжении этой груп-

пы имелась походная типография, печатавшая листовки на польском языке. Эти листовки разбрасывались с самолетов в районах расположения польских частей. Помимо этого, в тыл мятежников было послано более 40 агитаторов с задачей распространения соответствующей литературы. Работая среди легионеров, они распространили свыше 15 тысяч экземпляров воззваний и обращений. Например, 21 января Верховный главнокомандующий Н.В. Крыленко обратился к солдатам 1-го польского корпуса с призывом переходить на сторону революции.

Труднее всего И.И. Вацетису пришлось с командирами красногвардейских отрядов, особенно в плане координации их действий, обучения искусству военного дела. Например, Вацетис приказал захватить утром 18 января станцию Тощица. Командиры отрядов Красной гвардии, не мудрствуя лукаво, повели своих людей в лобовую атаку, за что и были наказаны большими потерями. Пришлось делать необходимые выводы по тактике боя. К этому времени на подмогу пришел 1-й латышский полк. 21 января по приказу И.И. Вацетиса полк вместе с двумя артиллерийскими батареями, совершив обходной маневр от Нового Быхова к Рогачеву, прорвал фронт противника и заставил его оставить свои позиции.

Характерно, что местное население повсюду тепло встречало советские войска, приветствуя их как своих освободителей от произвола польских легионеров. В районе Старого Быхова крестьяне привезли стрелкам 1-го полка подводы с продуктами. При этом местные жители просили выдать им оружие и патроны для борьбы с солдатами Довбор-Мусницкого. Вечером того же дня крестьяне привели в штаб полка несколько пленных польских солдат и одного офицера. В своем донесении в Исколастрел 29 января комиссар «Головного отряда латышских стрелков» Карл Дозитис отмечал: «В деревнях встречаем гостеприимство. Крестьяне как подарки доставляют хлеб и прочие продукты»⁴.

К Рогачеву советские войска подошли 26 января. Расстояние до него не превышало 6—8 км. В центре боевого порядка находился 1-й латышский полк, на правом фланге — подразделения 4-го латышского полка, красногвардейские отряды и отряд матросов. На левом фланге позиции занимал 19-й Сибирский полк. Командующий войсками И.И. Вацетис приказал взять Рогачев внезапной атакой. После энергичной артиллерийской подготовки в город особая ударная группа, состоявшая из команд конных и пеших разведчиков, саперных и гренадерских команд 1-го латышского и 19-го Сибирского полков. Эта ударная группа захватила железнодорожный мост через Днепр, станцию, штаб польской дивизии и другие важные объекты. Вслед за ударной группой в город вошли основные силы «Головного отряда».

После этого И.И. Вацетис и командир Петроградских красногвардейских отрядов И.П. Павлуновский* в три часа ночи отправили в Наркомат по военным делам следующую телеграмму: «30 января в 23 часа Рогачев занят нами обходом с востока. Легионеры взорвали в трех местах мост через Днепр»⁵.

Успех по захвату Рогачева был впечатляющим. Ночная атака оказалась неожиданной для поляков. В результате советские войска захватили 4000 пленных и богатые трофеи. Потрепанная 1-я польская дивизия в спешке отступила к Бобруйску. На ее преследование Вацетис распорядился выделить часть 1-го латышского полка. Эта победа была достигнута малой кровью — 4-й латышский полк в боях за Рогачев потерял только 5 чел. убитыми, 9 чел. ранеными и 5 чел. пропавшими без вести⁶.

* Павлуновский Иван Петрович, член партии большевиков с 1905 г. Офицер военного времени — подпоручик. После Февральской революции — председатель Петроградского Совета. Член Петроградского ВРК. Командир красногвардейских отрядов на Украине и в Белоруссии. С августа 1918 г. — начальник особого отдела 5-й армии. С апреля 1919 г. — заместитель начальника Особого отдела ВЧК.

Успешно действовал и Гомельский отряд Красной гвардии. После упорных боев он выбил польских легионеров из Жлобина и пробился к Рогачеву. Соединение Гомельского отряда и «Головного отряда» в Рогачеве позволило очистить железнодорожный путь на Украину, дать возможность уже 30 января первому поезду с продовольствием отправиться на север, в голодающие районы.

Дальнейшие события развивались так. 7 февраля 2-й польской дивизии удалось захватить Жлобин, однако она потерпела ряд поражений от белорусских и петроградских красногвардейских отрядов и была вынуждена отойти в направлении Бобруйска и Слуцка, куда отступила и 3-я польская дивизия.

Стала давать результаты и агитационная работа, развернутая среди польских легионеров. В сочетании с неудачами, которые терпели польские части от советских войск, эта агитация подрывала боеспособность войск Довбор-Мусницкого. Легионеры, убедившись в контрреволюционных целях мятежа, покидали корпус, сдавались в плен. Сдавались не только поодиночке, но и целыми подразделениями, а иногда и полками. Так, в одном из донесений говорилось, что под Ржевом сдался 6-й польский полк⁷.

От окончательного разгрома части и соединения Довбор-Мусницкого спасло наступление германских войск, начавшееся 18 февраля 1918 г. Воспользовавшись этим моментом, легионеры совместно с отрядами Белорусской рады захватили Минск. Это случилось в ночь с 19 на 20 февраля. А на следующий день в Минск вступили германские войска. По соглашению с ними польские части оставались в Белоруссии в качестве оккупационных войск до самого расформирования корпуса в мае 1918 г.

О Юзефе Довбор-Мусницком — он, приняв польское подданство, в конце 1918 г. — начале 1919 г. исполнял обязанности Главнокомандующего польской армией. С 1920 г. находился в отставке.

После заключения Брестского мира И.И. Вацетис возвратился в Москву, где уже находились многие латышские стрелки. Сюда же прибыл из Белоруссии, выполнив поставленную перед ним задачу, 1-й латышский полк под командованием Р. Вайняниса.

Источники и литература

¹ Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 1. М., 1963. С. 283.

² *Бонч-Бруевич М.Д.* Вся власть Советам. С. 237—238.

³ Директивы Главного командования Красной Армии (1917—1920). Сборник документов. М.: Воениздат, 1969. С. 15—16.

⁴ История латышских стрелков. С. 203.

⁵ Российский государственный военный архив (далее РГВА). Ф. 1. Оп. 4. Д. 5. Л. 71.

⁶ История латышских стрелков. С. 204.

⁷ *Конев А.М.* Красная гвардия на защите Октября. М.: Наука, 1978. С. 105.

СОЗДАНИЕ ЛАТЫШСКОЙ ДИВИЗИИ

А что же было с остальными латышскими полками в то время, когда И.И. Вацетис вместе с отрядами И.П. Павлуновского громил польских легионеров? Оказалось, что наступило их (латышских стрелков) время — они, как наиболее стойкие и сплоченные части старой армии, срочно понадобились в послереволюционной России, притом в самых различных ее регионах.

В конце декабря 1917 г. на Дону вспыхнул мятеж генерала Каледина. Захватив Ростов-на-Дону, казаки Каледина повели наступление на Донбасс, угрожая отрезать центральные районы России от основных источников угля и нефти,

от основных продовольственных районов. В начале 1918 г. латышские стрелки получили письмо Главнокомандующего советскими войсками на юге России В.А. Антонова-Овсеенко с просьбой прийти на помощь донецким пролетариям в борьбе с Калединым. Об этом же просил их и председатель СНК В.И. Ленин.

Исколастрел решил послать на борьбу с Калединым 3-й полк. Но предварительно этот вопрос был обсужден на ротных собраниях и общем собрании полка, высказавшихся за отправку на калединский фронт. Тут же был избран и командир полка — им стал старый большевик, член партии с 1904 г. К. Калнынь. 11 января 1918 г. полк выехал из Цесиса и через Петроград и Москву отправился на фронт. В Петрограде представителей полка принял председатель СНК В.И. Ленин. Он пожелал латышским стрелкам боевых успехов в борьбе с врагами революции и выразил уверенность, что они нанесут войскам Каледина сокрушительный удар. В течение января—марта полк мужественно сражался с белоказаками, одерживая вместе с другими частями одну победу за другой. Так, в конце февраля 1918 г. он участвовал в освобождении Ростова от калединских войск.

В начале 1918 г. над Советской республикой нависла угроза немецкого наступления. Чрезвычайная опасность заключалась в том, что в то время интенсивно шел процесс демобилизации старой армии. И вот в этих условиях проявилась политическая зрелость как руководства, так и рядовых латышских стрелков, высказавшихся за сохранение организационной целостности латышских полков. На расширенном заседании Исколастрела при участии представителей социал-демократии Латвии, 1-й дивизии и 5-го полка была принята следующая резолюция: «Латышские стрелки не могут быть демобилизованы по общему плану демобилизации армии, но, по очистке их от нежелательных элементов, они должны стать социалистической Красной гвардией... В случае оккупа-

ции Латвии латышские стрелки не должны сложить оружие и сдаться в плен германскому империализму, а должны присоединиться к пролетарской армии России»¹.

До начала наступления немцев в феврале 1918 г. латышские полки находились на не оккупированной части Латвии: штаб 1-й дивизии, 2-й и 5-й полки в Валке, 7-й полк и штаб 2-й дивизии — в Валмиере, 8-й полк — в Цесисе, части 4-го полка — в Алуksне, запасный латышский полк находился в Эстонии, в г. Тарту.

18 февраля на фронте от Черного до Балтийского морей немцы перешли в наступление. Старая армия уже не могла оказать им какого-либо серьезного сопротивления. Столкновения у немецких войск случались только с отрядами Красной гвардии да латышскими стрелками. Но силы были неравными, и немцы занимали один город за другим (Цесис, Даугавпилс, Резекне, Валмиера, Валка). Латышские полки эвакуировались на территорию Советской России. В конце февраля в Москву прибыл Исколастрел; в начале марта — 2-й полк, Головной революционный отряд; в конце марта — 1-й полк, а в начале апреля — 3-й полк. Другим крупным пунктом концентрации латышских стрелков стало Бологое. Здесь сосредоточились штаб 2-й дивизии, 5-й и 8-й полки. Основная часть 7-го полка находилась в Новгороде, часть его — в Великих Луках. В Петрограде был расположен 6-й полк. Кроме того, часть 2-го полка находилась в Вологде и Рыбинске. Группы стрелков, оторвавшиеся от своих полков при отступлении, были рассеяны по многим городам Советской России.

Первое же заседание Исколастрела в Москве 1 марта 1918 г. было посвящено обсуждению мероприятий, необходимых для перехода латышских стрелков в Красную Армию. Была избрана специальная комиссия, которой поручалось выработать инструкцию об условиях вхождения латышских стрелков в Красную Армию. Такая инструкция была подготовлена и утверждена Исколастрелом. Кроме того, при нем

(Исколастреле) были созданы специальные комиссии — по регистрации, формированию, снабжению, агитации и др. Речь шла не о расформировании, а о реорганизации латышских полков при сохранении сложившихся национальных боевых единиц в условиях демобилизации старой армии.

Это была очень сложная задача — демобилизация старой и одновременно создание новой армии. Этот вопрос в отношении латышских полков обсуждался 18 марта на расширенном заседании Исколастрела с участием представителей 1-й и 2-й дивизий, а также комитета партийной организации. Председатель Исколастрела В. Штейнхарт заявил: «Теперь у нас главная задача — провести на местах демобилизацию старых полков и после этого создать новые полки... Нам нужно освободиться от тех элементов, которые никого не хотят слушаться...»

В этом же духе высказались и другие члены Исколастрела. Решение было принято такое: «До 1 апреля демобилизовать всех оставшихся в полках стрелков и параллельно начать формирование (работу по регистрации) революционных боевых частей из сознательных добровольцев...»²

Итак, шла плановая работа по реформированию латышских частей и встроению их в ряды Красной Армии. Однако в этот процесс вмешался командующий Московским военным округом Н.И. Муралов — через неделю после указанного выше заседания Исколастрела (25 марта) он приказал расформировать все латышские полки. Исколастрел был вынужден подчиниться этому приказу, вынеся свое постановление о ликвидации латышских стрелковых полков и себя как высшего органа этих частей.

Очень скоро стало ясно, что данные решения (Муралова и Исколастрела) были ошибочными и революционно нецелесообразными, так как расформирование таких дисциплинированных и боеспособных частей, какими являлись латышские полки, наносили значительный вред завоеваниям революции.

Эту ошибку исправили Наркомат по военным делам и Высший военный совет — 27 марта они отдали Исколастрелу распоряжение не расформировывать латышские полки.

Особенность была в том, что в этих полках по инициативе полковых комитетов и партийных организаций уже шел процесс их реформирования в части Красной армии. Одним из первых был реорганизован 6-й полк в Петрограде. Здесь еще 20 февраля 1918 г. общее собрание стрелков высказалось за то, «чтобы 6-й полк как целая организация вошел в Красную Армию». Немецкое наступление на некоторое время прервало эту реорганизацию, но уже в марте она продолжилась.

Специальная комиссия по организации нового полка выработала положение о штатах и организационном построении полка. Решено было строить полк по троичной системе, вместо ранее существовавшей четвертичной: три отделения образуют взвод, три взвода — роту, три роты — батальон, три батальона — полк. Эта система полностью себя оправдала и впоследствии была распространена на всю Красную Армию. Важным было и то, что в штаты полка была введена артиллерийская батарея (в старых полках ее не было).

Условия приема добровольцев в полк были опубликованы в газетах. Принимались не только латыши, но и мужчины других национальностей, от которых требовались соответствующие рекомендации. Добровольцы обязывались прослужить в полку не менее двух месяцев, в боевой обстановке они не имели права оставлять полк, даже если у них истек срок службы. Условия приема требовали строжайшего соблюдения дисциплины и порядка. Для добровольцев, не проходивших ранее военной службы, организовывались соответствующие занятия.

Только за первую неделю после начала записи в 6-й полк вступило свыше 700 чел., а к началу апреля его численность достигла 1250 стрелков. Командиром полка был избран П. Судраб, а комиссаром — Я. Эглитис. 3 апреля формирование

полка было завершено. Оно завершилось парадом и торжественным собранием³.

Примерно таким же путем проходила реорганизация и родного И.И. Вацетису 5-го Земгальского полка, который в это время размещался в район Бологое. Там в середине марта состоялось общее собрание коммунистической фракции полка, на котором присутствовали представители Исколастрела, 6, 7 и 8-го полков. Приехавший из Петрограда представитель 6-го полка рассказал об организации своего Тукумского социалистического полка. На этом собрании была избрана комиссия по демобилизации 5-го полка и созданию 5-го Земгальского латышского коммунистического отряда.

В конце марта 1918 г. старый 5-й полк насчитывал 757 стрелков. 27 марта Бологоевский отдел Исколастрела сообщил Высшему военному совету, что из демобилизованного 5-го полка сформирован отряд, в который записалось свыше 300 добровольцев. В дальнейшем этот отряд продолжал пополняться, и в апреле в нем было 548 стрелков при 19 пулеметах. Таким образом, свыше 75 % стрелков старого полка добровольно записались и были приняты в отряд. В отряде насчитывалось около 70 коммунистов, что представляло внушительную силу. 1 апреля 1918 г. отряд был переименован в 5-й Земгальский латышский полк Красной Армии. Его командиром полковой комитет назначил командира старого полка бывшего капитана Я. Бриедиса⁴.

Необходимо сказать об особенностях системы руководства всей жизнью латышских полков на первом этапе их существования в Красной Армии. Высшей властью в полку являлась партийная организация (коммунистическая фракция), которая ведала всеми вопросами, включая оперативную и хозяйственную деятельность. Она утверждала командный состав, начиная от командира полка до командиров рот, команд и их заместителей. Младших командиров выдвигали ротные командиры, а утверждал их комиссар полка (в 6-м полку млад-

ших командиров комиссар назначал). Выборные представители от стрелков образовывали ревизионную и контрольную комиссии.

Такая система руководства приводила к так называемой «диктатуре фракции», то есть к подмене в полку военного руководства партийным. Такая система неоднократно подвергалась критике, в том числе на 8-м съезде партии большевиков.

Из латышских полков 2-й дивизии, отступивших на территорию Советской России, лучше других сохранил свой боевой состав 7-й полк. Основная его часть в марте располагалась в Новгороде. В этом полку больше, чем в других, осталось на своих должностях бывших офицеров. Полком продолжал командовать Г. Мангулис, бывший полковник. Батальонами и ротами там также командовали бывшие офицеры. 1 апреля 1918 г. 7-й полк почти в полном составе перешел в Красную Армию: 442 стрелка из 545 (около 75 %) добровольно записались в Бауский латышский красноармейский полк⁵.

Из частей 1-й дивизии в Москве раньше других был преобразован 2-й полк, в котором в начале марта насчитывалось свыше 1000 стрелков. Динамика преобразования этого полка такова: 25 марта был получен приказ Н.И. Муралова демобилизовать 2-й полк. Тогда же началась и работа по созданию нового полка. 26 марта состоялось общее собрание стрелков. Часть из них (200 чел.) сразу же вступила в новый полк, на следующий день записалось еще 200 чел. Спустя еще несколько дней численность 2-го Рижского латышского полка Красной Армии достигла 600 чел. (60 % состава) и продолжала увеличиваться далее. Власть во 2-м полку принадлежала командному составу, действовавшему под контролем полкового комитета и партийной организации, объединявшей свыше 100 коммунистов. Командиром 2-го полка был избран бывший подпоручик Я. Аплук, вскоре убывший на учебу в Академию Генерального штаба. Его сменил бывший штабс-капитан Ф. Риекст.

Часть 2-го полка, находившаяся в Вологде, не захотела присоединиться к его основному составу и образовала самостоятельный Особый латышский стрелковый батальон. Впоследствии этот батальон вошел в состав 8-го пока.

Во второй половине марта в Москву из Белоруссии прибыл 1-й латышский полк. Его реорганизация заняла немного времени: с 1 апреля началась запись добровольцев. Только в первую неделю записи в новый 1-й Усть-Двинский латышский советский полк вступило 567 стрелков. Прошло еще немного времени, и численность полка достигла 700 чел. при 47 пулеметах. Бывший командир полка Р. Вайнянис был вновь избран на эту должность⁶.

Не было особых трудностей с реорганизацией в части Красной Армии Головного революционного отряда, созданного в период борьбы с мятежным корпусом Довбор-Мусницкого. Почти все его стрелки поступили добровольно в Красную Армию. 10 мая 1918 г. отряд, состоявший из 863 стрелков при 12 пулеметах, был переименован в 4-й Видземский латышский советский полк. Командиром полка был утвержден Я. Лацис. Полковая фракция объединяла 130 членов партии.

На практике почти не нуждался в реорганизации 1-й латышский коммунистический отряд (бывшая сводная рота в Смольном), поскольку он с самого начала своей организации в ноябре 1917 г. существовал на добровольческой основе. После переезда Советского правительства в Москву отряд, в котором насчитывалось 537 стрелков, продолжал численно расти, и к середине апреля 1918 г. в нем было уже свыше 760 стрелков при 14 пулеметах. Тогда же, в середине апреля, отряд был переименован в 9-й латышский стрелковый полк⁷.

В этом полку, охранявшем правительство (СНК) и другие советские учреждения в Кремле, была самая сильная партийная организация из всех латышских полков, объединявшая в своих рядах около 350 коммунистов. Она руководила всей

жизнью полка, однако осуществление этого руководства имело некоторые особенности, в отличие от 6-го полка. Высшей властью в 9-м полку было общее собрание стрелков и его исполнительный орган — полковой комитет, который и назначал командный состав. При этом все наиболее важные вопросы перед их вынесением на полковое собрание обсуждались партийным комитетом или согласовывались с ним. Кандидатуры на командные должности предварительно обсуждались комитетом фракции и уже потом предлагались общему собранию полковым комитетом.

Позже других полков реорганизации подвергся 3-й латышский полк, прибывший с юга только в начале апреля 1918 г. Еще в период борьбы с калединцами полк принял К. Стуцка, его же избрали командиром и реорганизованного полка.

Переформирование старых латышских полков в части Красной Армии вновь выдвинуло вопрос об их объединении. На заседаниях Исколастрела, на общих и партийных собраниях постоянно высказывалось мнение, что сбор полков под единым руководством, в составе одного соединения (дивизии или корпуса) будет способствовать укреплению Красной Армии.

Приказом Народного комиссара по военным делам № 263 от 13 апреля 1918 г. латышские полки были объединены в Латышскую стрелковую дивизию — одну из первых дивизий Красной Армии. По замыслу она должна была включать все основные роды войск: девять стрелковых полков, кавалерийский полк, артиллерийскую бригаду, инженерные и технические части. Начальником дивизии был назначен И.И. Вацетис, комиссарами — К. Петерсон и К. Дозитис. Обязанности начальника штаба дивизии сначала временно исполнял И.И. Лерхе, а с начала мая им стал руководить А.В. Косматов. «Латышская дивизия, — писал И.И. Вацетис, — была первым регулярным и организованным по правилам военного искусства боевым соединением Советской власти»⁸.

В приказе по Латышской дивизии № 2 от 14 апреля 1918 г., подписанном И.И. Вацетисом, определялись ее структура и состав: она состояла из трех стрелковых бригад, каждая из которых в свою очередь включала три полка. В первую бригаду (командир П. Дудынь) вошли 1, 2 и 3-й полки, расположенные в Москве. Вторую бригаду (командир П. Авен) составили 4, 5 и 9-й полки. При этом 4-й и 9-й полки находились в Москве, а 5-й полк пока еще в Бологом. В третью бригаду (командир Я. Юдынь) вошли соответственно 6, 7 и 8-й полки. Здесь разброс частей был наибольшим — штаб бригады и 8-й полк находились в Бологом (позднее штаб будет переведен в Петроград), 7-й полк — в Новгороде, а 6-й — в Петрограде.

Латышская дивизия была своеобразным соединением в Красной Армии. Особенно на первых порах. Если в РККА не допускалось формирования национальных частей и соединений из беженцев и эмигрантов, не связанных с территорией данной нации, то в отношении полков Латышской дивизии Советское правительство сделало исключение, как частям, доказавшим свой пролетарский интернационализм и преданность Советской власти. По этому поводу комиссар дивизии К. Петерсон говорил на 1-м Всероссийском съезде военных комиссаров: «Хотя мы как будто объединены по национальному признаку, но на самом деле все, как один, проникнуты духом Интернационала. Мы не связываем своих действий с какой-нибудь территорией, но за долгие месяцы ожесточенной борьбы за социализм, за Советскую Россию, спаялись в одну семью. Мы — интернационалисты и доказываем это не словами, а делом»⁹.

Другой особенностью Латышской дивизии, отличавшей ее в 1918 г. от других соединений Красной Армии, была затянувшаяся по времени система выборных солдатских комитетов во главе с Исколастрелом. Возникнув весной 1917 г. в старой армии, выборные солдатские комитеты сыграли огромную роль в развитии политической активности нижних чинов. По-

сле Октябрьской революции этот институт был распространен на все части старой армии. Просуществовав до весны 1918 г., система солдатских комитетов была ликвидирована одновременно с демобилизацией старой армии. Ликвидирована везде, за исключением Латышской дивизии. Здесь комитеты в полках занимали особое положение — так исторически сложилось в период подготовки и осуществления революционных преобразований в 1917 г. Заслуги этих комитетов и Исколастрела объясняют их чрезвычайно высокий авторитет среди латышских стрелков.

Вскоре после создания Латышской стрелковой дивизии состоялась и ее первая партийная конференция. И хотя Иоаким Иоакимович не состоял в партии большевиков, он был, как начальник дивизии, приглашен на конференцию и участвовал в ее работе. Конференция высказалась за сохранение института солдатских (стрелковых) комитетов в дивизии. Резолюция этой конференции была положена в основу «Положения о конструкции латышских стрелковых полков», принятого 1-м съездом представителей латышских стрелков, проходившим 16—19 мая 1918 г., в работе которого И.И. Вацетис также принимал участие.

Согласно этому Положению, высшей властью в дивизии являлся Совет латышских стрелковых полков и его исполнительный орган — Исколастрел, избранный Советом в составе девяти человек. Ему поручалось вести всю организационную, административную, массово-политическую и культурно-просветительную работу в частях и подразделениях дивизии. Кроме того, в дивизии были предусмотрены два комиссара с одинаковыми правами: один избирался Исколастрелом, а другой назначался по линии Наркомвоена. При этом оба комиссара в Исколастреле пользовались правом решающего голоса.

Полковой комитет являлся высшим органом власти в полку. Председатель комитета или его заместитель подписывал вместе с командиром все приказы по полку и имел право кон-

троля над всей перепиской. На заседаниях полкового комитета председатель коммунистической фракции имел право решающего голоса. Комитетам было предписано не вмешиваться в оперативную деятельность командного состава, за исключением распоряжений явно контрреволюционного характера.

Солдатским (стрелковым) комитетам в Латышской дивизии было предоставлено право назначения командного состава: ротным — командиров взводов, полковым — командиров рот, команд батальонов, а Исколастрелу — командиров полков и бригад.

Исколастрел первого состава реорганизованных полков возглавил Ю. Заринь, его товарищем (заместителем) избрали Я. Думиня, а секретарем — Оскара Стиггу (впоследствии — начальник одного из отделов Разведывательного управления РККА в воинском звании «комдив»). С ними И.И. Вацетис и согласовывал свои действия по дальнейшему совершенствованию дивизии и ее частей, укреплению воинской дисциплины, решению вопросов материально-бытового обеспечения. Сразу отметим, что формирование дивизии было связано со значительными трудностями. Прежде всего это относилось к нехватке боевой техники и предметов вооружения, обмундирования, продовольствия.

В начале мая 1918 г. формирование стрелковых полков было в основном закончено. К этому времени полки дивизии были двухбатальонными, только в 7-м полку было три батальона. Во всех полках были, помимо батальонов, образованы пулеметные, хозяйственные, музыкантские команды, команды связи, конных или пеших разведчиков, а в некоторых — бомбометные. Артиллерии в первое время было совсем мало, только при 6-м и 7-м полках формировались легкие батареи.

7 мая И.И. Вацетис обратился в Московский городской военный комиссариат с докладной запиской, в которой указывал, что для приведения вверенной ему дивизии в боевую готовность необходимо включение в нее частей и подразделе-

ний всех родов войск, а прежде в сего артиллерии. Эта просьба возымела действие — уже неделю спустя Московский горвоенкомат направил в Московский губвоенкомат требование направить в Латышскую дивизию две легкие и одну тяжелую батареи, а также броневик¹⁰.

Предметом особой заботы И.И. Вацетиса, как начальника дивизии, было возвращение в нее разрозненных латышских отрядов и отдельных полков, разбросанных по разным городам Советской России. В некоторых таких частях и отрядах обнаружилось стремление к «самостийности», в них взяли верх сепаратистские тенденции и даже элементы анархии. Этим объясняется их нежелание присоединиться к дивизии. Выполняя по распоряжению местных Советов те или иные задачи по укреплению Советской власти на местах, эти отряды, фактически находившиеся на положении красногвардейских, «зараженные» местническими настроениями, не стремились влиться в строго регламентированную, централизованную армию. Их нежелание влиться в состав дивизии объяснялось еще и расхождением во взглядах на ее внутреннее построение (положение командного состава, стрелковых комитетов и партийных организаций).

Сепаратистские тенденции были сильны в 6-м полку, находившемся в Петрограде, — он вошел в состав дивизии лишь в конце июня 1918 г. До начала июня отказывался вступать в дивизию и Торошинский полк, выросший из батальона 6-го полка в районе станции Торошино под Псковом. Отколовшаяся часть 7-го полка, из которой образовался самостоятельный Лиепайский полк, вошел в дивизию лишь в феврале 1919 г. Так что не все ладно было и в латышских частях.

В целях борьбы с подобными местническими тенденциями Реввоенсовет Республики 11 октября 1918 г. (Вацетис был уже Главкомом) приказал:

«1. Не допускать никаких латышских формирований, помимо Латышской стрелковой советской дивизии. 2. Мо-

билизованных латышей направлять в Латышскую дивизию в случае выраженного ими желания»¹¹.

Чем и как заканчивались такие местнические настроения, видно из следующего примера. Совершенно оторванным от дивизии оставался Курземский полк, сформированный весной 1918 г. на базе батальона 3-го полка в Воронеже. О том, какие настроения царили в этом полку, к чему привела эта оторванность от основных сил дивизии и централизованного руководства, говорится в воспоминаниях И.Э. Якира, который весной 1918 г., отходя с остатками Тираспольского красногвардейского отряда, прибыл в Воронеж.

«...Прибыли на станцию — штабной эшелон и при нем полурота китайцев (они все в эшелоне шли, потому и выжили), пара эшелонов с остатками бессарабцев и пришедшие на ремонт два бронепоезда.

Вечером в штаб наш пришли товарищи из местного Совета и стали шупать, что за народ: бандиты или свои. Хорошее, видно, впечатление произвели, потому что они нам рассказали, что в городе готовится восстание против Советов, что восстанием заворачивает Курземский латышский полк, вернее — его офицеры, что в казармах ведется бешеная агитация против большевиков, против Совета.

Спросили — как мы? Надеемся ли на своих и поддержим ли Воронежский Совет? Мы, конечно, обещали сделать все, что в наших силах. Подготовили свои «остатки»... Сгрузили и боевые машины. Пушки броневиков направили на загородный район, на казармы курземцев...Подготовили все и поехали в их штаб.

Мы подъехали к штабу Курземского полка примерно в половине двенадцатого, т.е. за полчаса до предполагавшегося восстания. Не застав там никого, мы направились в казармы. Не успел экипаж и за ним конные тронуться, как сверху была брошена бомба, не причинившая, правда, никому вреда.

Задерживаться у штаба, выяснять, кто «пошутил», не было времени, ибо можно было упустить главное...

Уже квартала за два до казарм нам стали попадаться одиночки и группы вооруженных людей. Они ждали только сигнала. Казарменный двор был полон самого разношерстного народа — тут были и солдаты, и просто подозрительные типы, подбивавшие на грязное дело.

Наш начальник штаба с командиром одного из бронепоездов приехал на тачанке, а мы, человека четыре, верхами. Мы остались внизу, а начальник штаба с командиром бронепоезда поднялись наверх, в помещение, где шло собрание представителей гарнизона... Собрание должно было решить, в какое именно время выступить.

Хорошо работали предатели. Оказалось, что помимо нас без нашего ведома в зале между другими «делегатами» было и по три представителя от наших частей: от бронепоездов, бронепоезда, замурцев и даже от остатков китайцев... Большое казарменное помещение гудело. Шло обсуждение вопроса о том, как произвести выступление и разгром партийной организации, ЧК и Совета. Как всегда бывает в таких случаях, намечался и еврейский погром...

...Возле казарм разъезжало несколько конных в гражданском платье. Это была какая-то местная охрана или самооборона. Один из них осторожно подъехал к нам и стал расспрашивать одного из нас, тов. Федоренко, кто мы и для чего прибыли. Товарищ Федоренко умышленно во весь голос, чтобы слышали окружающие курземцы, ответил, что мы замурцы, что прибыли после боев, после тяжелых поражений и необычайных побед...

На вопрос, знаем ли мы, что сегодня курземцы хотят бить Совет, большевиков и евреев, Федоренко залихватски приплюснул папаху и еще громче заревел, что мы сражались, помирились из-за каждого аршина советской земли и не позволим против наших рабочих и солдатских Советов выступать. Он кричал, что нас, мол, тысячи, наши полки под боком и мы всех бунтовщиков «порубаем».

Этот крик подействовал на окружающих, и они начали втихомолку судачить о том, что мы, пожалуй, можем помешать...

В это время в зале разыгрывалась такая сцена: на председательском месте молодой офицер с растрепанными волосами, в солдатской шинели, с прислоненной к столу винтовкой всячески подделывался под «народ», толкая толпу на провокацию и предательство Советской власти... Представитель Совета, губернский комиссар, несколько раз пытался выступить, образумить, удержать от преступного шага, но как только он начинал говорить, поднимался крик и нельзя было вымолвить ни слова. Нашему начальнику штаба председатель тоже не хотел дать слова: боялся, что в сомнение народ введет.

Однако пришлось дать. Наши представители, человек сорок, потребовали. Они все встали, и от их имени выступил командир бронепоезда. «Мы, — заявил он, — столько-то поездов, бронепоездов, батарей, рот и эскадронов входили в Особую армию Румынского фронта и требуем, чтобы нашему начальнику было дано слово». Прибrehнул он здорово, эскадронов и рот прикинул для устрашения...

Дали слово нашему начальнику штаба, и стал он речь держать. «Особая армия, — говорил он, — пешком с берегов Дуная пришла, с румынами, немцами, бандитами, казаками и еще с многими дралась. Дралась, дороги трупами своих солдат-товарищей усеивала. Дрались, советскую землю и Советскую власть отстаивали. Пришли измученные, истомленные наконец в Советскую Россию и что здесь находим? Находим вас, тыловики, отъевшихся, на провокацию поддавшихся и стоящих на границе непоправимого несчастья...»

В это время один наш конник вошел и нарочно, чтобы увидели все, какая у нас дисциплина, толпу растолкал, подошел к говорившему начальнику, шпорами звякнул и рывкнул: «А нам, товарищ начальник, как прикажете, ждать?» Начальник штаба, быстро смекнув, что тот хочет подействовать на

толпу, сердито бросил ему: «Внизу ведь приказал ждать». Тот повернулся на каблуках, гаркнул «Слушаюсь» и, звеня шпорами, пошел вниз на улицу...

А начштаба продолжал:

«У нас, — говорит, — части тут подле казарм ваших подведены, 12 пушек с бронепоездов на казармы наведены, броневые машины по углам расставлены, кавалерия под городом. И только вы, предатели, посмеете против власти нашей что сделать, мы вас вдребезги разделаем...».

Это все сильно подействовало на собравшихся. Не удалось предателям поднять их. Загудели: «как же это, бой-война промеж своих солдат?...И решили не выступать...»¹².

И тем не менее формирование Латышской дивизии шло достаточно успешно. Уже в апреле был сформирован первый эскадрон кавалерийского полка на основе команды конных разведчиков 3-го полка. Позднее полк был доведен до четырехэскадронного состава. Штабы дивизии и бригад формировались на базе штабов бывших 1-й и 2-й дивизий. В июне был создан батальон связи. В июле—августе при дивизии была сформирована авиагруппа в составе 18 самолетов. Началось формирование артиллерийской бригады. Однако создание технических частей затягивалось из-за недостатка материальной части и нужных специалистов.

Начдив И.И. Вацетис был особо озабочен вопросом наличия артиллерии в дивизии. Хроника формирования артиллерийских частей и подразделений такова: в мае была создана тяжелая батарея из пяти восьмидюймовых гаубиц; тогда же начато, а в июле закончено формирование 1-го легкого артиллерийского дивизиона (три батареи по четыре орудия). В конце июня было закончено формирование 1-й, а в августе — 2-й батареи мортирного дивизиона. Тогда же была создана зенитная (противосамолетная) батарея из 4-х орудий. В сентябре 1918 г. в дивизии появился тяжелый артиллерийский дивизион (12 орудий)¹³.

1 мая 1918 г. Латышская дивизия принимала участие в первом после Октябрьской революции параде войск Московского гарнизона на Ходынском поле. Командовать парадом было поручено И.И. Вацетису. Присутствовавший на параде председатель СНК В.И. Ленин дал высокую оценку состоянию и подготовке Латышской дивизии.

Дивизия состояла в основном из опытных, прошедших испытание боем воинов. Однако в ней был и определенный процент молодых солдат, обучению которых в полках уделялось постоянное внимание. Приказом по дивизии командирам полков предписывалось устроить тиры для обучения молодого пополнения приемам умелой стрельбы. По инициативе И.И. Вацетиса, этой учебе придавался спортивный характер — с вручением призов и памятных подарков отличившимся стрелкам. Помимо стрелковой подготовки во всех частях дивизии регулярно проводились тактические занятия, изучение материальной части оружия и техники.

Исключительно большое внимание И.И. Вацетис уделял подбору и подготовке командного состава частей и подразделений дивизии. Комплектование Латышской дивизии командным составом в 1918 г. было связано с определенными трудностями, однако этот вопрос в целом здесь решался более успешно, нежели в других соединениях Красной Армии. И это объяснялось рядом причин. Хотя основная часть старшего и среднего звена офицеров латышских полков во время Октябрьской революции встала на сторону ее противников, однако многие младшие офицеры, выходцы из пролетарских и полупролетарских слоев общества, вместе со стрелками приняли идеи социализма. При этом они еще до создания латышской дивизии прошли испытания на верность выбранному пути: октябрьскими событиями 1917 г.; переходом Латвии в Советскую Россию; реорганизацией старых полков в части Красной Армии. За это же время офицеры латышских полков не менее двух раз переизбирались на различные командные

должности. Поэтому вполне естественно, что все колеблющиеся и политически ненадежные лица при такой чистке отсеивались или отстранялись соответствующим образом.

Вхождение латышских полков в ряды Красной Армии без серьезной организационной ломки позволило Исколастрелу и полковым комитетам назначить на командные должности тех бывших офицеров, которым стрелки доверяли, которых они знали по предыдущим боям. При этом Исколастрел, комитеты и партийные организации наряду со старыми офицерами настойчиво и смело выдвигали на командные должности бывших унтер-офицеров и рядовых стрелков, показавших свои способности в боях и повседневной жизни. В полках дивизии почти все должности младшего командного состава занимали бывшие рядовые и унтер-офицеры. И все же, несмотря на это, в дивизии ощущался недостаток опытного командного состава.

От уровня подготовки младших командиров во многом зависит уровень умений и навыков солдат. Поэтому учебе младших командиров в Латышской дивизии уделялось большое внимание. Еще в приказе по дивизии от 9 июня 1918 г. начдив И.И. Вацетис потребовал во всех полках организовать полковые школы с трехмесячным сроком обучения. От каждой роты и команды предписывалось туда выделить не менее шести человек¹⁴.

Еще один штрих — приказом по 1-й бригаде от 27 апреля командный состав для повышения своего уровня знаний был обязан посещать в Москве лекции по военному делу.

Характеризуя командный состав Латышской дивизии, И.И. Вацетис отмечал: «Латышские стрелки... требовали хороших командиров, От латышских командиров прежде всего требовались находчивость и мудрый ум, затем — деловитость, самопожертвование и хладнокровие. Качества такого командира импонировали стрелкам, обладавшим такими же качествами. Такая солидарность создавала в бою взаимное доверие, дисциплину и способствовала эффективному применению оружия»¹⁵.

Источники и литература

¹ История латышских стрелков. С. 208.

² Там же. С. 217, 218.

³ Там же. С. 220.

⁴ Там же. С. 221.

⁵ Там же. С. 222.

⁶ Там же. С. 223.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 224.

⁹ Известия Народного комиссариата по военным делам. 1918. 12 июня.

¹⁰ РГВА. Ф. 1574. Оп. 1. Д. 31. Л. 20, 21, 49.

¹¹ Там же. Д. 79. Л. 11.

¹² *Якир И.Э.* Десять лет тому назад // Этапы большого пути. М.: Воениздат, 1962. С. 81—83.

¹³ История латышских стрелков. С. 230.

¹⁴ РГВА. Ф. 1574. Оп. 1. Д. 25. Л. 53.

¹⁵ История латышских стрелков. С. 234.

КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ НЕ ПРОЙДЕТ!

Весной и летом 1918 г. полки и отряды латышских стрелков, дислоцированные в городах центра и северо-западе России, несли гарнизонную службу, охраняли местные советы, железнодорожные станции, мосты, склады, другие объекты. По заданиям местных органов Советской власти, их ЧК они проводили облавы, обыски, аресты ее противников (контрреволюционеров), боролись с бандитизмом и спекуляцией, пресекали попытки спровоцировать население на грабежи продовольственных складов. Работая в военных секциях советов, стрелки оказывали помощь в формировании и обучении частей Красной Армии.

В Москве в 1918 г. происходило то же самое: солдаты и командиры латышских полков и вновь формируемых частей

Латышской дивизии несли гарнизонную службу, охраняли Советское правительство в Кремле (с марта по сентябрь — 9-й полк, затем до конца года — 2-й полк), съезды Советов, Московский Совет, Наркомат по военным делам, артиллерийские и интендантские склады. Представители латышских стрелков назначались помощниками комендантов Москвы и Московского Кремля, оказывали необходимую помощь в формировании частей Красной Армии. Отряды, выделенные от Латышской дивизии, в мае—июне сопровождали из Москвы в Казань поезда с эвакуированным золотым запасом страны.

Участие латышских полков в борьбе с контрреволюцией шло одновременно с их реформированием и созданием Латышской дивизии. Крупной операцией в Москве в этом плане было разоружение весной 1918 г. анархистов, бандитские действия которых вынудили органы Советской власти принять против них самые решительные меры. К разоружению были привлечены отряды ВЧК и красноармейские части, в том числе Коммунистический (позднее 9-й полк) и Головной революционный отряды латышских стрелков, 2-й и 3-й латышские полки.

Еще 9 апреля командир 3-го полка К. Стуцка получил приказание держать в полной боевой готовности 300 стрелков с 10 пулеметами. В следующие дни была организована разведка расположения анархистов в районе Арбатской и Смоленской площадей. Для выполнения задачи разоружения анархистов полк выделил 6 рот с 12 пулеметами. Кроме того, полку были приданы бронемашина и два орудия. 12 апреля в три часа утра подразделения полка заняли свои позиции: две роты с 4 пулеметами и одним орудием оцепили Собачью площадку, а четыре другие роты с орудием, бронемашинной и 8 пулеметами — Большой и Малый Власьевские переулки, а также Сивцев Вражек. После окружения домов анархистов, им был вручен ультиматум о немедленной сдаче оружия. Видя

безвыходность своего положения, анархисты сдались. Аресту подвергся 71 анархист, которых под охраной доставили в Кремль. При выполнении этой операции 3-й полк не понес потерь.

В тот же день силами других полков на Поварской улице было арестовано 30 анархистов. Сдали оружие анархисты на Большой и Малой Дмитровке. Всего ночью 12 апреля в Москве было арестовано 400 анархистов¹.

Разоружение анархистов состоялось и в других городах: в Петрограде — силами 6-го полка, в Нижнем Новгороде — 1-м батальоном 1-го полка. В мае 1918 г. стрелки 2-го полка участвовали в подавлении белогвардейского мятежа в Саратове, а бойцы 5-го полка в июне 1918 г. подавляли мятеж в Осташкове. Тогда же отряд стрелков 9-го полка под руководством коменданта Московского Кремля П.Д. Малькова арестовал участников нелегальной конференции меньшевиков.

Вообще эти весенне-летние месяцы 1928 г. были для Латышской дивизии, для ее штаба и лично для И.И. Вацетиса очень напряженными. Так, в середине июня органы ВЧК получили сведения, что в Москве контрреволюционеры готовят восстание. Начдив Вацетис принял меры по приведению полков в повышенную боевую готовность. 18 июня он приказал командиру 2-го полка Я. Аплюку держать полк в боевой готовности, а один батальон с пулеметами выделить в распоряжение Московского горвоенкомата.

Вот в это напряженное время серьезная опасность стала грозить со стороны партии левых эсеров, признанным лидером которой была Мария Спиридонова. После Октябрьской революции некоторое время левые эсеры сотрудничали с большевиками, они вошли в состав правительства, ВЦИК и местных органов Советской власти. Однако левые эсеры имели серьезные разногласия с партией большевиков: они отрицали социалистический характер революции в России, выступали против диктатуры пролетариата, против заключения мира

с Германией. Обострение этих противоречий привело левых эсеров к окончательному разрыву с большевиками.

Большие надежды левые эсеры возлагали на 5-й Всероссийский съезд Советов, открывшийся 4 июля 1918 г. в Москве. Среди его делегатов они надеялись найти поддержку по вопросам внутренней и внешней политики, особенно в отношении договора, подписанного с Германией в Бресте. Однако надеждам левых эсеров не суждено было сбыться: делегаты съезда большинством голосов приняли резолюцию, полностью одобрявшую политику Советского правительства во главе с В.И. Лениным. Резолюция же левых эсеров, в которой они предлагали расторгнуть Брестский мир и выразить недоверие правительству, была отвергнута. Как отмечали делегаты съезда, в том числе и представитель латышской социал-демократии К. Данишевский, разрыв Брестского договора приведет к пагубным для России последствиям.

Потерпев на съезде поражение, но не желая признавать себя побежденными, левые эсеры пошли на авантюру. С целью обострения отношений Советской России с Германией, ее представители 6 июля убили германского посла в России графа Мирбаха. Это сделали левые эсеры Я.Г. Блюмкин и Н.А. Андреев, по подложным документам проникшие в германское посольство. Это убийство, в результате которого Советская республика, по словам В.И. Ленина, была поставлена «на волосок от войны», послужило сигналом к началу мятежа левых эсеров. В ликвидации этого мятежа Латышская дивизия и ее начальник И.И. Вацетис сыграли решающую роль. О том, как развивались дальнейшие события, что делали в этой ситуации полки дивизии, ее штаб и начдив, рассказал впоследствии сам Иоаким Иоакимович. Мы решили включить этот довольно большой по объему и подробный по содержанию рассказ в наше повествование, ибо кто же еще, кроме непосредственного и активного участника этих событий, тем более организатора всей работы по ликвидации

мятежа, более правдиво расскажет об этом. Предоставим слово И.И. Вацетису.

«Утром 6 июля 1918 г. в Москве было все спокойно. Не было особых признаков тех больших событий, которые разыгались после полудня.

Около 4 час. дня левыми эсерами был убит германский посол граф Мирбах. Затем заранее сосредоточенные левыми эсерами в Трехсвятительском переулке вооруженные части заняли помещение ВЧК, арестовали и заперли в погребе Дзержинского, его помощника Лациса и председателя Московского Совета Смидовича. Только в этот момент выяснилась серьезность создавшегося положения.

Во главе восстания оказались эсеры Александрович и Прошьян. Первый состоял помощником председателя ВЧК, а второй — членом Высшей военной коллегии.

Из Трехсвятительского переулка, где в особняке Морозова поместился штаб повстанцев и левоэсеровское «правительство», части мятежников стали продвигаться к Кремлю, захватывая близлежащие улицы и площади.

Первые известия о левоэсеровском восстании. 6 июля по полудни я находился в помещении технической редакции на Садово-Кудринской. Около 5 часов адъютант сообщил мне из штаба дивизии по телефону, что меня разыскивает Подвойский. В это же время к подъезду подъехал автомобиль. Из него вышел секретарь Подвойского и, зайдя в комнату, в которой находился также Антонов-Овсеенко, предложил мне немедленно поехать с ним в Александровское училище. На мой вопрос, кто меня вызывает и по какой причине, я получил уклончивый ответ.

Наш автомобиль поминутно останавливали на улице вооруженные патрули, разъезжавшие на вооруженных грузовиках и проверявшие удостоверения личности. При одной такой остановке я узнал, что ищут автомобиль, на котором скрылись убийцы германского посла графа Мирбаха.

Наш автомобиль остановился у подъезда того флигеля, в котором ныне находится Высший военный трибунал.

Без пропуска и без исполнения прочих строгих формальностей меня привели в боковую комнату, в которой находились Подвойский и комвойск округа (Н.И. Муралов. — *Н.Ч.*). У стены, подальше от окна, стоял массивный деревянный стол, на котором был разложен план гор. Москвы и ее окрестностей.

Я спросил Подвойского, с которым был знаком, в чем дело. На мой вопрос ответил с удивлением комвойск:

— Как, вы не знаете, что в городе восстание и положение очень серьезное?

Дальше взял слово Подвойский и сказал мне голосом, не терпящим возражений:

— Вы нам составьте план ночной атаки; мы атакуем в 4 часа утра.

Я задал вопрос:

— А на какие войска вы рассчитываете?

Мне ответили:

— Главным образом на полки Латышской дивизии; прочие войска малонадежны.

Задаю вопрос:

— А где войска левых эсеров?

Подвойский указал на плане Трехсвятительский переулок.

Во время нашего разговора поступали донесения от каких-то людей, непрестанно входивших в комнату и выходивших. Сообщались разные сведения и предположения. Было ясно, что организованной работы еще нет.

Для командования войсками мной было предложено вызвать командира 1-й бригады Латышской дивизии Дудина.

Я стал знакомиться с положением дела. Сведения об эсерах были весьма недостаточные. Подвойский и комвойск говорили, что повстанцы заняли Трехсвятительский переулок и там

укрепляются, что заставы их приближаются к Кремлю и расположены по р. Яузе. На основании таких кратких сведений пришлось приступить к составлению плана действий. Прежде всего, надо было крепко держать в своих руках Кремль, затем необходимо было укрепиться в городе так, чтобы не дать возможности присоединившимся к повстанцам массам распространиться по городу. Для этого я полагал необходимым занять все важные в тактическом отношении площади и перекрестки. Войскам же занять исходные положения: у храма Христа Спасителя, на Страстной площади и в Покровских казармах. Прибывшему комбригу Дудину были даны в этом духе первые распоряжения; кроме того, я поручил ему объехать все латышские полки и расположить их следующим образом: 1-й полк с батареей — у храма Христа Спасителя (у нас, кстати, были сведения, что левые эсеры, помимо Кремля, наметили себе также овладение зданием Наркомвоена в Лесном переулке), 3-й полк при двух орудиях оставить на месте, 2-й полк немедленно вызвать из лагерей и направить на Страстную площадь, а 9-й полк оставить в Кремле.

Состояние Московского гарнизона. Войска Московского гарнизона Подвойский и штаб округа разделили на три категории. Первая категория — войска, безусловно преданные большевистской партии. Вторая категория — войска, объявившие нейтралитет. Третья категория — войска, которые перейдут на сторону противника.

К первой категории были отнесены латышские стрелки и формирующийся при Латышской дивизии образцовый полк, курсанты пехотной инструкторской школы (80 человек) и курсанты двух артиллерийских школ, при четырех орудиях.

Был ли левоэсеровский заговор неожиданностью? О том, что в Москве что-то неладное, мы догадывались. Недели за три до восстания мной, как начальником Латышской дивизии, было замечено, что какая-то властная рука старается очистить Москву от латышских частей, направляя их в разные провинциальные

города якобы для восстановления Советской власти. Ордера на отправку латышских частей присылались на мое имя и исходили от помощника председателя ВЧК Александровича.

До тех пор, пока таковые ордера требовали отправки сравнительно небольших частей, особенного внимания они к себе не привлекали, но дней за десять до восстания я получил ордер от Александровича: отправить немедленно один батальон 1-го полка в Нижний Новгород, в распоряжение исполкома. Распоряжение это мной было выполнено, но из Нижнего командир батальона донес, что местным исполкомом прибытие латышских стрелков было встречено с удивлением. Положение Советской власти там считалось прочным и о присылке латышских стрелков никто не просил. Аналогичное донесение было получено от командира одного батальона 2-го полка, посланного таким же образом на юг.

Такие факты вызывали подозрения. Александрович хотел и меня выпроводить из Москвы, поместив мою фамилию в список сотрудников штаба Муравьева, отправлявшегося 16 июня на Восточный фронт. Но я запротестовал. И мне удалось остаться на должности начальника Латышской дивизии.

Как ни хитро левые эсеры вели свои подготовительные работы, но такой грубый способ удаления из Москвы воинских частей уже тогда заставил меня быть начеку. Собрав все документальные данные, говорившие в пользу моих подозрений, я обратился к комиссарам дивизии Петерсону и Дозиту и высказал свое мнение о том, что высылка латышских стрелков из Москвы делается, несомненно, с определенной политической целью и в дальнейшем является совершенно недопустимой. Товарищ Петерсон немало был удивлен моими соображениями, но, видимо, принял мой доклад к сведению. Дня через два он сообщил, что мои предположения оправдались и что ни один латышский стрелок больше не должен быть отправлен из Москвы.

Позднее выяснилась справедливость и своевременность опасений: товарищ председателя ВЧК эсер Александрович, стоявший во главе заговора, исподволь проводил высылку латышских стрелков из Москвы, по-видимому, с той целью, чтобы к моменту восстания левых эсеров большевики оказались лишенными воинских частей.

В отношении времени момент для восстания был выбран удачно. Свое восстание левые эсеры назначили как раз накануне Ивана Купалы, когда латыши привыкли устраивать за городом традиционные народные гулянья. Так же и в этот день, 6 июля, латышские стрелки уехали за город и казармы оказались пустыми. Возвратившийся командир 1-й бригады Дудин заявил нам, что в казармах почти никого нет и что собрать полки он не может. Таким образом, пришлось отказаться от ночной атаки и перенести наступательные действия на 7 июля.

Мое назначение руководителем операции по подавлению левоэсеровского мятежа. К вечеру левые эсеры захватили почтамт и стали рассылать в провинцию свои воззвания, в которых говорилось о захвате ими власти и о свержении большевиков.

Резиденцией левых эсеров сделался морозовский особняк в Трехсвятительском переулке.

Было получено сообщение, что квартировавший в Покровских казармах полк Московского гарнизона перешел на сторону левых эсеров. Наше положение сделалось опасным во всех отношениях.

Доклад комбрига Дудина еще более усугубил наше положение. От предложенного ему командования он отказался, ссылаясь на свою неопытность для руководства действиями в столь большом городе, как Москва.

Подвойский и комвойск своего кандидата не имели. Как начальник дивизии, я должен был принять непосредственное руководство уличными боями. Принимая во внимание

это, я заявил, что так как будут действовать главным образом полки вверенной мне дивизии, то долг требует от меня взять командование в свои руки. Это заявление было передано в Кремль. И в результате переговоров командование было поручено мне.

Для уяснения обстановки, в которой приходилось тогда действовать, привожу краткий перечень расположения Латышской дивизии:

а) 1-й полк — один батальон и четыре пулемета в Москве, один батальон в Нижнем Новгороде;

б) 2-й — один батальон на Ходынке в лагерях, другой разбросан поротно и полуротно по городам юга России;

в) 3-й — только что прибыл с юга и производил требуемую Брестским договором демобилизацию;

г) 4-й — на Восточном фронте против чехословаков;

д) 5-й — в Бологое;

е) 6-й — в Петрограде и у Торошино;

ж) 7-й — в Великих Луках и Петрограде;

з) 8-й — в Вологде;

и) 9-й — в Кремле.

к) артиллерия: один легкий дивизион и восемь 6-дюймовых тракторных орудий — в Москве;

л) инженерный батальон — в Москве; авиационное отделение — в Люберцах; дивизионная конница — в Павловском Посаде.

Кроме того, я располагал еще формируемым в Москве образцовым полком, насчитывавшим в своем составе около 300—400 человек.

План действий. Вечером наш оперативный штаб был перенесен в здание штаба округа.

Наше положение было тяжелое: у нас не было налично войск. Сведения о действиях левых эсеров были неполные и не отличались ясностью. Дозоры доносили, что строятся баррикады, перекапываются улицы, выставляются проволоч-

ные заграждения. Левоэсеровские отряды оттеснили большевистские войска за р. Язу. И казалось, что они готовят штурм Кремля. Передавали также, что у левых эсеров образовалось свое правительство и составлено министерство.

Вечером обстановка сложилась весьма благоприятно для левых эсеров, и если бы они повели решительную атаку на Кремль, то его едва ли удалось бы удержать.

В этом последнем случае было решено перенести резиденцию правительства в артиллерийские казармы на Ходынке. Такая предусмотрительность была вполне уместна, так как у нас не было войск для контратаки. На боеготовность 9-го латышского полка, занимавшего Кремль, мы не возлагали особенно больших надежд. Для упорной обороны Кремля он едва ли был пригоден.

9-й латышский полк был сформирован в ноябре 1917 из людей всех латышских полков и предназначался для охраны Смольного. В состав Латышской дивизии был включен после длинных переговоров, так как состав полка считал для себя нежелательным обратиться в обыкновенную войсковую часть. Присвоив себе наименование «коммунистический полк», стрелки слышать не хотели о том, что им дано название «9-й латышский стрелковый полк». Занятия в полку не производились. Полком управлял полковой комитет, в состав которого входил и командир полка. Фактическим хозяином полка являлся председатель полкового комитета, который власти начальника дивизии над собой не признавал.

Итак, от ликвидации левоэсеровского мятежа ночной контратакой пришлось отказаться по той простой причине, что собрать для этого войска было невозможно. Наступление пришлось отложить на 7 июля.

Был намечен такой план действий:

- 1) организовать разведку, чтобы к утру иметь точные сведения о действиях левых эсеров и сочувствующих им войсковых частей;

2) к утру оттеснить части левых эсеров к Трехсвятительскому переулку и заставить их перейти к обороне;

3) наступление начать утром 7 июля.

Вместе с гг. Подвойским и Данишевским в закрытом автомобиле мы объехали часть города, бывшую в наших руках. Наши войска еще не успели занять назначенные им места.

Обстановка около полуночи. Положение в городе и в Ходынском лагере, где был расположен Московский гарнизон, постепенно выяснилось, и к полуночи оно в общих чертах было таково:

Положение большевистских сил. Налицо были следующие войсковые части:

1) одна пехотная школа курсантов (80 человек), занимала здание Военной коллегии — Лесной переулоч, д. № 1;

2) 9-й латышский стрелковый полк — в Кремле;

3) на Арбатской площади — отряд коменданта гор. Москвы;

4) на Девичьем поле собирался батальон 1-го латышского стрелкового полка;

5) 2-й латышский полк с двумя артиллерийскими школами курсантов, при 4-х орудиях. Был на пути из Ходынского лагеря.

Положение левых эсеров. Войска левых эсеров были в сборе в Трехсвятительском переулке. По имевшимся сведениям, они предполагали начать наступление 7 июля.

Основное ядро составлял батальон матроса Попова и отряд черноморских матросов.

Вечером на сторону левых эсеров перешел полк Венглинского, квартировавший в Покровских казармах.

Всего в распоряжении левых эсеров, считая и полк Венглинского, было около 2500 бойцов, при 8 орудиях, 4 бронемашин, и около 60 пулеметов.

Позиция гарнизона гор. Москвы. По имевшимся сведениям, левые эсеры 6 июля бросили в Ходынский лагерь своих агитаторов, которые захватили влияние над войсками и склонили

их объявить нейтралитет, что означало: не оказывать помощи большевикам, стоявшим за сохранение мира с Германией.

Численность гарнизона, находившегося на Ходынке в лагерях, доходила приблизительно до 20—25 тыс. человек.

Положение в городе. Мятеж был налицо. Восставшие против власти большевиков имели в своем распоряжении вооруженную силу, которая уже добилась кое-какого успеха. Какие части города успели захватить левые эсеры, что делают различные контрреволюционные организации — на такие вопросы дать точный ответ было трудно.

Нам было известно, что во главе восстания стояли Александрович и Прошьян, которые хорошо знали настроение и расположение частей Московского гарнизона. Вечером Прошьян в сопровождении отряда преданных ему войск захватил центральную телеграфную станцию, и левые эсеры стали рассылать свои воззвания по другим городам, призывая к свержению власти большевиков и объявлению войны Германии. В захваченных типографиях изготовлялись прокламации к населению Москвы и к солдатам, в которых объявлялось, что левые эсеры стоят за советскую войну с Германией, за уничтожение Брест-Литовского договора.

Из состава 9-го латышского полка были высланы две роты на центральную телеграфную станцию, чтобы очистить здание от левых эсеров. Но названные роты действовали крайне неискусно, были захвачены в плен, обезоружены и отведены в Трехсвятительский переулок; часть солдат была оставлена заложниками, а остальные отпущены в Кремль.

Покровские казармы вследствие измены полка Венглинского тоже оказались в руках восставших.

Движение публики в городе прекратилось. На улицах были лишь войска.

Свидание с тов. Лениным. В первом часу ночи тов. Данишевский передал, что тов. Ленин вызывает меня в Кремль для доклада о положении в городе.

Проезжая вместе с тов. Данишевским в закрытом автомобиле по Лесному переулку мимо здания Наркомвоен, мы увидели, что к храму Христа Спасителя уже подошли некоторые части 1-го латышского стрелкового полка.

По-видимому, в Кремле нас ждали, так как везде были подготовлены пропуска и нигде никаких остановок не было. Наш автомобиль подъехал к зданию Совнаркома. Нас провели в зал заседаний Совнаркома и просили подождать. Данишевский прошел к Ленину, который был у себя.

В довольно обширном помещении, в котором я очутился, было почти темно, где-то в углу горела небольшая электрическая лампочка, окна были занавешены. Обстановка напоминала мне прифронтовую полосу на театре военных действий. Войдя в зал, я остановился шагах в пяти от дверей.

Через несколько минут дверь на противоположной стороне зала отворилась и вошел тов. Ленин. Он подошел ко мне быстрыми шагами и спросил вполголоса:

— Товарищ, выдержим до утра?

Задав этот вопрос, Ленин продолжал смотреть на меня в упор.

Я понял, что Ленин ждал от меня ответа категорического и что всякий другой разговор был бы излишним. Но дать ответ на такой вопрос, какой поставил мне Ленин, я не был готов.

Под упорным взглядом Ильича я сформулировал ответ, который сводился к следующему: обстановка еще не выяснена, положение в городе осложняется, атаки в 4 часа 7 июля быть не может, так как наши войска не могут быть собраны, а потому прошу тов. Ленина дать мне два часа времени, в течение которого объеду город, соберу нужные сведения и в 2 часа 7 июля дам совершенно точный ответ на поставленный им вопрос. С этим тов. Ленин согласился и, сказав: «Я вас буду ждать», — ушел таким же быстрым шагом, как вошел.

Мне хорошо врезалась в память наружность Ленина, быть может потому, что в такой обстановке мы встретились впер-

вые. Помню также, что Ленин был в своем обыкновенном рабочем костюме, темно-коричневого цвета.

Положение к 2 часам 7 июля. К этому времени наше положение значительно окрепло: у храма Христа Спасителя собрался 1-й латышский стрелковый полк с артиллерией и образцовый полк. На Страстную площадь прибыл 2-й латышский стрелковый полк, при двух артиллерийских школах курсантов, с 4 орудиями.

Во всяком случае, мы имели четыре группы войск: 1) у храма Христа Спасителя, 2) в Кремле, 3) на Страстной площади и 4) на Арбатской площади. Мы уже вышли из того тяжелого положения, в котором были 6 июля вечером.

Сведения о действиях левых эсеров были крайне скудные и сбивчивые, никто не мог дать более или менее определенных данных о группировке их сил. Точными были лишь данные о том, что их штаб расположен в особняке Морозова. Все-таки одно весьма веское обстоятельство было налицо, а именно: левозэсеровские вожди пропустили момент для решительных действий, и без больших жертв они уже не могли победить в городе, так как мы были готовы дать отпор.

В общем и целом к двум часам 7 июля у меня создалось впечатление, что мы победим, если утром перейдем в решительное наступление всеми силами, собранными в течение ночи.

О настроении рабочей массы сведений собрать мне не удалось.

Вторичное свидание с тов. Лениным. Вторичное свидание с тов. Лениным состоялось, как было условлено, в 2 часа ночи 7 июля. Со мной был тов. Подвойский. Встреча происходила на прежнем месте.

Я ожидал появления тов. Ленина, стоя у того же кресла, где стоял в первый раз. Товарищ Ленин вышел из той же двери и таким же быстрым шагом подошел ко мне. Я сделал несколько шагов навстречу ему и отрапортовал: «Не позже 12 часов 7 июля мы будем победителями в Москве».

Ленин взял обеими руками мою руку, крепко-крепко пожал ее и сказал: «Спасибо, товарищ. Вы меня очень обрадовали». Затем, пригласив меня садиться, он сам сел рядом и предложил мне рассказать ему, что происходит в городе, в каком положении наши войска и что делается у левых эсеров.

Я рассказал все, что было известно как о противнике, так и о наших войсках. Товарищ Ленин задавал различные вопросы, касающиеся настроения Московского гарнизона и латышских стрелков, особенно интересовался, не ведется ли среди последних эсеровской агитации. На все вопросы я дал совершенно определенный ответ, чем, по-видимому, тов. Ленин остался вполне доволен. Я изложил ему также намечавшийся план действий.

Наша беседа длилась минут двадцать. Окончив свой доклад и видя, что тов. Ленин не задает более вопросов, я встал и просил разрешения уехать. Владимир Ильич еще раз выразил свою благодарность и вышел вместе со мной в секретарскую комнату, где мы и распрощались. В секретарской кипела работа.

План операции. Из изложенного видно, что я выдал два весьма ответственных векселя. Первый вексель выдал правительству, взяв на свою ответственность командование войсками, а второй — обещанием Ленину ликвидировать левозэсеровский мятеж не позднее полудня 7 июля. Оба эти векселя вытекали из создавшегося чрезвычайного положения и сильно обязывали.

В основную идею операции были положены два главных соображения:

- 1) организовать концентрическое наступление на расположение противника, которое завершить штурмом;
- 2) одновременно со штурмом произвести артиллерийским огнем разгром штаба и резиденции левозэсеровского правительства.

Начало наступления было назначено на 5 час. утра.

План наступления был выработан следующий:

3-му латышскому стрелковому полку с двумя орудиями вести наступление со стороны Таганки на Яузский мост и далее на Яузский бульвар.

1-й полк с двумя орудиями поведет наступление по Варварке, Б. Ивановскому и Б. Трехсвятительскому переулкам.

2-му латышскому полку с двумя орудиями, наступая по Чистопрудному бульвару, занять Покровские казармы и отсюда развивать дальнейшее наступление.

9-й полк, обороняя Кремль, должен был в то же время частью своих сил действовать в сторону Ильинки и Покровки.

К 10 часам утра положение полков должно было быть следующее: 3-й полк должен был занять Подколокольное и Воронцово поле, 1-й полк должен был быть на Малой Ивановке и в Колпачном переулке, 2-й полк должен был занять Покровские казармы. Образцовый полк действовал между 1-м и 3-м полками. Комбриг Дудин руководил действиями вверенной ему бригады. Артиллерия была распределена по полкам.

Для выполнения второй задачи, т.е. разгрома левоэсеровского штаба и резиденции левоэсеровского правительства, была назначена в распоряжение комбрига Дудина особая батарея, которая должна была подвести свои орудия на руках возможно ближе к особняку Морозова и разгромить его огнем в упор.

В моем резерве на Девичьем поле оставались инженерный батальон Латышской дивизии и два тракторных 6-дюймовых орудия.

Ожидалось прибытие латышского кавалерийского полка из Павловского Посада.

События 7 июля. Сведения о действиях левоэсеровского командования поступали с большими перебоями.

Прокламации левых эсеров были разбросаны во всех казармах латышских стрелков и расклеены на улицах, ведущих к Трехсвятительскому переулку.

Здесь и там происходила редкая стрельба. Артиллерия обеих сторон молчала. Ночью нам удалось захватить одну неприятельскую бронемашину. Отличить своего от противника было очень трудно, так как обе стороны были одеты в обмундирование старой армии. Исключение составляли матросские отряды левых эсеров, которые были в своей морской форме. Но матросы пока не показывались; они вели агитацию и составляли главный резерв.

Утром явилась в штаб Латышской стрелковой дивизии (Знаменка, 10) матросская делегация от главарей левых эсеров. Матросы обратились к адъютанту дивизии и просили вступить в переговоры с Трехсвятительским переулком. Дивизионный адъютант спросил меня по телефону, как поступить с делегацией. Я сказал, чтобы он попросил матросов удалиться.

Около 7—8 час. утра послышалась артиллерийская стрельба из Трехсвятительского переулка по Кремлю. Снаряды попадали в Малый дворец. Огонь велся из полевых орудий гранатой и шрапнелью. Это был самый безобидный огонь. Но я опасался, что левые эсеры откроют по Кремлю огонь зажигательными снарядами, что могло бы создать большую опасность для центра города.

С наших батарей последовал запрос о разрешении открыть огонь по Трехсвятительскому переулку. Одна батарея стояла у храма Христа Спасителя, другая — на Страстной площади. Я отдал распоряжение не открывать огня до моего приезда на батарею.

Сначала я направился на батарею, расположенную у храма Христа Спасителя. Там стояли два орудия. Обслуживали орудия курсанты: кадровых командиров не было. Курсанты готовили орудия для стрельбы по карте. Орудия были наведены на Трехсвятительский переулок; направление и расстояние, вычисленные по карте, были определены неправильно. После тщательной проверки оказалось, что снаряды ударили бы

в воспитательный дом. Этой батарее было запрещено стрелять. Что же касается батареи, расположенной на Страстной площади, то тут случилось неразрешимое для того времени препятствие, а именно: стрелять пришлось бы по углу меру и уровню, а с этими атрибутами артиллерийской техники курсанты были мало знакомы. Да и смысла не было стрелять, не имея определенных целей. В результате такой стрельбы, какую могли дать наши батареи, могли возникнуть многочисленные пожары в центре города. Имея в виду эти последние соображения, я распорядился открывать артиллерийский огонь только на близкие расстояния и прямой наводкой.

Наступление большевистских войск. Утром 7 июля был густой туман, покрывший город непроницаемой завесой. Видеть вперед можно было шагов на 15—20, а отличить своих от противника было совершенно невозможно. Наши войска теснили противника по всему фронту и к 9 час. утра сошлись вплотную. По всему фронту завязалась ружейная и пулеметная перестрелка. Время от времени левоэсеровские батареи бросали снаряды по различным направлениям.

Москва превратилась в боевое поле. Публика, невзирая на праздничный день, на улицу не выходила.

У нас была прочная телефонная связь с комбригом Дудиным. Согласно данным ему указаниям наступление должно было вестись с полной энергией, с тем, чтобы к 10 час. достичь указанного рубежа.

Наше продвижение вперед шло хотя медленно, но планомерно. К 10 час 2-й латышский полк занял часть Покровских казарм.

Труднее было положение 1-го и образцового полков, которым пришлось действовать по узким переулкам и под пулеметным огнем. Левоэсеровские отряды разместились в окопах и за баррикадами, на крышах и на балконах. Комбриг Дудин сообщил мне, что сопротивление левых эсеров принимает очень упорный характер и что у противника много пулеме-

тов, расставленных на крышах и балконах. 1-й латышский стрелковый и образцовый полки временно приостановили наступление и начали закрепляться, занимая прилегающие дома и приспособляя к обороне заборы и площади.

Комбриг Дудин находил наше положение крайне тяжелым и сомневался в возможности открытого штурма. 1-й латышский полк попал под пулеметный огонь и понес значительные потери убитыми и ранеными. Образцовый полк сражался хорошо, но тоже нес потери. Что же касается 3-го латышского стрелкового полка, то там произошел какой-то перебой. Этот полк за несколько дней перед этим прибыл с Северного Кавказа, с корниловского фронта. Понес большие потери и был крайне утомлен.

Надо отметить, что на корниловском фронте 3-й латышский полк сражался вместе с теми матросскими отрядами, которые очутились в лагере левых эсеров. Были сведения, что часть стрелков подпала под влияние матросской агитации. С утра в этом полку работали члены исполнительного комитета латышских стрелков. Но в наступивший критический момент 3-го латышского полка на фронте еще не было, пришлось считать его в глубоком резерве. Он выступил несколько позднее.

Для довершения решительного удара был выработан такой план.

1) Ввиду тяжелого положения нашей пехоты и сильного пулеметного огня противника ввести в дело артиллерию, стреляя с близких дистанций прямой наводкой.

2) Всеми силами стараться подтолкнуть пехоту вперед.

3) В том случае, если нам не удастся введенными в бой силами разбить левых эсеров, было решено ввести в дело, под моим личным руководством, главный резерв: два шестидюймовых тракторных орудия, инженерный батальон и конницу.

Часам к одиннадцати к нам присоединилось какое-то авиационное отделение и просило разрешения бомбить Трехсвя-

тительский переулок. Разрешения дано не было. В Кремле с нетерпением ждали развязки. Оттуда шли запросы ко мне и к тов. Муралову. Немецкое посольство также заинтересовалось положением наших дел и стало время от времени делать нам запросы через секретариат Наркомвоен.

Мною было принято определенное решение: в 12 час. стать во главе главного резерва, вломиться в центр расположения левых эсеров и разогнать их огнем тяжелой артиллерии. Этот способ борьбы был сопряжен с большими разрушениями домов и пожарами. Но мы не теряли надежды, что нам удастся справиться с левоэсеровским мятежом более «гуманными» средствами.

Действия батареи командира латышского артиллерийского дивизиона тов. Берзина. Товарищ Берзин послал вперед двухорудийную батарею, стараясь продвинуть орудия возможно ближе к особняку Морозова. Одно орудие, а именно то, которым командовал стрелок Буберг, удалось продвинуть к особняку Морозова шагов на 300.

Ровно в 11 час. 30 мин. комбриг Дудин сообщил мне об этом по телефону и просил разрешения открыть огонь.

Наступил решительный момент. Орудие Буберга было наведено прямо в окна Морозовского особняка... Дальнейшее промедление было недопустимо, ибо пулеметным огнем с крыши особняка Морозова могла быть истреблена вся орудийная прислуга, и тогда пришлось бы пустить в дело тяжелую артиллерию.

Сообразив все это, я взял телефон и продиктовал комбригу Дудину приказ: «Огонь и атака!»

Надо сказать, что в это время происходила артиллерийская стрельба и на других участках, но она особого значения не имела.

Как выяснилось после ликвидации мятежа, в то время, когда Берзин открыл огонь, в особняке происходило заседание левых эсеров. Первый снаряд разорвался в комнате рядом с заседани-

ем. Второй снаряд тоже. Следующие выстрелы картечью были произведены по крышам и балконам. Оглушительные разрывы гранат произвели ошеломляющее действие на участников заседания; они бросились на улицу и, спасаясь от картечи, разбежались в разные стороны. За главарями побежали и их войска.

Дальнейший ход действий и ликвидация восстания. Вслед за этим 1-й латышский полк двинулся вперед, захватил помещение ВЧК и освободил сидевших в погребе тт. Дзержинского, Лациса и Смидовича.

Оказалось, что левые эсеры бежали с такой поспешностью, что забыли снять своих часовых. По другой версии, они хотели найти новое помещение для штаба и «правительства», но появление латышей заставило их поспешно удалиться.

Ровно в 12 час. комбриг Дудин донес мне по телефону, что левые эсеры бегут, о чем мною было сообщено по телефону же тов. Ленину.

Комбригу Дудину было приказано организовать преследование.

Около 14 час. весь район, занятый левыми эсерами, был в наших руках. Все войска, бывшие под нашей командой, собрались около здания ВЧК. Туда же приехал и тов. Ленин.

Около 15 час. я получил доклад от комбрига Дудина, что преследование организовать ему не удалось, так как войска заявляют, что они очень устали. Кто-то предложил двинуть для преследования 9-й латышский стрелковый полк, который все время оставался в Кремле.

Мы с тов. Подвойским отправились пешком в Кремль. Лично я не был уверен, что наша миссия увенчается успехом, так как мне было хорошо известно внутреннее состояние этого полка. Командира полка разыскали не скоро. Но от него никаких распоряжений мы не добились. Он ссылался на то, что полком ведает председатель полкового комитета. Пошли за председателем полкового комитета, которого удалось разыскать при содействии коменданта Кремля.

Я изложил цель нашего посещения и просил нарядить в наше распоряжение один батальон. Председатель полкового комитета ответил, что соберет полковой комитет и предложит решение вопроса на его усмотрение. Товарищ Подвойский покачал головой и, по-видимому, начинал терять терпение. Несмотря на свое высокое положение в военном ведомстве (тов. Подвойский состоял членом Большой военной коллегии и являлся одним из военных комиссаров по военным делам), тов. Подвойский в данном случае оказывался слабее полкового комитета.

Мы стояли во дворе и ожидали решения. Наконец появился председатель полкового комитета и сообщил, что полковой комитет решил не давать стрелков для преследования, так как 9-й полк составляет гарнизон Кремля и не имеет права ослаблять его оборону. Товарищ Подвойский вышел из терпения и категорически указал председателю полкового комитета: «Товарищ, полковые комитеты давно упразднены, пришлите командира полка».

Командир полка получил от Подвойского приказ немедленно выделить не менее одной роты и прислать к нему. Через полчаса командир полка привел один дозор в составе около двадцати человек, который и был направлен к Сокольникам.

Для преследования был отправлен инженерный батальон на грузовиках.

После разгрома в Трехсвятительском переулке левоэсеровские войска покинули Москву и направились в сторону Ярославля.

После ликвидации восстания народным комиссаром по военным и морским делам был издан следующий приказ о расследовании поведения войск Московского гарнизона:

«Наряду с частями, безукоризненно исполнявшими свой революционный долг во время мятежа левых эсеров, в составе Московского гарнизона оказались недостойные группы,

которые либо примыкали к мятежникам, либо ослаблялись внутренними раздорами.

Для расследования поведения всех частей московского гарнизона, для установления порочных элементов в его среде с целью примерного их наказания учреждается комиссия в следующем составе: председатель — М.С. Кедров, члены — Данишевский, Аросев».

Выступление левых эсеров в Москве 6 июля было сигналом для штурма против Советской власти. По этому сигналу поднялись восстания в... Ярославле, Ленинграде, на Волге, на Урале.

По этому сигналу поднял мятеж главнокомандующий Восточным фронтом Муравьев и повернул против Москвы фронт всей заволжской контрреволюции.

Но пролетарская революция обладала достаточными силами. Она разгромила мятежников и уничтожила контрреволюцию»².

Впервые эти воспоминания И.И. Вацетиса были опубликованы в 1927 г., в год десятилетия Октябрьской революции. К вопросу о мятеже левых эсеров Вацетис обращался и в последующие годы, когда партий, противостоявших ВКП(б), давно уже не было и в помине, а «врага народа» Троцкого клеймили на всех углах и перекрестках. Ему приписывали все мыслимые и немыслимые преступления против Советской власти, против вождя партии В.И. Ленина, на него «вешали всех собак», в том числе и «нечестную» игру при мятеже левых эсеров.

Исследователи деятельности Л.Д. Троцкого В. Краснов и В. Дайнес в своем труде «Неизвестный Троцкий» утверждают, что у Вацетиса еще в 1919 г. возникли подозрения в отношении роли Троцкого в организации убийства германского посла графа Мирбаха и мятеже левых эсеров. Эти «подозрения основывались на том, что Троцкий и левые коммунисты» были, как и левые эсеры, противниками заключения мира

с Германией, а потому могли пойти на любые меры, чтобы нарушить уже подписанный договор.

В этом труде приводятся суждения И.И. Вацетиса на эту и другие темы, суждения далеко не бесспорные. «В марте 1935 года Вацетис беседовал со своим давним знакомым А.И. Тарасовым-Родионовым, который еще в годы Гражданской войны часто критиковал военную деятельность Троцкого. Между старыми знакомыми состоялся следующий диалог, касающийся рукописи Вацетиса под названием «1918 год».

— Иоаким Иоакимович, я внимательно изучил вашу рукопись, — сказал Тарасов-Родионов, — считаю, что в ней правдиво рассказывается о подавлении левоэсеровского мятежа в июле восемнадцатого года.

— Да, вы правы. Мятеж является завуалированной попыткой Троцкого и его единомышленников спасти Ленина от мести левых эсеров, которые были против заключения Брест-Литовского мира. Они были объявлены застрельщиками мятежа. И против них Троцкий и его приспешники двинули вооруженную силу.

— Кто же, по вашему мнению, еще принимал участие в этом спектакле? — спросил Тарасов-Родионов.

— Я убежден, что кроме Троцкого в этом заговоре были замешаны Склянский, Муралов и отчасти Подвойский. После ликвидации мятежа и так называемых застрельщиков мятежа, следствие было поручено тому же Муралову, который и спрятал все троцкистские концы в воду. В последующем Троцкий, опираясь на своих единомышленников Лашевича, Смилгу, Гусева, генерала Бонч-Бруевича и других, не раз затевал попытки государственного переворота. Но все эти попытки не удались, так как я своевременно принимал контрмеры при содействии верных партийцев»³.

Очередная порция обвинений в адрес «контрреволюционера» Л.Д. Троцкого со стороны И.И. Вацетиса, однако, не

могла существенно повлиять на дальнейшую судьбу бывшего Главкома Республики — тридцать седьмой год неумолимо приближался.

Источники и литература

¹ История латышских стрелков. С. 247—248.

² *Вацетис И.И.* Выступление левых эсеров в Москве // Этапы большого пути. С. 257—271.

³ *Краснов В., Дайнес В.* Неизвестный Троцкий. Красный Бонапарт: Документы. Мнения. Размышления. М.: Олма-Пресс, 2000. С. 31.

НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ

Постановлением СНК 11 июля 1918 г. И.И. Вацетис был назначен главнокомандующим чехословацким (Восточным) фронтом. В телеграмме начальника оперативного отдела Наркомата по военным делам С.И. Аралова начальнику штаба Восточного фронта В.Ф. Тарасову, отправленной после полудня 12 июля, говорилось: «Декретом Совнаркома Генштаба тов. Вацетис назначен главнокомандующим чехословацким фронтом, тов. Данишевский назначен членом Революционного военного совета. До приезда тов. Вацетиса командование сохраняется в том виде, как оно установлено тов. Мехоношиным»¹.

Карл Данишевский дополнил состав РВС Восточного фронта — кроме него членами являлись П.А. Кобозев, К.А. Мехоношин, Г.И. Благодрагов. При обсуждении кандидатуры И.И. Вацетиса были учтены, видимо, его опыт и успехи в подавлении мятежей — польского корпуса Довбор-Мусницкого в Белоруссии и левых эсеров в Москве.

В 1918 г. Советскую Россию буквально лихорадило. Едва успели на западе замирииться в марте месяце с Германией, как

«прорвало» на востоке. И связан был этот прорыв с действиями чехословацкого корпуса. Немного об истории создания этого корпуса. Формирование чехословацких частей из пленных и чешских колонистов в России началось еще при царизме, но особенно ускорилось оно при Временном правительстве. К осени 1917 г. были сформированы уже две дивизии, сведенные в корпус численностью в 30—35 тыс. человек. Командовать корпусом был назначен русский генерал В.Н. Шокоров, а начальником штаба — генерал М.К. Дитерихс. Дислоцировался корпус на Украине.

По поводу использования этого корпуса. Чехословацкий Национальный совет под руководством профессора Т. Масарика при поддержке западных союзников добивался переброски корпуса во Францию. В мае 1917 г. русский Генеральный штаб дал на это свое согласие. Однако первоначальный проект отправки реализован не был. В сентябре того же года Томаш Масарик вновь обратился к Временному правительству с просьбой ускорить переброску чехословацких частей на Западный фронт морем через Архангельск.

Однако были и другие виды на чехословацкий корпус. Силы, противодействующие нарастанию революционного движения в стране, надеялись использовать его в своих целях. Например, генерал Лавр Корнилов советовал другому генералу — Н.Н. Духонину перевести один из чехословацких полков в Ставку, а остальные части корпуса сосредоточить на линии Орша—Могилев—Жлобин.

Были ли серьезные основания рассчитывать на использование чехословацких частей в интересах противников революции в России? Ведь основная масса пленных чехов и словаков так же ненавидела ведущуюся войну, как и население России, и сочувственно относилась к революционным событиям 1917 г. в ней. Вместе с тем были и другие обстоятельства, относящиеся прежде всего к условиям формирования корпуса. Во-первых, в легионеры было отобрано менее

10 % общего количества военнопленных чехов и словаков, причем отбирали в первую очередь из числа националистически настроенных лиц, отсеивая сочувствующих большевикам. В корпусе был высокий процент офицеров (один на 16 солдат). Старшие командиры были представителями той части русского офицерства, которая не приняла «новшества» Февральской революции 1917 г. Младшие командные должности занимали бывшие чешские офицеры австрийской армии. Поэтому неудивительно, что чехословацкий корпус оказался на стороне противников большевиков и Советской власти. Вторых, большую роль в создании антисоветских настроений в корпусе сыграла развернутая Национальным советом националистическая пропаганда, на которую поддались многие legionеры.

Октябрьские события 1917 г. ускорили процесс поляризации сил в обществе. Одним из ярых противников Советской власти выступало донское казачество во главе с Калединым. Для его поддержки руководители Белого движения замыслили перебросить чехословацкий корпус на Дон. В конце ноября 1917 г. в Яссах состоялось тайное совещание, на котором присутствовали представители Антанты, белогвардейского и румынского командования. В качестве представителя от чехословацкого корпуса выступал офицер Черженский, который позже рассказал: «Мне был поставлен вопрос, способна ли чехословацкая армия к вооруженному выступлению против большевиков и сможет ли она занять область между Доном и Бесарабией»².

Томаш Масарик впоследствии признавал, вожди белого движения Корнилов, Алексеев и Милюков убеждали его присоединиться к ним и выступить против большевиков. Однако, по свидетельству Масарика, тогда корпус еще не был готов к такому выступлению. К тому же разгром мятежа legionеров 1-го польского корпуса генерала Довбор-Мусницкого служил для них «ужасным» примером. А начавшееся наступление советских войск против калединовцев заставило

окончательно отказаться от плана использования чехословацких частей на Дону.

Очередная попытка договориться уже с советскими властями о переброске чехословацкого корпуса на Западный фронт была предпринята в начале февраля 1918 г. Тогда в Киеве между командующим советскими войсками на Украине М.А. Муравьевым и представителями чехословацких организаций, за спиной которых стояли страны Антанты, состоялись переговоры, закончившиеся соглашением о свободном пропуске чехословацких частей во Францию. Однако и на этот раз достигнутое соглашение осталось нереализованным ввиду начавшегося немецкого наступления.

После заключения Брестского мира чехословацкий Национальный совет обратился к Советскому правительству с просьбой отправить корпус во Францию через Архангельск. Совнарком согласился (в принципе, без окончательного решения) пропустить эшелоны корпуса, но только другим, более безопасным для Советской власти маршрутом — через Сибирь и Владивосток. При этом Совнарком потребовал от Национального совета обеспечения ряда гарантий: контрреволюционно настроенные офицеры подлежали удалению из корпуса; чехи и словаки должны были передвигаться не как воинские части и подразделения, а как группы свободных граждан; оружие подлежало сдаче органам Советской власти. На случай отпора различным бандам по пути следования в эшелонах оставался минимум оружия. Однако на практике эти условия остались невыполненными.

Какие этапы «в верхах» проходило решение «чехословацкого вопроса», узнаем из воспоминаний генерал-лейтенанта в отставке М.Д. Бонч-Бруевича: «Падение самодержавия не отразилось на судьбе чехословаков, по-прежнему занятых нескончаемым «формированием». После Октябрьской революции корпус занял особую политическую позицию, в те дни ни для кого из нас не ясную.

Русский комиссар корпуса в середине марта приехал в Москву. Явившись ко мне (военному руководителю Высшего военного совета. — *Н. Ч.*) с докладом, он не скрывал уже своей тревоги по поводу антисоветских настроений, господствующих в корпусе, особенно среди его офицеров.

Поставив в известность об этом тревожном докладе кого-то из политических руководителей Высшего военного совета, я предложил срочно обсудить этот вопрос. На специально назначенное заседание Высшего военного совета был приглашен заместитель народного комиссара по иностранным делам Чичерин. Приехал и Дзержинский.

На заседании этом, происходившем в моем вагоне, присутствовали почти все военные чины Высшего военного совета — каждый из нас, военных специалистов, отлично понимал, какую угрозу для Республики представлял этот сомнительный в политическом отношении корпус, постепенно без чьего бы то ни было разрешения передвигавшийся с Юго-Западного фронта, где он формировался, в центральные губернии России.

Весь корпус был уже на колесах, чехословаки двигались эшелон за эшелон с оружием в руках и в полной, как нам доносили, боевой готовности. Было ясно, что корпус надо ликвидировать или, во всяком случае, разоружить. Мы, военные специалисты, входившие в Высший военный совет, стояли на самой радикальной точке зрения и были готовы пойти на любые крайние меры, лишь бы устранить угрозу вооруженного выступления чехословаков против Советской власти.

— Утопить их в Днепре, если не будет другого выхода, — весьма недвусмысленно предлагали и я и кое-кто еще из обычных сдержанных и не очень решительных бывших генералов.

Чичерин, больше всего обеспокоенный и без того трудным международным положением республики, даже слушать не захотел о таком решении, грозившем, по его словам, осложнить наши отношения с капиталистическими странами.

Троцкий (председатель Высшего военного совета. — *Н.Ч.*) то ли мало интересовался вопросом, то ли умышленно принял столь двойственную ему позу этакого разочарованного Чайльд-Гарольда и никого из нас не поддерживал. Стало понятно, что дальше разоружения корпуса совещание не пойдет. Вопрос о разоружении чехословаков, однако, упирался в их дальнейший маршрут.

Мне представлялось очевидным, что наиболее благоприятное время для разоружения упущено, — это надо было сделать, пока эшелоны чехословаков двигались растянуто в глубину. Теперь же, когда корпус начал сосредоточиваться, отсутствие у нас достаточно дисциплинированных воинских частей делало эту задачу чрезвычайно трудной.

Жаркий спор на заседании Высшего военного совета завязался и по вопросу о том, как вывести чехословацкий корпус из пределов Республики и переправить его во Францию. Последнее можно было сделать только морским путем, а, следовательно, либо через Мурманск, либо через Одессу или другой черноморский порт и, наконец, избрав самый дальний маршрут через Владивосток.

Последний маршрут вызвал самые категорические возражения мои и других военспецов. Выйдя уже из пределов Украины, чехословацкие эшелоны вот-вот могли оказаться в опасной близости от главной базы наших вооруженных сил и в случае мятежа захватить эту базу. Наконец, добравшись до Дальнего Востока, они могли столкнуться с японцами, враждебно относившимися к советской Республике. Путь на юг, казавшийся мне более безопасным, был решительно отвергнут политическими работниками Высшего военного совета, считавшими, что направление туда чехословацких эшелонов резко усилит враждебные Советской России силы, действовавшие на Украине. Направление на Мурманск вызвало не менее обоснованные возражения: прибыв в незамерзающий северный порт, чехословаки могли столкнуться с англичанами,

уже начавшими в этом районе интервенционистские военные действия в сторону Архангельска.

Получалось, как в известной народной присказке: «Хвост вытянешь — нос увязнет».

В тщетных поисках выхода из создавшегося положения в моем выдавшем виды вагоне было немало выкурено и папирос, и трубок, и самокруток, и еще больше проведено многословных и горячих споров. Голоса разделились, и решения Высший военный совет так и не вынес. Но к единодушному выводу пришли все: в любом случае корпус надо было разоружать во что бы то ни стало.

Втянутое в антисоветский заговор командование корпуса дало для вида согласие на разоружение и обязалось, что чехословаки, сдав оружие в Пензе, дальше поедут уже в качестве частных граждан. Условие это, конечно, не было выполнено.

Снова приехавший в Высший военный совет русский комиссар корпуса, узнав о вероломстве командования корпуса, застрелился, едва выйдя из моего вагона.

Рассредоточенные почти вдоль всей Сибирской железнодорожной магистрали чехословаки подняли давно подготовленный мятеж»³.

Западные державы, прежде всего Англия и Франция, а затем и США готовили корпус для вооруженного выступления в России. Английские военные круги предполагали, что в Сибири чехи и словаки могли бы выступить в районе Омска и соединиться с атаманом Семеновым. Правительства Англии и Франции выделили на подготовку этого мятежа большие средства. По неполным данным, только эти два государства для этой цели передали лидерам национального совета около 15 млн рублей⁴.

Практическая подготовка осуществления задуманного плана вооруженного выступления началась сразу же после достижения соглашения о переброске бывших пленных чехов и словаков через Сибирь. Особенно она активизировалась после высадки интервентов на Дальнем Востоке. В этих условиях

чехословацкие части, растянувшиеся в эшелонах в Поволжье, на Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке, представляли серьезную опасность. По этому поводу ряд сибирских организаций запросили Москву, как быть с дальнейшим продвижением чехословацких эшелонов. В ответ они получили следующие указания: «распоряжение о пропуске чехословацких эшелонов при условии оставления при них минимального количества оружия было дано от имени Совнаркома при иных условиях, когда не было японского десанта, а контрреволюция в Сибири была пришиблена. Теперь после десанта положение изменилось. Теперь необходимо полное разоружение эшелонов и отпуск их на восток только маленькими частями и с перерывами, ни в коем случае не вместе...»⁵

Однако попытки разоружить части корпуса наталкивались на их сопротивление, вплоть до открытия огня.

В конце мая началось вооруженное выступление чехословацкого корпуса. Снова обратимся к воспоминаниям М.Д. Бонч-Бруевича: «26 мая чехословаки под командованием Гайды захватили Новониколаевск (ныне Новосибирск. — *Н.Ч.*). Другой отряд под командой Войцеховского занял Челябинск. Наконец, почти одновременно эшелоны полковника Чечека в ответ на требование Пензенского Совета сдать оружие, подняли бой и, овладев городом, разогнали Совет, а ряд депутатов его — коммунистов — арестовали и приговорили к смертной казни.

При приближении советских войск мятежные чехословаки оставили Пензу и через Сызрань двинулись на Самару. Войцеховский же после захвата Челябинска двинулся на соединение с Гайдой и 7 июня занял Омск.

Оказавшиеся уже за Байкалом четырнадцать тысяч чехословаков свергли Советскую власть во Владивостоке и устремились на запад на соединение с Гайдой.

Соединившись, отряды Гайды и Войцеховского повернули и повели наступление на Екатеринбург, а Чечек двинулся на

Уфу, с тем чтобы, взяв ее, пойти на соединение с сибирской группировкой.

Сухое перечисление предпринятых мятежным корпусом военных операций говорит о том, насколько тщательно был разработан план мятежа.

Выступление чехословацкого корпуса должны были поддержать контрреволюционные мятежи в Москве, Рыбинске, Ярославле, Муроме, Костроме, Шуе и, наконец, в казачьих и кулацких районах. Высадившийся в Мурманске англо-американский десант предполагал занять Вологду, а войска контрреволюционного правительства Украины, конные части Краснова и «Добровольческая» армия Деникина — одновременно захватить южные области России.

Таков был обширный план контрреволюции. Но тогда никому из нас он не казался единым, и мы были бессильны связать друг с другом его отдельные звенья...»⁶

Были захвачены многие города и железнодорожные станции, в их числе Челябинск, Новониколаевск, Иркутск, Пенза, Петропавловск, Курган, Омск, Самара. Совместно с мятежниками действовали вышедшие из подполья белогвардейские офицерские группы, белоказаки и эсеровские группы.

Так возник новый фронт — Восточный (чехословацкий). Командовать войсками, направленными против мятежников, 1 июня был назначен активный участник Октябрьской революции А.Ф. Мясников (Мясникян). Но уже 13 июня 1918 г. телеграммой, подписанной В.И. Лениным, вся власть по руководству советскими войсками передавалась Революционному совету фронта в составе М.А. Муравьева — главнокомандующего (левого эсера), П.А. Кобозева, К.А. Мехоношина, Г.И. Благонравова. Всем командирам частей и отрядов предписывалось подчиняться этому Реввоенсовету.

Усилиями РВС фронта отдельные части и отряды, задействованные против мятежного корпуса, стали сводиться в более крупные боевые единицы — дивизии и армии. В этом пла-

не М.А. Муравьев провел значительную работу. Так, в июне 1918 г. в составе Восточного фронта были сформированы 1, 2 и 3-я армии. В его состав вошла и Особая армия, вскоре переименованная в 4-ю. Формирование 5-й армии началось уже в период командования фронтом И.И. Вацетиса, во второй половине июля, а закончилось оно в августе.

Немного о М.А. Муравьеве. Революции и гражданские войны имели одну особенность — они могли стремительно вознести того или иного человека на невиданные ранее высоты власти, давая ему на какое-то время огромные властные полномочия. И так же быстро его спустить с высот олимпа, развенчивая ореол бывшего вождя, властителя дум, вчерашнего всеобщего любимца. Довольно часто этот спуск с заоблачных высот заканчивался физической смертью. Как правило, такое случалось с людьми авантюрного склада, сумевшими на гребне волны событий заполнить важный пост.

В примерно таком положении оказался левый эсер. Бывший подполковник М.А. Муравьев. Предложив свои услуги Советской власти, он на третий день после Октябрьского переворота был назначен начальником обороны Петрограда, а еще через два дня (30 октября) командующим войсками, участвовавшими в ликвидации мятежа Керенского-Краснова. В декабре 1917 г. Михаил Артемьевич — начальник штаба Южного революционного фронта. Затем он командовал войсками в районе Одессы. В этот период Муравьев имел ряд конфликтов с руководителями Советской власти на местах, в результате чего был вынужден уехать в Москву, где был арестован по обвинению в злоупотреблении властью. Однако вскоре был освобожден по ходатайству ряда руководящих работников, в том числе и Л.Д. Троцкого. В середине июня 1918 г. Муравьев назначается командующим Восточным (чехословацким) фронтом.

Член партии левых эсеров М.А. Муравьев после разгрома в Москве ее штаба решил разыграть собственную карту.

Михаил Артемьевич командовал Восточным фронтом менее месяца — до 10 июля. Склонность к авантюризму и принадлежность к партии левых эсеров привели его к трагическому концу. Когда начался мятеж левых эсеров в Москве, перед СНК (правительством) встал вопрос о целесообразности дальнейшего пребывания Муравьева на занимаемом посту. Председатель СНК В.И. Ленин поручил передать по прямому проводу членам РВС Восточного фронта (П.А. Кобозеву, К.А. Мехоношину, Г.И. Благодравову), что левые эсеры похвалялись, что они рассчитывают на Муравьева. «...Я думаю, что это простая похвальба, но предписываем вам установить тройной контроль над Муравьевым. Вы (Кобозев. — *Н.Ч.*), Мехоношин и Благодравов попеременно дежурьте при нем, не оставляйте ни на один миг. Телеграфируйте мне сейчас, можете ли вы гарантировать, что Муравьев не пойдет на эту глупую авантюру...»⁷

Муравьев, почувствовав опасность, быстро сориентировался в обстановке и принял меры предосторожности. Он заверил членов РВС фронта в том, что решительно осуждает мятеж, организованный лидерами его партии, и выходит из нее. РВС фронта сразу же сообщил В.И. Ленину в Москву об этом заявлении М.А. Муравьева. В ответ председатель СНК потребовал: «Запротоколируйте заявление Муравьева о его выходе из партии левых эсеров, продолжайте бдительный контроль. Я уверен, что при соблюдении этих условий нам вполне удастся использовать его превосходные боевые качества»⁸.

Не удалось советским лидерам использовать потенциал военачальника Муравьева во благо Республики Советов... Михаил Артемьевич, усыпив бдительность членов РВС фронта своим заявлением о выходе из партии левых эсеров, все-таки пошел на авантюру. В ночь на 10 июля он без ведома РВС покинул Казань (штаб фронта) и на пароходах с вооруженным отрядом своих сторонников (их количество составляло около тысячи человек) направился в Симбирск. Оттуда он телеграфировал в СНК, в германское посольство в Москве, командованию

чехословацкого корпуса, а также в другие адреса о том, что он объявляет войну Германии. В войска фронта пошло распоряжение Муравьева повернуть оружие против немцев, которые якобы перешли в наступление на Советскую Россию.

В воззвании к населению, желая приобрести возможно большее количество сочувствующих, Муравьев призывал: «Всем рабочим, солдатам, казакам, матросам и анархистам... Всех моих друзей и боевых сподвижников наших славных походов и битв на Украине и на юге России ввиду объявления войны Германии призываю под свои знамена для кровавой и последней борьбы с авангардом мирового империализма — Германией. Долой позорный Брестский мир! Да здравствует всеобщее восстание!»⁹

Приспешники Муравьева в Симбирске арестовали ряд партийных и военных работников, в том числе командующего 1-й армией М.Н. Тухачевского. Отряд солдат, возглавляемый адъютантом Муравьева, занял почту, телеграф и другие важные объекты города. На собрании актива левозэсеровской организации Симбирска Муравьев заявил, что он за Советскую власть, но обстановка требует передачи власти на местах в руки левых эсеров. Он предложил образовать Поволжскую Советскую республику во главе с лидерами партии левых эсеров. Предлагалось также заключить перемирие с чехословаками.

Москва принимала срочные меры к ликвидации муравьевской авантюры. В правительственном сообщении об измене М.А. Муравьева, подписанном В.И. Лениным и Л.Д. Троцким 11 июля, говорилось: «Бывший главнокомандующий против чехословаков левый эсер Муравьев подкуплен англо-французскими империалистами.

Муравьев сбежал из штаба Революционного военного совета в Симбирск и отдал по всем войскам приказ повернуть против немцев, которые будто бы взяли Оршу и наступают на нас. Приказ Муравьева имеет своей предательской целью открыть Петроград и Москву и всю Советскую Россию для

наступления чехословаков и белогвардейцев. Измена Муравьева своевременно раскрыта Революционным военным советом, и все войска, действующие против чехословаков, верны Советской власти.

Сим объявляется по войскам, по Советам и всем гражданам Советской республики:

1. Немцы нигде на нас не наступают, на немецком фронте все спокойно.

2. Всякие призывы к наступлению на немецком фронте являются провокацией и должны караться расстрелом на месте.

3. Бывший главнокомандующий на чехословацком фронте левый эсер Муравьев объявляется изменником и врагом народа. Всякий честный гражданин обязан его застрелить на месте.

4. Все приказы по войскам, действующим против чехословаков, будут впредь до нового распоряжения подписываться Мехоношиным и Благодравовым»¹⁰.

Симбирский губком РКП(б) вот главе с Иосифом Варейкисом организовал отпор Муравьеву. При попытке задержания тот был убит 11 июля. По времени путч Муравьева был недолгим, однако вреда он принес немало. Восточный фронт на какое-то время остался без управления. Муравьев успел разослать в войсковые части телеграммы о заключении мира с чехословаками, о войне с Германией и проч. А через некоторое время те же части получили другие телеграммы — об измене Муравьева, объявлении его вне закона. По утверждению М.Н. Тухачевского, «все это произвело огромное впечатление на не сформировавшиеся еще части Восточного фронта. Началась паническая боязнь предательства, развилось недоверие красноармейцев к командному составу... начались непрерывные ложные слухи об отходах, изменах и проч. Войска стали отходить даже без боя»¹¹.

Чехословацкие части и белогвардейские отряды воспользовались моментом и активизировали свои действия, взяв го-

рода Бугульму, Мелекес, Сенгилей, Симбирск, Екатеринбург. «Измена левого эсера Муравьева, — отмечал В.И. Ленин, — стоила жизни десяткам тысяч рабочих и крестьян в войне с белогвардейцами...»¹²

По данным В. Краснов и В. Дайнеса, с назначением И.И. Вацетиса главнокомандующим Восточным фронтом получилось по принципу «Без меня меня женили». 10 июля 1918 г. Нарком по военным делам Л.Д. Троцкий принял И.И. Вацетиса в своем кабинете в доме № 1 по Лесному переулку. «Нарком имел озабоченный вид. Он поспешно пожал руку Вацетису и сказал:

— Ваше назначение главнокомандующим Восточным фронтом Совнаркомом (решено) окончательно. Дело не терпит отлагательства и поэтому с вами предварительно не поговорили, но мы надеемся, что возражений не будет.

— Да, то, что вы мне сообщили, для меня неожиданность. И, конечно, трудно вот так, с ходу определить свое отношение к этому назначению...

— Я вас понимаю, Иоаким Иоакимович. Поймите и вы нас. Положение на востоке тяжелое, главком Муравьев своими действиями чуть не ввергнул страну в войну с Германией. Подробности можете узнать в оперативном отделе Наркомвоенна. Общее руководство военными действиями осуществляет Высший военный совет. Поэтому посетите военрука Бонч-Бруевича и обсудите с ним все вопросы, касающиеся вашей будущей деятельности. Какие будут просьбы ко мне?

— Для успешного ведения операций на востоке считаю необходимым направить туда части Латышской стрелковой дивизии. Одну бригаду желательно отправить на Северный Урал, а остальные части — на Среднюю Волгу. При этом 5-й Земгальский полк прошу разрешения срочно перебросить в Казань.

— Над вашими предложениями мы подумаем. Желаю успешной работы на новом поприще».

Впоследствии Вацетис скептически оценивал эту свою беседу с Наркомвоеном. «Лев Троцкий отнял у меня слишком мало времени. — писал он, — и поэтому я задал себе вопрос: Зачем он вызвал меня к себе? Какие указания от него я получил? Сходить туда. Сговориться с тем. И это называются указания человека, поставленного революцией во главе обороны величайшей в мире страны? Особенно неуместным является указание мне Л. Троцким отправиться к М.Д. Бонч-Бруевичу и сговориться с ним. Л. Троцкий знал мои расхождения с М.Д. Бонч-Бруевичем как в вопросах военной политики, так и военного строительства»¹³.

Нарком по военным и морским делам Л.Д. Троцкий относился к И.И. Вацетису в целом достаточно доброжелательно. В своих мемуарах он пишет: «Главкомандующим Восточного фронта был назначен полковник Вацетис, который командовал до этого дивизией латышских стрелков. Это была единственная часть, сохранившаяся от старой армии. Латышские батраки, рабочие, бедняки-крестьяне ненавидели балтийских баронов. Эту социальную ненависть использовал царизм в войне с немцами. Латышские полки были лучшими в царской армии. После февральского переворота они почти сплошь обольшевичились и в Октябрьской революции сыграли большую роль. Вацетис был предприимчив, активен, находчив. Вацетис выдвинулся во время восстания левых эсеров. Под его руководством были установлены легкие орудия против штаба заговорщиков. После измены авантюриста Муравьева на востоке Вацетис заменил его. В противоположность другим военным академикам* он не терялся в революционном хаосе, а жизнерадостно барахтался в нем, пуская пузыри, призывал, поощрял и отдавал приказы, даже когда

* Троцкий имеет в виду бывших офицеров и генералов старой армии, поступивших на службу в Красную Армию, которые в свое время окончили военные академии.

не было надежды на их выполнение. В то время, как прочие «спецы» больше всего боялись переступить черту своих прав, Вацетис, наоборот, в минуты вдохновения издавал декреты, забывая о существовании Совнаркома и ВЦИКа...»¹⁴

Назначением на пост главнокомандующего Восточным фронтом И.И. Вацетис был обязан, безусловно, в первую очередь В.И. Ленину. Давайте порассуждаем: почему председатель СНК отдал предпочтение именно ему, а не кому-либо другому? Почему на главный в тот момент фронт Республики был назначен не кто-то из многочисленных в стране главнокомандующих фронтами или командующих армиями, а всего лишь начальник дивизии, пробывший в этой должности всего лишь три месяца? Ответ здесь напрашивается такой: во-первых, В.И. Ленин, видимо, лично убедился в наличии у Вацетиса организаторских качеств и оперативного кругозора во время встреч при подавлении мятежа левых эсеров; во-вторых, этому решению способствовало то, что Иоаким Иоакимович являлся начальником не простой дивизии, а дивизии латышских стрелков, об успешных действиях которых при защите революционных завоеваний Ленину было известно из многочисленных докладов с мест; в-третьих, сыграли, очевидно, свою роль и положительные рекомендации известных партийных функционеров, с которыми Вацетису приходилось общаться до и после революции (П.И. Стучка, К.Х. Данишевский, К.А. Петерсон, Н.И. Подвойский).

Сдав дивизию начальнику штаба А.В. Косматову, И.И. Вацетис 17 июля убыл в Казань в штаб Восточного фронта. Уже короткое знакомство И.И. Вацетиса с положением дел показало, что необходимо принятие самых срочных мер. Это видно из доклада его первого донесения в Москву — докладной записки председателю СНК В.И. Ленину и председателю ВЦИК Я.М. Свердлову, отправленной 19 июля. В этой записке, в частности, говорилось: «Революционный военный совет считает своим долгом поставить в известность, что под

Симбирском и Екатеринбургом положение критическое, наши войска бегут не сражаясь. Надо спасти Симбирск и Екатеринбург, в особенности надо удержать за нами Симбирск, ибо с потерей его мы лишаемся исходного положения на Волге. Для защиты Симбирска мы попробуем направить 4 Латышский полк с артиллерией.

Безусловно необходима присылка двух латышских (полков) — 5-го из Бологое и 1-го Либавского из Великих Лук. Оба полка могут быть взяты оттуда без ущерба делу. 5-й полк может быть заменен частями 6-го полка или каким-либо отрядом из Петрограда в 300—400 человек. Полки прошу прислать полностью и одновременно. Оба полка направьте в Симбирск. От своевременности прибытия названных латышских полков зависит спасение Симбирска.

Падение Симбирска повлечет за собой потерю последних остатков нефти, и вся Средняя Волга будет в руках чехов. Утрата последних остатков нефти вызовет полную остановку навигации по всей Волге и бунт сотен тысяч рабочих, что до крайности затруднит ведение операции против чехов. И наше поражение будет неминуемо, поэтому позволяем себе настаивать на безусловно точном и срочном исполнении требуемого»¹⁵.

С первых дней вступления в должность Вацетис предпринимает большие усилия для перелома обстановки в нашу пользу. Он хочет задержать передвижение и сосредоточение чехословацких войск путем разрушения железнодорожного полотна бомбами, сбрасываемыми с самолетов. В рапорте в Наркомат по военным делам, подписанном 20 июля, он просит усилить Восточный фронт самолетами: «При том разложении, в каком находится наша пехота, мы должны прибегать ко всем прочим средствам борьбы против чехословаков. Чехословаки пользуются широко железными дорогами, перебрасывая войска по всему фронту. Необходимо против этого принять энергичные меры. Одной из таких мер является разрушитель-

ное действие бомб с аэропланов. Латышских летчиков я уже вызвал. Прошу выслать еще двенадцать аппаратов из русских авиагрупп, которые направить на ст. Рузаевку...»¹⁶

Хотя И.И. Вацетис и был главнокомандующим фронтом, но что он мог сделать за несколько дней. А противник между тем действовал активно и дерзко. В итоге 22 июля им был захвачен Симбирск, а 25 июля — Екатеринбург. Не снимая с себя части вины за падение Симбирска, И.И. Вацетис в подробном докладе в Высший военный совет и Наркомат по военным делам стремится объективно разобраться в причинах этого события.

«К моему приезду на фронт все армии находились в отступлении.

Муравьевская авантюра расстроила фронт армий и штаб фронта, последнее чувствительно сказывается в настоящее время на правильном управлении армиями.

Наши армии не имеют кавалерии, противник же имеет ее в лице казаков. При отходе наших армий конница противника постоянно угрожает обходом флангов, ударом в тыл и разрушением наших сообщений. При подобной обстановке шансы борьбы на стороне противника. Планомерное отступление обращается в бегство и в бедствие.

В таком положении очутилась наша 1-я армия, отступавшая от бугульминского направления на Симбирск. Отступление было непланомерное, походило на панику: бросали орудия, броневой поезд, войсковое имущество, несмотря на то, что никакой особенной опасности не было, за исключением появления конницы противника на наших флангах и в тылу. Другие группы 1-й армии, действующие от Инзы на Сызрань и от Пензы на Сызрань, по-видимому, крепнут».

Иоаким Иоакимович, несмотря на свою горячую приверженность и любовь к латышским стрелкам, в данном случае не стал выгораживать их «нехорошие» дела, не стал защищать «честь мундира». Так, он прямо, без обиняков, называет преда-

тельскими действия 4-го латышского полка: «Находившийся в резерве 1-й армии 4-й латышский стрелковый полк вел себя предательски; этот полк не исполнил моего боевого приказа от 20 июля — выступить из Рузаевки в Симбирск и заблаговременно заняться укреплением этого города, чтобы он не мог бы захвачен противником из рук ослабевших частей 1-й армии.

Симбирск пал 22 числа сего месяца в 2 часа дня и только вечером 23 числа я получил донесение командира 4-го латышского стрелкового полка, что головные части полка выступили из Рузаевки. На мой приказ 4-му латышскому полку выступить из Рузаевки в Симбирск я получил от командира этого полка резолюцию массового собрания о том, что солдаты постановили отправиться в глубокий тыл на отдых. Полк так и не выступил. Тогда я приказал выступить в Симбирск командиру полка, комиссару полка, полковому комитету, всему командному составу, фракции коммунистов и всем честным солдатам, не потерявшим стыд и совесть. В общем набралось 173 человека выступающих. В ответ на этот приказ командный состав подал командиру полка заявление об отказе от занимаемой должности. Я категорически запретил это. Но означенные 173 человека тоже не выступили в Симбирск, а вступили в торг с массой, вместе с которой они и выступили из Рузаевки на Инзу лишь вечером 23 июля после того, как в массе была произведена чистка.

4-й латышский стрелковый полк ответственен за падение Симбирска. Будь он своевременно на месте, то Симбирск был бы до сих пор в наших руках.

Симбирск был захвачен конницей белогвардейцев обходом с тыла с запада, причем бывшие в Симбирске войска наши сопротивлялись очень слабо.

У белогвардейцев было 300 коней и четыре орудия, наши же силы были гораздо многочисленнее, но без дисциплины и привыкшие к произволу и трусости.

Наши солдаты выбирались из Симбирска заблаговременно вместе с комиссарами и членами губисполкома.

Симбирская группа войск вместе с губисполкомом бежала сначала в Буинск. Члены губисполкома приехали в Казань ко мне с докладом, как они говорят. Войска же Симбирской группы потянулись за ними тоже в Казань по дороге Буинск—Казань.

Депутация губисполкома отправлена мною обратно под Симбирск для сбора войск, а против бродяг, идущих в Казань, мною приняты строгие меры организации.

Отдан приказ взять обратно Симбирск...»¹⁷

Гладко было на бумаге, да забыли про овраги — гласит мудрая народная пословица. В том же докладе И.И. Вацетис сообщает, что для оказания помощи Симбирску он еще 20 июля приказал выдвинуть из Казани отряд Трофимовского в 350 чел. при двух орудиях, двух аэропланах и 100 конях. Этому отряду было приказано спуститься на пароходе по Волге до Тетюшей и действовать в тылу противника, продвигаясь в направлении ст. Бряндино. Такую же задачу несколько ранее получила и рота мадьяр (венгров).

Однако отправить эти части на выполнение полученной задачи удалось только вечером 23 июля (спустя более суток после захвата Симбирска белыми. — *Н.Ч.*). Как сообщает И.И. Вацетис, «пока удалось собрать артиллерию, мазут, аэропланы, прошло три дня. В воскресенье артиллеристы отказались нагружать орудия, ссылаясь на то, что праздник. Чтобы получить топливо для парохода, пришлось затратить два дня».

А еще в этом докладе И.И. Вацетис жалуется на возмутительное, по его мнению, поведение руководства 4-й (Особой) армии (командующий А.А. Ржевский), которое на приказ главнокомандующего фронтом о переходе 21 июля в наступление ответило, что армия не готова к этому. (Оказывается, «неохота» исполнять боевые приказы существовала не только на полковом уровне, но и в армейском звене.) Для разбора этого вопиющего случая неисполнения боевого приказа

РВС фронта направил в 4-ю армию П.А. Кобозева. В результате командарма А.А. Ржевского пожурили, но оставили на месте, и он почти до середины сентября 1918 г. руководил этой армией.

Картина в войсках фронта была безрадостной, и Вацетис честно и откровенно докладывал об этом в Москву. «Я считал своим долгом остановиться на означенных трех эпизодах (потеря Симбирска, неисполнение боевого приказа 4-м латышским стрелковым полком, разруха в Казани) для того, чтобы правдиво обрисовать правительству состояние наших военных и боевых ресурсов. И те, и другие в решительную минуту дают отказ, не дают возможности доводить боевую работу до должного напряжения.

Первой задачей на фронте я поставил остановить при помощи наших наличных сил продвижение противника вперед на всем восточном (чехословацком) фронте.

Второй задачей поставил создать резерв, частью стягиванием из тыла, частью новыми формированиями, и при помощи созданного резерва разбить противника наголову.

Первая задача до некоторой степени достигнута одновременным оживлением нашего фронта активными действиями в возможных направлениях.

Вторая задача потребует некоторого времени. Мною приказано в каждой армии приступить к формированию ездящей пехоты (корволантов). При тех громадных расстояниях, на каких действуют наши части, и при том жидком фронте, какой наблюдается у противника, корволанты (ездящая пехота) с задачей артиллерии окажут нам неоценимую услугу»¹⁸.

Докладная записка командования Восточного фронта в Высший военный совет и Наркомвоен от 25 июля 1918 г. фактически являлась программой действий И.И. Вацетиса и РВС фронта на ближайшие месяцы. Наряду с крупными задачами, решались и более мелкие. Но не менее насущные проблемы. «Далее приказано: 1) форсировать формирование казанской дивизии,

2) армию постепенно преобразовать в две дивизии штатного состава, 3) формировать дивизии в Перми и Вятке.

В Казани приступлено к формированию двух кавалерийских полков — одного латышского и одного русского.

На этих днях будет мною назначена комиссия для производства рекогносцировки в устье Камы (при впадении в Волгу) и р. Вятки (при впадении в Каму) с целью принятия мер к их укреплению...

На днях прибывает в Казань личный состав Академии Генштаба. Прошу о передаче в мое распоряжение всего личного состава военной академии в целях обслуживания, закрепления и успешного ведения войны на огромнейшем Восточном (чехословацком) фронте.

В настоящее время в штабе фронта имеется только три человека генштаба и справиться с колоссальной работой, работая и за штаб фронта и частью за штабы армий, нам крайне трудно».

Донося обо всем вышеизложенном, И.И. Вацетис просил назначить следственную комиссию для расследования поведения командного состава и представителей Советской власти при сдаче Симбирска, а также неисполнения боевого приказа командующим 4-й (Особой) армией и 4-м латышским полком.

Главнокомандующего Восточным фронтом особенно беспокоил участок Сызрань—Симбирск: «Главные действия противника намечаются на участке Сызрань—Симбирск. На этом фронте действует наша 1-я армия. Численность этой армии была слаба. Ныне она еще более ослабела, так как Симбирская группа совершенно развалилась, в рядах армии осталось около трех тысяч. Все резервы, посылаемые на Восточный фронт, в первую очередь следует направить на Рузаевку в распоряжение командующего 1-й армией»¹⁹.

Докладную записку И.И. Вацетиса обсуждали на самом высшем уровне. Положение было признано настолько серьез-

ным, что уже 29 июля было принято постановление ЦК РКП(б) о мероприятиях по укреплению Восточного фронта. В этом постановлении говорилось: «Обсудив обстоятельства, при которых был сдан Симбирск (родной город В.И. Ленина. — *Н.Ч.*), а равно и другие факты того же рода, ЦК РКП пришел к следующим заключениям:

Недостаточная стойкость красноармейских частей объясняется тем, что: 1) это во многих случаях молодые, наспех сколоченные и необстрелянные части, 2) красноармейским массам, вследствие крайне недостаточной агитации на местах, не всегда ясны смысл чехо-белогвардейского восстания и его грозная опасность для рабочей революции, 3) командный состав либо недостаточно опытен, либо ненадежен, 4) партийно-советские представители и, в частности, военные комиссары обнаруживают сплошь да рядом недостаточную революционную выдержку и преданность делу революции.

I. ...Принимая во внимание, что вопрос о судьбе революции решается ныне на Волге и Урале, ЦК предписывает всем партийным организациям строжайше подчиняться распоряжениям Народного комиссариата по военным делам и отдавать лучшие, наиболее стойкие части для отражения опасности на Востоке, оставляя на местах лишь минимальное количество вооруженных сил.

II. По вопросу об уяснении смысла чехо-белогвардейского мятежа ЦК вменяет всем партийным организациям в основу всей агитации, в том числе и по продовольственному вопросу, положить необходимость очищения Волги, Урала и Сибири от контрреволюции. В эту же точку должны неустанно бить вся партийная и советская пресса...

III. Все партийные работники, имевшие в прошлом какой-либо командный опыт, должны быть немедленно и повсеместно взяты на учет, в трехдневный срок, т.е. не позже 3 августа, направлены в Москву и поставлены в распоряжение Народного комиссариата по военным и морским делам для нужд фронта.

IV. Самым важным, прямо-таки решающим является, однако, поведение многих ответственных партийных и советских организаций и работников, проявляющих недостаточную энергию, а то и прямо малодушие.

а) Военные комиссары не умеют бдительно следить за командным составом. Такие случаи, как побег Махина (командующего 2-й армией. — *Н.Ч.*), как самостоятельный переезд Муравьева из Казани в Симбирск, как побег Богословского (бывший генштаба подполковник Б.П. Богословский непродолжительное время командовал 3-й армией. — *Н.Ч.*) и проч., ложатся всей своей тяжестью на соответствующих комиссаров. Над недостаточно надежными лицами командного состава должен быть установлен непрерывный и самый бдительный контроль. За побег или измену командующего комиссары должны подвергаться самой суровой каре, вплоть до расстрела.

б) Все члены партии, на каких бы постах они ни стояли, если это подлинные коммунисты, т.е. беззаветно преданные революционеры, а не мелкие советские карьеристы, должны подавать пример мужества и готовности бороться до конца. ЦК констатирует, что это наблюдается далеко не всегда. Нередко советские деятели снимаются с места первыми и покидают город, распространяя вокруг себя панику и очищая место белогвардейцам... В Симбирске коммунистами не сделано было даже попытки собрать вокруг себя все сознательные и честные элементы и до прибытия подкрепления отстаивать город путем баррикадной борьбы. Сдача врагу многочисленных боевых запасов в Симбирске представляет собою чудовищное преступление, равносильное измене и требующее беспощадной кары.

в) Все советские работники, эвакуировавшиеся из захваченных контрреволюционерами местностей, обязаны предоставить себя целиком в распоряжение фронта...

г) Для расследования поведения всех членов партии в связи с военными действиями на фронте учреждается партийно-следственная комиссия из 3 лиц...

Эта комиссия уполномочивается ЦК отстранять от работы и исключать из партии всех тех членов партии, деятельность которых окажется несоответственной партийным задачам и требованиям момента»²⁰.

1918 год был годом восстаний, измен и переходом частей и подразделений, а также отдельных военнослужащих РККА, в том числе в армейском звене, на сторону белых. Упомянутые выше Ф.Е. Махин, Б.П. Богословский были перебежчиками из войск Восточного фронта, на других фронтах подобные случаи тоже имели место.

Как известно, председатель СНК В.И. Ленин и Наркомвоен Л.Д. Троцкий являлись сторонниками привлечения для строительства Красной Армии бывших офицеров и генералов, однако при наличии за ними постоянного контроля со стороны комиссаров, политорганов и особых отделов ВЧК. Жесткость такого контроля порой доходила до применения системы заложничества по отношению к семьям офицеров и генералов. Подтверждением этого служит, в частности, телеграмма Л.Д. Троцкого члену Реввоенсовета Республики С.И. Аралову от 2 декабря 1918 г.:

«Еще в бытность вашу заведующим оперодом (оперативным отделом. — Н.Ч.) Наркомвоена мною отдан был приказ установить семейное положение командного состава из бывших офицеров и сообщить каждому под личную расписку, что его измена или предательство повлечет арест его семьи и что, следовательно, он сам берет на себя таким образом ответственность за судьбу своей семьи. С того времени произошел ряд фактов измены со стороны бывших офицеров, но ни в одном из этих случаев, насколько мне известно, семья предателя не была арестована, так как, по-видимому, регистрация бывших офицеров вовсе не была произведена. Такое небрежное отношение к важнейшей задаче совершенно недопустимо»²¹.

Обвинить И.И. Вацетиса и штаб Восточного фронта (начальник штаба П.М. Майгур) в бездействии в указанный пе-

риод нельзя. Наоборот, прошло всего десять суток со дня приезда Иоакима Иоакимовича в Казань, и он уже представляет в Высший военный совет план предстоящей наступательной операции:

«Наступает момент, когда надо показать нашим врагам, что мы еще сильны. Я решил в ближайшее время нанести противнику решительный удар и отбросить его с линии р. Волги на восток. Операцию эту предполагаю произвести следующим образом:

I. 1 армия:

1) Усилив двумя-тремя полками 1 армию, дать ей пока пассивную задачу, а именно: всеми мерами сдерживать противника и не допускать его распространения на запад от фронта Сызрань—Симбирск, в нужный момент перейти в наступление и сбросить противника в Волгу.

II. 4 армия:

1) В ближайшие дни должна овладеть г. Хвалынском, 2) с началом общего наступления эта армия действует в направлении Самары, заслонившись со стороны Сызрани.

III. 3 армия:

Перейдет в наступление: 1) для овладения Екатеринбургом, 2) для дальнейшего действия на фронте Челябинск—Златоуст.

IV. 2 армия:

2 армии ставится неременной задачей: 1) захватить г. Уфу, 2) овладеть узловой ст. Чишмы, 3) одной группой наступать на ст. Бугульма для связи с группой, действующей правей.

V. Вновь создаваемая армия:

1) В районе г. Чистополь — м. Тетюши — устье р. Камы сосредоточить возможно большую группу войск, 2) перейти в решительное наступление на фронте Симбирск — ст. Бряндино.

Начало общего наступления зависит от того, в течение какого времени будут сосредоточены войска.

В предстоящей операции сыграет большую роль конница. Мною приказано немедленно приступить к созданию и организации в широких размерах конницы типа ездящей пехоты... Противник весьма широко и успешно пользуется этим оружием против нашей пехоты.

В случае нашего успеха ближайшей задачей будет поставлено овладеть фронтом Актюбинск—Орск—Троицк—Курган—Тюмень.

Главнокомандующий Восточным фронтом Вацетис
Член Революционного военного совета Данишевский
Начальник штаба фронта П. Майгур»²².

Здесь необходимо отметить одно из примечательных качеств Вацетиса-военачальника. Он всегда отличался рачительностью при ведении войскового хозяйства. Его возмущали ничем не оправданные потери оружия, боеприпасов, снаряжения. И в первую очередь потери артиллерии, огонь которой в бою так благоприятно действовал на дух и настроение солдат пехоты. Еще со времен командования полком и дивизией Вацетис задумывался о наиболее целесообразном распределении артиллерии, усилению ею стрелковых (пехотных) частей.

Проанализировав положение с артиллерией в частях Восточного фронта, Иоаким Иоакимович пришел к выводу о необходимости создания полковой артиллерии. В этом его поддержали члены РВС фронта. Свои предложения на этот счет Вацетис изложил в начале августа 1918 г. в докладной записке в Высший военный совет.

«За время последних отступательных действий армиями потеряно много артиллерии и ее материальной части, что со временем может дойти до угрожающих размеров. Необходимо изыскать средство, (чтобы) в корне пресечь зло. Одну из таких мер я рекомендую: перейти к образованию полковой артиллерии. Это значит, что каждый полк в формируемой части получает свою батарею или две; с этой батареей полк живет вместе, люди знакомятся ближе, заводятся товарищеские

отношения в казармах..., а на поле брани взаимная выручка. В армиях Восточного фронта я приказал распределить все батареи по полкам. Последние бои дают желательный результат. Есть случаи, что вывозили из боя даже испорченные орудия. Перестали бросать зря снаряды. Следовало бы принять энергичные меры для спайки формирующихся частей, начиная с незначительных численностью ячеек»²³.

Вацетис настоятельно просит прислать ему пополнение. Эти просимые у Москвы резервы стали поступать, однако это делалось не так, как просил Главком Восточного фронта, и не в том объеме, что требовалось для перелома обстановки. И здесь в очередной раз Вацетис «схлестнулся» со своим давним оппонентом М.Д. Бонч-Бруевичем, военным руководителем Высшего военного совета. В докладной записке В.И. Ленину (копия Л.Д. Троцкому) Вацетис 1 августа 1918 г. пишет по этому поводу:

«Я просил прислать резервы. Дал М.Д. Бонч-Бруевичу по его запросу ответ определенный, исчерпывающий, не оставляющий места для сомнений и произвольных толкований. В моем ответе указывалось: во-первых, что два полка при артиллерии надо направить в 1 армию через Рузаевку на Инзу; во-вторых, все остальные войсковые части, направляемые на Восточный фронт, посылать на Казань кратчайшим маршрутом. Здесь не могло быть места сомнениям или недоразумению. Поэтому мне совершенно непонятно то, что делает теперь М.Д. Бонч-Бруевич, произвольно распыливая войска, посылаемые мне, по всему Восточному фронту. Например: один Витебский полк направлен на Кубань, другой — на Рузаевку; один Могилевский полк направлен на Саратов, другой — на Казань, четыре полка вкраплены в крупнейший фронт от Кубани до Казани, причем даже разорвана организация бригад. Силы, посылаемые из Петрограда, приказано разбить на две части поровну, одну половину направить на Пермь, другую — на Казань. И это все без моего, главнокомандующего, ведома.

Как предполагает распорядиться М.Д. Бонч-Бруевич с прочими подкреплениями, посылаемыми на Восточный, мною командуемый фронт, для меня загадка.

...Если представленный мною план предстоящей операции Вами будет утвержден, то прошу отдать следующие распоряжения:

1. Из Петрограда на Пермь в распоряжение командующего 3 армией послать два бронированных поезда, один полк пехоты и один эскадрон конницы, а все остальные войска, даваемые Петроградом, послать в Казань, где будет дано дальнейшее назначение.

2. Оба Московских полка, т.е. всю бригаду, отправить в Казань, где будет дано дальнейшее назначение.

3. Витебский полк послать не на Кубань, а на Хвалынский (на Волге), и он тоже войдет в состав 1 армии.

4. Все прочие войска, посланные на Восточный фронт в мое распоряжение, направить на Казань, где им будут даны дальнейшие указания...»²⁴.

Тогда же И.И. Вацетис направил депешу и Михаилу Дмитриевичу Бонч-Бруевичу, в которой четко и однозначно обозначил свою позицию по поводу резервов: «Получил вашу телеграмму, что 2 Витебский полк назначен в Туркестан. Это ведет к разбросу сил. В данную минуту важно разгромить противника на Волге, этим ударом разрешается много задач в тылу противника. Прежде всего надо добиться успеха на Волге, после чего всеми силами двинуться вперед.

Прошу передать 2 Витебский полк в мое распоряжение и направить его на Хвалынский в состав 1 армии»²⁵.

Разногласия, отсутствие взаимопонимания и даже личная неприязнь между М.Д. Бонч-Бруевичем и И.И. Вацетисом имели, как уже упоминалось, давние корни, еще со времени учебы Иоакима Иоакимовича в Академии Генерального штаба (1906—1909 гг.), где полковник М.Д. Бонч-Бруевич преподавал тактику. «Этот профессор отличался крайним самолюбием

и раздражительностью, — вспоминал И.И. Вацетис. — В особенности возражать ему было крайне опасно, когда он был не в духе. У меня с ним была схватка на выпускном экзамене по тактике. В академии держались мнения, что возражать ему — это все равно, что тигра дернуть за хвост».

Не остался в долгу и М.Д. Бонч-Бруевич — в своих мемуарах он не особенно лестно отзывается о Вацетисе, которого он пренебрежительно называет «каким-то главкомом» и подтверждает, что не всегда находил контакта с ним: «Не очень я ладил (в роли военного руководителя Высшего военного совета. — *Н.Ч.*) с Оперодом (оперативным отделом Наркомата по военным делам. — *Н.Ч.*) и со всякого рода главкомками, которые все еще во множестве водились на необъятных просторах России, охваченной пожаром Гражданской войны. Одного из таких главкомов, знакомого мне еще по Могилеву — Вацетиса, я как-то крепко одернул, воспользовавшись тем доверием, которое оказывал мне Ленин.

После измены и бесславной гибели Муравьева Вацетис был назначен главнокомандующим Восточного фронта, образованного Оперодом против чехословаков. Я потребовал от него полного подчинения. Вацетис же, считая себя подчиненным Опероду, самочинничал, нанося этим немало вреда делу обороны.

Приказы Высшего военного совета он явно игнорировал. Но время от времени я все-таки получал от него телеграммы — весьма резкие по тону и странные по существу. Последняя из таких телеграмм гласила о том, что командование Восточного фронта нуждается в формировании «корволанта» на манер летучего корпуса из конницы и пехоты, перевозимой на лошадях, созданного когда-то Петром I и отличившегося в боях со шведами.

Телеграмма эта пришла в те дни, когда положение на Восточном фронте было до крайности напряженным. Казалось, нельзя было терять и минуты, а командование фронта занималось какими-то фантастическими затеями...

Заготовив от имени Ленина суровую телеграмму Вацетису, в которой ему предписывалось полное подчинение Высшему военному совету и запрещалось обращаться с ничем не сообразными предложениями, я отправился в Кремль и, пройдя в кабинет Владимира Ильича, доложил ему о «самостийности» главкома Восточного фронта и его художествах..

Услышав о «корволанте», Ленин долго смеялся и, не сделав ни одной поправки к преложенной мною телеграмме, подписал ее.

Дальнейшие события подтвердили те мрачные предположения, о которых я докладывал Владимиру Ильичу. Прошло немного времени, и Казань была захвачена вместе со значительной частью золотого запаса Республики. Сам Вацетис едва унес ноги — белые его, конечно, не пощадили бы...»²⁶

Оценка, данная М.Д. Бонч-Бруевичем Вацетису, отличается крайней субъективностью. Автор явно сгущает краски по многим позициям. По Бонч-Бруевичу выходит, что Вацетис отличался «самостийностью». Однако это далеко не так: после мятежа Муравьева и его разгрома ни о какой «самостийности» главкома Восточного фронта не могло быть и речи, ибо он был под надежной «опекой» членов РВС П.А. Кобозева, К.А. Мехоношина, К. Данишевского, И.Н. Смирнова. Владимир Ильич Ленин неоднократно требовал от них доклада о надежности И.И. Вацетиса, о его работе на посту главкома Восточного фронта («Достаточно ли энергично работают военные руководители и Вацетис? Хорош ли контроль комиссаров за ними?»).

Несостоятельным представляется обвинение И.И. Вацетиса со стороны М.Д. Бонч-Бруевича в игнорировании главкомом Восточного фронта приказов и указаний Высшего военного совета. Как было сказано выше, уже спустя несколько дней после своего приезда в Казань Иоаким Иоакимович представил в Высший военный совет докладную записку об обстоятельствах сдачи белым Симбирска, а через десять

дней — план предстоящей наступательной операции. Правда, последний был раскритикован М.Д. Бонч-Бруевичем: поддерживая основную идею плана — активными боевыми действиями сдерживать продвижение противника на запад и нанести ему удар от р. Камы в южном направлении при содействии вспомогательного удара 4-й армии, военрук Высшего военного совета потребовал разработки более точного оперативного плана, с производством точных расчетов с учетом разведанных и постановкой конкретных боевых задач группам войск.

Напрасно высмеивает М.Д. Бонч-Бруевич идею создания отрядов «ездящей пехоты» («корволантов»). Как не раз пояснял сам Вацетис, он приказал при каждой армии создать отряд ездающей пехоты — этого мобильного подразделения (резерва), которое можно быстро перебросить на усиление того участка фронта, где наметилось ухудшение обстановки. К тому же такой отряд непременно усиливался средствами артиллерии, что повышало его боевые возможности.

Говоря о разногласиях между И.И. Вацетисом и М.Д. Бонч-Бруевичем, их взаимной неприязни, справедливости ради отметим, что и первый из них (Вацетис) был далеко не безгрешен. У него тоже в характере были черты, которые не импонировали окружающим его людям: прямолинейность в суждениях, резкость и категоричность в оценках, нежелание при необходимости идти на компромиссы, завышенная самооценка. Не всегда он прислушивался и к мнению подчиненных.

Свидетельствует полковник в отставке А.В. Панов, работавший с января 1919 г. помощником начальника, а затем начальником отделения Оперативного управления Полевого штаба РВСР: «Главком И.И. Вацетис принимал доклад начальника штаба в кабинете последнего в разное время по своему усмотрению, предварительно ознакомившись с событиями на фронтах по сводкам. Иногда при решении отдельных вопросов сюда вызывались начальник оперативного управ-

ления, помощник начальника штаба и кто-либо из инспекторов. Обычно главком И.И. Вацетис старался обходиться без советников как в штабе, так и на заседаниях Реввоенсовета, упорно добивался проведения в жизнь своих решений. Его начальник штаба Ф.В. Костяев также был склонен к самостоятельным решениям и мало пользовался вспомогательной работой сотрудников низших инстанций, что, естественно, не способствовало развитию творческой инициативы»²⁷.

Возвращаясь к негативной характеристике М.Д. Бонч-Бруевичем как личностных, так и полководческих качеств И.И. Вацетиса, не следует забывать, что эта оценка была дана в годы, когда бывший Главком Республики числился в рядах «врагов народа», будучи оклеветанным и физически уничтоженным, будучи проклятым и надолго забытым. А воспоминания свои М.Д. Бонч-Бруевич писал в 40-е и начале 50-х годов (он умер в 1956 г.), т.е. задолго до полной реабилитации И.И. Вацетиса. Что, разумеется, и сказалось на оценке его деятельности на различных постах в Красной Армии.

На докладную записку И.И. Вацетиса от 1 августа 1918 г. быстрее всех отреагировал нарком Л.Д. Троцкий. Его ответ от 2 августа был выдержан в дружелюбных, успокоительных тонах.

«Уважаемый т. Вацетис!

Получил Ваше письмо. Само собой разумеется, что все высказанные в этом письме пожелания будут немедленно выполнены. Если с нашей стороны была какая-либо несогласованность по отношению к распоряжениям, исходящим от Революционного военного совета, и в частности и в особенности от Вас, как главнокомандующего, то это объясняется исключительно плохим состоянием связи. Телеграфная проволока работает между Казанью и Москвой и между Казанью и Петроградом в высшей степени нерегулярно. На целый ряд наших вопросов мы не получаем своевременного ответа. Возможно, что и у Вас в штабе не все еще налажено. Я потребую

сейчас от наркома почт и телеграфов, чтобы он отправил на все важные в телеграфном отношении пункты безусловно надежных людей для установления правильных отношений.

Относительно 2-го Витебского полка Вы находитесь в недоразумении. 2-й Витебский полк был предоставлен в распоряжение Туркестанского округа около двух месяцев назад. Этот полк лично тесно связан с Туркестанским окружным комиссаром Кафиевым, который все это время подготавливал для полка необходимое снаряжение и обозы. Этим и объясняется, почему полк был передан Кафиеву.

Что касается Петрограда, то там совершенно не получили от Вас предписаний, несмотря на свои неоднократные запросы. Я сейчас отправил им приказание согласно Вашей телеграммы. Всем командующим армиями, всем комиссарам я неустанно внушаю необходимость строжайшего подчинения всем Вашим приказаниям. Мы двинули сейчас из Петрограда и Москвы в распоряжение Революционного военного совета первоклассную революционную публику, которая едет с подлинной готовностью бороться или погибнуть. Петроград даст нам в течение ближайших дней не менее двух-трех тысяч агитаторов-борцов, которые войдут в красноармейские части согласно указаниям Революционного военного совета.

...В Петрограде и Москве призываются еще три возраста. Я посетил петроградских мобилизованных, был в Кронштадте, был на съезде Советов Северной области и Петроградского совета, всюду понимание необходимости сокрушить чехословацкий мятеж в самый короткий срок стало господствующим, и Вы можете не сомневаться, что у Вас сейчас имеется прекрасно воодушевленный тыл, готовый решительно всем прийти Вам на помощь.

У нас здесь нет никакого сомнения в том, что задача будет скоро разрешена с полным успехом. Центральное правительство и руководящие местные советы с полным доверием относятся к командованию на чехословацком фронте»²⁸.

Однако полного успеха не получилось. Более того, противник вплотную подошел к Казани, где со штабом фронта располагался И.И. Вацетис. Как происходило наращивание сил противника под Казанью, какие меры предпринимал главком фронта, видно из приводимых ниже документов.

РВС, штаб фронта и лично главком Вацетис особенно интенсивно работали в дни, предшествующие захвату чехами и белыми Казани. День 5 августа у Иоакима Иоакимовича был предельно насыщен. Утром он дал комиссару отдельного отряда боевых судов Волжской военной флотилии А.В. Бабкину следующее указание: «Пароходам первому и второму немедленно сняться с якоря и идти в Богородск для защиты устья Камы. В случае занятия Богородска чехословаками прорваться в Казань»²⁹.

Посчитав, что двумя пароходами дело в устье Камы не решишь, И.И. Вацетис изменяет свое первоначальное решение и тогда же (5 августа) приказывает командующему Волжской флотилией выдвинуть туда все суда: «немедленно двиньте вашу флотилию к устью р. Камы. Вторичное бегство из боя флотилии я буду рассматривать как величайшее предательство в эту критическую минуту. Батальон моряков наступает правым берегом Волги на с. Богородск. Вы должны идти впереди их по Волге. На левом берегу Камы успешно сражаются наши доблестные войска»³⁰.

Но моряки Волжской флотилии промешкали, и их опередила флотилия белых, прорвавшись к Казани. Вацетис срочно просит помощи, телеграфируя в тот же день в Наркомат по военным делам: «Флотилия противника прорвалась к пристани и заняла ее. Шлите скорее подкрепления. До сих пор подкреплений нет»³¹.

Одновременно Вацетис требует от командующих 1-й и 2-й армиями усиления их действий против белогвардейцев и чехословаков. например. В 1-ю армию М.Н. Тухачевскому была отправлена телеграмма: «Действуйте возможно энер-

гичнее. Противник ведет атаку на Казань; его вооруженная флотилия ворвалась на пристань и часть ее прошла выше Казани»³².

От командующего 2-й армией В.П. Блохина главнокомандующий фронтом просит помощи, хотя бы небольшой: «Прошу вас экстренно двинуть на Казань из Сарапула два орудия и человек триста. Казань обстреливается артиллерией противника и делается десант. Прошу поспешить на помощь»³³.

В тот же день, 5 августа, И.И. Вацетис отправляет в Москву, в Наркомвоен, докладную записку о положении войск фронта, в том числе и под Казанью. «Противник 4 августа своей боевой флотилией атаковал нашу боевую флотилию. Наша боевая флотилия бежала вверх по Волге. По обеим сторонам Волги замечено наступление пехоты и конницы. Устье Камы в руках противника, но это временно, так как принятыми мною мерами он будет прогнан к Симбирску.

Обстоятельства сложились так, что я должен был перейти к решительным действиям, не дожидаясь полного сосредоточения наших сил, так как на это я был вынужден противником, перешедшим в свою очередь к решительным действиям по направлению на Казань, двигаясь по Волге сильной боевой флотилией и по обоим берегам Волги сухопутными войсками.

В ответ на вызов противника я приказал 1 армии атаковать Симбирск, 2 армии — наступать на тыл противника для разрушения его сообщений по железной дороге Симбирск—Уфа. 4 армия получила указания действовать на Самару. 3-я, Екатеринбургская, армия получила приказ начать наступление во всех возможных направлениях.

На фронте Чистополь—устье Камы—Буинск начали группироваться части 5 армии. Положение этой армии очень тяжелое, так как резервы изнутри Республики совершенно в Казань не прибывают и у меня нет войск, чем противодействовать напору противника. Все, что я мог, то я двинул из Казани на фронт Буинск—устье Камы—Чистополь, но этих частей мало.

Кроме того, они не обладают никакой боеспособностью. Это такие части, которые я выкинул из Казани вопреки их желанию и за неимением лучших.

Прошу принять все меры, чтобы резервы пропускались в Казань в самом срочном порядке.

Все резервы направлять на Казань по железным дорогам и водным путем»³⁴.

Последняя телеграмма из Казани в Наркомат по военным делам, подписанная И.И. Вацетисом и К.Х. Данишевским, была отправлена 6 августа. Ее содержание говорит о состоянии гарнизона в Казани и тамошней обстановке: «Противник атакует Казань по левому берегу Волги. Подкрепления не прибывают. Задержка происходит на участке Рузаевка-Свияжск, там не хватает паровозов. Поддержка необходима чрезвычайно»³⁵.

После падения Симбирска и Екатеринбурга белогвардейцы посчитали делом чести взять и Казань — важнейший стратегический пункт Восточного фронта. Здесь был сосредоточен золотой запас Республики, здесь находились склады артиллерии, продовольствия, военного снаряжения. К тому же, взяв Казань, белые рассчитывали двинуться на север, на соединение с иностранными интервентами.

Положение в Казани действительно было тяжелым. Части гарнизона представляли собой малочисленные, плохо обученные и слабо дисциплинированные отряды, часть из которых Вацетис с определенным трудом выпроводил на позиции в район Буинска — устье р. Камы. Формирование Казанской дивизии, начальником которой по рекомендации И.И. Вацетиса был назначен его бывший помощник по снабжению в Латышской дивизии Петр Антонович Славен, только-только начиналось: в начале августа в ней насчитывалось всего около 500 чел. В Казанском кремле располагалась инструкторская школа и сербский батальон — 400 чел. Волжская военная флотилия была слабее флотилии белых и уступала ей в скорости и вооружении.

Еще в июле, прибыв в Казань, Вацетис принял меры по усилению ее обороны. На кого он мог опереться в первую очередь? Конечно, на свою испытанную Латышскую дивизию. И он добился того, что две бригады дивизии (2-я и 3-я) были переброшены на Восточный фронт. В конце июля — начале августа 1918 г. полки этих бригад (4, 5, 6-й, Лиепайский и Торощинский), а также 1-й революционный и кавалерийский полки, направились в сторону Казани. Правда, Торощинский и Лиепайский полки Вацетис разрешил оставить в составе 3-й армии, а остальные благополучно добрались до Казани. Первым в Казань прибыли эшелоны родного Вацетису 5-го Земгальского полка, который и стал основной опорой своему бывшему командиру. 5-й полк (507 стрелков при 19 пулеметах) из всех частей гарнизона был самым боеспособным и надежным. Именно ему Вацетис поручил охрану штаба фронта, Государственного банка, паровой пристани, важнейших складов и других оборонных объектов города. Остальные полки до Казани не доехали ввиду начавшегося наступления белых. Они выгрузились на ст. Свяжск: 6 августа — 4-й полк, 7 августа — 1-й революционный полк, 10 августа — кавалерийский и 6-й полки.

Принял Иоаким Иоакимович меры и по укреплению фронта южнее Казани. Для наступления на Симбирск была создана ударная группа в составе полторы тысячи штыков, 8—10 орудий, в состав которой вошел и 1-й революционный полк. Эту ударную группу должны были поддерживать суда Волжской флотилии — 6 пароходов, 4 катера и одна баржа. Однако к 5 августа эта группа под давлением белых стала отступать: правобережная ее часть к Свяжску, левобережная — к Ромодану.

Особое внимание И.И. Вацетис уделил обороне железнодорожного моста через Волгу у Свяжска, поручив это дело батальону 4-го латышского полка, которому были приданы две бронированные платформы с 8 тяжелыми и легкими

орудиями. К тому же на обоих концах моста были возведены укрепления.

События развивались ожидаемо, и в то же время неожиданно. 5 августа флотилия белых появилась у Казани. Для десантной операции они выделили свои лучшие части: 1-й чехословацкий полк и белогвардейский отряд Каппеля — всего около двух тысяч штыков при четырех орудиях, шести вооруженных пароходах и пятнадцати вспомогательных судах³⁶.

Вечером 5 августа белые высадили десант у пароходной пристани, но контратакой 3-й роты 5-го латышского полка большая часть десанта была уничтожена, а остальные бежали. Один из пароходов нападавших был подожжен артиллерийским огнем и потоплен. На помощь 3-й роте Вацетис направил еще одну роту. Попытка белых с ходу взять Казань не удалась, и они отступили в район Нижнего Услона.

Командующий фронтом И.И. Вацетис, взявший в свои руки организацию обороны Казани, объявил город на осадном положении. В ночь на 6 августа начали раздавать оружие рабочим отрядам. Озабоченный сохранностью золотого запаса Республики, Иоаким Иоакимович приказал командиру 5-го Земгальского латышского полка эвакуировать Государственный банк, где находились эти ценности. Вечером 5 августа стрелки пулеметного взвода, которым командовал Я. Берзинь, под огнем противника погрузили на две пароконные повозки кожаные мешки с золотом и другими ценностями, доставили их на пристань и погрузили на пароход. Другой группе стрелков на грузовиках также удалось вывезти часть ценностей в Вятские Поляны. Однако значительную часть золотого запаса Республики вывезти из Казани не удалось, и она была захвачена белыми 7 августа 1918 г.

Рано утром 6 августа, получив подкрепления, белые высадили десант на обоих берегах Волги у Нижнего Услона и при сильной артиллерийской поддержке повели наступление на Казань. Против них И.И. Вацетис направил роты 5-го полка,

отряд рабочих фабрики Шабанова, подразделения 1-го мусульманского полка и 1-го татаро-башкирского батальона. Все они храбро сражались с белыми, неся большие потери. Через несколько часов боя белые захватили порт, а к полудню — возвышенность Верхний Услон, откуда повели артиллерийский обстрел штаба фронта, железнодорожной станции и всего левого берега Волги. Латышские стрелки, находившиеся в районе Верхнего Услона, выведя из строя орудия, отошли к Свяжску.

В полдень противник ворвался в город, но контратакой 2-й роты 5-го полка и рабочей дружины был отбит. И все же силы были неравны. К вечеру бой шел уже в центре города — у штаба Восточного фронта, артиллерийских казарм и на Арском поле. Солдаты и дружинники, оборонявшие вокзал и артиллерийские казармы, отступили к штабу фронта, который фактически превратился в крепость. Вацетис лично руководил обороной штаба, собрав группу стрелков 5-го полка в количестве 180 чел.

Улицу перед штабом он приказал перегородить баррикадой, около него располагались и вели огонь два орудия и два броневика, на подоконнике кабинета И.И. Вацетиса поставили пулемет. Белые стремились во что бы то ни стало сломить последний оплот большевиков. Огонь по штабу из орудий, пулеметов и винтовок все более усиливался, выводя из строя бойцов и командиров. Понимая, что под таким обстрелом им долго не выстоять, Вацетис принял решение со своими бойцами перебраться в Кремль и там, за высокими и надежными стенами, продолжать сопротивление белым до прихода подмоги из Свяжска. Около полуночи, в темноте, Вацетис со 120 стрелками выбрался из штаба и, с боем прорвав кольцо противника, пробился к Кремлю, надеясь найти защиту за его стенами. Однако этим надеждам не суждено было сбыться — при подходе к Кремлю группу Вацетиса оттуда обстреляли, ибо сербский батальон перешел на сторону белых. Тогда Вацетис приказал

стрелкам разбиться на группы и с боем пробиваться из города. Сам Иоаким Иоакимович с небольшой группой стрелков 5-го полка с большим трудом выбрался из города³⁷.

Хладнокровию Вацетиса многие завидовали — он даже в самой сложной обстановке не терял самообладания. Вот как он описал этот прорыв: «...Я со своим конвоем слишком долго задержался в штабе (номера Щетинина). Окраины города были захвачены белыми. Наконец они захватили нижний этаж штаба и погасили электричество во всем доме, чем выгнали меня с моим конвоем на улицу, где начался уличный бой. Потери с нашей стороны были очень значительные. При мне около 89 человек конвоя, а осталось позже 26 человек. Из них в конце концов при мне осталось пять человек. Я — шестой.

Мы очутились на улице, ведущей от Кремля к театру, и вдруг столкнулись лицом к лицу с одиннадцатью белыми, вооруженными револьверами. Между ними было семь мужчин и четыре женщины, сошлись шагов на десять. Они закричали мне:

— Стой! Кто идет? Назовитесь.

После того ада, из которого перед этим вырвался, я был теперь в очень благодушном настроении духа и держал карабин за плечами. Сошлись шага на два. Я думал, что если я назовусь, то нас всех перебьют, так как белых было вдвое больше и у каждого револьвер — наган. У меня же — незаряженный карабин за плечом, ибо перед этим я все патроны выпустил. Заряжены ли винтовки у стрелков, я не знал.

Эти мысли промелькнули в голове с молниеносной быстротой. И в сравнении вышло, что противник в данной обстановке сильнее. Поэтому я решил сыграть на психологии. Я решил ошарашить и кавалеров и дам и крикнул им на повторные требования «Назовитесь»:

— Ступайте к...

Раздались крики:

— То есть как это ступай к...? Кто вы такие?

Тут мой стрелок крикнул:

— Мы чехи.

— А, чехи, идите, только в другой раз вы не ругайтесь по-мужицки. Вы не в дикой стране.

И ушли.

«Ладно, ладно, — подумал я, — обошлось без кровопускания». Отойдя немного, мы пустились бежать»³⁸.

За городом, собрав вокруг себя прорвавшихся защитников Казани, И.И. Вацетис двинулся в сторону Вятских Полян. Другая часть латышских стрелков, вырвавшись с боем из Казани, под руководством Я. Грегора через Царевококшайск и Козьмодемьянск стала продвигаться к Свияжску.

Положение на Волге настолько беспокоило советских руководителей, что В.И. Ленин направил туда наркома по военным делам Л.Д. Троцкого, который в Казань уже не мог попасть ввиду ее захвата белыми, а поэтому остановился со своим специальным поездом недалеко от нее, в Свияжске, где и пробыл целый месяц. В своих воспоминаниях «Моя жизнь» он этому периоду отвел целую главу под названием «Месяц в Свияжске». Обратившись к этой главе, можно найти немало интересных наблюдений, оценок и выводов.

Например, отдавая дань личному мужеству И.И. Вацетиса, Троцкий пишет: «Из казанского штаба он уходил вечером 6 августа одним из последних, когда белые уже занимали здание. Он выбрался благополучно и кружным путем прибыл в Свияжск, потеряв Казань, но сохранив свой оптимизм. Мы обсудили с ним важнейшие вопросы, назначили латышского офицера Славина (правильно Славена. — Н.Ч.) командующим 5-й армией и простились. Вацетис отбыл в свой штаб...»³⁹

Итак, Вацетис потерял Казань, но сохранил свой оптимизм... Зря иронизирует Лев Давидович! В той нервной обстановке, когда шла полоса неудач, это качество у полководца приобретало особо важное значение. Можно сказать, стратеги-

ческое значение. И Вацетис думает о новых боях и сражениях, планирует вернуть Казань, Симбирск и другие города...

Падение Казани было далеко не рядовым событием. И командующий фронтом должен был отчитаться за него. Сделал это Вацетис в виде докладной записки в Высший военный совет, датированной 9 августа 1918 г. Тогда штаб Вацетиса временно размещался в Сарапуле. «Казань была занята чехословаками около полуночи на 7 августа. 7 августа бой происходил на окраинах города. Чехословакии развивают свой успех в двух направлениях — на северо-восток и на ст. Свияжск по левому берегу Волги. Необходимы весьма энергичные меры со стороны ст. Свияжск и по обоим берегам р. Волги для наступления на Казань. Необходимо немедленно вырвать из рук противника гору Верхний Услон и поставить там наши батареи. Нахожу полезным при нынешней обстановке усилить 1 армию, дав ей задачу энергичнее атаковать Симбирск. Со стороны устья р. Камы и северо-востока мною организуются ударные группы на Казань под руководством командующего 2 армией. Штаб фронта предполагаю перенести в г. Арзамас. Сегодня в Сарапул прибывает Мехоношин. Бои за г. Казань обнаружили совершенную небоеспособность рабочих дружин, организация каковых существовала лишь на бумаге. Рабочие не умели ни стрелять, ни наступать, даже не умели строить баррикады. К вечеру 6 августа все рабочие боевые дружины рассеялись. Местные партийные товарищи, занимавшие ответственные посты, приложили всю возложенную энергию и труд, чтобы способствовать нашей обороне города, но все их усилия тонули в хаосе неподготовленности. Войска оказались крайне недисциплинированными. Как я уже телеграфировал, вся тяжесть обороны и жертв легла на 5 латышский стрелковый полк. 4 латышский стрелковый полк восстановил (после сдачи Симбирска. — *Н.Ч.*) свою прежнюю боевую репутацию. Что же касается русских частей, то в своей массе они оказались к бою совершенно не способными, вследствие своей такти-

ческой неподготовленности и недисциплинированности. Но долг службы заставляет меня отметить, что в каждой русской части была кучка солдат-героев, которые, храбро сражаясь вместе с командным составом, большей частью погибли в неравном бою»⁴⁰.

Оборона Казани советскими войсками во главе с И.И. Вацетисом имела большое значение. Впервые на Восточном фронте белые столкнулись с таким упорным сопротивлением. Противник бросил для захвата города крупные силы. Два дня длились ожесточенные бои. Эти два дня сорвали планы белых захватить ст. Свяжск и мост через Волгу. Задержанный уличными боями в Казани, противник не смог своевременно выделить крупные силы для атаки на Свяжск и захвата моста. Когда его передовые части 6 августа появились у Свяжска, там уже занял позиции и 4-й латышский полк (400 стрелков с пулеметной командой) с легкой и тяжелой батареями. К тому же полку был придан бронепоезд «Свободная Россия». Латышские стрелки отбили атаку противника и, перейдя в контратаку, заставили его отступить.

Но подлинным героем обороны Казани был 5-й Земгальский латышский полк. В докладе В.И. Ленину о положении на Восточном фронте И.И. Вацетис писал: «...считаю долгом службы донести о доблестном поведении 5-го латышского Земгальского полка во время двухдневной обороны г. Казани. Как в поле, так и в городе, в уличной схватке, с одинаковым самоотвержением и геройской отвагой командный состав и стрелки 5-го латышского Земгальского полка сражались, невзирая на тяжелые потери убитыми и ранеными»⁴¹.

Из содержания данного доклада следовало, что за героические дела при обороне Казани 5-й Земгальский стрелковый полк необходимо особо отметить в масштабе Красной Армии. И такое событие вскоре состоялось. Уже 20 августа 1918 г. на заседании президиума ВЦИК было решено наградить полк Почетным Революционным Знаменем.

Из протокола № 8 заседания Президиума ВЦИК
от 20 августа 1918 г.

Слушали: Ходатайство Народного комиссара по военным делам о награждении 5-го Земгальского полка Почетным Знаменем за самоотверженную и храбрую защиту г. Казани.

Постановили:

Вопрос представления Почетного Знамени латышскому 5-му Земгальскому полку утвердить. Поручить тов. Теодоровичу исполнить настоящее постановление.

Поручить тт. Свердлову, Теодоровичу и Аванесову выработать текст приветственной телеграммы латышскому полку, коммунистическому Казанскому и Мусульманскому коммунистическим отрядам за самоотверженную и храбрую защиту г. Казани.

Председатель ВЦИК Я. Свердлов
Секретарь ВЦИК В. Аванесов»⁴².

Это было первое в истории Красной Армии награждение войсковой части Почетным Революционным Знаменем. И Вацетис совместно с членами РВС постарался сделать все возможное, чтобы о подвиге стрелков 5-го латышского полка узнали как можно больше бойцов и командиров частей фронта. Сообщая об этом подвиге в специальном своем приказе, Иоаким Иоакимович выражал твердую надежду, «...что в самое же ближайшее время многие войсковые части своими подвигами заслужат такие же почетные знамена и с этими знаменами будут гнать и уничтожать врагов бедноты и рабочего класса. Верю, что пример 5-го латышского Земгальского стрелкового полка будет заразителен и скоро на Восточном фронте заколышется море вполне заслуженных почетных знамен...»⁴³.

Символично, что вручение 5-му полку почетного Революционного Знамени состоялось 9-го сентября, накануне освобождения Казани от белых (советские войска вошли в нее

10 сентября). Награждение полка состоялось в Арзамасе, где размещался штаб Восточного фронта. Для приема знамени полк был построен в каре в районе казарм. Им командовал Я. Грегор. В краткой речи И.И. Вацетис поздравил стрелков с наградой и пожелал им новых побед во имя революции. По случаю этого праздника по распоряжению Вацетиса полку была выдана денежная премия в сумме 10 тысяч рублей. Поначалу были различные мнения по поводу того, как распорядиться данной суммой, но затем на ротных собраниях стрелки постановили передать ее на поддержание революционной работы в оккупированной Латвии.

Тогда же, 9 сентября 1918 г., состоялось общее собрание личного состава 5-го латышского полка, на котором присутствовал и Вацетис. В принятой собранием резолюции говорилось: «Мы, стрелки 5-го латышского советского стрелкового полка, выражаем глубокую благодарность Российскому Центральному Исполнительному Комитету за оказанную честь — награждение нас величайшей наградой — Красным пролетарским знаменем революции... и заявляем, что теперь, когда наше социалистическое отечество переживает самый тягчайший момент за время своего существования... мы под Красным знаменем, которое нам дорого и которым мы гордимся не потому, что мы его заслужили, а потому, что на нашу долю выпало счастье получить его от нашего классового правительства, даем себе клятву бороться за святое дело, за освобождение от рабства и гнета капитализма мирового пролетариата...

Мы знаем, что наше дело не погибнет, ибо мы боремся за светлое будущее всего человечества. Мы победим, ибо с нами идет ход истории...»⁴⁴.

Изменилось ли отношение к И.И. Вацетису со стороны В.И. Ленина и наркома Л.Д. Троцкого после падения Казани? Нет, не изменилось. По крайней мере, Иоаким Иоакимович почувствовал бы это — интуиция у него была неплохая.

Его не стали смещать с занимаемого им поста. Более того, Л.Д. Троцкий, находясь в пути к берегам Волги и узнав о падении Казани, дал телеграмму в адрес Вацетиса: «Постигшая вас частичная неудача нисколько не уменьшает ни моего уважения к вашей энергии, ни моей веры в ваш близкий успех. Направляюсь к вам, чтобы оказать вам всестороннее содействие в вашей работе»⁴⁵.

О том, что авторитет И.И. Вацетиса во властных структурах оставался по-прежнему высоким, говорит хотя бы тот факт, что его протеже П.А. Славен назначается тогда же командующим 5-й армией, а также то, что на укомплектование отделов штаба Восточного фронта значительное число людей было взято из штабов 2-й и 3-й бригад Латышской дивизии. Надо отметить и то, что основные фигуры руководства 5-й армии, которой через короткое время пришлось брать Казань, были также латышами. Кроме командарма П.А. Славена, это были: его помощник (заместитель) Я.П. Гайлитис, комиссар разведотдела, а затем комиссар штаба А.Я. Лапинь, начальник службы связи Р.А. Петерсон (непродолжительное время). Впоследствии они станут в РККА: комкорами — Я.П. Гайлит и А.Я. Лапин, дивинтендантом — Р.А. Петерсон.

С середины августа 1918 г. штаб Восточного фронта располагался в г. Арзамас.

Источники и литература

¹ РГВА. Ф. 106. Оп. 3. Д. 45. Л. 7.

² Минц И.И. Год 1918-й. М.: Наука, 1982. С. 496.

³ Бонч-Бруевич М.Д. Вся власть Советам. С. 291—293.

⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 2.

⁵ Минц И.И. Год 1918-й. С. 502.

⁶ Бонч-Бруевич М.Д. Вся власть Советам. С. 294—295.

⁷ В.И. Ленин и ВЧК. Сборник документов (1917—1922 гг.). М., 1975. С. 25.

- ⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 116.
- ⁹ Цит. по кн.: *Голинков Д.Л.* Крушение антисоветского подполья в СССР. В 2-х кн. М.: Политиздат, 1980. Т. 1. С. 173.
- ¹⁰ Декреты Советской власти. М., 1964. Т. 3. С. 9—10.
- ¹¹ Цит. по кн.: *Тухачевский М.Н.* Избранные произведения в 2-х томах. М.: Воениздат, 1964. Т. 1. С. 80.
- ¹² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 65.
- ¹³ *Краснов В., Дайнес В.* Неизвестный Троцкий. С. 28—29.
- ¹⁴ *Троцкий Л.* Моя жизнь. Опыт автобиографии. М.: Панорама, 1991. С. 381.
- ¹⁵ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 15. Л. 65—66.
- ¹⁶ Там же. Ф. 106. Оп. 3. Д. 15. Л. 16.
- ¹⁷ Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922 гг.). Сборник документов в 4-х томах. Т. 1. Воениздат, 1971. С. 405—406.
- ¹⁸ Там же. С. 407.
- ¹⁹ Там же. С. 408.
- ²⁰ Там же. С. 412—413.
- ²¹ *Краснов В., Дайнес В.* Неизвестный Троцкий. С. 125.
- ²² РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 75. Л. 139—140.
- ²³ Там же. Ф. 106. Оп. 3. Д. 15. Л. 211.
- ²⁴ Там же. Ф. 1. Оп. 2. Д. 72. Л. 37.
- ²⁵ Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922 гг.). Т. 1. С. 417—418.
- ²⁶ *Бонч-Бруевич М.Д.* Вся власть Советам. С. 316—317.
- ²⁷ Военно-исторический журнал. 1962. № 1. С. 68.
- ²⁸ *Краснов В., Дайнес В.* Неизвестный Троцкий. С. 34—35.
- ²⁹ Директивы командования фронтов Красной Армии. Т. 1. С. 421.
- ³⁰ Там же. С. 424.
- ³¹ Там же. С. 425.
- ³² РГВА. Ф. 106. Оп. 3. Д. 15. Л. 235.
- ³³ Директивы командования фронтов Красной Армии. Т. 1. С. 422—423.

³⁴ РГВА. Ф. 106. Оп. 3. Д. 15. Л. 227.

³⁵ Там же. Л. 252.

³⁶ История латышских стрелков. С. 285.

³⁷ Там же. С. 286.

³⁸ *Вацетис И.И.* Моя жизнь и мои воспоминания//Даугава. 1980. № 5. С. 96—97.

³⁹ *Троцкий Л.* Моя жизнь. С. 382.

⁴⁰ РГВА. Ф. 106. Оп. 3. Д. 15. Л. 257.

⁴¹ Из истории Гражданской войны в СССР. Сборник документов и материалов. Т. 1. М., 1960. С. 363.

⁴² Боевые подвиги частей Красной Армии (1918—1922 гг.). М.: Воениздат, 1957. С. 193.

⁴³ История латышских стрелков. С. 288.

⁴⁴ Там же. С. 288—289.

⁴⁵ *Краснов В., Дайнес В.* Неизвестный Троцкий. С. 35.

ГЛАВКОМ РЕСПУБЛИКИ

В начале сентября 1918 г. последовал очередной взлет в служебном положении И.И. Вацетиса — он был утвержден в должности Главнокомандующего всеми Вооруженными силами Республики. Это была в то время высшая военная должность в стране, учрежденная постановлением Президиума ВЦИК от 2 сентября 1918 г. Введение данного поста явилось благом для действующей армии, ибо оно ликвидировало ее двойное подчинение — Высшему военному совету и Оперативному отделу (Опероду) Наркомата по военным делам.

Должность Главкома была введена в сентябре 1918 г., а вот Положение о нем — только в начале декабря того же года. Согласно этому Положению, главнокомандующему подчинялись все сухопутные и морские силы Республики, входившие в состав действующей армии (с августа 1919 г. — и Запасная армия Республики). В разработке данного Положения И.И. Вацетис принял непосредственное участие.

Главком Республики назначался Советом народных комиссаров (СНК). Согласно Положению он имел полную самостоятельность во всех вопросах оперативно-стратегического характера, право назначения, перемещения и отстранения от занимаемых должностей командного состава войск, военных учреждений, входивших в состав действующей армии. При этом назначение командующих фронтами, армиями и начальников штабов фронтов подлежало утверждению председателем Реввоенсовета Республики (РВСР). В оперативно-стратегической деятельности он также был подотчетен последнему. Только РВСР, ВЦИК и СНК имели право давать Главкому какие-либо указания и требовать от него отчетов.

Однако единоначалие Главкома на деле было неполным: оперативные и кадровые приказы издавались за подписью Главкома и одного из членов РВСР, который имел право отвода принимаемых решений. Все намеченные мероприятия Главком обязан был представлять на утверждение председателю РВСР. С середины октября 1918 г. Главкому подчинили командующего морскими силами, который стал его помощником по морской части.

По своей должности главнокомандующего И.И. Вацетис входил в состав Реввоенсовета Республики с правом решающего голоса. Реввоенсовет Республики (РВСР) — орган, осуществлявший в годы Гражданской войны непосредственное руководство армией и флотом, а также всеми учреждениями военного и морского ведомств. Был создан 6 сентября 1918 г. на основании постановления ВЦИК от 2 сентября 1918 г. о превращении страны в единый военный лагерь. В этом постановлении указывалось, что РВСР ставится во главе всех фронтов и всех военных учреждений. В соответствии с Положением о Реввоенсовете Республики, утвержденном ВЦИК 30 сентября 1918 г., РВСР передавались функции ликвидированного Высшего военного совета (разработка основных заданий по обороне государства, организация вооруженных сил страны,

объединение деятельности армии и флота, наблюдение за выполнением ведомствами возложенных на них оборонных задач). При этом штаб Высшего военного совета был переформирован в штаб РВСР. Все советские учреждения, организации и граждане были обязаны рассматривать и удовлетворять требования РВСР в первую очередь.

Председатель РВСР (им являлся нарком по военным и морским делам) утверждался ВЦИК. А его члены назначались СНК (количество их не устанавливалось). По должности в состав РВСР входил и Главнокомандующий всеми вооруженными силами Республики. Такие военные учреждения, как Всеросглавштаб, Политуправление РВСР, Высшая военная инспекция, военно-революционный трибунал РВСР, Военно-законодательный совет, Центральное управление снабжений, Морской отдел, подчинялись РВСР и работали по его заданиям. Основными рабочими органами, с помощью которых РВСР осуществлял руководство вооруженными силами, были Полевой штаб (ведавший вопросами военных действий) и Всеросглавштаб (занимавшийся организацией тыла, укомплектованием войск и их подготовкой).

В первый состав РВСР вошли: нарком по военным и морским делам Л.Д. Троцкий (председатель), Главком И.И. Вацетис, П.А. Кобозев, К.А. Мехоношин, Ф.Ф. Раскольников, К.Х. Данишевский, И.Н. Смирнов. Прошло совсем немного времени и состав РВСР значительно расширился: 30 сентября 1918 г. в него вошли С.И. Аралов, В.А. Антонов-Овсеенко, А.П. Розенгольц, В.И. Невский, Н.И. Подвойский, К.К. Юренев. В начале октября 1918 г. в состав РВСР ввели И.В. Сталина. Со многими членами РВСР И.И. Вацетис неплохо сработался в свою бытность главнокомандующим Восточным фронтом. Учитывая «летучий» характер деятельности Л.Д. Троцкого (он на специальном поезде курсировал по фронтам), в Москве в качестве его заместителя (с 22 октября 1918 г.) Реввоенсоветом Республики фактически «рулил»

Эфраим Маркович Скланский, служивший в старой армии военным врачом.

Из приказа Главкома И.И. Вацетиса № 1 от 7 сентября 1918 г. о вступлении в должность: «По постановлению Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета я принял командование над всеми вооруженными силами Российской Республики, обещав приложить все усилия на защиту государства от окруживших его со всех сторон врагов...Я твердо верю, что выйдем победителями мы, ибо мы боремся за святую идею, за право бедного ближнего, за справедливость на земле, и эта справедливость должна восторжествовать над рабством и эксплуатацией.

Солдаты Красной Армии! вы сражаетесь и побеждаете для себя и для трудового народа! ваша победа пронесется по всей земле очищающим пламенем, по всем углам мировой гнили. Ваша победа внесет радость в хижину бедняков и трепет в богатые дома дармоедов... если же вы окажетесь недостаточно храбры, если вы будете плохо подготовлены к бою, восторжествует враг!.. Верю, что все члены Красной Армии проникнутся сознанием великой идеи настоящей борьбы и в ближайшие же дни двинутся дружно к блестящим победам на историческую славу нашей, хотя и молодой, но крепкой революционным духом Советской Республики, и пусть эти победы еще более укрепят ее дух и дадут ей силы и возможности здравствовать и процветать многие и многие годы»¹.

Будучи уже главнокомандующим всеми вооруженными силами Республики, И.И. Вацетис до начала октября продолжал руководить войсками Восточного фронта — до вступления в эту должность С.С. Каменева. Столь длительное пребывание И.И. Вацетиса одновременно в двух должностях произошло потому, что назначенный поначалу главнокомандующим Восточным фронтом В.Н. Егорьев (генерал-лейтенант старой армии) в эту должность ввиду болезни так и не вступил. Вообще сентябрь 1918 г. явился для Вацетиса своеобразным триумфом — это назначение Главкомом Республики, это под

его руководством 10 сентября была освобождена Казань, 12 сентября — Симбирск, 16 сентября — Хвалынский, а также были близки к освобождению Сызрань (3 октября) и Самара (7 октября). Но Казань явилась первым крупным городом, взятым в сентябре, и эта победа, столь важная для Вацетиса (ведь именно он руководил обороной города в начале августа и не удержал его), послужила хорошим примером для поднятия наступательного духа войск фронта.

Одним из первых своих приказов на посту Главнокомандующего всеми вооруженными силами страны И.И. Вацетис решил более четко обозначить наличие и состав фронтов Республики, границы их ответственности. На тот момент функционировало три фронта (Северный, Восточный и Южный) и один район обороны (Западный). Северным фронтом командовал Д.П. Парский, Южным — П.П. Сытин, Западным районом обороны — А.Е. Снесарев. В этом приказе были уточнены разграничительные линии между фронтами. Главком Республики потребовал все донесения и сводки направлять в Арзамас, по месту своего временного нахождения и одновременно в Москву, в штаб Реввоенсовета Республики.

Вскоре после назначения И.И. Вацетиса Главкомом Республики, ему пришлось заниматься не совсем приятным делом — улаживанием конфликта в Реввоенсовете Южного фронта. Делать это пришлось, конечно, с помощью высших руководителей страны и армии (В.И. Ленина, Л.Д. Троцкого и членов Реввоенсовета Республики). Тогда же он довольно близко познакомился с И.В. Сталиным. А конфликт этот произошел при активном участии И.В. Сталина и К.Е. Ворошилова, принявших «в штыки» распоряжения военспеца П.П. Сытина. Дело в том, что в начале сентября 1918 г. на базе Западного и Южного участков отрядов завесы Красной Армии Северного Кавказа был образован Южный фронт, во главе которого поставили бывшего генерал-майора П.П. Сытина. Штаб фронта было намечено расположить в г. Козлове.

Унтер-офицер И.И. Вацетис

Подпоручик И.И. Вацетис

Полковник И.И. Вацетис

*Командарм 2-го ранга
И.И. Вацетис*

В.И. Ленин

И.В. Сталин

М.Н. Тухачевский

К.Е. Ворошилов

С.С. Каменев

А.И. Езоров

А.И. Корх

*И.И. Вацетис
на прогулке*

*В поезде председателя Реввоенсовета
Республики. Слева направо: С.И. Аралов,
И.И. Вацетис, Л.Д. Троцкий*

*И.И. Вацетис (сидит второй справа) среди преподавателей
и слушателей Военной академии имени М.В. Фрунзе*

Ю.Ю. Аплук

А.И. Антонов

В.А. Антонов-Овсеенко

Я.И. Алкснис

Э.Ф. Анзога

С.И. Аралов

Г.Г. Бокис

И.В. Болдин

М.Д. Бонч-Бруевич

Н.Н. Воронов

Я.П. Гайлит

К.Д. Голубев

В.Н. Гордов

Н.И. Гусев

С.И. Гусев

К.К. Данишевский

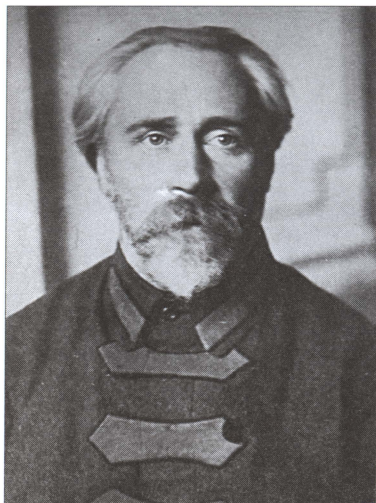
К.М. Дозит

И.В. Дубинский

М.В. Захаров (слева) и И.С. Конев

П.А. Кобозев

М.П. Ковалев

Г.И. Кокорев

Б.И. Кузнецов

В.И. Кузнецов

А.И. Кук

А.Я. Лапин

Я.Я. Лацис

М.М. Лашевич

П.П. Лебедев

А.К. Мальшев

К.А. Мехоношин

С.К. Минин

А.И. Окулов

П.М. Ошлей

В.С. Попов

М.А. Пуркаев

П.Л. Романенко

П.С. Рыбалко

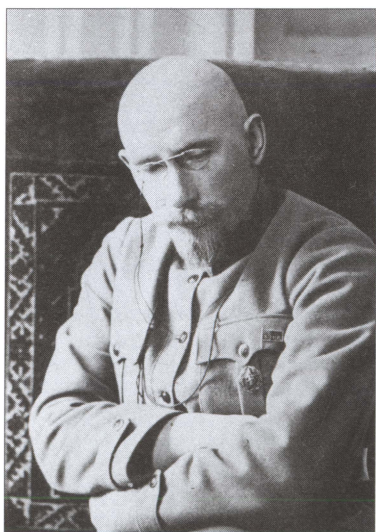
А.А. Самойло

Н.Г. Семенов

Э.М. Склянский

И.Т. Смилга

О.А. Стузга

К.А. Стуцка

П.П. Сытин

В.И. Шорин

Р.П. Эйдман

В телеграмме Главкома И.И. Вацетиса, отправленной из Арзамаса 18 сентября 1918 г., говорилось: «Постановлением Реввоенсовета Республики 17 сентября с.г. образован Реввоенсовет Южного фронта в составе: наркома Сталина, предсовдепа Царицынского т. Минина, командующего Южным фронтом Сытина и его помощника Ворошилова. Означенному Реввоенсовету принадлежит вся полнота военной власти на Южном фронте. Ввиду серьезного положения на Южном фронте вновь назначенным членам Реввоенсовета Южного фронта Реввоенсоветом республики предлагается немедленно вступить в исполнение возложенных на них обязанностей». Данную телеграмму, кроме Вацетиса, подписали члены РВСР К.Х. Данишевский и И.Н. Смирнов².

А еще через три дня И.И. Вацетис уже потребовал от П.П. Сытина разработки плана предстоящих боевых действий: «Из донесений и сводок Южного фронта я усматриваю, что боевые действия идут разрозненно, ныне, при создании Южного фронта, необходимо создать общий план действий. С этой работой прошу поторопиться, в оперативных делах вы должны пользоваться полной самостоятельностью и несете ответственность. Пришлите с нарочным ваш план действий. Возможно, что на днях я буду на Южном фронте, жду от вас подробного донесения об инциденте в бригаде Сиверса»³.

А в Особой бригаде, которой командовал бывший прапорщик Р.Ф.Сиверс, произошло следующее. Во время наступательных действий войск Южного фронта по овладению железной дорогой Борисоглебск—Царицын эта бригада, действовавшая в составе Балашово-Камышинского участка, поспешно покинула позиции и отошла в глубокий тыл, что отрицательно повлияло на развитие наступления.

Процесс формирования и нормального функционирования РВС Южного фронта по вине И.В. Сталина затянулся на непозволительно долгое время. В конце концов он издал 23 сентября приказ о преобразовании военного совета Северо-

Кавказского военного округа в Военно-революционный совет Южного фронта под своим председательством. Однако командующего фронтом П.П. Сытина в состав последнего не включил. Получилось двоевластие: с одной стороны РВС без командующего, с другой — командующий со своим штабом.

Такое «перетягивание каната» и разделение власти приводило к несогласованности действий, чем незамедлительно воспользовались генерал Краснов и его штаб. Его войска 20 сентября нанесли удар в районе станицы Кривомузгинской, прорвав оборону красных. «Козел отпущения» нашелся сразу: командующий фронтом П.П. Сытин. В докладной записке, направленной в Реввоенсовет Республики, Сталин, Минин и Ворошилов утверждали, что «Сытин, странным образом не интересующийся положением фронта в целом (если не считать поворинский участок), видимо не принимает или не силах принять меры для оздоровления северных участков Южного фронта».

Улаживать конфликт в руководстве Южного фронта был направлен член Реввоенсовета Республики Константин Алексеевич Мехоношин, однако и ему не удалось преодолеть возникшие разногласия. В основном они касались способов управления войсками, а также места расположения штаба. Согласно приказу РВСР командующий фронтом имел самостоятельность в вопросах оперативно-стратегического характера. Руководствуясь данным ему правом, П.П. Сытин намеревался вести боевые действия, не оглядываясь на членов РВС фронта Сталина и Ворошилова. А задачей фронта на первом этапе его деятельности была охрана демаркационной линии между Советской Россией и оккупированной германскими войсками Украиной, борьба с казачьей армией генерала Краснова на Дону и белогвардейскими войсками генерала Деникина на Северном Кавказе.

В свою очередь члены РВС фронта Сталин, Ворошилов и Минин были против большой самостоятельности командующего фронтом в решении вопросов подготовки и ведения

операций, они отстаивали коллегиальный способ управления войсками. Несогласны они были и с переносом штаба фронта из Царицына в Козлов.

На совещании, состоявшемся 29 сентября в Царицыне с участием членов РВС и командующего фронтом П.П. Сытина, К.А. Мехоношин пытался как-то примирить враждующие стороны. Он предложил впредь до разъяснения Реввоенсоветом Республики путей выхода из создавшейся ситуации проводить совместную работу на основе общего положения о членах военных советов и комиссарах, утвержденного в апреле 1918 г. Однако Сталин, Ворошилов и Минин «закусили удила» и не пошли на сближение позиций. Относительно переноса штаба фронта из Царицына в Козлов, эта «троица» возражала, использовав формальный предлог: дескать, данное распоряжение РВСР не имеет законной силы, так как подписано только членом РВСР К.Х. Данишевским и начальником штаба П.М. Майгуром (не было подписи Л.Д. Троцкого или И.И. Вацетиса).

После данного совещания отношения сторон еще более обострились. Как проходило само это совещание, командующий фронтом П.П. Сытин подробно изложил на следующий день (30 сентября) в докладной записке в Реввоенсовет Республики, т.е. Троцкому, Склянскому, Вацетису и др. Этот документ представляет значительный интерес, поэтому приведем его достаточно полно.

«29 сентября в 10 часов вечера в г. Царицыне в здании штаба Северо-Кавказского округа состоялось первое заседание Военно-революционного совета Южного фронта. В заседании участвовали: тт. Сталин, Мехоношин, Сытин, Минин и Ворошилов и присутствовали: тт. Каминский и Шостак. Вел заседание т. Минин.

На повестку были поставлены следующие вопросы:

1. Разделение Южного фронта на армии и организация (воен) советов и штабов армий. Предназначение лиц на должности командующих армий.

2. Место расположения Военно-революционного совета Южного фронта.

3. Пополнение фронта людьми и лошадьми и снабжение интендантским, артиллерийским, инженерным и санитарным имуществом.

4. Политический отдел

5. Революционный трибунал.

Первый вопрос был разрешен следующим образом. Предложено весь Южный фронт разбить на четыре армии и один военный район...

При решении этого вопроса был поднят вопрос о способе управления фронтом и армиями. В отношении предложения и выбора лиц на должность командующих армий и оперативных распоряжений товарищи Минин, Сталин и Ворошилов заявили, что выбор и назначение командующий армий принадлежит компетенции Военревсовета Южного фронта, а также и ведение военных операций в крупном масштабе, на что я заявил, что назначение командующих армиями, которые являются ближайшими моими помощниками и сотрудниками в военных операциях, в которых я являюсь ответственным лицом, принадлежит мне. Военно-революционный совет Южного фронта имеет право отвода предназначенных мною лиц на командные должности по мотивированным данным. В отношении же ведения военных операций мне предоставлена полная власть, что указано в п.9 бумаги — выписки за подписью Майгура и Данишевского, которую я получил в штабе высшей военной инспекции перед отъездом в Царицын.

Тов. Мехоношин от имени Военно-революционного совета Республики заявил, что иного решения вопроса и быть не может и что указанная выписка представляет собой часть постановления Военно-революционного совета Республики и должна быть принята к исполнению без возражений.

После осмотра тт. Сталиным, Мининым и Ворошиловым означенной выписки ими была вынесена следующая резолюция:

1. Согласиться предоставить полную власть командующему Южным фронтом в ведении операций они не могут.

2. Предъявленную выписку не считают для себя официальным приказом, подлежащим исполнению.

Предъявленные по этому поводу т. Мехоношиным заявления и объяснения не привели к соглашению.

Тогда мною было внесено и принято всеми предложение о прекращении прений и заседания и перенесении этого вопроса в Военревсовет Республики.

Со своей стороны я предложил все военные операции продолжать производить, поставивши первой главной задачей операцию по освобождению от казаков железнодорожной линии Поворино—Царицын, причем я немедленно еду в Козлов и оттуда буду управлять всем севером южного фронта при участии состоящих при мне военкомов... Предложение мое было принято.

...Докладывая все вышеуказанное, прошу указаний в спешном порядке и сообщаю, что в частном заседании утром 29 сентября в том же Царицыне, когда был затронут вопрос о месте расположения штаба и Военревсовета Южного фронта, тт. Сталин и Минин определенно высказались за Царицын, тогда как я и т. Мехоношин стояли за Козлов или Балашов...»⁴

Представитель Москвы К.А. Мехоношин «отчитался» перед РВСР только 1 октября 1918 г. Из Балашова он по прямому проводу докладывал: «Вследствие выяснившейся неопределенности для назначенных членами Реввоенсовета Южного фронта тт. Сталина, Минина и Ворошилова положения о Революционных военных советах, касающейся взаимоотношений членов совета и командующего в отношении невмешательства со стороны первых в оперативную деятельность последнего, на первом заседании совета в Царицыне 29 сентября было решено впредь до получения исчерпывающих указаний по этому вопросу отложить образование Реввоенсовета фронта. Товарищи Сталин, Минин и Ворошилов

выдвигают как наиболее целесообразную в настоящий момент коллегиальную форму управления фронтом и коллегиальное решение всех оперативных вопросов. Мои и командующего фронтом Сытина разъяснения, что даже по существу вопроса надлежит исполнить приказ Реввоенсовета Республики, не привели к желательным результатам. Мною было предложено приступить к работе согласно приказу. Одновременно с этим, не прекращая работу, представить доклад в Реввоенсовет Республики, в случае разногласия с ним — в Совнарком. Мое предложение также было отвергнуто.

Принимая во внимание, что каждый день отсрочки в образовании объединяющего фронта центра имеет самое пагубное влияние на военное положение на столь серьезном боевом участке, где наши неудачи объясняются главным образом отсутствием Реввоенсовета, считаю необходимым принять самые энергичные меры к разрешению этого вопроса в ту или иную сторону⁵.

Главком Вацетис и член РВСР К.Х. Данишевский обратились с И.В. Сталину с просьбой наладить сотрудничество с П.П. Сытиным. Но Сталин, Ворошилов и Минин не только остались в своей конфронтации с Сытиным — они пошли на более решительные меры, задумав отстранить этого военспеца от должности. Так, 1 октября они, посоветовавшись, приняли следующее постановление:

«1. Ходатайствовать перед Реввоенсоветом Республики об отстранении от должности командующего Южным фронтом Сытина. Мотивы: а) полное отсутствие у Сытина интереса к положению на Южном фронте в целом; б) полное отсутствие у Сытина какого-либо стратегического плана; в) полное неумение Сытина наладить дело Поворинско-Еланского участка, оказавшегося в 60 верстах позади Царицынско-Камышинских групп, продвинувшихся уже к Арчеде и Себряково.

2. Ходатайствовать о назначении командующим Южным фронтом члена Военревсовета товарища Ворошилова.

РС. Сытин назначен на должность командующего Южным фронтом Реввоенсоветом Республики, рекомендация от имени Троцкого как расторопного и знающего человека»⁶.

Налицо было неподчинение, невыполнение решения вышестоящего органа. Председатель РВСР Л.Д. Троцкий, получив сообщение от Мехоношина, что Сталин не признает командующего фронтом, направил 2 октября в Царицын телеграмму: «приказываю Сталину, Минину немедленно образовать РВС Южного фронта на основе невмешательства комиссаров в оперативные дела, штаб поместив в Козлове. Неисполнение в течение 24 часов этого предписания заставит меня предпринять суровые меры»⁷. В качестве промежуточного решения Троцкий предложил К.А. Мехоношину немедленно войти в состав РВС Южного фронта и обеспечить единство командования.

Положением, сложившимся в руководящем органе Южного фронта, были обеспокоены не только председатель РВСР Троцкий и Главком Вацетис, но и высшее руководство страны. 2 октября ЦК РКП(б), заслушав на своем заседании сообщение о конфликте в РВС Южного фронта, постановил: «Принять предложение т. Свердлова: вызвать т. Сталина к прямому проводу и указать ему, что подчинение Реввоенсовету абсолютно необходимо. В случае несогласия, Сталин может приехать в Москву и апеллировать к ЦК, который и может вынести окончательное решение»⁸.

Секретарь ЦК и председатель ВЦИК Я.М. Свердлов направил И.В. Сталину, К.Е. Ворошилову и С.К. Минину письмо, в котором, в частности, писал: «Сегодня состоялось заседание Бюро ЦК, затем всего ЦК. Среди других вопросов обсуждался вопрос о подчинении всех партийных товарищей решениям, исходящим от центра. Не приходится доказывать необходимость безусловного подчинения. Положение о Реввоенсовете Республики было принято ВЦИК. Завтра сделаю распоряжение передать его телеграфно. Все решения Реввоенсовета обязательны для военсоветов фронтов. Без под-

чинения нет единой армии. Не приостанавливая исполнения решения можно обжаловать его в высший орган — Совнарком или ВЦИК, в крайнем случае в ЦК. Убедительно предлагаем повести в жизнь решения Реввоенсовета...»⁹

Почувствовав, что центр его не поддерживает, Сталин стал изворачиваться, объясняя свое поведение. Ему не понравился приказной тон телеграмм Троцкого, и он делает вид, что не понимает, о чем идет речь. Так, 3 октября в телеграмме, направленной в адрес ЦК РКП(б), В.И. Ленина, Я.М. Свердлова, Л.Д. Троцкого, Главкома И.И. Вацетиса Сталин и и примкнувшие к нему Ворошилов и Минин излагали свою позицию, прикинувшись «непонимающими»: «Получили от Троцкого 3 октября непонятный для нас телеграфный приказ...

Приказ этот непонятен, потому что Реввоенсовет Южного фронта образован еще 17 сентября Реввоенсоветом Республики и функционирует как таковой с 2 сентября. Читайте постановление Реввоенсовета Республики от 17 сентября (далее приводится текст вышеприведенного постановления РВСР о составе РВС Южного фронта. — Н.Ч.).

Кроме того, как известно из протокола заседания Военревсовета Республики от 17 сентября, последний постановил: 1) предоставить самому Военревсовету выбрать свое место пребывания, старое решение о Козлове считать отмененным; 2) предоставить четверке из Военревсовета кооптировать пятого члена, которого представить на утверждение; 3) предоставить Военревсовету Южного фронта в недельный срок выставить кандидатуру на пост командующего Южного фронта на случай, если Сытин окажется неподходящим». (Таких решений РВСР не принимал. — Н.Ч.).

Далее в этой телеграмме «троица» во главе со Сталиным переходит почти на ультимативный тон: «На основании вышеуказанного и принимая во внимание все обстоятельства фронта, Военревсовет Южного фронта постановил: 1) запросить Военревсовет Республики, известно ли Военревсовету

Республики о вышеназванном телеграфном приказе Троцкого, аннулирующем (постановление) Реввоенсовета Республики от 17 сентября; 2) заявить Реввоенсовету Республики, что телеграфный приказ Троцкого, угрожающий развалом всему фронту и гибелью всему революционному делу на юге, не может быть выполнен Военревсоветом Южного фронта»¹⁰.

Как видно из приведенных выше документов, уже тогда, в 1918 г., противостояние двух «вождей» — Сталина и Троцкого, — обозначилось достаточно ярко и определенно. В другой телеграмме, адресованной лично В.И. Ленину, Сталин и Ворошилов обвинили Троцкого в некомпетентности, в незнании обстановки на юге России. Одновременно были высказаны нелестные слова и в адрес П.П. Сытина. Телеграмма эта составлена в духе уверенности в своей правоте, с обвинительным уклоном в адрес Троцкого.

«Мы получили телеграфный приказ Троцкого, копию которого и ответ на который Вы, должно быть, уже получили. Мы считаем, что приказ этот, написанный человеком, не имеющим никакого представления о Южном фронте, грозит отдать все дела фронта и революции на юге в руки генерала Сытина, человека не только не нужного на фронте, но и не заслуживающего доверия и потому вредного. Губить фронт ради одного ненадежного генерала мы, конечно, не согласны. Троцкий может прикрываться фразой о дисциплине, но всякий поймет, что Троцкий не Военный Революционный Совет Республики, а приказ Троцкого не приказ Реввоенсовета Республики. Приказы только в том случае имеют какой-нибудь смысл, если они опираются на учет сил и знакомство с делом. Отдать фронт в руки не заслуживающего доверия человека, как делает это Троцкий, значит погрязнуть элементарное представление о пролетарской дисциплине и интересах революции... Ввиду этого, мы, как члены партии, заявляем категорически, что выполнение приказов Троцкого считаем преступным, а угрозы Троцкого недостойными. Необходимо обсудить в ЦК пар-

тии вопрос о поведении Троцкого, третирующего виднейших членов партии в угоду предателям из военных специалистов и в ущерб интересам фронта и революции. Поставить вопрос о недопустимости издания Троцким единоличных приказов, совершенно не считающихся с условиями места и времени и грозящих фронту развалом. Пересмотреть вопрос о военных специалистах из лагеря беспартийных и контрреволюционеров. Все эти вопросы мы предлагаем ЦК партии обсудить на первоочередном заседании, на которое, в случае особенной надобности, мы вышлем своего представителя.

Член ЦК партии Сталин. Член партии Ворошилов»¹¹.

Сталин, понимая всю напряженность возникшей ситуации и желая заручиться если не поддержкой В.И. Ленина, то хотя бы его пониманием обстановки (в сталинской трактовке) в руководстве Южного фронта, в тот же день (3 октября) пишет председателю СНК еще одно послание, на сей раз только за своей подписью. В нем он снова обвиняет Л.Д. Троцкого в ряде ошибок, допущенных им в различные периоды деятельности последнего (переговоры в Бресте, предложение чехословакам остаться в России на жительство и другие «левые» жесты). Теперь Сталин обвинил председателя РВСР в бездумном, по его мнению, доверии к военспецам.

Сталин, обращаясь к Ленину, настоятельно просит его принять самые действенные меры по обузданию зарвавшегося Троцкого. «...ибо боюсь, что сумасбродные приказы Троцкого, если они будут повторяться, отдавая все дело фронта в руки заслуживающих полного недоверия так называемых военных специалистов из буржуазии, внесут разлад между армией и командным составом и погубят фронт окончательно. Наша новая армия строится благодаря тому, что рядом с новыми солдатами рождаются новые революционные командиры. Навязывать им заведомых предателей вроде Сытина или Чернавина (совершенно несправедливые обвинения! — Н.Ч.) — это значит расстраивать весь фронт.

Я уже не говорю о том, что Троцкий, вчера только вступивший в партию, старается учить меня партийной дисциплине...

...Я не любитель шума и скандалов, но чувствую, что если сейчас же не создадим узду для Троцкого, он испортит нам всю армию в угоду «левой» и «красной» дисциплине, от которой тошно становится самым дисциплинированным товарищам. Поэтому надо теперь же, пока не поздно, обуздать Троцкого...»¹²

Так вот, оказывается, в чем дело — у Сталина взвырвало его самолюбие!.. Его пресловутое кавказское самолюбие!.. Желание быть первым или в числе первых. Стремление к тому, чтобы самому диктовать условия, — это качество отмечали у Кобы знавшие его люди. В царицынских делах схлестнулись два явных лидера, два кремня — и искры полетели во все стороны, накаляя и без того жаркую атмосферу вокруг. Гасить же этот опасный очаг пришлось совместными усилиями многих должностных лиц.

Сразу отметим, что в данной ситуации И.И. Вацетис был на стороне председателя Реввоенсовета Республики. Он был за скорейшее введение П.П. Сытина в должность командующего Южным фронтом. Иоаким Иоакимович боялся того, что фактически гражданские лица (Сталин и Ворошилов) возьмутся командовать войсками, проводить операции. У Вацетиса вызвало большую тревогу сообщение о том, что Сталин начал отдавать приказы о перегруппировке частей фронта. От имени Реввоенсовета Республики он 3 октября направил Сталину телеграмму, в которой потребовал немедленно прекратить самостоятельную переброску войск без ведома и согласия Сытина. «Никаких перегруппировок частей войск без разрешения командующего фронтом Сытина не производить». Самому Сталину предлагалось выехать в Козлов, в штаб фронта, для совместной работы с Сытиным по выполнению поставленных задач. В то же время «Реввоенсовет категорически запрещает

смешение командных функций и неисполнение требований Реввоенсовета Республики будет сурово преследоваться». Данную телеграмму, помимо Вацетиса, подписали члены РВСР К.Х. Данишевский, С.И. Аралов, И.Н. Смирнов»¹³.

Ситуация, сложившаяся на Южном фронте, потребовала личного присутствия наркома Троцкого. И он в ночь с 3-го на 4-е октября убыл в Козлов на своем специальном поезде («поезде Троцкого»). Реввоенсовет Южного фронта продолжал работать разобщено. Сытин с Мехоношиным разместились в Козлове, а «троица» — Сталин, Ворошилов и Минин — продолжали находиться в Царицыне. Вот эта разобщенность и отсутствие слаженной работы руководящего ядра фронта и пугала Вацетиса. Связавшись по прямому проводу с Троцким, Иоаким Иоакимович высказал председателю РВСР свои опасения:

— Лев Давидович, если не положить конец самостийным действиям царицынцев, то катастрофа неминуема. Нельзя больше спокойно смотреть на упорное нежелание Сталина и Минина работать в контакте с Сытиным.

— Я с вами согласен, — телеграфная лента запечатлела слова Троцкого. — Сегодня же потребую от Свердлова конкретных шагов в этом направлении. В связи с тем, что официально Реввоенсовет фронта находится в Козлове, то держите контакт с Сытиным и Мехоношиным.

— Какие меры следует предпринять в отношении царицынских затворников? — спросил Вацетис.

— Поскольку Сталин, Минин и Ворошилов остаются в Царицыне, они могут пользоваться правами только членов Реввоенсовета десятой армии, но не более. Проводите строжайшим образом эту линию, и мы заставим царицынских дезорганизаторов войти в колею»¹⁴.

Анализируя сложившуюся обстановку, Троцкий пришел к выводу, что в состоявшемся конфликте есть вина и Реввоенсовета Республики (а значит, и Главкома Вацетиса). Еще

находясь в пути в Козлов, он телеграфировал туда, требуя впредь все решения и постановления оформлять более грамотно с юридической точки зрения. Особенно нужно соблюдать это требование тогда, когда в деле участвует коварный Сталин. Троцкий в этом плане высказался предельно четко: «Конфликт на Южном фронте запутан в значительной мере тем, что результаты переговоров со Сталиным не были закреплены на бумаге в виде формального постановления».

В разрешении возникшего конфликта активное участие принимал председатель ВЦИК Я.М. Свердлов. Как бы продолжая ранее начатый между ними разговор, Троцкий телеграфирует Свердлову 4 октября:

1. Разумеется, необходимо осторожное отношение к царицам. Но вы упускаете из виду суть конфликта. Сталин и Минин установили коллективное командование, что нами категорически отвергается и что, независимо от личности командующего, ведет к раздроблению командования и анархии. Здесь центр вопроса.

2. Прошу не забывать Южного фронта и в дальнейшем направлять в мое распоряжение серьезных партийных работников».

Троцкий и Вацетис были поставлены перед фактом, что в начале октября 1918 г. на Южном фронте фактически существовало два РВС: в Царицыне (Сталин, Ворошилов, Минин) и в Козлове (Мехоношин, Сытин, П.Е. Лазимир (с 9 октября)). Председатель РВСР, прибыв в штаб Южного фронта (в Козлов), стал более глубоко разбираться в сути конфликта. Беседуя с каждым из его участников, Троцкий пытался добиться компромисса и соглашения между конфликтующими. Но все было тщетно. О чем Троцкий 4 октября телеграфировал В.И. Ленину:

«Категорически настаиваю на отозвании Сталина. На царицынском фронте неблагополучно, несмотря на избыток сил. Ворошилов может командовать полком, но не армией в пять-

десять тысяч солдат. Тем не менее я оставлю его командующим десятой Царицынской армией на условии подчинения... Сытину. До сего дня царицынцы не посылают в Козлов даже оперативных донесений. Я обязал их дважды в день представлять оперативные и разведывательные сводки. Если завтра это не будет выполнено, я отдам под суд Ворошилова и Минина и объявлю об этом в приказе по армии. Поскольку Сталин и Минин остаются в Царицыне, они, согласно конституции Реввоенсовета, пользуются правами только членов Реввоенсовета десятой. Для наступления остается очень короткий срок... Без координации действий с Царицыном серьезные действия невозможны. Для дипломатических переговоров времени нет. Царицын должен либо подчиниться, либо убраться. У нас колоссальное превосходство сил, но полная анархия на верхах. С этим можно совладать в 24 часа при условии вашей твердой и решительной поддержки. Во всяком случае, это единственный путь, который я вижу для себя»¹⁵.

Чтобы всей мощью обрушиться на царицынских «смутьянов» и сломить их сопротивление, Троцкий себе в помощь вызвал Главкома Вацетиса. Об этом говорится в телеграмме Льва Давидовича, направленной 5 октября Я.М. Свердлову.

«Вчера по прямому проводу возложил ответственность на Ворошилова, как командующего, за царицынскую армию. Минин — член Реввоенсовета 10 царицынской армии. О Сталине вопроса не ставил. Предоставляю урегулировать дело партийной инстанции. Минин пытался упорствовать в том направлении, что царицынский Реввоенсовет есть Реввоенсовет Южного фронта. Я приказал ему подчиниться решению. Чем больше знакомлюсь с положением дел и взаимоотношений, тем яснее для меня недопустимая политика Царицына.

В Козловский совет (Реввоенсовет фронта. — *Н.Ч.*) включены Шляпников, Мехоношин и Лазимир, что придает совету достаточную авторитетность. Здесь вся беда в командной анархии. Надеюсь устранить ее. Царицынцам предоставляет-

ся полная возможность в нынешнем составе ликвидировать допущенный ими прорыв. Выеду туда после прибытия сюда Вацетиса, то есть через 2—3 дня и только на месте предприму необходимые изменения, считаясь с обстоятельствами»¹⁶.

Поездка Л.Д. Троцкого в Царицын состоялась. Состоялась и его личная встреча со Сталиным и Ворошиловым. О своих впечатлениях от этой встречи Сталин, Минин и Ворошилов 5 октября сообщали Я.М. Свердлову: «Разговор с Троцким был очень краток, намеренно оскорбителен, по логическому содержанию непонятен, разговор оборван Троцким, После чего Сытин и Мехоношин начали передавать без шифра секретный приказ и только после протеста передали шифром остальное. Безусловно признавая необходимым централизацию и соподчиненность, мы теперь, после сказанного Троцким и после всей путаницы в приказах, окончательно недоумеваем, ибо даже при желании с нашей стороны становится невозможным и неосуществимым какое бы то ни было подчинение, а потому все вопросы приходится отложить до приезда Сталина в Москву. между тем задержка снабжения губительно отражается на фронте...»¹⁷.

А вот что обо всем этом пишет Л.Д. Троцкий в книге «Моя жизнь»: «Сталин несколько месяцев провел в Царицыне. Свою закулисную борьбу против меня, уже тогда составлявшую существеннейшую часть его деятельности, он сочетал с доморощенной оппозицией Ворошилова и его ближайших сподвижников. Сталин держал себя, однако, так, чтобы в любой момент можно было отскочить назад.

...Ленин с тревогой следил за развитием этого конфликта. Он лучше меня знал Сталина и подозревал, очевидно, что упорство царицынцев объясняется закулисным режиссерством Сталина. Положение стало невозможным. Я решил в Царицыне навести порядок. После нового столкновения командования (фронта) с Царицыном я настоял на отзывании Сталина. Это было сделано через посредство Свердлова,

который сам отправился за Сталиным в экстренном поезде. Ленин хотел свести конфликт к минимуму и был, конечно, прав. Я же вообще не думал о Сталине... Я думал о царицынской армии. Мне нужен был надежный левый фланг Южного фронта. Я ехал в Царицын, чтобы добиться этого какой угодно ценою. Со Свердловым мы встретились в пути. Он осторожно спрашивал меня о моих намерениях, потом предложил мне поговорить со Сталиным, который, как оказалось, возвращался в его вагоне. «Неужели вы хотите всех их выгнать? — подчеркнуто смиренным голосом спрашивал меня Сталин. — Они хорошие ребята». «Эти хорошие ребята погубят революцию, которая не может ждать, доколе они выйдут из ребяческого возраста. Я хочу одного: включить Царицын в Советскую Россию».

Через несколько часов я увидел Ворошилова. В штабе царил тревога. Пущен был слух, что Троцкий едет с большой метлой, а с ним два десятка царских генералов для замещения партизанских начальников, в которые, к слову сказать, к моему приезду все спешно переименовались в полковых, бригадных и дивизионных командиров. Я поставил Ворошилову вопрос: как он относится к приказам фронта и главного командования? Он открыл мне свою душу: Царицын считает нужным выполнять только те приказы, которые он признает правильными. Это было слишком. Я заявил, что, если он не обяжется точно и безусловно выполнять приказы и оперативные задания, я его немедленно отправлю под конвоем в Москву для предания трибуналу. Я никого не сместил, добившись формального обязательства подчинения. Большинство коммунистов царицынской армии поддержало меня за совесть, а не за страх. Я посетил все части и обласкал партизан, среди которых было немало превосходных солдат, нуждающихся только в правильном руководстве. С этим я вернулся в Москву. С моей стороны во всем этом деле не было и тени личного пристрастия или недоброжелательства...»¹⁸

Итак, Сталин отправился в Москву с целью заручиться там необходимой поддержкой. Частично он ее нашел у Ленина. И даже получил повышение, будучи назначен 8 октября членом Реввоенсовета Республики. Казалось бы, его самолюбие должно было быть удовлетворено, — как же, вместо нагоняя в Москве он получил повышение по службе. А вот самолюбие его верного царицынского сподвижника К.Е. Ворошилова было сильно ущемлено. Он отказывался выполнять приказы, отдаваемые Л.Д. Троцким, он по-прежнему считает себя помощником командующего Южным фронтом. По этому поводу Ворошилов забросал телеграммами Кремль, Арзамас (где находился Реввоенсовет Республики), Козлов (там в то время находился Л.Д. Троцкий и И.И. Вацетис). Вот содержание одной из таких телеграмм, отправленной во все эти адреса 7 октября:

«Военревсоветом Республики 17 сентября я назначен членом Реввоенсовета Южного фронта. До сих пор отмены моего назначения я от Военревсовета Республики не получал. В то же время в телеграммах за подписью предРеввоенсовета республики Троцкого, полученных в последние дни, указывается о создании Военревсовета Южного фронта в новом составе и в которых я называюсь командующим десятой армией. Считаю для себя законными постановления лишь Военревсовета Республики, прошу разъяснений — отстранен ли я с товарищами Сталиным и Мининым от должности членов Военревсовета Южного фронта. До получения указаний от Военревсовета Республики я не считаю себя вправе приводить в исполнение единоличные приказы Троцкого. Считаю долгом заявить, что бесконечная путаница приказов, один другой отменяющих, в последние дни пагубно отражается на положении фронта, что уже дает плачевные результаты. Если в срочном (порядке) не будут устранены подобные явления и не получится снаряжение, я за последствия ответственность с себя снимаю»¹⁹.

Главком И.И. Вацетис был участником и свидетелем, как Троцкий достаточно терпеливо подавлял этот последний очаг

сопротивления. Так, он в Козлове собрал 9 октября совещание, на котором присутствовали И.И. Вацетис, члены РВСР К.А. Мехоношин и К.Х. Данишевский, командующий Южным фронтом П.П. Сытин. Совещание открыл Троцкий:

— Товарищи, мы собрались для обсуждения важного вопроса, касающегося конфликта между членами Реввоенсовета Южного фронта и его командующим. Этот конфликт чреват серьезными последствиями в деле успешной борьбы с белыми на юге страны. Притязания Сталина, Минина и Ворошилова на коллегиальное управление войсками ведут к дезорганизации и хаосу. Я неоднократно беседовал с товарищем Сталиным на эту тему, но он не собирается менять свою точку зрения. Сегодня мною получено заявление Сталина с просьбой считать его выбывшим из состава Реввоенсовета фронта. Кроме того, он подал заявление в Совнарком об освобождении его от обязанностей члена Реввоенсовета Республики.

— Заявление Сталина содержит какие-либо обоснования такого шага? — спросил Мехоношин.

— Нет, — ответил Троцкий. — Я думаю, что причиной этого заявления является уязвленное самолюбие Сталина. Когда он отказался переехать в Козлов для работы в составе Реввоенсовета фронта, то был предупрежден, что в случае нахождения в Царицыне он будет обладать правами только члена Реввоенсовета десятой армии.

— Если товарищ Сталин настаивает на своей просьбе освободить его от должности члена Реввоенсовета фронта, — сказать Данишевский, — то ее надо удовлетворить.

— Значит, так и решим? — подытожил Троцкий. — Вижу, что других мнений нет. Для того, чтобы укрепить Реввоенсовет фронта, предлагаю включить в его состав Окулова Алексея Ивановича, председателя военно-оперативного штаба Западной Сибири. Он человек новый для Южного фронта и, будем надеяться, сумеет занять беспристрастную позицию при решении военных вопросов»²⁰.

В.И. Ленин тоже делал попытки как-то наладить отношения между Троцким и Сталиным. Он беседовал с каждым из них по отдельности и старался свести их вместе. Чтобы если не помирить, то хотя бы восстановить приемлемые служебные отношения. Так, в телеграмме Л.Д. Троцкому он писал 23 октября 1918 г.:

«Сегодня приехал Сталин, привез известия о трех крупных победах наших войск под Царицыном...

Сталин убедил Ворошилова и Минина, которых считает очень ценными и незаменимыми работниками, не уходить и оказать полное подчинение приказам Центра; единственная причина их недовольства, по его словам, крайнее опоздание и неприсылка снарядов и патронов, от чего также гибнет двухсоттысячная и прекрасно настроенная Кавказская армия.

Сталин очень хотел бы работать на Южном фронте; выражает большое опасение, что люди, мало знающие этот фронт, наделают ошибок, примеры чему он приводит многочисленные. Сталин надеется, что ему на работе удастся убедить в правильности его взгляда, и не ставит ультиматума об удалении Сытина и Мехоношина, соглашаясь работать вместе с ними в Ревсовете Южного фронта, выражая также желание быть членом Реввоенсовета Республики.

Сообщая Вам, Лев Давыдович, обо всех этих заявлениях Сталина, я прошу Вас обдумать их и ответить, во-первых, согласны ли Вы объяснить лично со Сталиным, для чего он согласен приехать, а во-вторых, считаете ли Вы возможным, на известных конкретных условиях, устранить прежние трения и наладить совместную работу, чего так желает Сталин.

Что же меня касается, то я полагаю, что необходимо приложить все усилия для налаживания совместной работы со Сталиным»²¹.

В течение октября—ноября несколько раз вставал вопрос о необходимости замены К.Е. Ворошилова на посту командарма-10. Например, члены РВС Южного фронта

К.А. Мехоношин и А.Г. Шляпников, поддержанные командующим фронтом П.П. Сытиным, телеграфировали Троцкому: «При чрезвычайно сложном положении на Южфронте во главе такой большой армии, как десятая, должен стоять опытный специалист-руководитель. Товарища Ворошилова предлагаем оставить членом Реввоенсовета». А Мехоношин к тому же просил убрать из Царицына С.К. Минина.

Однако Троцкий, извлекая необходимый урок из борьбы со Сталиным, не торопился делать соответствующие оргвыводы. Надо отметить, что, конфликтуя с Ворошиловым, он смог увидеть и положительные стороны в его работе. Так, обследовав 10-ю армию, он в телеграмме, направленной В.И. Ленину, в РВСР, председателю ВЦИК Я.М. Свердлову, а также в РВС Южного фронта, сообщал:

«Мое ознакомление с положением 10-й армии приводит меня к следующим предварительным выводам: Ворошилов добросовестный и авторитетный в 10-й армии работник. Если добиться строгого подчинения его Сытину, следовало бы избежать замены его другим лицом.

Возможно ли достигнуть установления строгой дисциплины? Думаю, что вполне возможно. В состав Реввоенсовета 10-й включены Окулов и Межлаук (речь идет о В.И. Межлауке. — *Н.Ч.*) ...Я останусь здесь еще неделю, чтобы окончательно убедиться, как функционирует Реввоенсовет 10-й в новом составе*. Не желаю несколько стеснять командующего южным фронтом в выборе помощников, но предполагаю, как сказано выше, что сейчас замена Ворошилова, особенно малоавторитетным лицом, была бы опрометчивой. Здесь сейчас огромная армия своеобразного состава с малодисциплинированными командирами. У Ворошилова довольно твердая рука, нужно

* Минин С.К. в ноябре 1918 г. был освобожден от должности члена РВС 10-й армии, будучи назначен членом коллегии Наркомата внутренних дел РСФСР.

только ввести его самого в рамки определенного режима и дать ему достаточно компетентных помощников...»²²

По вопросу о кадрах высшего эшелона РККА Иоаким Иоакимович не всегда находил общий язык с Троцким. Например, когда И.И. Вацетис и член РВСР С.И. Аралов 1 декабря 1918 г. издали приказ о смещении К.Е. Ворошилова с должности командарма-10, Троцкий воспротивился этому и настоял на отмене приказа. Еще ранее, в октябре, Вацетис предлагал на 10-ю армию, вместо Ворошилова, поставить В.А. Антонова-Овсеенко. И тогда председатель РВСР отклонил это предложение по указанным выше соображениям.

Финал царицынской эпопеи, в которой оказались задействованы многие лица из первого эшелона руководства партии, Советского правительства и военного ведомства, был таков: Ворошилов отзывался из Царицына и направлялся в состав украинского правительства; вместо него командармом-10 назначался А.И. Егоров (бывший командарм-9).

Командующий фронтом П.П. Сытин по незначительному поводу был подвергнут домашнему аресту. Вместо него был назначен командарм-5 П.А. Славен, а Сытин откомандирован в распоряжение РВСР, где стал работать начальником военно-административного отдела его управления делами.

Вацетис, будучи кадровым офицером, хорошо понимал значение воинской дисциплины, ее цементирующую роль в поддержании боеготовности и боеспособности частей и подразделений. До революции жизнь и деятельность войск, а также отдельно взятого военнослужащего была строго прописана в соответствующих статьях армейских уставов. В 1917 г. все в корне изменилось — старые уставы были отменены, а новые только-только разрабатывались на основе опыта Гражданской войны. К их рождению Иоаким Иоакимович имел самое непосредственное отношение. Вот что он пишет об этом в своих воспоминаниях: «В сентябре же (1918 г.) приступили к переработке и изданию Положения о полевом управлении

войск и уставов. Сначала были пересмотрены и переделаны внутренний, строевой, полевой и гарнизонный уставы, а потом и другие.

Окончательную редакцию уставов я взял на себя, и после моей редакции проекты уставов представлялись председателю ВЦИК для утверждения. Первые уставы вышли в декабре 1918 года.

Внутренний и дисциплинарный уставы вызвали споры при редактировании. Проект внутреннего устава был написан во Всеросглавштабе каким-то отсталым по своим политическим взглядам генштабистом. Половину пришлось выбросить. Были даже такие главы, как порядок говения православными красноармейцами и порядок погребения православных красноармейцев. С дисциплинарным уставом также были недоразумения, затянувшие его появление на фронте на долгий срок.

Среди членов партии появились люди как в тылу, так и на фронте, которые смотрели на уставы как на атрибут милитаризма и образовали своего рода фронду против уставов вообще, видя в появлении уставов хитросплетения военспецов. Вопрос этот рассматривался на съезде партии весной 1919 года*. Один из присутствовавших на этом съезде говорил мне, что фронда заострила свое оружие нападения на вопросе о взаимном приветствии красноармейцев и командного состава, в котором фронда хотела видеть первый шаг к введению отдания чести. Спор принял крайне острый характер, и потребовалось вмешательство тов. Ленина. Ленин прочитал из устава тот параграф, в котором говорилось о взаимном приветствии, начиная со старшего, и просил фронду указать, может ли быть еще более демократическая форма взаимного приветствия»²³.

* Так в тексте воспоминаний. На 8-м съезде РКП(б) уставы Красной Армии не рассматривались. Отношение же к ним некоторые делегаты высказывали при обсуждении военного вопроса.

И.И. Вацетис уже имел большой опыт работы с людьми, он умел неплохо разбираться в кадрах, оценивая их деловые (профессиональные) и моральные качества, при этом предполагая возможность их эффективного применения на том или ином посту. Но и у него порой случались ошибки. Как это было по отношению к М.В. Фрунзе — Вацетис возражал в январе 1919 г. против назначения последнего командующим 4-й армией. И все дело было в том, что Иоаким Иоакимович поначалу не верил в военные способности партийных выдвиженцев, к числу которых относился М.В. Фрунзе. Впоследствии И.И. Вацетис убедился, что в данном случае он был неправ — Фрунзе оказался талантливым самородком из народа, выдвинутым на вершины военной иерархии стихией Гражданской войны и борьбы с иностранными интервентами.

Михаил Фрунзе, от природы умный человек, хорошо понимал всю важность использования знаний и опыта военных специалистов — генералов и офицеров старой армии. Именно поэтому он попросил командование фронта и Главкома Вацетиса назначить к нему в 4-ю армию начальником ее штаба бывшего генерала Ф.Ф.Новицкого. Сам Новицкий в своих воспоминаниях рассказывал, что первоначально его самого прочили на должность командарма, но он настоятельно рекомендовал на этот пост М.В. Фрунзе, обещая помогать ему по оперативно-тактической части. И Новицкий с Фрунзе неплохо сработался в ходе подготовки и проведения боевых операций на Восточном и Туркестанском фронтах. К тому же и бывший командарм-4 А.А. Балтийский был рядом в роли военного советника («для особых поручений»). Не всякий командующий войсками фронта мог похвастаться наличием у него такого «мозгового» потенциала²⁴.

В пункте шестом «Положения о Главнокомандующем всеми вооруженными силами Республики» говорилось: «Главнокомандующий, руководствуясь преподанными ему Революционным военным советом указаниями, распоряжается воен-

ными действиями по своему непосредственному усмотрению. Он направляет усилия всех подчиненных ему сухопутных и морских вооруженных сил к достижению общей цели всеми способами, какие признает нужными». Безусловно, каждый полководец стремится выполнить стоящую перед ним задачу с наилучшими результатами. Однако этого нельзя достичь, не обеспечив подчиненные войска всем необходимым для жизни и боя, а именно: оружием, продовольствием, обмундированием, боеприпасами и т.п.

Главком И.И. Вацетис, проведя на передовой несколько лет, хорошо знал нужды действующей армии и трудности по их удовлетворению в условиях разрушенной войной страны. Очень остро все годы Гражданской войны стоял вопрос продовольственного обеспечения личного состава РККА. Об особой насущности данной проблемы говорит и тот факт, что в своих воспоминаниях «Гражданская война. 1918 год» И.И. Вацетис рассмотрению продовольственного вопроса отвел специальный раздел. В нем Вацетис рассказывает о создании и становлении аппарата снабжения продовольствием в центре и на местах, о трудностях на этом пути.

Сложность состояла в том, что Главкому не был подчинен тыл, то есть главный начальник снабжения и его аппарат. Вацетис видел прямую зависимость боеспособности армии от состояния ее снабжения, в первую очередь продовольствием. В одном из своих первых докладов В.И. Ленину и в Реввоенсовет Республики о стратегическом положении страны и задачах Красной Армии, Иоаким Иоакимович отмечал: «...Вопросы снабжения в действующей армии играют исключительную роль, и особенно в этом отношении важен продовольственный вопрос, т.к. можно совершенно определенно сказать: если не будет вполне удовлетворительно разрешено продовольственное дело, то не будет крепкой армии...»²⁵

Анализируя положение фронтов в продовольственном отношении в 1918 г., И.И. Вацетис отмечал: «Восточный

и Южный фронты были расположены в районах, богатых хлебом, жирами и фуражом, поэтому прокормление их было обеспечено. Иначе обстояло дело на Северном и на Западном фронтах, где край был сильно истощен. Войска названных фронтов должны были жить подвозом продовольствия и фуража из глубокого тыла, что при расстроеном транспорте нашем представляло весьма значительные затруднения не только в техническом смысле, но и для наших будущих операций, если обстановка заставляла развить таковые в обширных размерах»²⁶.

Вацетис перечисляет и способы снабжения войск: «В июле 1918 года на Восточном фронте я застал много всевозможных способов снабжения. Начальник снабжения Восточного фронта держался подрядного способа. Он заключал контракты с подрядчиками, которые поставляли продукты по ценам, установленным с обоюдного согласия.

На фронте войска довольствовались различно. Некоторые части получали продукты от местных исполкомов. Другие покупали на базарах по рыночным ценам. Были нередки случаи принудительных реквизиций. В той обстановке партизанщины, в какой действовали многочисленные отряды Восточного фронта, все перечисленные способы находили какое-нибудь оправдание.

После обложения нашими союзниками (государствами Антанты. — *Н.Ч.*) нашего осажденного лагеря со всех сторон, Советская страна оказалась как бы прижатой к голодной Московской области. Наступило время решить вопросы: 1. Можно ли в обстановке осажденного лагеря отделить снабжение вооруженной силы от снабжения остальных граждан? 2. Не передать ли продовольствование (так в документе. — *Н.Ч.*) всего осажденного лагеря Народному комиссариату продовольствия?

По этим вопросам были большие разногласия между представителями Наркомпрода и войсковым командованием.

В октябре или начале ноября был издан Совнаркомом декрет о подчинении всего продовольственного дела снабжения страны Наркомпроду. Для урегулирования и общего направления дела снабжения страны была создана новая инстанция, а именно — Центральная снабженческая комиссия во главе с Красиным Л.Б.

Такой порядок все-таки напоминал скорее эксперимент, чем строго продуманную плановую работу. Определенно было известно на фронте, что агенты Компрода (Центральной комиссии по снабжению армии продовольствием. — *Н.Ч.*) хорошо справляются с процессом выемки продовольственных излишек у населения, но следующие процессы его работы, как-то транспорт, распределение и доставка продовольствия по назначению, были из рук вон плохи. Кроме всего этого на фронтах готовились к крупным операциям. И снабжающие органы должны были работать согласно планам предстоящих действий, составлявших глубокий секрет.

Вдобавок ко всему на Восточном и Южном фронтах нельзя было держать армии на голодном пайке, так как на их глазах войска Компрода получали все в изобилии.

Что же касается Северного и Западного фронтов, живших подвозом из глубокого тыла, то на названных фронтах продовольственное положение было иногда в катастрофическом положении. Войска голодали форменным образом, а лошади гибли массами из-за отсутствия фуража.

Также плохо обстояло дело со снабжением и частей, формировавшихся внутри страны. К 1 октября агенты Компрода не доставили на призывные пункты ни капли продовольствия, вследствие чего явившиеся на призывные пункты мобилизованные красноармейцы устроили скандал и разошлись по домам. Пришлось отложить призыв на 1 ноября. Компроду в качестве консультанта был придан генштабист.

Мое отношение к вышеозначенному декрету Совнаркома о передаче снабжения продовольствием Красной Армии

Наркомпроду было изложено в нижеследующей телеграмме В.И. Ленину:

«...В настоящее время на всех фронтах происходят ожесточенные бои, войсковые части перебрасываются с места на место. В таких условиях солдат должен быть хорошо накормлен и пищу получать должен обильно и своевременно. Это возможно только тогда, когда продовольственное дело армии находится в руках органов военных властей на фронте. При создании продаппарата страны надо, помимо этого, иметь в виду, что центр и север нашей страны беспroduкты и бесхлебны, а Восточный и Южный фронты обеспечены всем полностью. Поэтому война должна кормить войска и всю страну. Исходя из этого положения, РВСР находит создание продовольственного аппарата приемлемым при условии подчинения Центральной продовольственной комиссии РВС Республики, а остальные органы продаппарата соответственно подчинить РВСоветам фронтов и армий.

Существующий на фронтах способ продовольствования армий должен действовать до тех пор, пока вновь создающийся аппарат не вложится в практическое дело и не докажет на практике свою жизнеспособность.

Главком Вацетис. Смирнов. Данишевский.

Начштаба Майгур»²⁷.

Вацетис «приложил» свою руку и к делу создания неприкосновенной продовольственной базы для Красной Армии. Об этом в его воспоминаниях говорится следующее: «При переходе на рельсы активной ударной стратегии чрезвычайно важное значение имело исправное снабжение продовольствием собираемых на ударных направлениях войсковых масс. Это особенно касалось Северного и Западного фронтов, где не было местных средств, а войска должны были получать продовольствие подвозом с других фронтов. При плохом состоянии нашего транспорта едва ли можно было полагаться на исправность Компрода, который оказался не в состоянии

прокормить красноармейцев при октябрьской массовой мобилизации.

Очевидно было, что Главное командование должно было со своей стороны выдвинуть специальные требования по обеспечению продовольствием войск, расположенных в бесхлебных районах. Специальные требования Главного командования сводились к тому, что в центре страны, в районе Москва. Ярославль, Нижний Новгород должен быть создан неприкосновенный запас продовольствия по расчету на четыре месяца на полмиллиона красноармейцев и на 30 000 лошадей. Этот запас продовольствия, находясь в непосредственном ведении Главного командования, должен был составить неприкосновенную продовольственную базу как для Красной Армии Северного и Западного фронтов, так и для запасных частей, формируемых внутри страны.

В двадцатых числах ноября (1918 г. — *Н.Ч.*) мною был сделан доклад тов. Ленину, и этот доклад нашел полное одобрение. Тов. Ленин дал Красину соответствующие указания, после чего был устроен ряд заседаний с представителями Компрода. Но наши заседания сводились к бесконечным спорам, а дело не подвигалось вперед ни на один шаг, о чем в первых числах декабря я доложил тов. Ленину, который тогда уже был председателем Совета обороны. Дня через два Красин вызвал меня к телефону и передал, что Ленин приказал устроить заседание и решить вопрос о создании неприкосновенного запаса для Красной Армии окончательно. Я ответил Красину, что вопрос этот перенесен мною на усмотрение Совета обороны.

Через несколько часов Красин снова позвонил мне, что им получены указания от тов. Ленина рассмотреть вопрос этот в Центральной комиссии под его, Красина, председательством. Я ответил Красину что было уже четыре заседания по этому же самому вопросу и ни к чему не пришли, стоит ли тратить время. Я заявил категорически, что приеду в том случае, если председательствовать будет тов. Ленин. Красин сказал, «что спросит

Ленина на этот счет и скажет мне. Через несколько минут Красин снова позвонил мне и сказал, что они условились, что председательствовать будет Красин, а Ленин обещал присутствовать на заседании. Вечером этого же дня (кажется 12 декабря 1918 года) состоялось заседание в Кремле в зале Совнаркома.

Раньше, чем перейти к изложению событий на этом заседании, я поясню, в чем же были наши разногласия.

Никаких разногласий принципиального характера у меня с Компродом не было, что видно из вышеприведенного моего заявления председателю Совнаркома после появления декрета о порядке снабжения РСФСР. Но после срыва Компродом нашей общей мобилизации (о чем было сказано в своем месте) я должен был допускать, что неисправность агентов Компрода или какая-нибудь иная случайность может сорвать операции на Северном и Западном фронтах, где войска продовольствовались подвозом из глубокого тыла.

В случае недоставки продовольствия войска могли разбежаться от голода, как это случилось с мобилизованными. От таких катастроф я хотел застраховать Красную Армию названных фронтов.

Представители Компрода Красин и Брюханов находили совершенно излишним создание неприкосновенного запаса для Красной Армии и требовали полного устранения командования от дела снабжения. Они уверяли, что создаваемый аппарат во главе с Красиным будет работать без всяких трений и обеспечит страну и армию в лучшем виде. Мои противники не хотели понять, что выдвигаемая мною мера носит исключительно стратегический характер и как таковая находится в сфере служебной деятельности Главнокомандующего всеми вооруженными силами.

Состав заседания: Красин — председатель, Брюханов — от Компрода, человек двадцать агентов от Компрода, Главком Вацетис, главначснаб Генштаба Мартынов, его помощник — генерал-интендант Акимов. Присутствовал — В.И. Ленин.

Красин открыл заседание и первое слово предоставил мне. Я повторил то, что сказано было выше. После меня говорили Мартынов и Акимов, затем агенты Компрода. Оказалось, что они были вызваны с Восточного и Южного фронтов и исключительно для этого заседания. Речи ораторов клонились к тому, что на фронтах продовольственный вопрос находится в хаотическом состоянии, что войсковые органы не увязывают свою работу с агентами Компрода, что войска берут от населения сколько хотят и едят сколько хотят и т.д.

Под конец слово взял представитель Компрода. Он указывал, между прочим, что за срыв октябрьской мобилизации Компрод не отвечает, так как Главначснаб не дал нужные ведомости.

Произошел забавный инцидент. Дело в том, что Компроду были даны все нужные ведомости, но они затерялись в массе дел. На одной ведомости в то время, когда я ее подписывал, по неосторожности я поставил черными чернилами большую кляксу, расплывшуюся в виде характерной фигуры Африки. К моему удивлению, на заседании я увидел в руках у тов. Брюханова эту ведомость с знакомой мне характерной «африканской» кляксой, на что я обратил его внимание.

Потом выяснилось, что в Наркомпроде нет людей, достаточно знакомых с особенностями войскового снабжения. Без достаточного основания тов. Брюханов (заместитель Наркома продовольствия. — *Н.Ч.*) почему-то рассердился и ни с того, ни с сего заявил, что такой большой продовольственный запас он не может доверить военспецам.

Красин заявил, что он желает сказать слово, и просил присутствовавшего на заседании тов. Ленина взять на себя председательствование на время его речи.

Ленин согласился.

Красин подвел итоги прениям и под конец своей речи коснулся вопроса о создании неприкосновенного запаса для

Красной Армии, но на этом месте он был остановлен председательствовавшим. Тов. Ленин встал и сказал: «Довольно. Все ясно». И обращаясь к Брюханову, продиктовал ему следующую резолюцию:

1. Компрод обязывается создать неприкосновенную базу продовольствия для Красной Армии, согласно указаний Главного командующего и без согласия Совета Обороны не расходовать ее.

2. Тов. Брюханов обязывается в четырехдневный срок составить соответствующие соображения и донести Совету Обороны и о своих распоряжениях поставить в известность Главного командующего.

Продовольственная база для Красной Армии была создана и неприкосновенность ее обеспечена. Мера эта себя оправдала. За счет запасов продовольственной базы поддерживались Северный и Западный фронты, а в июле и августе 1919 года часть хлеба и жиров пошла на выручку голодающим Петрограду и Москве»²⁸.

Председатель Совнаркома В.И. Ленин во многих случаях поддерживал предложения И.И. Вацетиса по вопросам снабжения войск действующей армии. Но иногда их мнения расходились. Например, в середине декабря 1918 г. Тогда Вацетис направил телеграмму начальнику Управления снабжения Красной Армии, в которой предлагал обеспечить в достаточной степени продовольствием войска, действующие на западном направлении. Ознакомившись с текстом этой телеграммы, В.И. Ленин написал следующую резолюцию: «Реввоенсовету: № NB: паки и паки: ничего на запад, немного на восток, все (почти) на юг. Ленин»²⁹.

Республике и ее армии нужны были резервы не только продовольственные, но и людские. В этом И.И. Вацетис убедил как Троцкого, так и его заместителя Э.М. Скиянского. В результате 23 декабря 1918 г. появился приказ Реввоенсовета Республики о создании Резервной армии:

«В целях ускорения формирования дивизий и использования свободных наличных кадров Революционный военный совет Республики постановил:

1. Образовать Резервную армию в составе 9, 21 и 22 стрелковых дивизий, на что использовать кадры 1-й Курской, 2-й Орловской и 2-й Новгородской пехотных дивизий.

2. В дивизии Резервной армии влить продовольственные отряды, подведомственные Главному комиссару Компрода Зусмановичу.

3. Резервная армия, не входя в состав Южного фронта, в оперативном отношении подчиняется непосредственно главнокомандующему. Снабжение ее всеми видами довольствия возлагается на орловский окружной комиссариат.

4. Командующим армией временно назначается генштаба В.П. Глаголев, временными членами Революционного военного совета — Зусманович и Вишневецкий.

5. Временно командующему армией Глаголеву немедленно приступить к формированию дивизий на лично указанных Главнокомандующим началах и закончить не позже 1 декабря 1918 г..

За председателя Революционного
Военного совета Республики Склянский
Главнокомандующий всеми
вооруженными силами Республики Вацетис
Члены Революционного военного
совета Республики Данишевский, Аралов»³⁰.

Главком Вацетис, хотя и находился в Серпухове, но тем не менее хорошо знал положение на фронтах Республики. Ее анализом он занимался много часов в сутки, фактически весь его рабочий день и являлся процессом этого анализа и выработки соответствующих решений, приказов, директив. Работоспособности Иоакима Иоакимовича завидовали многие подчиненные ему штабные командиры, но соревноваться с ним в этом деле решались немногие. Также было извест-

но, что Главком старался обходиться без советников и консультантов как в своем штабе, так и при своих выступлениях в Реввоенсовете Республики. Как Вацетис не раз признавал, он был склонен к самостоятельному принятию решений. Он жил службой, она была его образом жизни, вне службы он не мыслил своего существования.

«...Обыкновенно я вставал в шесть часов утра. К семи часам утра привозили мне из штаба оперативные сводки. С этого начинался мой трудовой день. В штабе я бывал обыкновенно два раза в сутки. Работа в штабе происходила в одном кабинете с начальником штаба и членами революционного военного совета Республики.

Всю оперативную часть (стратегию) я вел лично сам; сам же писал директивы командующим фронтами. Такое тесное сотрудничество отразилось на сокращении времени. Такой порядок работы взваливал на меня главную часть работы, но это было необходимо для нашего успеха. Часто приходилось мне лично выработать план операции какого-нибудь фронта, где командующий фронтом не оказался на высоте своего призвания»³¹.

Нередко Иоаким Иоакимович работал и по ночам. «Глубокой ночью, когда кругом тихо, когда ничто не нарушало течения моей мысли, — спустя некоторое время вспоминал он, — я часами просиживал перед стратегической картой, вдумываясь в общее положение, решал задачи, ставя себя в положение противника, строил гипотезы. Из которых был максимальный успех для нас. Расположение наших войск я знал в совершенстве. До бригад и отдельных отрядов включительно. Что же касается расположения противника, то я отлично знал, что достоверно о нем, что предположительно и что является сомнительным. Такой же классификации я подвергал сведения о действиях противника. Из обеих групп вышеприведенных данных я делал анализ и вывод о том, как должны представляться дальнейшие действия противника»³².

Вацетис много размышлял о роли Главкома в деле строительства и совершенствования Красной Армии и ее структурных звеньев, о его месте в деле планирования боевых действий и претворения в жизнь этого плана. Иоаким Иоакимович утверждал, что «в лице Главкомандующего сосредоточена вся инициативная часть работы в области военно-организационной и вся полнота власти в области стратегической. В силу этого на таком посту мог быть человек с широким военным образованием и богатейшим военным опытом и талантом, с полководческим складом ума и волей»³³.

Напрямую И.И. Вацетис об этом не говорит, но другими словами он достаточно прозрачно утверждает, что он имеет перечисленные выше качества и вполне соответствовал должности Главкома всеми вооруженными силами Республики. При этом он делится своими «секретами» работы: «На посту Главкома у меня было столько важной, требующей глубокого продумывания работы, что мне оставалось для сна не более 3—4 часов в сутки. Работа главкомандующего требовала страшного напряжения. Приходилось строить огромную армию совершенно заново. И в то же время вести борьбу на все четыре стороны света, имея общую линию фронта около 8000 верст. В моем лице была сосредоточена стратегическая работа, а кому неизвестно, что эта работа и ее успех зависят исключительно от числа просиженных в штабе часов. Стратегия требует ума, вдохновения и воли, то есть тех элементов, из которых формируется талант.

Почти каждый день в кабинете и у себя на квартире я просиживал по несколько часов перед стратегической картой и, анализируя ситуацию — нашу и противника, делая всевозможные выкладки в уме, чтобы найти наиболее выгодные решения. Я начинал обыкновенно с того, что старался разгадать наиболее выгодный способ действий противника и возможные случайности и слабые стороны. После длительного изучения обстановки мне удавалось определить дальнейшие действия

противника. На основании этого я начинал отыскивать лучшие способы наших действий, которые в конце концов складывались у меня в голове в определенную директиву.

Одновременно я превосходно изучил географию европейской и азиатской частей России. Никогда я так хорошо и всесторонне не знал этот предмет. Я знал даже мелкие протоки рек и деревни, так или иначе отмеченные в военном отношении или где были расположены войска. Знал состояние промышленности и богатства каждого региона, его население и историю...

Такую обширную работу, какую пришлось выполнять мне на посту главнокомандующего, можно было одолеть, целиком отдаваясь ей. Свободного времени у меня не было, поэтому не было и личной жизни»³⁴.

Свой штаб — Полевой штаб Реввоенсовета Республики (до 8 ноября просто штаб) И.И. Вацетис создавал фактически заново. Его костяк составили сотрудники штаба Восточного фронта во главе с его начальником П.М. Майгуром. Во второй половине октября 1918 г. Майгура сменил Ф.В. Костяев, бывший генерал-майор старой армии, обладавший соответствующими знаниями теории военного дела и богатым практическим опытом. Больших нареканий по службе к сотрудникам Полевого штаба у Вацетиса не возникало.

Характерным для стиля работы И.И. Вацетиса было поддержание постоянной связи с командующими фронтами, оказание им помощи в определении боевых задач подчиненным войскам, контроль их выполнения. Надо сказать, что не всем нравилась подобная требовательность и на этой почве возникали конфликты, доходившие порой до отстранения командующих от должности. Как это случилось с преемником Вацетиса на Восточном фронте — Сергеем Сергеевичем Каменевым.

Вообще надо отметить, что из всех фронтов Республики по стечению целого ряда обстоятельств Иоакиму Иоакимо-

вичу в бытность его Главкомом Республики пришлось много внимания уделить Восточному фронту. И не только в силу его приверженности к «своему» бывшему фронту, но и в силу складывающейся там обстановки. А также по причине натянутых отношений с его командующим С.С. Каменевым, который потом сменил Вацетиса на посту Главкома всеми вооруженными силами Республики. А одна из первых «черных кошек» пробежала между ними вскоре после назначения Вацетиса «большим» Главкомом в Серпухов, а Каменева — «малым» главкомом Восточного фронта. А поводом послужила задержка с отправкой одного из латышских полков в распоряжение Главкома.

В своих воспоминаниях этот свой спор, а по сути — проявление недисциплинированности, С.С. Каменев описывает так: «С боевыми качествами частей Красной Армии я впервые познакомился при следующих обстоятельствах. Это было немедленно по моем вступлении в командование фронтом. На бугульминском направлении, прикрывавшем Ульяновск (тогда Симбирск), среди других частей находился латышский полк. Этот латышский полк пользовался заслуженной славой крепкой боевой единицы, в силу чего на данном направлении являлся основой устойчивости. Главнокомандующий потребовал вывода этого полка из боевой линии и отправки его в Серпухов, где тогда располагался штаб главного командования.

Лишиться опоры, на которой строилась устойчивость обороны на данном направлении, естественно, было крайне болезненно. Я опротестовал это решение главнокомандующего, прося хотя бы отсрочки выполнения его. Протест был отклонен, и вторично был указан самый минимальный срок для отправки полка в Серпухов. Делать было нечего, пришлось выполнять»³⁵.

Сергей Сергеевич Каменев не называет номера латышского полка, он только говорит, что эта часть сражалась под

Бугульмой. В нашем случае, когда речь идет о И.И. Вацетисе, признанном руководителе и основателе Латышской стрелковой дивизии, будет весьма интересным идентифицировать полк, о котором Каменев ведет речь. Ведь это один из полков, которые по настоянию И.И. Вацетиса несколько месяцев назад были переброшены на Восточный фронт для его укрепления. И Иоакиму Иоакимовичу было далеко не безразлична та оценка латышских полков, которую им давал новый главнокомандующий Восточным фронтом.

Обратившись к такому солидному источнику, как «История латышских стрелков», находим там некоторые сведения о латышском полку, отличившемся под Бугульмой. Точнее о двух латышских полках — 1-м и 6-м, которые в то время находились там. Высокая оценка, данная С.С. Каменевым, с полным правом могла относиться в равной мере к каждому из них. К тому же, через несколько дней после взятия Бугульмы, оба указанных полка были выведены в резерв Главкома И.И. Вацетиса. В конце ноября 1918 г. 1-й и 6-й латышские полки были переведены на запад (Серпухов, безусловно, находился западнее Волги и Урала)³⁶.

С Каменевым у Вацетиса было еще несколько серьезных «стычек», в частности, весной 1919 г. В ходе начавшегося в начале марта наступления войска Колчака достигли значительных успехов. Достаточно сказать, что в середине апреля Колчак ставил своим подчиненным задачу захвата мостов через Волгу у Казани, Симбирска и Сызрани, овладения районами Оренбурга, Илецка, Актюбинска. Советское руководство предприняло ряд мер по разгрому контрреволюции на востоке. В соответствии с решениями ЦК РКП(б) Главное командование и Полевой штаб РВСР осуществляли переброску на Восточный фронт пополнений, резервов из внутренних округов и Западного фронта. В район Волги и Урала шли эшелоны с бойцами, боеприпасами, оружием, продовольствием, снаряжением. Главком Вацетис ежедневно отдавал десятки

приказов и распоряжений, вел переговоры с командующими фронтами и армиями.

Проведенный комплекс мероприятий стал давать свои плоды: темпы продвижения колчаковцев стали замедляться, а их ударная сила — ослабевать. Одновременно возрастала боеспособность войск Восточного фронта и появилась возможность перехвата у противника стратегической инициативы и перехода советских войск в контрнаступление. Главком Вацетис, анализируя ход событий и противоборства на востоке, пришел к выводу, что наиболее благоприятные возможности для наступления у частей Восточного фронта имеются на самаро-уфимском направлении. Удар здесь по противнику позволит выйти во фланг наиболее сильной вражеской группировки (Западной армии) и оказать значительную помощь 5-й армии, находившейся в тяжелом положении. Исходя из такого замысла, Вацетис 5 апреля 1919 г. приказал из войск, передаваемых Восточному фронту, а также за счет перегруппировки имеющихся частей, создать на самаро-уфимском направлении ударную группу.

Данная идея И.И. Вацетиса о мощном фланговом ударе по Западной армии противника материализовалась в плане контрнаступления, разработанном штабом восточного фронта. Этот план, подписанный командующим фронтом С.С. Камневым и членом РВС С.И. Гусевым, 9 апреля был отправлен В.И. Ленину и И.И. Вацетису. На следующий день представленный план был рассмотрен на совещании у Главкома Вацетиса с участием представителей РВСР и членов РВС Восточного фронта. После доработки плана окончательно определилось направление главного удара — как и предлагал И.И. Вацетис, на самаро-уфимском направлении.

Начало контрнаступления было удачным. Начатое 28 апреля Южной группой Восточного фронта под командованием М.В. Фрунзе, оно успешно развивалось, и к 13 мая ширина прорванного фронта колчаковцев составляла около 500 км.

В ходе этой операции Вацетис твердо держал в руках нити управления войсками. Он настоятельно требовал от Каменева нанесения ударов во фланг и тыл противника, как это предусматривалось ранее принятым планом. В ряде случаев эти указания носили достаточно резкий характер. Например, 5 мая он отмечал, что командование Восточного фронта не выполнило его указаний об использовании 1-й армии и частей 4-й армии для оказания помощи 5-й армии, чтобы совместными усилиями нанести удар по левому флангу противника, наступавшего в полосе от Самары до Симбирска.

Обращая внимание командования восточным фронтом на важность фактора времени, И.И. Вацетис писал начальнику штаба фронта П.П. Лебедеву: «Я прошу обратить должное и серьезное внимание на условия времени, которые нам властно диктуют обрушиться на Колчака в ближайшее же время и с полнейшей энергией и в полном расчете на успех». В данном случае свое неудовольствие Иоаким Иоакимович выразил в достаточно мягкой форме. Однако бывали случаи, когда он крайне жестко указывал на имеющиеся недостатки. Так, ознакомившись с планом операции, разработанным штабом фронта, Вацетис 20 апреля прямо на нем написал: «Передать комфронта Каменеву: постановлением Реввоенсовета от 10 апреля в Симбирске предписывалось к 20 апреля представить план операций против Колчака, а не оперативную сводку». Спустя десять дней (1 мая) Вацетис снова обратил внимание С.С. Каменева на то, что «план предстоящей операции до сих пор никому не представлен»³⁷.

Видимо, указанные выше обстоятельства сыграли не последнюю роль в освобождении С.С. Каменева от должности главнокомандующего Восточным фронтом. Приказом наркома по военным и морским делам и председателя Реввоенсовета Республики Л.Л. Троцкого он был отстранен от руководства войсками. И только после вмешательства В.И. Ленина Сергей Сергеевич был возвращен на прежнее место. В воспоминаниях С.С. Каменева

нева вся эта история выглядит так: «...В апреле 1919 года Восточный фронт перешел в наступление, которое с первых же шагов имело успех. Разворачивалась большая операция, закончившаяся впоследствии полным разгромом Колчака.

Совершенно неожиданно, по крайней мере для меня, 5 мая 1919 года было получено телеграфное распоряжение Троцкого о снятии меня с должности командующего фронтом. Увольнение с должности было произведено в весьма «деликатной» форме: был дан отпуск и денежное пособие. Но вот за что я был отстранен от командования — я и до сего дня не знаю.

Крайне тяготясь своей вынужденной бездеятельностью в такое горячее время, я 15 мая 1919 года отправился в Москву просить о предоставлении мне какой-либо работы. В Москве я со своей просьбой обратился непосредственно к зампреду РВСР Э.М. Склянскому. Не получив определенного ответа, я в достаточно подавленном настроении ушел на вокзал для возвращения в Симбирск. Едва я прибыл на вокзал, как комендант станции передал мне приказание т. Склянского немедленно вернуться в РВСР. Прибыв к т. Склянскому, я получил приказание ехать с ним, и только в автомобиле он сказал, что мы едем к Владимиру Ильичу (Ленину. — *Н.Ч.*). Езды от РВСР до Кремля не более 2—3 минут, а при быстрой езде т. Склянского, я думаю, и того меньше.

Сообщение о том, что мы едем к Владимиру Ильичу, само собой разумеется, меня больше чем взволновало, тем более что т. Склянский ни слова не сказал, по каким вопросам мне предстояло сделать доклад, да и к тому же я не имел при себе никаких материалов.

Приехав, мы поднялись на лифте. Мне предложено было подождать на площадке лестницы. Тов. Склянский ушел. Через минуту дверь была открыта, и я очутился сразу же в кабинете Владимира Ильича.

Владимир Ильич, смеясь, о чем-то говорил с т. Склянским и, когда я вошел, задал мне вопрос о Восточном фронте. В на-

чале моего доклада Владимир Ильич взял железнодорожный атлас «Железные дороги России», издание Ильина, и по этому картографическому материалу мне и пришлось делать доклад...

Обращая внимание Владимира Ильича на развитие военной операции, я стал восхищаться ее красотой. Владимир Ильич немедленно подал реплику, что нам необходимо разбить Колчака, а красиво это будет сделано или некрасиво — для нас несущественно.

Это замечание Владимира Ильича имело глубокий смысл. Я был военным специалистом старой школы, обученным и воспитанным на так называемых классических операциях, родивших «вечные и неизменные принципы» войны. Замечание Владимира Ильича, несомненно, отрезвляло меня и возвращало к реальным формам борьбы сегодняшнего дня.

Владимир Ильич интересовался, насколько достигнутые успехи устойчивы, что намечено и что делается для закрепления и для дальнейшего развития удара. Мое волнение еще и еще усилилось в связи с докладом об обстановке на фронте, с изложением перспектив возможного развития дальнейших операций. Меня тянуло сказать, что это только мои соображения, что я не у дел и являюсь только зрителем того, что происходит на фронте. Хорошо помню, что вопрос обо мне ни Владимиром Ильичом, ни т. Склянским затронут не был. На этом закончилась моя первая встреча с Владимиром Ильичом.

Выйдя из кабинета, я, негодуя на себя за свою растерянность, ожидал возвращения т. Склянского.

На обратном пути т. Склянский ни слова мне не сказал. Из РВСР я опять отправился на вокзал, и тут опять повторилась старая история, т.е. вскоре комендант станции вновь передал мне приказание немедленно явиться к т. Склянскому. На этот раз за мной была уже прислана машина.

В РВСР т. Склянский мне сообщил, что мне приказано возвращаться в Симбирск и вновь принять командование

Восточным фронтом*. Такого оборота дела я никак не ожидал и даже считал это просто невозможным, о чем незамедля и сказал т. Склянскому. Как же я могу вернуться на должность командующего фронтом, когда буквально две недели назад был с этой должности снят? Кто же меня будет слушаться? На это т. Склянский меня достаточно внушительно отчитал, указав на неуместность моих сомнений.

Одновременно мне было передано приказание Владимира Ильича немедленно ехать в Серпухов, где находился тогда штаб Главного командующего, и «договориться» с ним. Неожиданности этого дня продолжались и в Серпухове, где я узнал от главного командующего, что я был снят за неисполнение его приказа и вообще за недисциплинированность, о чем я узнал впервые и самым категорическим образом стал протестовать. Тут-то трудное поручение найти «общий язык» чуть было не обратилось в невыполнимое, и только вмешательство члена РВС, сколько помню, т. Аралова привело к благополучному выполнению поручения. Уже поздно ночью возвратился я от главного командующего в Москву. Мысленно я решил на будущее быть абсолютно дисциплинированным и уже никак не давать повода главному командующему обвинять меня в этом недостатке.

Несмотря на это, в июне я в полном смысле слова не исполнил приказа главного командующего. Наступление на Восточном фронте развивалось вполне успешно. Белогвардейские армии Колчака откатывались за Уфу, а в это время главный командующий отдал приказ остановиться на реке Белой. Я отказался остановить наступление. Решение вопроса перешло к Владимиру Ильичу»³⁸.

* Возвращению С.С. Каменева на Восточный фронт во многом способствовали обращения к В.И. Ленину членов РВС фронта С.И. Гусева, М.М. Лашевича, К.К. Юренева. Фронтом в это время командовал А.А. Самойло.

Предистория этого очередного конфликта между Вацетисом и Каменевым (последнего поддерживали члены РВС фронта) такова. Обстановка, сложившаяся на фронтах к началу июня 1919-го особенно на южных рубежах Республики, требовала от Вацетиса принятия неотложных мер по усилению Южного фронта. В этот сложный по всем параметрам период Иоаким Иоакимович Вацетис пошел на крайне рискованный, но, по его мнению, единственно верный шаг, который был поддержан председателем Реввоенсовета Республики Л.Д. Троцким, но который встретил бурное негодование со стороны командующего и членов РВС Восточного фронта. Многие годы решение, принятое И.И. Вацетисом, считалось «вредительским». «подозрительным». А как же иначе? Ведь в «Кратком курсе истории ВКП(б)» по этому поводу говорилось: «В момент разгара наступательных действий Красной Армии на Восточном фронте, Троцкий (читай Вацетис. — Н.Ч.) предложил подозрительный план: остановиться перед Уралом, прекратить преследование колчаковцев и перебросить войска с Восточного фронта на Южный фронт».

Рассмотрим, в чем же заключалась «подозрительность» плана Троцкого, т.е. Вацетиса? Документы как раз свидетельствуют об обратном — Главком Республики пытался укрепить слабое звено Красной Армии, снизить степень опасности с юга, со стороны денкинских войск, рвущихся к центру России, к Москве. Об этом же беспокоился и председатель СНК В.И. Ленин. В телеграмме членам РВС Восточного фронта С.И. Гусеву и М.М. Лашевичу он 6 июня сообщал: «Положение на юге так тяжело, что едва ли сможем дать вам пополнения. Придется вам налечь изо всех сил на мобилизацию, иногда поголовную, прифронтовой полосы, на местные воензаги и на сбор винтовок с населения. Расстреливайте за сокрытие винтовок. Считаю величайшей опасностью возможное движение Колчака на Вятку для прорыва к Питеру...»³⁹

6 июня 1919 г. Вацетис направил командованию Восточным фронтом директиву, некоторые требования которой С.С. Каменев отказался выполнять, хотя ничего вредительского и даже подозрительного в ней не было. Приведем текст этой «злополучной» директивы № 2192/оп, подписанной Главкомом И.И. Вацетисом, членом РВСР С.И. Араловым и начальником Полевого штаба Ф.В. Костяевым:

«Вследствие общего положения на других фронтах Республики ближайшими задачами армиям Востфронта ставится...:

1. Скорейшее овладение течением р. Белой на участке от Бугульчан до устья и прочное закрепление за собой этого рубежа созданием сильных опорных пунктов в районах Уральска, Оренбурга, Стерлитамака, Уфы и Бирска.

2. Разбить войска Колчака, действующие в районе правого берега р. Камы на казанбургском и пермском направлениях. И, по овладению течением р. Камы на участке от устья р. Белой до Перми включительно, прочно закрепить за собой этот рубеж созданием сильных опорных пунктов в районах Сарапула, Осы, Перми.

3. Безотлагательно в ближайшие дни подавить восстание в Уральской и Оренбургской областях.

4. Владение реками Камой, Белой обеспечить за собой не только созданием вышеуказанных укрепленных районов, но и решительным господством на этих реках нашей флотилии. Получение настоящей директивы телеграфируйте»⁴⁰.

Выполнение данной директивы означало приостановку наступления войск Восточного фронта, с чем не могли согласиться С.С. Каменев и члены РВС фронта. И их можно понять. К тому же от них потребовали выделения одной дивизии для помощи Западному фронту и одной бригады — Южному. В центре посчитали, что после взятия Уфы (9 июня) 5-я армия может выделить одну дивизию для помощи Питеру. По этому поводу, как бы оправдываясь, Ленин писал членам РВС Вос-

точного фронта С.И. Гусеву и М.М. Лашевичу: «Взять дивизию приходится ввиду плохого и почти катастрофического положения под Питером и на Юге. Ничего не поделаешь. Будем надеяться, что ввиду взятия Уфы пятая армия сможет отдать одну дивизию, не отдавая Белой. И что, удесятеряя партийную энергию, мы вместе с вами осилим задачу не довести на Востфронте до поражения»⁴¹.

Однако те же Каменев, Гусев и Лашевич стояли «насмерть» за интересы своего фронта, за продолжение удачно начатого наступления на Колчака. По-человечески их можно понять — они столько старались, столько вложили сил и энергии для подготовки этого наступления! И вот когда впереди замаячила победа над Колчаком, когда реально обозначились признаки освобождения Урала, а затем Сибири, внезапно поступила команда «стой». Думается, что любой военачальник на месте С.С. Каменева действовал точно так же, т.е. требовал бы продолжать успешно начатое наступление.

В обоснование своей позиции С.С. Каменев 10 июня 1919 г. представил Главкому Вацетису обстоятельный доклад о недопустимости прекращения наступательных действий фронта (его подписали также члены РВС С.И. Гусев и М.М. Лашевич). Вот краткое содержание этого доклада: «Директивой № 2192/оп Восточному фронту поставлены задачи: разбить войска Колчака, действующие на правом берегу р. Камы, и прочно закрепить за собой реки Белую от Бугульчана до устья и Каму от устья Белой до Перми.

Для достижения первой из этих задач мне необходимо из группы войск, оперирующих в настоящее время по р. Белой, выделить возможно больше сил для содействия 2-й и 3-й армиям, а для этого, в свою очередь, я принужден прежде всего докончить поражение противника, действующего в районе Белой, и отбросить его от последней настолько, чтобы иметь возможность прочно обеспечивать правый фланг северной операции, т.е. направления Верхнеуральск — Стерлитамак и Златоуст — Уфа.

Для достижения второй задачи, т.е. прочного обеспечения за нами рек Белой и Камы в указанных выше пределах, мне также необходимо, разбив северную группу войск Колчака, выдвинуться вперед линии названных рек на 4—5 переходов, так как только при этом условии я буду в состоянии выполнить указания вашей директивы по созданию опорных пунктов на означенных рубежах... Наконец, и это самое важное, выполнить задачу — прочно обеспечить за собой указанные рубежи — я считаю возможным только при достаточном выдвигании вперед его, так как остановившись на этом рубеже, я должен предвидеть, что противник, оставленный в покое, оправится через относительно короткое время, возьмет инициативу в свои руки и путем соответственных сосредоточений будет наносить удары по растянутому фронту армий...

Выполняя таким образом вашу директиву, по существу ее считаю себя обязанным доложить, что вносимое ею ограничение наступательной операции Восточного фронта несомненно грозит самыми тяжелыми последствиями. Начальник Полевого штаба уведомил, что мои соображения о предстоящей Восточному фронту операции вы признали не соответствующими сложившейся обстановке... В этой телеграмме не объяснено, не соответствует ли мой план общей обстановке борьбы Республики или обстановке на Восточном фронте. Не касаясь первого вопроса, как выходящего из моей компетенции, считаю себя обязанным по второму доложить: войскам Колчака уже нанесено крупное поражение. Большая часть его войск нашими ударами расштатана в сильной степени. В рядах его войск брожение развилось настолько, что повторяются такие факты, как переход на нашу сторону целых частей...

Из доложенного следует, что если мы продолжим свое наступление, то можем рассчитывать на окончательное поражение противника, и притом в относительно короткий срок, вероятно, не позже середины осени, а может быть, и значительно ранее, и тогда освободим очень крупные силы для борьбы

на других фронтах. При этом весьма вероятно, что черпать эти силы с Восточного фронта представится возможным начать значительно ранее указанных сроков. Если же, наоборот, мы теперь остановимся, то, несомненно, борьба на Восточном фронте затянется на неопределенное время и, более того, всякое ослабление фронта почти несомненно будет иметь для него самое тяжелое последствие. Остановкой мы дадим возможность противнику оправиться, получить поддержку изнутри и извне, передадим в его в руки инициативу и через несколько недель, много — месяц, снова почувствуем на себе планомерные сосредоточенные удары там, где он захочет, в результате которых снова будем переживать то, что было недавно, но весьма возможно с несравнимо меньшими шансами на новое исправление положения. Эти соображения меня заставляют самым определенным образом докладывать о недопустимости остановки в действиях Восточного фронта и полной необходимости энергичного развития их до конца...»⁴²

Этот доклад С.С. Каменева Главкому Вацетису датирован 10 июня 1919 г. В нем, как видим, Каменев предрекает большие беды в случае остановки наступления. Все это означало, что один большой начальник (Каменев) обвинял другого, более высокого начальника (Вацетиса) в том, что принятое им решение принесет отрицательные результаты («самые тяжелые последствия»). Думается, что такие упреки больно били по самолюбию Главкома Вацетиса. Даже в годы Гражданской войны, когда высокие авторитеты возникали и рушились в одночасье, подобное «противоборство» случалось не так уж часто. В данном случае участниками «тяжбы» выступали не скороспелые командармы, выходцы из недр революционной массы, а два бывших полковника-генштабиста, имевшие солидный срок службы в армии и знавшие правила субординации. А здесь фактически младший по должности упрекает (конечно же, в удобоваримой форме) старшего в том, что его решение не до конца продумано и не учитывает очень важных

обстоятельств... После такого расклада кому-то из них двоих надо было подавать в отставку. Однако этого не случилось, каждый считал себя правым...

Помимо обвинений со стороны С.С. Каменева, Вацетис за директиву от 6 июня 1919 г. получил еще один удар «под дых» от руководства того же Восточного фронта. Днем раньше доклада Каменева, члены РВС фронта С.И. Гусев, М.М. Лашевич и К.К. Юренев направили докладную записку В.И. Ленину по поводу этой директивы Главкома. В содержательной части текст этой докладной аналогичен докладу своего командующего. А вот в оценках и выводах высокие политработники не особенно стремились шлифовать свои суждения. Согласно им, Вацетис своим решением оказывает помощь не кому-либо, а самому Колчаку и его режиму» «... Приостановить или даже замедлить в такой момент нанесение нашего решительного удара — значит помочь Колчаку, дав ему возможность справиться с разложением армии и с тыловыми восстаниями». Более того, члены РВС Восточного фронта охарактеризовали директиву Вацетиса весьма отрицательно, назвав ее «крупнейшей фатальной ошибкой, которая нам может стоить революции (даже так! — Н.Ч.), и настаиваем на ее отмене...»⁴³

Директиву Главкома от 6 июня 1919 г. никто так и не отменил, ибо она в основе своей содержала главную задачу войскам фронта — разбить армию Колчака. Более того, в новой директиве от 12 июня Вацетис вновь подтвердил эту задачу, т.е. разбить колчаковцев. Он подчеркнул, что для этого у фронта есть силы и возможности: «для достижения этой цели Главным командованием даны Восточному фронту столь огромные средства как живой силой, так и материальные, что Восточный фронт в настоящее время на 20—30 тысяч штыков и сабель превышает своего противника. Несмотря на это и на то, что противник, потерпев частное поражение близ Волги, отходит, оказывая малое сопротивление, преследование его

нами на главном направлении Уфа-Златоуст-Челябинск ведется крайне слабо, без должной энергии...»⁴⁴

В своей директиве от 12 июня Вацетис раскритиковал план дальнейших действий Восточного фронта, как не соответствующий складывающейся обстановке. Содержалось и серьезное замечание за отсутствие достоверных данных о группировке сил противника, т.е. о низком уровне разведки в штабах армий и самого фронта. Существенный упрек Вацетис сделал командованию фронта за пренебрежение роли начальника штаба.

«В заключение считаю необходимым указать вам на одно недопустимое упущение на Восточном фронте, а именно: ваши директивы армиям не подписываются начальником штаба Восточного фронта (им был в тот период П.П. Лебедев. — *Н.Ч.*), что противоречит требованиям Полевого устава. Если начальник штаба Восточного фронта не согласен с вашим планом действий, то он должен прислать мне мотивированное возражение, если же на Восточном фронте вошло в практику держать начальника штаба фронта далеко от оперативной работы, то это в дальнейшем недопустимо, так как разработка плана операции является его прямой обязанностью. Элементарные правила вождения войск требуют, чтобы начальник штаба фронта был не только в курсе дела, но чтобы он идейно был заодно с планом действий командующего. Только при этом условии начальник штаба фронта может иметь возможность отдавать распоряжения от имени командующего фронтом как командующим армиями, так равно и подчиненным ему начальникам штабов. Идейное единение во взглядах на проводимый план операций между командующим фронтом и начальником штаба фронта в общем и целом должно быть полное. Командующий фронтом и начальник штаба фронта должны работать в полном контакте, только лишь при этих условиях удастся Восточному фронту использовать все творческие силы и средства штаба на пользу окончательного разгрома Колчака»⁴⁵.

В своих мемуарах Л.Д. Троцкий, описывая случаи стратегических разногласий в годы Гражданской войны, вспоминает и этот: «Первый острый спор возник в Центральном Комитете летом 1919 г. в связи с обстановкой на Восточном фронте. Главнокомандующим тогда был еще Вацетис. О нем я говорил в главе, посвященной Свияжску. Я заботился о том, чтобы укрепить уверенность Вацетиса в себе, в своих правах, в своем авторитете. Вацетис считал, что после первых наших крупных успехов против Колчака нам не следует зарываться слишком далеко на восток, по ту сторону Урала. Он хотел, чтобы Восточный фронт зазимовал на горном хребте. Это должно было дать возможность снять с востока несколько дивизий и перебросить их на юг, где Деникин превращался во все более серьезную опасность. Я поддержал этот план. Но он встретил решительное сопротивление со стороны командовавшего Восточным фронтом Каменева, бывшего полковника генерального штаба, и членов Военного совета Смилги и Лашевича, старых большевиков. Они заявили: Колчак настолько разбит, что для преследования его нужно не много сил; главное — не давать ему передышки, иначе он за зиму оправится и к весне нам придется начинать восточную операцию сначала. Весь вопрос состоял, следовательно, в правильной оценке состояния армии Колчака и его тыла. Я считал уже тогда Южный фронт неизмеримо более серьезным и опасным, чем Восточный. Это подтвердилось впоследствии полностью. Но в оценке армии Колчака правота оказалась на стороне командования Восточного фронта. Центральный Комитет вынес решение против главного командования и тем самым против меня, так как я поддерживал Вацетиса, исходя из того, что в этом стратегическом уравнении есть несколько неизвестных, но что солидной величиной в него входит необходимость поддерживать еще слишком свежий авторитет главнокомандующего...»⁴⁶

Данные разногласия Л.Д. Троцкий почему-то увязал со сменой Главнокомандующего всеми вооруженными силами

Республики: «Этот конфликт привел к смене главного командования. Вацетис был уволен, его место занял Каменев»⁴⁷.

Тяжба в верхах по вопросу продолжения или приостановки наступления войск Восточного фронта окончилась 15 июня, когда ЦК РКП(б) принял постановление о продолжении наступления. Это постановление частью историков расценивалось как победа Каменева и РВС фронта над Вацетисом и Троцким. Такая точка зрения не имеет под собой серьезной основы. Нам же представляется более основательной позиция, изложенная в постановлении Реввоенсовета Республики 17 июня 1919 г., в котором Восточному фронту предписывается выполнить задачи, поставленные И.И. Вацетисом: «Реввоенсовет Республики постановил: на Востфронте продолжать интенсивное наступление с целью наискорейшего решения поставленной Главнокомандующим задачи: разбить войска Колчака. Командующему Восточным фронтом срочно представить Главнокомандующему план дальнейших операций, исходя из фактического положения на Востфронте...» Это постановление подписали заместитель председателя Реввоенсовета Республики Э.М. Склянский, Главком И.И. Вацетис, члены Реввоенсовета С.И. Гусев, А.И. Окулов⁴⁸.

Ввиду трений между Вацетисом и командованием Восточного фронта, в ЦК РКП(б) и лично В.И. Ленину от некоторых политработников, в числе которых был и Иосиф Сталин, поступали предложения о смещении И.И. Вацетиса с поста Главкома Республики. Однако в июне 1919 г. «этот номер» не прошел — 15 июня ЦК РКП(б) постановил оставить Иоакима Иоакимовича в занимаемой должности: В.И. Ленин в очередной раз не дал в обиду своего выдвиженца.

В исполнение постановления Реввоенсовета Республики командование Восточного фронта 22 июня представило Главкому доклад о плане дальнейших наступательных действий по разгрому армии Колчака. Ознакомившись с этим докладом, Вацетис написал следующую резолюцию: «Принципиально

согласен; желательно одержать окончательную победу над Колчаком, по возможности в ближайшее время»⁴⁹.

Однако участвовать в претворении этого плана в жизнь И.И. Вацетису не пришлось ввиду его ареста сотрудниками ВЧК 8 июля 1919 г. Находясь в тюрьме, под следствием, а затем на свободе, И.И. Вацетис много размышлял о своих действиях и решениях на посту Главкома Республики. И всякий раз он приходил к выводу, что все же был прав, настаивая на принятии срочных мер по укреплению Западного и Южного фронтов. И что сняли его с поста Главкома не за просчеты в стратегическом руководстве вооруженными силами Республики. «Полагаю, — читаем в его мемуарах, — что мои вышеприведенные соображения были правильны и отвечали обстановке. События последних четырех месяцев это вполне подтверждают. Так что моя стратегическая деятельность не могла послужить причиной моего удаления с поста главкома, в ней нет ошибок»⁵⁰.

Поскольку мы ведем речь о положении республики в начале июля 1919 г., о ее политических и военных стратегах, то следует заметить, что отстранение от дел Главкома Республики в такой архисложный период было их явным просчетом. Оставить вооруженные силы без руководителя (Троцкий и Склянский были больше администраторами и к планированию операций на фронтах имели косвенное отношение), уже накопившего значительный опыт работы в этой должности, хорошо знавшего военную обстановку в регионах, так или иначе сработавшегося с членами Реввоенсовета Республики, с командующими фронтами — все это не могло не сказаться негативным образом на уровне руководства боевыми действиями войск всех фронтов. К тому же и месяца не прошло, как «правая рука» Главкома — начальник Полевого штаба Ф.В. Костяев был также освобожден от должности. Фактически к руководству армией и флотом Республики пришли новые люди, которым для уверенного руководства воору-

женными силами, для вrastания в должность требовалось определенное время, которого, как известно, на войне всегда не хватает.

А период, как уже было отмечено, наступил сложный. За четыре дня до ареста И.И. Вацетиса генерал Деникин отдал так называемую «московскую директиву», определившую конечной целью наступления захват столицы Республики Советов. В письме ЦК РКП(б) «Все на борьбу с Деникиным!», написанном В.И. Лениным, этот период именуется одним из самых критических моментов социалистической революции. И в этих словах нет преувеличения. Начав наступление, войска Деникина вскоре захватили Орел, двигались на Тулу, от которой до Москвы рукой подать. То были звенья одной цепи — в середине октября 1919 г. на ближние подступы к Петрограду вышла белогвардейская северо-западная армия. Советскому политическому и военному руководству потребовались значительные усилия, чтобы отразить это нашествие, укрепить армии Южного и Западного фронтов, о чем загодя так беспокоился Главком Вацетис и в чем была суть его последнего конфликта с С.С. Каменевым и членами РВС Восточного фронта.

Судьба распорядилась так, что место Главнокомандующего всеми вооруженными силами Республики, освободившееся после ареста Вацетиса, занял Сергей Сергеевич Каменев. Каким был характер служебных отношений между ними, выше уже отмечалось. Но это было в то время, когда Вацетис был начальником (Главкомом Республики), а Каменев — его подчиненным (командующим войсками фронта). А что было потом? Завидовал ли Иоаким Иоакимович своему оппоненту? Видимо, завидовал, хотя нередко и критиковал его действия на посту Главкома. Правда и то, что он не забывал сказать и о достоинствах Каменева, отдавая должное этому военачальнику. О том есть свидетельства бывших слушателей Военной академии РККА (затем имени М.В. Фрунзе).

Из воспоминаний полковника в отставке И.В. Дубинского: «Но человеку свойственно все человеческое. Нет-нет — и про-скальзывало колкое слово в адрес С.С. Каменева, такого же, как и Вацетис, царского полковника, который после Иоакима Иоакимовича занял высокий пост главкома Красной Армии.

— Я ушел... А по чьим планам Каменев громил врага? По моим-с. Да, да, по моим...

— А вы бы, Иоаким Иоакимович, об этом поподробнее, — раздался за его спиной голос Сергея Байло (слушателя Курсов усовершенствования высшего начальствующего состава при Военной академии имени М.В. Фрунзе. — *Н.Ч.*).

— Нет надобности. Знаете мужицкую мудрость? Не тому честь, кто начал возводить стены, а тому, кто поставил на них крышу. Красная Армия добила врагов под началом главкома Каменева. Ему и честь, ему и хвала. И бог с ним! И ему, бедняге, перепало. Кутузову что? Хоть то и был Наполеон, а фельдмаршал имел противника только перед своим носом. Тут же... И Москва, и Питер, и юг, и запад, и восток, и север! Вся страна — сплошной фронт! А мятежи, восстания, банды в тылу! Правда, воевода — слуга политики, но надо быть булыжником, чтоб не реагировать на борьбу взглядов. Одни считают, что вся опасность на востоке, а иные — на юге... Знай, что ты не промахнулся, бросив все резервы на запад, а не на север... Кутузову достались тульские прянички...попробовал бы он с наше. Нет, что ни скажи, — богатырь Каменев! Главком!»⁵¹

А пока еще Главкомом работает И.И. Вацетис! Как видно из вышеприведенных примеров, он, обеспокоенный положением на Южном фронте, предпринимает значительные усилия по его укреплению. Предлагаемые им меры не всегда находят своевременную поддержку со стороны политических и военных руководителей страны (как это было, когда он предложил приостановить наступление Восточного фронта в сторону Урала и Сибири). Своей настойчивостью в этом

вопросе Иоаким Иоакимович сумел испортить отношения с руководством Восточного фронта. Однако и Вацетис был неправ, утверждая впоследствии, что по его планам С.С. Каменев громил врага. Это утверждение верно лишь в том случае, если план операции разрабатывался штабом Вацетиса и спускался вниз, командованию фронтов, для исполнения. Однако чаще всего бывало так, что план предстоящей операции готовился штабом того или иного фронта и затем представлялся (докладывался) Главкому, начальнику Полевого штаба, члена РВСР, где получал одобрение, корректировался, уточнялся. И все же, думается, что такая корректировка плана, например Восточного фронта, проведенная И.И. Вацетисом, не давала ему права называть этот план своим.

Случалось и так, что план, разработанный И.И. Вацетисом, отклонялся. Как это было, например, с планом контрнаступления войск Южного фронта летом 1919 г., — одним из последних документов, разработанных Главкомом Вацетисом. Расскажем об этом более подробно. Как отмечалось выше, у Вацетиса с Каменевым были серьезные разногласия относительно положения Южного фронта и мер по его укреплению.

План И.И. Вацетиса, по его утверждению, был оформлен в первых числах июля, получив санкцию члена РВСР А.И. Окулова. По этому плану предполагалось восстановить боевую мощь армий Южного фронта, произвести перегруппировку дивизий и полков, усилив при этом войска на курском направлении. По замыслу Вацетиса, в районе Средней Волги должна была быть создана база формирования войсковых частей для Южного фронта. К началу наступления против Добровольческой армии и казачьих войск Вацетис планировал довести численность фронта до 150 тыс. штыков и сабель при 500 орудиях. Все эти силы представляли собой 14-ю и 13-ю армии, усиленные ударной группой в районе Курска. В эту ударную группу Вацетис предлагал включить в качестве основного ядра Латышскую стрелковую дивизию, а также латышскую

кавалерийскую бригаду и эстонские части. Все эти силы предстояло перебросить на Южный фронт из Прибалтики. А еще Вацетис предполагал в состав ударной группы включить дивизию курсантов, подлежащую формированию из состава всех военно-учебных заведений.

По свидетельству И.И. Вацетиса, 1 июня 1919 г. он был на приеме у В.И. Ленина, которого проинформировал о положении на Южном фронте. Предложение Иоакима Иоакимовича о необходимости создания ударной группы в районе Курска и о переброске Латышской дивизии и других частей из Прибалтики на Южный фронт было одобрено председателем Совнаркома. Однако возникла непредвиденная задержка — правительство Советской Латвии стало возражать против переброски Латышской стрелковой дивизии на юг. Тогда решение вопроса было передано в Совет Обороны. Суть возражений латышских руководителей заключалось в том, что они, все еще надеясь вернуть Ригу, стремились к укреплению своих вооруженных сил. Так, военный комиссар Советской Латвии Карл Петерсон (бывший комиссар Латышской стрелковой дивизии) в начале июня обратился к Главкому Вацетису с просьбой усилить армию Латвии четырьмя дивизиями. Однако выполнить эту просьбу своего старого боевого товарища Иоаким Иоакимович не смог ввиду тяжелого стратегического положения Республики летом 1919 г.

Наступление против войск Деникина и белоказаков Вацетис предлагал начать в пределах 1—10 августа 1919 г. Основная цель запланированной операции — разбить войска Деникина в районе Донской области и Украины, не дав им возможности уйти на Северный Кавказ. Главный удар по противнику наносился правым флангом фронта — силами 8, 13 и 14-й армий. Направление этого удара — через Украину на Дон (на Харьков, Донбасс, Ростов-на-Дону, Новочеркасск). Левый фланг фронта силами 9-й и 10-й армий наносил вспомогательный удар в общем направлении на Царицын — Екатеринодар, при-

чем 10-я армия, по мере продвижения в сторону Дона, должна была отрезать противнику путь отхода на Северный Кавказ.

Свой замысел И.И. Вацетис обосновывал весьма важными, на его взгляд, обстоятельствами. Намечая основной удар по деникинцам и белоказакам через Харьков — Донбасс — Ростов-на-Дону — Новочеркасск (столицу донского казачества), И.И. Вацетис исходил прежде всего из того, что в данном районе, прежде всего в Донецком угольном бассейне, Красная Армия будет иметь дружественное к ней отношение со стороны населения, а также необходимое пополнение из числа рабочих. Немаловажным фактором в пользу главного удара именно в этом направлении служила развитая сеть железных дорог, овладение которой лишало войска Деникина наиболее распространенных средств передвижения, а также угольной базы.

В доказательствах И.И. Вацетиса был еще один «козырь» — продвижение Красной Армии через промышленные районы Украины будет более легким, чем переход пехоты и артиллерии по донским степям среди враждебно настроенных казаков. Сосредоточив основные силы на московском направлении, можно было прикрывать тульские военные заводы и быть готовыми в любое время защитить столицу и центр Советской Республики от нападения поляков и других интервентов.

Таковы были основные положения плана И.И. Вацетиса. Однако период его «правления» заканчивался, и былая благосклонность к нему со стороны В.И. Ленина заметным образом понизилась. Как известно, некоторые военно-политические работники уже ставили вопрос о его замене на посту Главкома. В своих воспоминаниях Иоаким Иоакимович пишет, что он собирался 8 июля поехать к председателю СНК В.И. Ленину с целью доложить ему свой план разгрома Деникина. Однако сделать это ему не удалось ввиду ареста сотрудниками ВЧК. В мемуарах Вацетиса читаем: «Мой план разгрома Деникина до В.И. Ленина 8 июля не дошел, он был доведен мною до

сведения В.И. Ленина несколько времени спустя». Из тех же мемуаров видно, что Вацетис этот свой план сообщил В.И. Ленину в первых числах сентября 1919 г., будучи под арестом в ведомстве Ф.Э. Дзержинского.

После ареста И.И. Вацетиса новый Главком Республики С.С. Каменев со своим аппаратом спешно разработал другой план разгрома войск Деникина, который отличался от плана Вацетиса прежде всего тем, что главный удар наносился левым флангом Южного фронта — войсками 9-й и 10-й армий в общем направлении на Царицын — Екатеринодар. Правый же фланг фронта предназначался для нанесения вспомогательного удара на харьковском направлении. План С.С. Каменева был одобрен высшим партийным, советским и военным руководством как наиболее отвечающий «политическим задачам борьбы и стратегической обстановке на Южном фронте». При этом почему-то мало кого интересовало, что на левом фланге фронта в результате предыдущего отступления скопилось много войск, перегруппировка которых требовала значительного времени, чем мог воспользоваться Деникин и его штаб.

Несмотря на все неурядицы, невзгоды и нанесенные ему обиды, Иоаким Иоакимович Вацетис по большому счету мог с полным основанием гордиться всем тем, что ему удалось сделать на посту Главкома Республики. Частично он сам это отмечает в своих воспоминаниях: «К 8 июля 1919 г., то есть за 11 месяцев, было создано 4 фронта, в состав которых вошло 16 армий, всего 54 дивизии.

Во время организационной работы пришлось вести ожесточенные боевые действия на фронтах. Эта работа без хвастовства может быть названа титанической, не имеющей себе равных в военной истории.

За время моего командования одержаны крупные победы:

- 1) на Восточном фронте над чехословаками и учредилловцами;
- 2) на Юге над донским и прочим казачеством Краснова;

- 3) освобождена почти вся западная часть европейской России, причем были выгнаны германские войска;
- 4) нанесено сильное поражение армии Колчака;
- 5) разбиты войска уральского и оренбургского казачества»⁵².

Источники и литература

- ¹ РГВА. Ф. 5. Оп. 1. Д. 146. Л. 1.
- ² Там же. Ф. 930. Оп. 1. Д. 6. Л. 12.
- ³ Там же. Ф. 6. Оп. 4. Д. 947. Л. 205.
- ⁴ Там же. Ф. 10. Оп. 1. Д. 123. Л. 29—30.
- ⁵ *Краснов В., Дайнес В.* Неизвестный Троцкий. С. 96.
- ⁶ Там же. С. 96—97.
- ⁷ Реввоенсовет Республики. М.: Политиздат, 1991. С. 251.
- ⁸ *Краснов В., Дайнес В.* Неизвестный Троцкий. С. 97.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же. С. 98—99.
- ¹¹ Там же. С. 99.
- ¹² Там же. С. 100—101.
- ¹³ РГВА. Ф. 100. Оп. 3. Д. 12. Л. 12.
- ¹⁴ *Краснов В., Дайнес В.* Неизвестный Троцкий. С. 101—102.
- ¹⁵ Там же. С. 102—103.
- ¹⁶ Там же. С. 103—104.
- ¹⁷ Там же. С. 104.
- ¹⁸ *Троцкий Л.* Моя жизнь. С. 420—421.
- ¹⁹ *Краснов В., Дайнес В.* Неизвестный Троцкий. С. 105.
- ²⁰ Там же. С. 105—106.
- ²¹ Ленинский сборник XXXVII. С. 106.
- ²² *Краснов В., Дайнес В.* Неизвестный Троцкий. С. 111.
- ²³ Военно-исторический журнал. 1962. № 4. С. 74—75.
- ²⁴ *Млечин Л.* Русская армия между Троцким и Сталиным. М.: Центрполиграф, 2002. С. 420.

- ²⁵ Из истории Гражданской войны в СССР. Т. 1. М.: Советская Россия, 1960. С. 370.
- ²⁶ Военно-исторический журнал. 1962. № 4. С. 75.
- ²⁷ Там же. С. 76—77.
- ²⁸ Там же. С. 78—79.
- ²⁹ Ленинский сборник XXXIV. С. 68.
- ³⁰ РГВА, Ф. 6. Оп. 10. Д. 103. Л. 20.
- ³¹ Реввоенсовет Республики. С. 80.
- ³² Там же. С. 80—81.
- ³³ *Вацетис И.И.* Моя жизнь и мои воспоминания // Даугава. 1980. № 5. С. 100.
- ³⁴ Там же. С. 100—101.
- ³⁵ *Каменев С. С.* Записки о Гражданской войне и военном строительстве. М.: Воениздат, 1963. С. 31.
- ³⁶ История латышских стрелков. С. 296—297.
- ³⁷ Реввоенсовет Республики. С. 89.
- ³⁸ *Каменев С. С.* Записки о Гражданской войне и военном строительстве. С. 35—37.
- ³⁹ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 50. С. 342.
- ⁴⁰ РГВА. Ф. 106. Оп. 3. Д. 180. Л. 15—18.
- ⁴¹ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 50. С. 345.
- ⁴² РГВА. Ф. 106. Оп. 3. Д. 227. Л. 40—43.
- ⁴³ Там же. Оп. 1. Д. 32. Л. 5—7.
- ⁴⁴ Там же. Оп. 3. Д. 180. Л. 32.
- ⁴⁵ Там же. Л. 42—44.
- ⁴⁶ *Троцкий Л.* Моя жизнь. С. 429—430.
- ⁴⁷ Там же. С. 430.
- ⁴⁸ РГВА. Ф. 106. Оп. 3. Д. 167. Л. 2—4.
- ⁴⁹ Из истории Гражданской войны в СССР. Т. 2. М.: Советская Россия, 1961. С. 221.
- ⁵⁰ Реввоенсовет Республики. С. 95.
- ⁵¹ *Дубинский И.В.* Портреты и силуэты. Киев: Днипро, 1982. С. 37.
- ⁵² *Вацетис И.И.* Моя жизнь и мои воспоминания // Даугава. 1980. № 5. С. 99.

ВЛАДИМИР ЛЕНИН И ИОАКИМ ВАЦЕТИС

Выше уже было сказано, И.И. Вацетис довольно длительное время находился в фаворе у В.И. Ленина. И, как говорится, не «за красивые глаза и речи», а за боевые дела, за его организаторские качества. Именно по предложению Ленина командующий Восточным фронтом И.И. Вацетис был утвержден в 1918 г. в только что учрежденной должности Главнокомандующего всеми вооруженными силами Республики. Поэтому повествование об Иоакиме Иоакимовиче Вацетисе будет неполным без хотя бы краткого обзора его отношений с лидером революции и страны, с анализа проблем и задач, которые они обсуждали и решали в первые годы Гражданской войны (в 1918—1919 гг.). Этому и посвящена настоящая глава.

В пятом томе ленинской «Биографической хроники» утверждается, что знакомство В.И. Ленина с Вацетисом состоялось во время организации разгрома мятежа левых эсеров в Москве 6 июля 1918 г. Нам же представляется, что такое знакомство могло произойти гораздо раньше. Например, 1 мая 1918 г., когда Иоаким Иоакимович командовал первым после Октябрьского переворота парадом войск Московского гарнизона, на котором присутствовал председатель СНК.

Что касается общения Вацетиса с Лениным во время подавления левоэсеровского мятежа, то об этом рассказал сам И.И. Вацетис в приведенных выше своих воспоминаниях о событиях в Москве 6—7 июля 1918 г. В «Биографической хронике» о дне 6 июля говорится следующее:

«Ленин ведет переговоры по телефону с командующим войсками Московского военного округа Н.И. Мураловым и членом Высшего военного совета Н.И. Подвойским, находившимся в Высшем военном трибунале, которые сообщают ему о готовности начальника Латышской советской стрелковой дивизии И.И. Вацетиса взять в свои руки операцию по подавлению левоэсеровского мятежа; одобряет решение Ва-

цетиса, а также назначение Муралова, Подвойского, К.А. Петерсона и К.Х. Данишевского комиссарами при нем».

Ленин вызывает в Кремль (ранее 23 час. 30 мин.) наркома юстиции П.И. Стучку, К.А. Петерсона и К.Х. Данишевского — комиссаров при начальнике Латышской советской стрелковой дивизии И.И. Вацетисе, сообщает, что ликвидация начавшегося мятежа левых эсеров поручается латышской дивизии, спрашивает, могут ли они поручиться за верность большевикам начальника дивизии И.И. Вацетиса; предлагает Данишевскому поехать в дивизию, находившуюся в казармах на Ходынском поле, и ввести ее в город»¹.

«Ленин руководит разгромом левоэсеровского мятежа, определяет тактику наступления советских войск, поддерживает непосредственную связь со штабом Московского военного округа, штабом Латышской советской стрелковой дивизии, подсчитывает советские силы и силы противника, следит за продвижением советских войск и подготовкой решающего удара по мятежникам, приказывает ускорить операцию. Требует быстроты, решительности и твердости. Дает распоряжения, телефонограммы Советам, штабу, санкционирует кратковременный артиллерийский обстрел штаба мятежников, дает указания о преследовании противника»².

«Ленин заслушивает (в 2 часа) рапорт начальника Латышской советской стрелковой дивизии И.И. Вацетиса о том, что левоэсеровский мятеж в Москве будет подавлен не позднее 12 часов дня 7 июля 1918 г., расспрашивает, что происходит в городе, каково состояние войск, не ведется ли среди латышских стрелков эсеровская агитация; одобряет план подавления мятежа»³.

«Ленин получает (7 июля. — Н.Ч.) по телефону (около 12 час. 30 мин.) сообщение начальника Латышской стрелковой дивизии И.И. Вацетиса о том, что левые эсеры отступают»⁴.

В тот же день: «Ленин приезжает (около 14 час.) на Лубянскую площадь, где собрались латышские стрелки во главе со своим начдивом И.И. Вацетисом, благодарит стрелков

и Вацетиса за хорошо проведенную операцию по подавлению левоэсеровского мятежа»⁵.

10 июля 1918 г.: «Ленин заслушивает (около полудня) доклад начальника Латышской советской стрелковой дивизии И.И. Вацетиса о ликвидации 7 июля 1918 г. левоэсеровского мятежа, беседует с ним о положении на Восточном фронте, о системе обороны Советской республики, о строительстве Красной Армии»⁶.

На следующий день (11 июля) на заседании СНК В.И. Ленин предлагает назначить И.И. Вацетиса главнокомандующим, а К.Х. Данишевского — членом Реввоенсовета Восточного фронта»⁷.

Во второй половине дня 12 июля в штаб Восточного фронта была отправлена телеграмма, подписанная начальником оперативного отдела Наркомата по военным делам С.И. Араловым. В ней сообщалось, что декретом Совнаркома генштаба Вацетис назначен главнокомандующим фронтом, а тов. Данишевский — членом РВС фронта»⁸.

16 июля В.И. Ленин подписал мандаты И.И. Вацетису и К.Х. Данишевскому о назначении их: первого — главнокомандующим, а второго — членом Реввоенсовета Восточного фронта.

Вацетису хватило несколько дней, чтобы по прибытии в Казань разобраться в обстановке на Восточном фронте. безусловно, он не знал каких-то мелких ее деталей, но по докладу врио начальника штаба В.Ф. Тарасова и информации членов Реввоенсовета П.А. Кобозева и К.А. Мехоношина Вацетис составил достаточно четкое представление о том, что «творилось» в войсках фронта. О чем он от имени РВС и написал 19 июля в докладной записке, адресованной В.И. Ленину и председателю ВЦИК Я.М. Свердлову (содержание записки изложено в главе «На Восточном фронте»).

Ленин получил эту докладную записку, отправленную по телеграфу. 20 июля он пишет записку Г.Е. Зиновьеву (пред-

седателю Петросовета), М.М. Лашевичу (политическому комиссару Северного участка отрядов завесы) и Е.Д. Стасовой (секретарю Петроградского бюро ЦК партии), в которой настоятельно требует направить на чехословацкий фронт (к Вацетису) возможно большее количество питерских рабочих. Ленин откровенно говорит, что если этого не сделать срочно, то «иначе **мы слетим**, ибо положение с чехословаками из рук вон плохо.

Глупо при таком положении «сидеть» на «благополучии» Питера и «жалеть» давать оттуда: пусть даже большинство беков (большевиков. — *Н.Ч.*) в питерском Совдепе упадет с 98 % (у Вас 98 %?) до 51 %! Что за беда!

Мы не погибнем, если **даже** (даже!) в Питере дойдет до 49 % в Совдепе не наших (когда еще это будет). Но мы **погибнем** наверняка от чехословаков, ежели не сделаем **отчаянных** усилий для прибавки сотен и тысяч **руководящих** рабочих для превращения киселя в твердое нечто. Это не преувеличение, а точный учет. **Вы** будете в ответе за гибель, если будете скупиться и беречь «для Питера»⁹. (Выделенные здесь и далее жирным шрифтом слова в записке лично подчеркнуты В.И. Лениным. — *Н.Ч.*)

Бесспорно, что И.И. Вацетис являлся выдвиженцем В.И. Ленина. а таких выдвиженцев у него было немало, и Ленин использовал малейшую возможность, чтобы узнать о их работе и поведении. Тем более о тех выдвиженцах, которые возглавляли решающие участки. Восточный фронт в 1918 г. относился как раз к таким участкам, и председатель СНК 1 августа 1918 г. в письме к членам РВС фронта П.А. Кобозеву, К.Х. Данишевскому, К.А. Мехоношину и Ф.Ф. Раскольникову просит их сообщить, как работает И.И. Вацетис. Надо отметить, что в своей практической работе с кадрами В.И. Ленин неуклонно придерживался принципа «доверяй, но проверяй»:

«Товарищи! Пользуюсь оказией, чтобы черкнуть несколько слов.

Достаточно ли энергично работают военные руководители и Вацетис? Хорош ли контроль комиссаров за ними?..»¹⁰

Члены РВС Восточного фронта дали о деятельности И.И. Вацетиса положительный отзыв.

В этот период времени В.И. Ленин считал Восточный фронт, руководимый И.И. Вацетисом, наиглавнейшим в Республике. Вскоре после падения Казани он пишет (10 августа) военному руководителю Высшего военного совета М.Д. Бонч-Бруевичу:

«Считаю необходимым всячески усилить Восточный фронт. Предлагаю Высшему военному совету разработать план снятия с Западного фронта **наибольшего** числа частей. План этот надлежит провести в кратчайший срок. Должны пойти все боеспособные части. Железные дороги получают предписание немедленно пропустить уже идущие части на фронт и будут всемерно готовиться к принятию и перевозке новых.

Предлагаю Высшему военному совету следить за правильностью и быстротой выполнения нарядов железными дорогами. О промедлениях председателю Высшего военного совета докладывать мне.

Ответственность за скорейшее исполнение плана возлагаю на Высший военный совет»¹¹.

А в это время Иоаким Иоакимович, на несколько дней выбитый из привычной колеи казанскими событиями, уже снова твердо взял бразды управления фронтом в свои руки. Он подтвердил армиям ранее поставленные задачи (1-й армии взять Симбирск, 3-й — Екатеринбург, 4-й — Хвалынский и Самару), уточнив их для 5-й армии и Волжской военной флотилии. И потребовал от исполнителей сделать это имеющимися силами, не дожидаясь подкреплений, обещанных центром. В частности, относительно задач 5-й армии и Камской флотилии в приказе Вацетиса от 11 августа 1918 г. говорилось:

«...Все войска, собранные для атаки Казани, необходимо немедленно бросить на Казань, согласно тому плану, который

был мною указан начштаба Майгуру и членам революционного военного совета Данишевскому, Раскольникову и Лацису.

...Камская речная флотилия должна перегородить путь по Волге, закупорив фарватер в узких местах, затопив баржи и пароходы. Весь выигрыш против Казани — в решительности действий...»¹²

Весь август 1918 г. был у И.И. Вацетиса занят вопросами подготовки выполнения войсками указанных выше задач. Однако основное его внимание все же было приковано к Казани, которую должны были брать части 5-й армии при поддержке войск 2-й армии. Так, в приказе командующему 5-й армией от 31 августа 1918 г. Вацетис указывал: «Предлагаю вам принять решительные меры к достижению связи вашего левого фланга с правым флангом группы Блохина, наступающей на Казань со стороны Вятских Полян. По достижении этой связи в районе дер. Высокая Гора примите общее руководство всеми войсками, действующими против Казани, и проявите полную энергию»¹³.

На Волге и Урале полным ходом шла работа по подготовке штурма Казани, Симбирска, Екатеринбурга, а в Москве решали вопросы реорганизации органов управления вооруженными силами Республики. Одновременно там решалась и судьба И.И. Вацетиса — еще в двадцатых числах августа 1918 г. В.И. Ленин поставил вопрос об учреждении должности Главнокомандующего всеми вооруженными силами страны. Дополнительным толчком к решению этого вопроса послужила докладная записка председателя Высшей аттестационной комиссии (ВАК) А.И. Егорова. Поэтому в определенной степени можно считать, что своим новым назначением И.И. Вацетис был обязан Александру Ильичу Егорову, будущему Маршалу Советского Союза.

А.И. Егоров, полковник старой армии, с января 1918 г. работал в военном отделе ВЦИК, инспектируя формирование и обучение частей Красной Армии. В мае 1918 г. он был

назначен председателем Высшей аттестационной комиссии по отбору бывших офицеров в Красную Армию и одним из комиссаров Всеросглавштаба. Егоров, сторонник создания строго централизованной, дисциплинированной регулярной армии, в своем докладе председателю СНК В.И. Ленину обосновал необходимость введения должности Главнокомандующего вооруженными силами Республики и создания при нем единого штаба.

Ознакомившись с содержанием этого доклада, В.И. Ленин согласился с его основными положениями. В числе претендентов на пост Главнокомандующего у него одним из первых стоял И.И. Вацетис. В двадцатых числах августа 1918 г. он по поводу доклада А.И. Егорова пишет записку Наркомвоену: «Т. Троцкому! Подумайте об этом. Не назначить ли Вацетиса Верховным главнокомандующим?»¹⁴

2 сентября 1918 г. Иоаким Иоакимович Вацетис был утвержден в должности Главнокомандующего всеми вооруженными силами Республики. Это назначение свидетельствовало о признании Страной Советов и ее высшими руководителями опыта и заслуг И.И. Вацетиса в командовании войсками знаний в области военного дела, стратегии и оперативного искусства, его полководческих качеств. Не без гордости за себя, немного, конечно, рисуясь, он впоследствии говорил слушателям Военной академии имени М.В. Фрунзе, отвечая на соответствующий их вопрос:

— Мне говорили, предлагая высокий пост, что это воля Ленина. Я им говорю, что нынче в России полковников тьма-тьмущая. Военное время! Откуда Ленин может знать какого-го там забытого богом и людьми заморыша? А мне отвечают, что всех, конечно, Ленин помнить не может, а кого нужно знать, того знает...»¹⁵

После ранения пулями Фани Каплан председатель СНК В.И. Ленин медленно, но все же выздоравливал. Этому процессу способствовало любое положительное событие в стране,

в том числе и успехи войск Восточного фронта, достигнутые под руководством И.И. Вацетиса (освобождение Казани, Симбирска и других населенных пунктов). Например, на митинге бойцов и командиров 24-й стрелковой дивизии, освободившей 12 сентября Симбирск, решено было послать в Москву В.И. Ленину телеграмму следующего содержания: «Дорогой Владимир Ильич! Взятие Вашего родного города — это ответ на Вашу одну рану, а за вторую — будет Самара»¹⁶.

На эту телеграмму В.И. Ленин ответил через несколько дней через Реввоенсовет 1-й армии: «Взятие Симбирска — моего родного города — есть самая целебная, самая лучшая повязка на мои раны. Я чувствую небывалый прилив бодрости и сил. Поздравляю красноармейцев с победой и от имени всех трудящихся благодарю за все их жертвы»¹⁷.

Тогда же В.И. Ленин обратился с письмом к красноармейцам, участвовавшим во взятии Казани, в котором писал: «Вам уже известно, какое великое значение приобрело для всей русской революции взятие Казани, ознаменовавшее перелом в настроении нашей армии, переход ее к твердым, решительным победоносным действиям. Тяжелые жертвы, понесенные вами в боях, спасают республику Советов. От укрепления армии зависит прочность республики в борьбе с империалистами, зависит победа социализма в России и во всем мире. От всей души приветствую героические советские войска, армию авангарда эксплуатируемых, борющихся за свержение эксплуатации, и желаю дальнейших успехов»¹⁸.

После того, как И.И. Вацетис немного освободился, передав Восточный фронт С.С. Каменеву, он полностью сосредоточился на выполнении обязанностей Главкома Республики. С помощью командиров Полевого штаба РВСР он вскоре подготовил и 7 октября 1918 г. представил В.И. Ленину (в копии Я.М. Свердлову и Л.Д. Троцкому) доклад о стратегическом положении Республики и задачах Красной Армии. В этом докладе Иоаким Иоакимович дал краткую характеристику

группировкам противника (по регионам — на севере, востоке, юге и западе), оценку своим силам, изложил план операций, намечаемых на ближайшее время и сделал обобщающие выводы. Подобные доклады В.И. Ленину и в РВСР И.И. Вацетис будет представлять регулярно, фактически ежемесячно (в декабре 1918 г., январе, феврале, марте, апреле, мае, июне 1919 г.). По мере необходимости Иоаким Иоакимович представлял председателю СНК и доклады о положении на отдельно взятых фронтах (Восточный, Западный, Южный).

В сентябре—октябре 1918 г. войска Восточного фронта одержали ряд побед, и это радовало И.И. Вацетиса как его бывшего командующего. Но теперь он отвечал уже не за один фронт, а за все, вместе взятые. И в то же время за каждый в отдельности. Например, к середине октября 1918 г. крайне тревожная обстановка сложилась в районе Царицына. Настолько тревожная, что председатель СНК В.И. Ленин и председатель ВЦИК Я.М. Свердлов 15 октября срочно телеграфировали в Арзамас И.И. Вацетису: «Предлагаем принять срочные меры подачи помощи Царицыну. Исполнение донести»¹⁹.

Главком Республики предпринял необходимые меры, о чем на следующий день доносил Ленину и Свердлову: «Для поправления положения на царицынском фронте мною отданы следующие распоряжения: военкомам Камышина и Саратова немедленно двинуть на суда в Царицын все имеющиеся у них войсковые части, обильно снабдив их боевыми припасами, командарму 1 немедленно посадить самый надежный полк пехоты с артиллерией на суда в Сызрани и экстренно отправить в Царицын, а вслед за ним спешно отправлять и остальные три полка этой дивизии с артиллерией, обильно снабдив их боевыми припасами. Анисимову (уполномоченному Военного совета Северо-Кавказского военного округа. — *Н.Ч.*) в Астрахани приказано экстренно отправить в Царицын один полк пехоты с артиллерией. Все вооруженные суда Волжской флотилии из Симбирска, Самары, Сызрани, Саратова и Астра-

хани приказано немедленно направить к Царицыну для уничтожения переправы противника у Светлого Яра и для защиты Царицына. Муралову (командующему войсками Московского военного округа. — *Н.Ч.*) в Москве приказано немедленно отправить один готовый полк пехоты с артиллерией на Саратов и оттуда на судах в Царицын и по этому же маршруту спешно отправлять и все другие готовые полки, из Нижнего Новгорода отправляется дивизия в составе четырех полных полков, дивизиона легкой, дивизиона тяжелой артиллерии и дивизиона конницы на Балашов для удара с севера. Из Саратова и из 1 армии приказано немедленно направить в Царицын возможное количество боевых припасов и снаряжения. Главначснабу Мартынову приказано образовать экстренно в Саратове базу боевых припасов и снаряжения для Царицына. Командующему Южным фронтом Сытину приказано перейти всеми полученными в последние дни резервами в самое решительное наступление для того, чтобы энергичным своим продвижением оказать противодействие казачьим отрядам на царицынском направлении...»²⁰

Комплексом предпринятых мер, совместными усилиями 8-й, 9-й и 10-й армий Южного фронта белоказачьи части к 25 октября 1918 г. были отброшены и положение под Царицыном было выправлено.

На Восточном фронте, несмотря на достигнутые крупные успехи, не все было гладко. На это Главкому республики Вацетису 20 октября 1918 г. напомнил В.И. Ленин. В своей телеграмме в Арзамас он недоумевал: «Крайне удивлены и обеспокоены замедлением с взятием Ижевского и Воткинского (заводов. — *Н.Ч.*). Просим принять самые решительные энергичные меры к ускорению. Телеграфируйте, что именно предприняли»²¹.

Об истории мятежа на Ижевском и Воткинском заводах. Этот мятеж против Советской власти, воспользовавшись падением Казани, начала в Ижевске 7 августа 1918 г.

белогвардейско-эсеровская организация «Союз фронтовиков», состоявшая, помимо бывших офицеров, также из гимназистов, учащихся училища оружейных техников и др., поддержала мятеж и часть рабочих, подпавших под влияние эсеров. Захватив власть в Ижевске, мятежники развернули террор против советских и партийных работников. Так, были убиты военный комиссар, председатель ЧК, начальник милиции и другие руководители города из числа коммунистов.

21 августа мятежники захватили Воткинск, а 31 августа — Сарапул. Под их контролем находились окрестные села и деревни, в которых верховодили кулаки. Руководящим органом мятежников был «Комитет членов учредительного собрания Прикамского края». Этот «комитет» объявил свободную торговлю, отменил твердые цены на сельскохозяйственные продукты, аннулировал декрет Советского правительства об отделении церкви от государства и школы от церкви, создал контрразведку, ввел смертную казнь. Получилось так, что на стыке 2-й и 3-й армий возникла крупная группировка противника (около 25 тысяч штыков и сабель, 25 орудий, свыше 100 пулеметов), которая глубоко вклинилась между флангами этих армий и мешала их наступлению.

Операцию по ликвидации этой группировки противника части Восточного фронта вели с середины сентября 1918 г. Главком Вацетис поставил 2-й армии под командованием В.И. Шорина и Волжской военной флотилии (командующий Ф.Ф. Раскольников) задачу разгромить данную группировку. Планом операции намечалось блокировать ижевско-воткинский выступ, а затем, нанося главный удар с юга и вспомогательные удары с запада и севера, разбить противника. Сначала наступление войск 2-й армии при содействии Волжской флотилии развивалось успешно — они, двигаясь вдоль железной дороги Вятские Поляны — Агрыз и вдоль Камы, овладели Сарапулом и Агрызом. К началу октября эти части 2-й армии совместно с отрядом особого назначения 3-й армии

(командир отряда Ю.Ю. Аплук, бывший командир одного из латышских полков) блокировали группировку противника с юга, запада и севера. Однако 5 октября ввиду недостатка сил и возросшего сопротивления врага наступление было приостановлено. В период с 5 по 14 октября шло усиление 2-й армии и подготовка ее частей к продолжению наступления. Но возникшей оперативной паузой воспользовался противник, создав на подступах к Ижевску три сильно укрепленные полосы, а 9 октября даже перешел в контрнаступление, которое советские войска отразили. Это был как бы первый этап операции.

На втором этапе операции, начавшемся 15 октября, наступление войск 2-й армии развивалось медленно. Вот этой медлительностью действий по ликвидации опасного очага контрреволюции в Поволжье и был обеспокоен В.И. Ленин. На его телеграмму от 22 октября И.И. Вацетис на следующий день направил ответную докладную записку:

«Возникновение мятежа на Ижевском и Воткинском заводах совпало с нашей неудачей под Казанью в начале августа, что вызвало необходимость дробить наши силы для активных действий против Казани и против этого мятежа. Важнее всего скорее овладеть Казанью, для чего мной туда и посылались соответствующие силы. После взятия нами Казани полки, участвовавшие в непрерывных боях под Казанью, оказались настолько сильно пострадавшими, что из их состава удалось выделить лишь 3 тыс(ячи) на помощь нашим войскам, терпевшим в ижевско-воткинском районе одну неудачу за другой. Указанного подкрепления оказалось недостаточно, чтобы сломить сопротивление мятежников. Прибытие т. Антонова с значительными резервами также не дало нам решительной победы. Со своей стороны я направил туда все, что мог, и путем колоссальных усилий мне удалось локализовать этот мятеж, грозивший превратиться в своего рода Вандею. В настоящее время рядом с ижевско-воткинской операцией выросла, вме-

сто казанской, царицынская катастрофа, отвлекшая снова значительные резервы. Тем не менее, балансируя между этими двумя казусами, я решил обрушиться на ижевско-воткинский район и в кратчайший срок покончить с ним решительно.

План моих действий был доложен мной председателю ВЦИК Свердлову и заключается в том, чтобы внезапным налетом выхватить у мятежников Ижевский завод и, опираясь на него, ударить в тыл Воткинскому заводу и дебесскому направлению. Силы для этой операции собираются, из корпуса чрезвычайы 1500 человек уже большей частью собраны и направляются к месту назначения, спешно приведены в боевую готовность три стрелковых полка — всего около 4 тысяч человек. Для подготовки этой операции выехал командующий Восточным фронтом Каменев, а руководство операцией возложено на командарма-2 Шорина.

Полагаю, что в ближайшие 10 дней ижевско-воткинский мятеж будет ликвидирован. Считаю долгом заметить, что, кроме войсковых частей, в этот район желательно было бы направить достаточное число опытных политических работников для усиления работы по разъяснению мятежникам их заблуждений. Это обстоятельство, по-моему, много бы облегчило ход и успех военной операции»²².

Конечно, за десять дней ликвидировать мятеж не удалось. Уже переехав в Серпухов, И.И. Вацетис продолжает отслеживать обстановку в районе Ижевска и Воткинска. В начале ноября 1918 г. в одной из телеграмм он требует от командования Восточного фронта ускорить операцию в указанном районе: «Активные действия в ижевско-воткинском районе необходимо форсировать во что бы то ни стало. Ни в коем случае недопустимо, чтобы операции приняли затяжной характер»²³.

Бои на подступах к Ижевску продолжались с конца октября до 7 ноября. Отряд особого назначения Ю.Ю. Аплока нанес отвлекающий удар на Воткинск, в то время как ударная группа 2-й сводной дивизии (начдив В.М. Азин) 5 ноября

атаковала укрепленные позиции белых под Ижевском и к исходу 6 ноября прорвала две из них. Утром 7 ноября, отразив «психическую» атаку противника, 2-я сводная дивизия при поддержке бронепоезда преодолела третью, последнюю, позицию и к концу дня освободила Ижевск. В течение нескольких последующих дней войска 2-й армии замкнули кольцо окружения вокруг группировки противника. В ночь на 14 ноября был освобожден Воткинск. К 16 ноября советские войска рассекающими встречными ударами завершили разгром мятежников. Ижевско-Воткинская операция 1918 г. явилась первой операцией Красной Армии по окружению и разгрому крупной группировки противника. В ней также впервые был достигнут прорыв позиционной обороны неприятеля. В своей телеграмме В.И. Ленин поздравил войска 2-й армии с достигнутой победой.

Если в советское время В.И. Ленина в книгах, статьях, кинофильмах показывали как величайшего военного стратега, победившего иностранных военных интервентов и внутреннюю контрреволюцию, то в последние годы наметилась совершенно другая тенденция — опорочить его, показать чуть ли не дилетантом в военных вопросах. В действительности же неправы как те, так и другие. Жизнь уже не раз подтверждала, что истина лежит где-то посредине между крайними точками. Действительно, в классическом понимании Ленина нельзя считать военным стратегом: он не был военным по профессии, ни дня не служил в армии, не учился в военно-учебных заведениях. В политике — дело другое, там он был как рыба в воде. Ленин всегда четко формулировал политическую задачу дня (а уж военная из нее вытекала). Не в пример Сталину, Ленин не объявил себя Верховным главнокомандующим (главнокомандующим всеми вооруженными силами Республики), предоставив этот пост кадровым военным (И.И. Вацетису, С.С. Каменеву).

Но правда и то, что В.И. Ленин, будучи председателем СНК и одновременно возглавляя Совет Обороны, хорошо

знал положение на фронтах, их задачи и состояние их выполнения войсками. Его феноменальная память держала многие подробности и детали, нередко удивлявшие командующих армиями, фронтами и даже Главкома. Например, 23 декабря 1918 г. В.И. Ленин направил телеграмму:

«Серпухов. Главкому Вацетису

Совет Оборона запрашивает:

1) Верно ли, что в боях в районе Балашова недели две назад нашими частями в продолжение двух-трех дней сдано противнику 25—30 орудий, и, если это верно, что сделано Вами для привлечения виновных к ответственности и предотвращения подобных явлений?

2) Верно ли, что две недели назад издан Вами приказ о взятии Оренбурга, и, если это верно, почему приказ не приводится в исполнение?

3) Что сделано для того, чтобы упрочить положение наших частей в районе Перми, требующих от Центра срочной помощи?

На эти вопросы Совет Оборона ждет от Вас ответа.

Председатель Совета Оборона

В. Ульянов (Ленин)»²⁴.

На следующий день Главком Вацетис доносил В.И. Ленину:

«1. Факт действительно был с 11 (надо читать как 2-й. — Н.Ч.) дивизией, о котором подробное донесение от Южного фронта последовало лишь в середине декабря. Южному фронту указано было выяснить обстоятельства сдачи в плен. Из донесения этого фронта, адресованного в копии и Вам, усматривается, что причиной этого случая Южный фронт считает политические условия, в которых протекало формирование 11 дивизии. Не соглашаясь с точкой зрения Южного фронта, подробно свое мнение о причинах сдачи частей 11 дивизии донесу дополнительно.

2. Приказа, точно сформулированного о взятии Оренбурга, не было, так как, находясь от Оренбурга в 150 верстах, можно

было говорить лишь об операциях в направлении на Оренбург, о чем и была дана последняя директива комфронта Каменеву 2 декабря, где указывалось: «Прошу усилить активные действия на оренбургском направлении». Эта директива хотя медленно, вследствие отсутствия резервов, но проводится в исполнение.

3. Что касается Перми, то когда была замечена неустойчивость левого фланга 3 армии, то сейчас же 13 декабря было приказано отправить готовую уже, по донесению военрука Ярославского (военного округа). Бригаду 7 дивизии на Пермь, которая, однако, грузится лишь сегодня и завтра. Для обеспечения правого фланга 3 армии приказано было 2 армии маневром справа помочь 3 армии. Кроме того, для того, чтобы приковать противника на Екатеринбург — Челябинском направлении, 5 армии указано перейти в наступление на Уфу и далее на фронт Челябинск — Екатеринбург. Вместе с сим для 3 армии еще 5 и 6 декабря был дан наряд ГАУ (Главного артиллерийского управления. — *Н.Ч.*) на 6 тыс(яч) японских винтовок с патронами, а 13 декабря еще на 3 тыс(ячи) винтовок с Ижевского завода...»²⁵

Ленин неспроста спросил Вацетиса о Перми — положение там складывалось не в пользу советских войск. Екатеринбургская и Прикамская группы противника имели задачу разгромить 3-ю армию и овладеть Пермью, после чего наступать на Вятку, Котлас с целью соединения с англо-американскими и белогвардейскими войсками на севере. С этой целью, имея численное превосходство над советскими частями, 29 ноября 1918 г. эти группы перешли в наступление. Нанеся удар по 29-й стрелковой дивизии, противник вынудил ее к отходу. Войска 3-й армии в упорных оборонительных боях на рубеже р. Чусовая пытались остановить наступление белых, однако ввиду больших потерь (некоторые части до 50 %) и сильной растянутости по фронту были вынуждены отойти к Перми.

Именно этим положением под Пермью и был озабочен председатель СНК и Совета Оборона В.И. Ленин. 13 декабря

он телеграфирует Л.Д. Троцкому: «Крайне тревожны вести из под Перми. Непременно налегайте на Вацетиса и проверяйте, достаточно ли энергично он дает подкрепления Перми и Уралу. Лашевич (командующий 3-й армией. — *Н.Ч.*) говорил Зиновьеву, что посылать надо только обстрелянные части»²⁶.

Но Вацетиса в данном случае подгонять («налегать» — по Ленину) было не надо, он сам прекрасно понимал всю остроту положения на Северном Урале. Это видно из его директивы командованию Восточного фронта от 13 декабря: «Из поступающих донесений усматривается, что противник предпринял решительную операцию против 3 армии. Возможно, что противник поставил своей задачей захват Перми и развитие в дальнейшем своей операции в направлении на Вятку и в сторону Воткинского и Ижевского заводов. Мы должны всеми мерами воспрепятствовать одержанию противником какого бы то ни было успеха над нами на Урале. Ни в коем случае недопустим переход в руки противника района Пермь — Вятка — Воткинский — Ижевский заводы. Из донесений усматриваю, что левый фланг 3 армии не выдерживает напора противника и постепенно отступает на Пермь.

Примите самые энергичные меры, чтобы действиями 5 и 2 армий парализовать наступление противника на Пермь, а равно и подкрепить имеющимися у вас под рукой резервами 3 армию. Если 3 армия нуждается в вооружении, то разрешаю взять с Ижевского завода 3 тыс. винтовок, которыми вооружить готовые к бою пополнения или 3 армию.

Со своей стороны я передаю в ваше распоряжение одну бригаду 7 дивизии, формирующуюся в Ярославском военном округе. Эта бригада находится в стадии незаконченного формирования, и передача ее на фронт продиктована исключительно тем, что неудача 3 армии может повлечь за собой тяжелые последствия для нас»²⁷.

О том же Вацетис напомнил командованию Восточного фронта 22 декабря: «Из последних донесений усматривается,

что 3 армия отступает с угрожающей для Перми быстротой. Предупреждаю, что г. Пермь ни в коем случае не должен быть сдан»²⁸.

Когда наличных сил для отпора противнику нет, тут предупреди — не предупреждай!.. 24 декабря, когда И.И. Вацетис готовил доклад по поводу запроса Совета Оборона, т.е. Ленину, войска 3-й армии были вынуждены оставить Пермь. На следующий день туда вошли части белых. В предвидении подобного развития событий И.И. Вацетис и член РВСР С.И. Аралов потребовали от командования Восточного фронта: «В связи с обстановкой на левом фланге Восточного фронта Ижевский и Воткинский заводы должны быть приведены в оборонительное состояние и тщательно укреплены. О принятых Ваших мерах донесите»²⁹.

Пермь 3-я армия удержать не смогла. В.И. Ленин был крайне недоволен падением Перми и потребовал от Реввоенсовета Республики и Главкома И.И. Вацетиса отчета о принятых ими мерах по недопущению этого события. Донесение Главкома В.И. Ленину по этому поводу в данном случае не блещет глубоким анализом и соответствующими выводами, все свелось к банальному разгильдяйству с отправкой из Ярославля на фронт бригады 7-й стрелковой дивизии:

«Для подкрепления 3 армии, когда действительно была обнаружена угроза Перми, была направлена 13 декабря бригада 7 дивизии. Бригада эта по донесению Ярославского военного окружного комиссариата, была готова еще в первых числах декабря, но степень ее готовности оказалась в действительности таковой, что она лишь 26-го приступила к посадке. Проверка этой дивизии должна была быть проведена теми органами, которые ведают ее формированием, т.е. Главштабом и окружным комиссариатом; кроме того, эта дивизия в числе других инспектировалась Высшей военной инспекцией по моему настоянию.

Перегруппировкой на Восточном фронте под Пермью было выделено до пяти полков. Кроме того, необходимо от-

метить, что с подавлением восстания на Ижевском и Воткинском заводах левый фланг Восточного фронта усиливался на целую 2 армию»³⁰.

Уральский областной комитет РКП(б) обратился к В.И. Ленину с письмом, в котором сообщал о захвате белыми Перми и причинах неудач 3-й армии. Рассмотрев содержание этого письма, ЦК РКП(б) создал партийно-следственную комиссию в составе И.В. Сталина и Ф.Э. Дзержинского, которая в первых числах января 1919 г. выехала в 3-ю армию. Спустя несколько дней эмиссары ЦК прислали Ленину письмо, в котором сообщали о начале своей деятельности по расследованию причин сдачи Перми. В качестве основных причин они обозначили серьезные недостатки в комплектовании войск, их организации, работе штаба 3-й армии, тыловых и политических органов, системе управления войсками. Как первоочередную меру по предотвращению дальнейшего наступления противника в данном районе, они просили срочно направить в 3-ю армию три полка пехоты.

Вацетис приказал в спешном порядке подготовить три стрелковых полка к отправке на Урал, в 3-ю армию, однако обстановка, сложившаяся на северо-западе, потребовала срочной переброски этих полков под Нарву (белоэстонцы 19 января захватили этот город). Сталин и Дзержинский возмутились таким решением И.И. Вацетиса и пожаловались на него Ленину. Тот также болезненно отреагировал на сообщение Сталина и Дзержинского, написав прямо на письме последнюю следующую резолюцию: «т. Троцкий! Верните мне это, пожалуйста, написав свое мнение. По-моему, **верх безобразия**, что Вацетис отдал 3 полка под Нарву. **Отмените это!** Ленин»³¹.

Так Иоаким Иоакимович в очередной раз вызвал недовольство к своей персоне со стороны вождя партии и государства, получив «нахлобучку» за проявление инициативы, распорядительности и самостоятельности. Правда, получил он ее не напрямую, а через председателя РВСР Троцкого.

Одним из вопросов, обсуждавшихся на 8-м съезде РКП(б) (март 1919 г.), был вопрос о военных специалистах в Красной Армии. К этому времени уже был накоплен некоторый опыт их использования. В партии большевиков имелись как сторонники, так и противники привлечения военспецов в армию трудового народа. К числу последних на первых порах строительства РККА относились «левые коммунисты», а несколько позже — «военная оппозиция». Эта «оппозиция» представляла группу делегатов 8-го съезда РКП(б), выступившую против линии ЦК партии в военном строительстве.

Уже первый опыт вооруженной защиты Советского государства показал, что для победы над хорошо организованными войсками внешней и внутренней контрреволюции ему необходимо иметь регулярную кадровую, хорошо обученную, строго дисциплинированную армию с централизованным управлением. Выполнить же эту крайне сложную задачу без привлечения опыта и знаний бывших генералов и офицеров старой армии («военспецов») было невозможно. Однако некоторая часть коммунистов не понимала этого, выступая за выборность командного состава, сохранение партизанских методов управления армией и ведения войны, ратуя за широкую демократию в армии в ущерб строгой воинской дисциплине в ней. Часть партийных работников, выступая против широкого привлечения «военспецов», в то же время выступала за расширение прав партийных ячеек в армии и на флоте.

Означенные разногласия в партийной среде по военному вопросу выявились в предсъездовской дискуссии. В.И. Ленин и сторонники широкого использования военных специалистов в Красной Армии собирались на 8-м съезде партии дать решительный отпор противникам линии ЦК по вопросу «военспецов». Большие надежды В.И. Ленин возлагал в этом деле на членов Реввоенсовета Республики, располагавших обширной информацией об эффективности деятельности бывших генералов и офицеров на соответствующих должно-

стях в Красной Армии. В том числе и деятельности Главкома И.И. Вацетиса.

Из воспоминаний члена Реввоенсовета Республики С.И. Аралова: «О роли военных специалистов Ленин мне лично говорил перед началом VIII съезда партии. Это было в Кремле, мне было дано задание доложить членам съезда о военной обстановке на фронтах.

Ленин, я помню как сейчас, остановил меня в коридоре, близ своей квартиры, около окна, и советовал при обрисовке на съезде положения на фронтах обязательно отметить роль специалистов (бывших генералов и офицеров), указывая даже на фамилии (Вацетис, Костяев, Самойло, Николаев, Данилов, М.Д. Бонч-Бруевич), и подчеркнуть роль и значение комиссаров и политработников для создания крепкой и дисциплинированной Красной Армии»³².

На этом съезде «военная оппозиция» потерпела сокрушительное поражение и прекратила свое существование.

Одной из важных составляющих в деятельности И.И. Вацетиса на посту Главкома, как отмечалось выше, являлась подготовка ежемесячных докладов председателю правительства и Реввоенсовету о стратегическом положении Советской Республики и задачах ее вооруженных сил. Первый такой доклад был представлен В.И. Ленину 7 октября 1918 г. В его подготовку Иоаким Иоакимович совместно с начальником Полевого штаба Н.И. Раттэлем вложили свое умение анализировать обстановку в регионах страны и делать из этого анализа соответствующие выводы, формулировать боевые задачи фронтам. И доклад получился, по крайней мере со стороны В.И. Ленина он получил одобрение.

Вот как этот доклад (его Вацетис именуется планом обороны РСФСР) описывает Иоаким Иоакимович в своих воспоминаниях «Гражданская война. 1918 год»: «В основу этого плана положены два следующих главных соображения:

1. Так как главным театром военных действий является территория европейской России, то оборону нашу надо строить на базе тех боевых и экономических ресурсов — живых и материальных, которыми располагает европейская Россия.

2. Развернуть и выставить в поле максимум сил сразу, чтобы раздавить всех врагов в кратчайший рок, не давая затяжной войной при вести страну трудящихся к окончательной разрухе.

7 октября этот план был доложен мною лично тов. Ленину в Москве в его кабинете. Это был мой первый доклад главе Советского правительства на новой моей должности Главнокомандующего всеми вооруженными силами. В начале октября Владимир Ильич получил разрешение врачей заниматься делами. Одна рука у него была в черной повязке, другая одета в рукав пиджака, из-под пиджака виднелась гимнастерка военного образца. Лицо было бледноватое. На докладе присутствовали члены РВС Республики Кобозев и Аралов. Я изложил план страница за страницей. Владимир Ильич слушал очень внимательно и по окончании моего доклада сказал: «Хорошо. В общем одобряю»³³.

Помимо ежемесячных докладов о стратегическом положении Республики, И.И. Вацетис готовил и докладывал В.И. Ленину ряд других материалов, касающихся насущных и срочных проблем. Например, в феврале 1919 г. он представил председателю СНК доклад о недопустимости сокращения вооруженных сил Республики. Дело в том, что некоторые партийные и государственные деятели, обольщенные частными успехами на отдельных фронтах, стали говорить о некотором сокращении имеющихся вооруженных сил страны. В данном докладе И.И. Вацетис, анализируя затронутую проблему и делая соответствующие выводы, показал себя как зрелый государственный муж и умелый политик с широким кругозором. С небольшими сокращениями приведем этот доклад.

«О сокращении наших вооруженных сил

Для того, чтобы осветить вопрос о сокращении наших вооруженных сил, необходимо: 1) заглянуть в сущность той стратегической обстановки, в которой нам приходится вести войну и 2) исследовать политическую обстановку внутреннюю и внешнюю.

1) Стратегическая обстановка такова, что мы окружены со всех сторон вооруженными врагами. Число которых в настоящее время в общей сложности превышает наши силы, и весной, если произойдет присоединение к нашим отечественным врагам белой и черной окраски также и войск Антанты, то наше положение, что касается численного преобладания на театре военных действий, значительно ухудшится. Поэтому исходя из стратегических соображений, мы должны усвоить такую точку зрения, что наши вооруженные силы должны увеличиваться в зависимости и от усиления наших противников.

2. Политическая сторона:

а) Нам приходится действовать в такой обстановке, внешней и внутренней, которая не дает нам возможности сократить какой-нибудь фронт. Это обстоятельство заставляет нас держать войска на всех фронтах и всюду быть в постоянной боевой готовности.

б) Мы расширяем территорию нашей Республики оружием, а не при помощи политических комбинаций. Расширяясь оружием, мы вынуждены завоеванное удерживать оружием же. Это последнее обстоятельство заставляет нас вводить в боевую линию постоянно все свежие войска в зависимости от растущего, вследствие расширения территории, фронта. Последнее обстоятельство приводит к истощению стратегических резервов, без каковых война в обстановке полного окружения введена быть не может.

Ввиду изложенного в пп. 1 и 2 ясно видно, что никакого разговора о приостановке вооружения, а тем паче о сокраще-

нии вооружения быть не может. Приостановка развития вооруженной силы может привести к приостановке расширения нашей Республики, а между тем приостановка расширения территории казалась бы тоже преждевременной, так как то, что достигнуто до настоящего времени, хотя и отдало в распоряжение нашей Республики огромнейшие площади, но не дало Республике тех ресурсов, которые необходимы для того, чтобы перейти к нормальной жизни трудящихся масс. Для нормальной жизни нам нужен Кавказ, чтобы снабдить наши фабрики и заводы топливом, нам нужен Туркестан, чтобы снабдить наши фабрики хлопком, нам нужны Урал и Сибирь для того, чтобы получить возможность развернуть деловую жизнь нашей Республики в государственном масштабе, наконец, нам нужно дойти до берегов Черного моря. В конце концов, все взятое оружием нам надо закрепить оружием же, так как военное поражение Республики ведет к поражению и во всех других областях Советской власти. Строительство РСФСР находится в той стадии, когда господствует стратегия, т.е. когда оружием оно строится и поддерживается и успех оружия ведет за собой успех и закрепление Советской власти внутри Республики, а также и извне. Государственное строительство нашей республики закрепляется на театре военных действий. Исходя из всего этого, Республика должна напрячь все силы и жертвовать до некоторой степени прочими видами государственной жизни в пользу усовершенствования боевой мощи, так как на ней зиждется все остальное. Центр тяжести государственной жизни должен быть перенесен в ближайший период, к весне и будущей осени, когда возможно ожидать решительного штурма со стороны наших многочисленных врагов, поддерживаемых войсками Антанты, в военное ведомство в ущерб развитию программы других ведомств... Ведущей силой настоящего момента является Наркомвоен потому, что наше социалистическое отечество строится в обстановке внешней и внутренней войны. До настоящего времени мы не

имеем еще права утверждать, что наша Республика отдавала должное внимание вооруженной силе. До настоящего времени выходило по-старинному, когда военное ведомство воевало, а остальные ведомства жили по-своему.

Результаты такой государственной жизни нам известны: в вооруженных столкновениях старая Россия всегда проигрывала. Нередки были случаи и теперь, когда призываемые на военную службу граждане бунтовали и расходились по домам только потому, что не было для них отведено казарменных помещений, якобы за неимением таковых.

Такие случаи бывали почти повсюду, а мест не оказывалось потому, что помещения, даже и казармы старой армии... оказывались занятыми другими комиссариатами. Часто приходилось отказываться от призыва граждан потому, что не было сапог, не было одежды. Часто приходилось быть свидетелем мятежей и недовольства среди красноармейских частей потому, что интересы граждан, сражающихся за благо революции и социалистической Республики, игнорировались властью на местах.

Словом, мы имеем основание утверждать, что мы еще не вступили в ту полосу, когда все — для Красной Армии, в рядах которой сражается цвет мужского населения.

Есть сторонники того взгляда, что мы слишком истощены войной, что мы не можем развивать наше вооружение, что его даже слишком много, сравнительно с теми ресурсами, которые может дать страна. Такой пессимистический взгляд на современное положение в корне неправилен в силу всех вышеприведенных соображений. У нас бесконечное количество материалов, у нас бесконечное количество сырья, а между тем наша армия часто голодает, часто ходит без обуви и часто мерзнет без одежды. Винить в этом надо не бедность нашей страны, а отсутствие распорядительности, отсутствие умения обслуживать стратегические потребности страны.

В заключение вышеизложенного повторяю еще раз, что будущее нашей Республики закладывается успехом на

наших многочисленных театрах военных действий, а успех этот немислим без создания мощной вооруженной силы.

Всякое ограничение этих сил в создавшейся боевой обстановке может быть гибелью Республики»³⁴.

Боевые и иные действия внешнего врага и внутренней контрреволюции отличались явной согласованностью, особенно в 1918—1919 гг. Их конечной целью была ликвидация власти Советов в республиках, возникших на развалинах бывшей Российской империи. Чтобы противостоять такому объединенному мощному натиску, нужна была единая военная сила советских республик. Вот эта проблема достижения военного единства республик очень волновала И.И. Вацетиса. И к тому были определенные основания.

Известно, что в конце 1918 г. — начале 1919 г. Украинская, Белорусская, Латвийская и Литовская советские республики создали свои самостоятельные армии. Наряду с положительными сторонами такого шага, положившего конец трактованию националистами действий частей Красной Армии как «оккупацию» их территории, в начале 1919 г. у некоторых руководителей Украины, Литвы, Латвии стали проявляться сепаратистские и местнические настроения в производстве вооружения, использовании запасов военного имущества, формировании частей и соединений, их боевом использовании. Все это противоречило решениям 8-го съезда РКП(б), который указал на необходимость «планомерного строительства централизованной армии, единство организации и единство управления которой только и могут обеспечить достижение наибольших результатов с наименьшими жертвами».

Иоаким Иоакимович Вацетис, находясь в должности Главнокомандующего всеми вооруженными силами Республики, был крайне озабочен имеющимися проявлениями сепаратизма и местничества в деле защиты завоеваний социалистической революции. Он не раз выступал в Реввоенсовете Республики по вопросу о необходимости принятия мер по

военному единению образовавшихся советских республик. Этот вопрос ставился им и перед В.И. Лениным. 23 апреля 1919 г. И.И. Вацетис представил председателю СНК доклад о необходимости военного единства советских республик. Этот документ интересен не только по существу затронутого вопроса, но и тем, что лишний раз показывает широту мышления И.И. Вацетиса, его способность к глубокому анализу сложившейся обстановки, умению делать соответствующие практические выводы. С незначительными сокращениями приведем текст этого доклада.

«Гражданская война достигает высшего напряжения. Наши многочисленные противники напрягают максимум энергии, чтобы усилить численно и технически свою вооруженную силу. Противники наши сплотились, у них установилось общее командование и создано полное единоначалие в действиях. Мы же поступаем совершенно иначе: РСФСР как бы расколола свое военное единство на две половины — на западную и на восточную. В то же время раздробила также и свою боевую мощь. В западной половине РСФСР образовался ряд советских республик, принявших в настоящее время определенную физиономию сепаратной автономности в вопросах ведения войны.

Эстонцы, латыши, литовцы, белорусы, украинцы создают свои армии, свои аппараты Наркомвоен, из которых каждый действует с присущей ему одному специфичностью...

По численности граждан на территории западной половины РСФСР находится более 50 % — около 50 миллионов населения. Эти 50 миллионов граждан как бы заняты своими домашними делами, спасением своего собственного дома. Действуют, что называется «моя хата с краю». Выходит, что западная половина РСФСР в военном отношении на практике выключилась из общего военного лагеря...

Восточную половину РСФСР составляет около 40 % населения республики численностью до 35 миллионов гражд-

дан. На этих 35 миллионах великорусского населения лежит теперь ведение войны на двух главных и решительных театрах военных действий — против войск адмирала Колчака на востоке и против войск генерала Деникина и донского казачества на юге. На меньшую половину граждан РСФСР взвалили наибольший непосильный боевой труд, что может принести нам неисчислимые бедствия, ибо восточная половина Республики может оказаться лицом к лицу перед непосильной задачей.

Меня крайне беспокоит вопрос — когда мы успеем вернуться к прежней цельности нашего военного лагеря, на идее которого была основана, создана, выросла и побеждала Красная Рабоче-Крестьянская Армия.

Дальнейшая судьба революции зависит от исхода сражений на Южном и Восточном фронтах. На эти фронты необходимо послать максимум силы всей РСФСР. Наша победа на Южном и на Восточном фронтах отдаст в руки Советской власти всю территорию бывшей российской империи, поэтому временный неуспех на Западном фронте на конечном результате не отразится.

В настоящее время гражданская война выкристаллизовалась и приняла решительный характер. Остались на поле брани крайние направления: коммунистическое и монархическое. Вышеприведенное дробление вооруженных сил РСФСР на национальные армии в эту решительную минуту является во всех отношениях нецелесообразным и крайне вредным для нашего успеха.

Кроме всего вышеизложенного необходимо отметить, что боевое напряжение восточной половины РСФСР ослаблено необъятной организацией Всевобуча, который поглощает огромную массу командного состава и политических деятелей. Если сравнивать число командного состава (инструкторов) во Всевобуче и число таковых в запасных частях Красной Армии, то оказывается, что в запасных частях на всей территории

республики число командного состава равно 5350 человек, тогда как во Всевобуче их есть 24 000.

Такое соотношение в числе командного состава абсолютно вредно для успешности организации и формирования армии: запасные части готовят нам пополнения для действующих в настоящий критический момент на фронте частей, Всевобуч же подготавливает контингенты для отдаленного будущего.

Ввиду всего вышеизложенного полагаю необходимым:

1. Все территории, образовавшиеся на западной половине РСФСР, советские дружественные нам республики превратить в военные округа с подчинением их Совету Всеросглавштаба, в состав которого (т.е. Совета) ввести всех наркомвоеннов с пребыванием их в Москве.

2. Временно ликвидировать Всевобуч, поручив Совету Всеросглавштаба распределить командный состав и политических деятелей по запасным частям Восточного фронта.

3. Довести все запасные части, находящиеся в ведении Всеросглавштаба, до штатного состава с надбавкой 25 %.

Главнокомандующий всеми вооруженными силами Республики генерального штаба Вацетис»³⁵.

Доклад завизировал член РВСР С.И. Аралов. Согласившись с его основным содержанием, Семен Иванович высказал свое особое мнение по некоторым выводам И.И. Вацетиса:

«Согласен с выводами, за исключением в п.1 о пребывании наркомвоеннов в Москве.

В п.2 — не прекращать деятельности Всевобуча, но предлагаю сократить от 50 до 75 %»³⁶.

Изучив доклад И.И. Вацетиса, В.И. Ленин на следующий день (24 апреля) написал заместителю председателя РВСР:

«Т. Склянский

Это кстати как раз к тому, что вчера решено.

Надо **спешно**, тотчас:

1) составить текст директивы от ЦК ко всем «националам» о **единстве** (слиянии) военном;

- 2) дать ее и в прессу для ряда статей;
- 3) о **Всевобуче** (100 % взять, а не 75 %) **тотчас**, сегодня же, проект декрета изготовить;
- 4) рассчитать: 24 000 командный состав. Ежели взять по 1 на 10, значит, можно создать армию в **240 000**.

Проверить и взять за норму тотчас для ЦУСа (Центрального управления снабжения. — *Н.Ч.*) как России, так и Украины»³⁷.

Проблема военного единства советских республик не терпела отлагательств. 4 мая 1919 г. на заседании ЦК РКП(б) под председательством В.И. Ленина рассматривался вопрос «О едином командовании над армиями как России, так и дружественных социалистических республик». В документе ЦК РКП(б), направленном центральным комитетам компартий Украины, Литвы и Белоруссии, Латвии, Эстонии, отмечалось, что «попытки подчинить командование отдельных армий местным национальным советским властям являются безусловно пагубными для дела обороны Советской Республики. Поэтому нарушение единства управления и командования, национальное раздробление армий приводят к национальным трениям в среде самих красноармейских частей и являются верным путем к разложению армии. Центральный Комитет считает поэтому необходимым восстановить в области военного управления и командования строжайшее начало единства организации и строгого централизма.

На совместном заседании ВЦИК и представителей от Украинской, Литовско-Белорусской и Латвийской республик 1 июня 1919 г. было принято постановление «Об объединении военных сил советских республик России, Украины, Латвии, Литвы и Белоруссии» для борьбы с общим врагом. Военный союз советских республик сыграл решающую роль в достижении победы над иностранными интервентами и белогвардейцами. Из вышеизложенного видно, что свою лепту в создание этого союза внес и Главком И.И. Вацетис, в очередной раз

показав свою способность решать не только чисто военные, но и военно-политические задачи.

После окончания Гражданской войны И.И. Вацетис более полутора десятка лет работал в головном военно-учебном заведении страны — Военной академии РККА, с 1925 г. носившей имя М.В. Фрунзе. И было бы удивительно, если бы ее слушатели не задавали И.И. Вацетису вопросов о его встречах с Лениным в период революции и в последующие годы. Иоаким Иоакимович всякий раз охотно отзывался на подобные просьбы. Однажды по этому поводу он высказался так:

— Говорят, человеку повезло... Вот вам опыт моей нелегкой солдатской жизни. Скажу: человеку везет, когда он попадает под команду хорошего начальника. Уж мне повезло так повезло. Моим начальником долго был сам Ленин. Такого начальника встретишь не всюду. И не каждый день. Он учился и у нас. А больше мы у него. Учились и учимся. Я имею в виду — не только политике. Но и чисто военному делу. Да, да, стратегии и оперативному искусству. Я листаю его труды... Какая четкость установок, директив, «окружить и отрезать Питер. Взять его комбинированной атакой флота, рабочих, войск. Задача эта требует искусства и тройной смелости». Затем: «Совершенно недопустимо опаздывать с наступлением. Это опоздание отдаст Деникину Украину и нас погубит». А вот задача, данная Восточному фронту: «Если мы до зимы не завоюем Урала, то гибель революции неизбежна. Напрягите все силы...»³⁸

Источники и литература

¹ Ленин В.И. Биографическая хроника. Т. 5. С. 610.

² Там же. С. 611—612.

³ Там же. С. 613.

⁴ Там же. С. 615.

⁵ Там же. С. 616.

⁶ Там же. С. 624.

⁷ Там же. С. 627.

⁸ РГВА. Ф. 106. Оп. 3. Д. 45. Л. 7.

⁹ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 50. С. 124—125.

¹⁰ Там же. С. 133.

¹¹ Там же. С. 146.

¹² РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 75. Л. 167.

¹³ Там же. Ф. 1. Оп. 2. Д. 62. Л. 30.

¹⁴ Ленинский сборник XXXVII. С. 101.

¹⁵ *Дубинский И.В.* Портреты и силуэты. Киев: Днипро, 1982.

С. 24.

¹⁶ Известия. 1918. 14 сент.

¹⁷ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 37. С. 95.

¹⁸ Там же. С. 96.

¹⁹ Там же. Т. 50. С. 375.

²⁰ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 76. Л. 92—94.

²¹ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 50. С. 197.

²² Главнокомандующий всеми вооруженными силами Республики И.И.Вацетис. Сборник документов. Рига: Зинатне, 1978. С. 115—116.

²³ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 75. Л. 198.

²⁴ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 50. С. 378.

²⁵ Главнокомандующий всеми вооруженными силами Республики... С. 151—152.

²⁶ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 50. С. 221.

²⁷ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 87. Л. 13.

²⁸ Там же. Л. 5.

²⁹ Там же. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 90. Л. 61.

³⁰ Там же. Д. 153. Л. 236.

³¹ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 50. С. 245.

³² *Аралов С.И.* Ленин и организация Красной Армии // Воспоминания о Ленине. Т. 2. М.: Политиздат, 1957. С. 269—270.

³³ Военно-исторический журнал. 1962. № 4. С. 74.

³⁴ РГВА. Ф. 5. Оп. 1. Д. 188. Л. 10—11.

³⁵ Там же. Л. 27—28.

³⁶ Там же.

³⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 287—288.

³⁸ Дубинский И.В. Портреты и силуэты. С. 36.

ВО ГЛАВЕ АРМИИ СОВЕТСКОЙ ЛАТВИИ

В жизни и службе И.И. Вацетиса был период, когда он, занимая пост Главкома Республики, возглавлял армию Советской Латвии. Эти страницы его жизни освещены недостаточно полно, и мы постараемся частично восполнить этот пробел.

Назначению И.И. Вацетиса командующим армией Советской Латвии сопутствовали следующие обстоятельства. Потерпев поражение в Первой мировой войне, Германия должна была вывести свои войска из оккупированных ею районов России, Белоруссии и Прибалтики к границам 1914 г. Аннулировав 13 ноября 1918 г. Брестский мирный договор, советское командование решило продвигать свои войска вслед за отходящими немецкими частями, занимая освобождаемую ими территорию. Такая задача была поставлена 7-й и Западной армиям.

В директиве Главкома Вацетиса от 17 ноября 1918 г. по этому поводу говорилось:

«В случае отхода немцев вам немедленно надлежит:

1. Занимать очищаемые территории и устраивать при содействии местных военных комиссариатов и губисполкомов власть на местах.

2. Продвижение вперед должно производиться этапами и на первое время ограничиваться захватами главнейших железнодорожных узлов...

3. Все оружие и материальная часть, бросаемая противниками, немедленно должно быть собираемо, для чего надлежит организовать команды по сбору с представителями от местных

властей. Оружие и материальная часть должны быть сложены в определенных местах, тотчас же приводиться в порядок и после его учета немедленно сообщаться в соответствующие довольствующие учреждения и по команде.

4. Порядок занятия очищаемых областей такой же, какой был установлен ранее при очищении противником наших областей в октябре с.г.»¹.

В ночь на 17 ноября 1918 г. войска Западной армии (командующий А.Е.Снесарев) перешли демаркационную линию и начали продвижение вслед за отходящими германскими войсками. Войска левого боевого участка 7-й армии (командующий Е.А. Искрицкий) при поддержке рабочих, поднявших восстание и разгромивших штаб белогвардейского Северного корпуса, 25 ноября заняли Псков. Очищение оккупированных немцами территорий происходило с боями. Так 28 ноября войска правого боевого участка 7-й армии после упорного боя заняли Нарву. Продвигаясь в направлении Таллина, части Красной Армии в начале января 1919 г. находились в 30—35 км от него.

Части левого боевого участка 7-й армии после освобождения Пскова развивали наступление на валкском направлении. 18 декабря они овладели Валкой и начали продвижение к Риге. 22 декабря был освобожден г. Валмиера, 23-го — Цесис. Первую скрипку в деле освобождения Риги от немецких оккупантов должна была сыграть Латышская стрелковая дивизия, которую Вацетис еще в октябре подчинил непосредственно себе. 31 декабря 1918 г. полки дивизии завязали бой с латышско-немецкими войсками под Ригой. 3 января 1919 г. в ней восстали рабочие, и объединенными усилиями к исходу дня столица Латвии была освобождена.

Если в Латвии боевые успехи сопутствовали советским войскам, то в Эстонии картина получилась противоположной. В начале января 1919 г. белоэстонцы при поддержке стран Антанты, при участии финских и шведских добровольцев, а так-

же русских белогвардейцев подавили партизанское движение в своем тылу, а 7 января перешли в наступление на фронте от Финского залива до Пайде. Через неделю они захватили Тарту, а 19 января — Нарву (именно туда Вацетис в срочном порядке отправил три полка пехоты, о которых упоминают Иосиф Сталин и Феликс Дзержинский в своем послании В.И. Ленину). В результате успешных действий белоэстонцев вся Эстония оказалась в их руках.

Главком Вацетис, выполняя указания председателя СНК В.И. Ленина, настоятельно рекомендовал командирам РККА при освобождении от белых или иностранных интервентов соответствующей территории всячески поддерживать местные органы Советской власти. В конце ноября 1918 г. В.И. Ленин писал Вацетису: «С продвижением наших войск на запад и на Украину создаются областные временные Советские правительства, призванные укрепить Советы на местах. Это обстоятельство имеет ту хорошую сторону, что отнимает возможность у шовинистов Украины, Литвы, Латвии, Эстляндии рассматривать движение наших частей, как оккупацию, и создает благоприятную атмосферу для дальнейшего продвижения наших войск. Без этого обстоятельства наши войска были бы поставлены в оккупированных областях в невозможное положение, и население не встречало бы их, как освободителей. Ввиду этого просим дать командному составу соответствующих воинских частей указание о том, чтобы наши войска всячески поддерживали временные Советские правительства Латвии, Эстляндии, Украины и Литвы...»²

В начале декабря 1918 г., в условиях начавшегося освобождения от оккупантов районов Латвии, было образовано временное советское правительство во главе с П.И. Стучкой. Это правительство 17 декабря опубликовало манифест о восстановлении в Латвии Советской власти. Совет народных комиссаров РСФСР своим декретом от 22 декабря признал независимость Советской Латвии. К концу января 1919 г. на

всей территории края, за исключением района Лиепаи, куда из Риги под защиту оккупантов бежало буржуазное правительство, была восстановлена власть Советов. 1-й Вселатвийский съезд Советов, состоявшийся в середине января 1919 г., законодательно оформил создание Латвийской советской социалистической республики (ЛССР), принял ее Конституцию, наметил программу социалистических преобразований в республике, высказался за союз ЛССР и РСФСР и другими советскими республиками. Правительство ЛССР возглавил П.И. Стучка, К.Х. Данишевский был утвержден председателем Совета революционной борьбы, а бывший комиссар Латышской дивизии К.А. Петерсон — военным комиссаром Советской Латвии.

Для защиты своих революционных завоеваний Латвийской республике нужны были свои вооруженные силы. И они были созданы при помощи Советской России. Разумеется, что И.И. Вацетис не остался в стороне от происходивших событий. Из протокола заседания Реввоенсовета Республики от 4 января 1919 г.:

«...3. Реввоенсовет Республики постановляет:

создать армию Советской Латвии из двух дивизий: нынешней 1-й советской Латышской стрелковой дивизии и 2-й, формирующейся на основании существующих штатов.

Главнокомандующий вооруженными силами Советской Республики (И.И. Вацетис. — *Н.Ч.*) является вместе с тем командующим Латышской советской армией. Его помощником назначается нынешний начальник 1-й Латышской дивизии т. Авен...»³

На следующий день, 5 января 1919 г., Главком Вацетис подписал соответствующую директиву и направил ее командованию Северного фронта и Западной армии:

«Ввиду сформирования, согласно постановлению Реввоенсовета Республики от 4 января, армии Латвии, а также взятия Риги, приказываю:

1. Выделить участок Северного фронта для армии Латвии южнее линии Гайнаш — Валк — Остров — для армии Латвии. Все названные пункты — для армии Латвии включительно. Южной разграничительной линией армии Латвии назначается Поланген — Шавли — Поневеж — Двинск. Все названные пункты — для армии Латвии включительно.

2. В состав армии Латвии входят части Московской интернациональной дивизии, направленной в район 7-й армии.

3. Штаб армии Латвии — Двинск.

4. Армии Латвии ставлю задачу — овладение Митавой и всем Рижским побережьем... По выполнении этой задачи необходимо приступить к занятию острова Эзеля, прикрывающего вход в Рижский залив. Пролив у Домеснеса предполагено минировать по соглашению с начальником морских сил. Крепость Усть-Двинск привести в оборонительное положение.

5. Коммуникационная линия для армии Латвии устанавливается по линии желдороги Рига — Полоцк — Витебск.

6. Желдорога Псков — Вал — общая для армии Латвии и 7-й армии.

7. Армия Латвии подчиняется непосредственно мне и управляется моим заместителем Авеном, которому отдавать все приказы от моего имени.

8. 7-й армии Северного фронта продолжать выполнение своей задачи на Ревель и Пернов.

Настоящий приказ входит в силу по особой дополнительной телеграмме, которая будет дана по приезде временного командующего армией Латвии Авена в Двинск»⁴.

В связи с началом работы 1-го Вселатвийского съезда Советов И.И. Вацетис 13 января направил из Серпухова в адрес его президиума следующую телеграмму: «Приветствую 1 съезд Советов Красной Латвии, собравшийся после семисотлетней героической и тяжелой борьбы с врагами трудового народа Латвии. Пусть седая Рига будет свидетелем водворения

в Латвии справедливости и счастья для трудового народа. Советское правительство пусть будет тем согревающим лучом, который, наконец, воссиял для трудового народа и всех обездоленных Латвии.

Главнокомандующий всеми вооруженными силами РСФСР и командующий армией Советской Латвии Вацетис»⁵.

В состав Реввоенсовета армии Советской Латвии первоначально вошли П.Я. Авен (заместитель Вацетиса на посту командующего), Я.Я. Пече, А.Э. Дауман. Начальником штаба армии был назначен бывший начальник штаба Восточного фронта Парфений Матвеевич Майгур. За исключением Анса Даумана, весь состав РВС армии Вацетис хорошо знал (Яна Пече со времени разгрома левоэсеровского мятежа в Москве). Несколько позже в состав РВС войдут О.А. Стигга и Я.Я. Тупинь. Двое последних вместе с Вацетисом 10 марта будут переведены на другую работу.

Итак, основной задачей армии Советской Латвии являлось освобождение всей территории республики от немецких оккупантов и белогвардейцев. Занятие всего побережья и портов Рижского залива и Балтийского моря (до Паланги), недопущение высадки десанта интервентами. Одновременно должны были решаться задачи и другого плана: пополнение частей 1-й стрелковой дивизии Советской Латвии (так стала называться Латышская стрелковая дивизия), срочное формирование 2-й стрелковой дивизии. Времени для выполнения этих задач, как показали события, было отведено очень мало.

Для разрешения оперативных задач РВС армии Советской Латвии разделил ее на три группы. Правой группе, в которую вошли полки 2-й бригады, находившиеся в районе Риги, поручалось направить авангардные отряды на Тукумс и Елгаву, где предстояло прервать железнодорожное движение на дороге Елгава — Вентспилс. Частям бригады была предостав-

лена возможность сформировать за счет добровольцев третьи батальоны (все полки, за исключением 7-го, имели в своем составе по два батальона). Освобождение Курземе было возложено на среднюю группу, действовавшую в направлении Елгава — Ионишкис. Ей было приказано быстрым наступлением овладеть Елгавой и, обойдя ее с юга (в направлении на Шяуляй и Мажейкяй), попытаться захватить подвижные составы оккупантов с награбленным имуществом. Эта группа находилась в оперативном подчинении у командира и штаба 1-й бригады 1-й стрелковой дивизии.

Третьей группе (Особой интернациональной дивизии) предстояло на левом фланге полосы армии продолжать продвижение вдоль железной дороги Даугавпилс—Паневежис—Радвилишкис—Шяуляй. Следуя указаниям Главкома Вацетиса, РВС армии Советской Латвии предусмотрел на случай оборонительных действий подготовку укрепления Рижского плацдарма, а также укреплений в районе Екабпилса и Даугавпилса. Однако использовать Даугаву как естественное препятствие и обороняться у этой водной преграды в силу сложившейся обстановки не пришлось.

Уже в конце первой недели января 1919 г. части средней группы армии Советской Латвии приблизились к Елгаве и Бауске. Здесь отличились 3-й стрелковый полк, бойцы которого 8 января освободили от немцев Иецаву, а также Саратовский латышский стрелковый полк особого назначения, переименованный в 10-й стрелковый полк Советской Латвии (командир — П. Матисон, комиссар — К. Озолинь). Последний от Крустпилса дошел до Сиривери, переправился через Даугаву и двинулся на Бауску. На усиление средней группы в ее состав был включен только что прибывший в Латвию 2-й стрелковый полк (командир — Ф. Риекст, комиссар — К. Бриедис), который двинулся из района Крустпилса на Яунелгаву.

Пополнение частей армии Советской Латвии на первых порах происходило за счет добровольцев. Особенно активно

этот процесс шел в конце 1918 г. и начале 1919 г., когда в армию записалось около 5 тысяч чел., что позволило организовать в полках 1-й стрелковой дивизии третьи стрелковые батальоны. Однако количество добровольцев было значительно меньше, чем это требовалось для формирования новых частей. Поэтому при формировании 2-й стрелковой дивизии армии Советской Латвии пришлось прибегнуть к мобилизации военнообязанного населения.

2-ю стрелковую дивизию было решено сформировать в составе девяти полков (номера полков с 10-го по 18-й). В качестве головных полков двух бригад дивизии были включены уже существовавшие 10-й и 13-й (бывший Лиепайский латышский) полки. Последний в феврале 1919 г. прибыл с Восточного фронта в составе всего 346 чел. В дивизию влились также части Особой интернациональной дивизии: четыре немногочисленных полка, батальон связи, инженерный батальон и гаубичная батарея, — всего около 3700 красноармейцев⁶.

Всем этим частям требовалось пополнение, а оставшиеся полки, артиллерийские дивизионы и кавалерию предстояло еще сформировать. Организация 15-го и 16-го стрелковых полков была начата еще в январе—феврале 1919 г. В состав первого из них включили бывших партизан Латгалии. В 16-й стрелковый полк уже в начальной стадии его организации был влит 1-й Курземский полк революционной охраны, а также группа командиров и красноармейцев, выделенная из 5-го латышского стрелкового полка, находившегося при Вацетисе в Серпухове. 18-й стрелковый полк формировался в марте 1919 г. Весной был сформирован в Риге 11-й стрелковый полк. 2-й стрелковой дивизией Советской Латвии сначала командовал М.Ф. Окулов, а с марта 1919 г. — Г.П. Андреев.

На учебу и боевое слаживание вновь сформированным частям досталось очень мало времени, ибо фронтовые условия не позволяли долго задерживаться даже в неглубоком тылу. Чтобы обеспечить вновь формируемые полки кадрами военных

специалистов, в феврале 1919 г. на службу в ряды армии Советской Латвии были призваны ранее служившие артиллеристы, пулеметчики, телефонисты, врачи, бывшие офицеры.

На территории Латвии за годы Первой мировой войны скопились большие запасы оружия и боеприпасов. Военный комиссар Советской Латвии в одном из своих первых распоряжений указал военным отделам местных советов собрать, взять на учет все военные материалы, представив сведения о них в военный комиссариат. Позже эти материалы будут использованы для пополнения вооружения частей армии. Использованы они будут частично, ибо большая часть собранного вооружения требовала ремонта. Остальное вооружение армия Советской Латвии получала главным образом из РСФСР. С винтовками дело в целом обстояло благополучно, а вот пулеметов не хватало. Особенно запасных частей к ним. Артиллерийские дивизионы, особенно тяжелые, 2-й стрелковой дивизии испытывали недостаток орудий. Созданные артиллерийские мастерские не успевали справляться с ремонтом орудий.

Проблем было много. Части армии Советской Латвии ощущали острый недостаток в средствах связи. По данным инспекции армии, в девяти действующих полках насчитывалось всего 250 телефонных аппаратов. В этом деле даже Главком Вацетис не мог оказать своим землякам и подчиненным существенной помощи. О радиосвязи, применявшейся в германских частях в Прибалтике, не приходилось и говорить — она почти полностью отсутствовала. Для поддержания связи между частями в армии широко использовались команды полковых конных разведчиков. Мотоциклов было немного, и они использовались при наличии горючего. Значительно лучше обстояло дело в частях с военно-инженерным имуществом (лопаты, кирки-мотыги и т.п.).

Предметом беспокойства И.И. Вацетиса и РВС армии Советской Латвии было обеспечение личного состава частей

и подразделений обмундированием и снаряжением. Была сильная потребность в замене поношенного обмундирования старых стрелков, в то же время оно требовалось для вновь формируемых частей. Особенно ощущался недостаток обуви, белья, шинелей.

Хуже всего дело обстояло с продовольствием, — эта проблема была жгучей не только в армии, но и по всей Латвии. Немецкие оккупанты во время отступления пытались вывезти и даже уничтожить запасы продовольствия. После освобождения республики от немцев хлеба и других продовольственных товаров не хватало не только в крупных городах (Рига, Даугавпилс, Резекне), но и в сельской местности и, в первую очередь там, где в годы войны проходила линия фронта. Принимая во внимание тяжелое продовольственное положение в республике, Реввоенсовет армии Советской Латвии постановил снизить суточную норму хлеба с 2 до 1,5 фунта. Это было явно недостаточно для поддержания физического здоровья бойцов и командиров, их способности к преодолению тягот походно-боевой жизни и выполнению боевых задач. В конечном счете это сказывалось на состоянии боеспособности армии.

Одним из вопросов, который очень волновал И.И. Вацетиса, был кадровый вопрос. Еще в конце 1918 г. и в начале 1919 г. он всемерно способствовал направлению в Латвию опытных военных специалистов, в первую очередь тех, кто знал местные условия. Бывшим офицерам, уроженцам Латвии, служившим в Красной Армии, предлагалось добровольно отправиться туда и принять участие в освобождении родного края от гнета капиталистов. Подобное предложение поступило и курсантам 1-х Московских курсов командного состава. Многие из них горячо откликнулись на это предложение и вскоре пополнили ряды командного состава частей и подразделений армии Советской Латвии. Кроме того, ряды военных специалистов пополнились после того, как военный комиссариат Советской Латвии мобилизовал бывших офицеров. В числе последних был генерал

царской армии А.А. Мартусевич. В конце марта он был назначен начальником артиллерии 1-й стрелковой дивизии, а спустя непродолжительное время — ее начальником.

Мобилизованные офицеры служили по-разному. Часть из них добросовестно выполняла порученную работу, другая часть оставалась инертной массой, так и не став решительными и распорядительными командирами, которым бы стрелки доверяли. Более того, в трудные минуты боевой обстановки были и случаи дезертирства со стороны бывших офицеров и даже их перехода на сторону противника.

Для восполнения потерь командного состава в феврале 1919 г. в Риге, в здании Николаевской гимназии, были организованы курсы инструкторов, которые во второй половине марта преобразованы в Военную школу армии Советской Латвии. Иоаким Иоакимович Вацетис принял самое активное участие в ее организации. Школа имела пехотно-пулеметное, кавалерийское, артиллерийское и инженерно-техническое отделения. Чтобы быть зачисленным в состав курсантов школы, нужно было предъявить рекомендацию партийной организации и иметь среднее образование. Регулярные занятия в ней начались во второй половине апреля. В середине мая 1919 г. в школе обучалось 188 курсантов. Однако необходимое для армии количество командиров она не успела подготовить. Помимо военной школы в Риге, полки армии Советской Латвии направляли своих лучших стрелков на курсы красных командиров в Москву. Но утолить до конца кадровый голод так и не удалось.

И еще одна проблема волновала командование армии Советской Латвии и лично И.И. Вацетиса. Дело в том, что в связи с пополнением воинских частей недостаточно подготовленными добровольцами и мобилизованными дисциплина в ней стала снижаться. 25 февраля 1919 г. на совещании РВС армии Советской Латвии, на котором присутствовали Главком Вацетис, член Реввоенсовета Республики С.И. Аралов. При

рассмотрении вопросов о формировании и снабжении армии, возник разговор о необходимости издать временный устав — инструкцию о революционной дисциплине в армии. Вскоре было разработано «Положение о революционной дисциплине, порядке и боеспособности в Армии Советской Латвии», отдельные положения которого отредактировал И.И. Вацетис. В этом документе разъяснялся порядок отдачи и выполнения приказов, приказаний, распоряжений. Опубликовано данное Положение было в середине марта 1919 г.

В полках армии Советской Латвии и в начале 1919 г. продолжали существовать, хотя в значительно меньшей мере, некоторые особенности их внутренней жизни. Вопрос об отношении к этим особенностям, свойственным структуре и внутреннему порядку в латышских стрелковых частях, обсуждался на 3-й конференции социал-демократических организаций латышских полков в феврале 1919 г. Накануне конференции армейская газета «Сарканайс стрелникс» («Красный стрелок») опубликовала ряд статей, посвященных вопросу о внутреннем устройстве армии, — центральному вопросу конференции. Возникла дискуссия. Как участники дискуссии, так и делегаты конференции стремились к одному — к утверждению стабильной и жизнеспособной структуре армии Советской Латвии, однако собирались осуществить это разными путями.

Например, военный комиссар Советской Латвии К.А. Петерсон и инспектор армии Р.И. Берзинь, выступая на конференции, ратовали за необходимость дальнейшего укрепления роли Реввоенсовета армии, как ее высшего органа. Они же говорили о преимуществах внутреннего устройства, введенного в частях и соединениях Красной Армии РСФСР, где выборные комитеты уже утратили свое значение. Но так как латышские стрелки привыкли к комитетам, осуществлявшим связь коммунистических фракций полков с беспартийными массами стрелков, выступавшие предлагали сохранить их

в качестве органов хозяйственного контроля. Представитель Исколастрела Т. Зекке утверждал, что и в новых условиях полковые комитеты будут играть важную роль в сплочении воинских коллективов, дисциплинировании красноармейцев, повышении их боеспособности. Отсюда и предложение — наделить полковые комитеты функциями административного и хозяйственного контроля.

Помимо этих двух проектов, несколько отличавшихся друг от друга, но однозначно требовавших сужения сферы деятельности комитетов, был предложен и третий вариант. Он предусматривал в качестве высшего органа армии специальный Совет, а Исколастрелу предлагалось заниматься организацией оперативной, административной, юридической и хозяйственной деятельности с правом назначения командного состава, начиная с командира батальона. Этот проект был отвергнут сразу, а за основу был принят второй проект.

Проблема структуры армии Советской Латвии была рассмотрена также на 4-м съезде Компартии Латвии (КПЛ) в начале марта 1919 г. По данному вопросу выступили два докладчика — К.Х. Данишевский и Р. Баузе. Первый из них изложил позицию ЦК Компартии Латвии о необходимости максимального приближения структуры латышских полков к структуре остальных частей Красной Армии. Второй же (Р. Баузе) ратовал за сохранение комитетов и их влияния в армии Советской Латвии. При голосовании эти проекты набрали примерно одинаковое число голосов. В принятых 4-м съездом КПЛ решениях предусматривалось ограничение прав комитетов и Исколастрела и сохранение за ними функций хозяйственного и административного контроля.

Весь январь и февраль 1919 г. И.И. Вацетис пробыл в Латвии. Начало года было многообещающим, и уже казалось, что еще немного пройдет времени и оккупанты вместе с белогвардейцами будут окончательно изгнаны с территории Латвии. Но уже в первой половине января 1919 г. резко усилилась

угроза с севера. Эстонским правителям при помощи стран Антанты, главным образом Англии, при поддержке Финляндии удалось к этому времени добиться перелома в военных действиях под Таллином. Оттесняя советские части правого боевого участка 7-й армии в Северной Эстонии, белоэстонские войска начали наступление в южном направлении, создав угрозу Советской Латвии. Поэтому в армии Советской Латвии пришлось срочно создавать четвертую группу войск — Валкскую. В ее состав вошли как дислоцированные в районе Риги части 2-й бригады 1-й стрелковой дивизии, так и прибывшие сюда полки ее 3-й бригады (командир бригады — Е. Штейн, комиссар — Я. Бейка).

Между тем в западной части республики успех сопутствовал частям армии Советской Латвии. Вечером 20 января 2-й стрелковый полк достиг Салдуса, уже оставленного белогвардейцами. Стрелков сердечно встречали местные жители. 22 января 2-й полк овладел Скрундой. Потеря Скрунды так подействовала на неприятеля, что он поспешил оставить и Кулдигу. Таким образом, благодаря решительным действиям 2-го полка (командир — К. Пелитис), противник потерял выгодную для обороны линию вдоль реки Вента. В его руках пока еще оставались Вентспилс и Мажекяй. Лиепайское направление для противника продолжало оставаться опасным.

Успехи, достигнутые 2-м стрелковым полком во второй половине января, способствовали продвижению весьма малочисленного 10-го стрелкового полка, ведущего бои с немецкой «железной бригадой». 24 января этот полк освободил Эзере, а затем, перейдя р. Венту, овладел имением Нигранда и Мажекяй.

Вацетис мог быть доволен: в территориальном отношении в конце января армия Советской Латвии добилась больших успехов — у противника оставался только небольшой район на юго-западе вокруг Лиепайи и Айзпуте. Настроение латышских стрелков было боевое. Однако уже тогда наметился спад наступательных действий в Курземе. Недостаточно энергично

действовало командование 1-й бригады 1-й стрелковой дивизии. Например, слабое знание обстановки привело к тому, что командир бригады П. Дудынь (Дудин) 29 января, отдав распоряжение начать наступление на Лиепаяу, вскоре отменил его, ссылаясь на подход к противнику значительного подкрепления. Налицо была слабость связи между отдельными частями и отрядами.

Противник между тем активизировал свои действия. Он принудил стрелков 10-го полка оставить левый берег Венты, а на участке 2-го полка после боя 29 января занял Скрунду. На ход военных действий в западных районах Латвии сильно повлияло тяжелое положение армии Советской Латвии, создавшееся на севере. Вацетису и его штабу было ясно, что если противник прорвет фронт, то в критической ситуации окажутся части 1-й бригады 1-й дивизии. Так оно и получилось — вскоре латышским стрелкам в упорных боях пришлось защищать территорию, недавно занятую ими.

С 16 января 1919 г. руководство действиями советских войск в южной Эстонии и в районе Валки было передано командованию армии Советской Латвии. В его подчинение были переданы части 2-й Новгородской стрелковой дивизии 7-й армии (начдив — М.Н. Васильев, комиссар — Я.Ф. Фабрициус) и полки 10-й стрелковой дивизии (начдив А.К. Ремезов, комиссар — А.Д. Авдеев). В этот район были направлены части 2-й и 3-й бригад 1-й стрелковой дивизии армии Советской Армии. Серьезной ошибкой Главного командования Красной Армии, в том числе и Главкома И.И. Вацетиса, следует считать то, что они, стремясь возможно быстрее восстановить положение в Эстонии, отдали распоряжение армии Советской Латвии сосредоточить ее войска в районах Печор, Выру, Валки и перейти в наступление в направлениях: Тарту — Тапа, Вильянди — Таллин, Руиена — Пярну — Хаапсалу, чтобы ударами с фланга и в тыл противника облегчить переход в наступление 7-й армии в Эстонии⁷.

Однако это задание было явно не под силу армии Советской Латвии. К тому же обстановка на других фронтах не давала возможности усилить части 7-й армии в районе Нарвы.

Худшие опасения подтвердились — противник усилил давление в районе Валки, и 23 января образовался прорыв между частями армии Советской Латвии, действовавшими в направлении Тарту и Вильянди. Вацетису, П.Я. Авену и П.М. Майгуру пришлось принимать срочные меры по защите Валки, Пскова и железнодорожной линии Псков — Валка. С этой целью 24 января Валкская группа была разделена на две новые — Печорскую и Валмиерскую. Первая, в которую вошла 2-я Новгородская дивизия, должна была прикрывать подступы к Пскову с севера и со стороны Тарту, а также защищать направление Выру — Пыталово. Валмиерская группа в составе латышских стрелковых полков и других частей, действовавших к югу от Пярну, имела задачей оборону подступов к Валке со стороны Тарту и Пярну — Руиена, а в случае неудачи — прочно удерживать подступы к Валмиере и Алуксне.

Чтобы перехватить инициативу в свои руки и улучшить собственное положение, руководство Валмиерской группы решило 25 января перейти в наступление на Вильянди. Однако ввиду недостаточной подготовки это наступление оказалось неудачным. Противник предпринял контр наступление, и вечером 26 января бои шли уже недалеко от Валки. При этом противник активно использовал бронепоезда. Неустойчивыми оказались некоторые полки 10-й стрелковой дивизии.

Захватив железную дорогу в районе Печор, противник создал угрозу Пскову. При этом на правом фланге оказались отрезанными от основных сил 6-й и 8-й стрелковые полки армии Советской Латвии. Оттесненные в сторону Пскова, эти полки продолжали сражаться совместно с частями Печорской группы. На левом фланге упорно отбивал атаки неприятеля 9-й стрелковый полк под командованием энергичного В. Рун-

дала. Стрелки полка нередко переходили в штыковые контратаки. В одной из таких атак В. Рундал был ранен, однако он остался в строю, отказавшись эвакуироваться в госпиталь.

В этих боях образцы героизма и мужества показали стрелки 7-го полка, прибывшего в разгар боев на подступах к Валке. Получившие хорошую закалку на Восточном фронте, батальоны полка с ходу вступили в бой. Вот что об этом говорится в приказе Реввоенсовета Республики № 339 от 7 декабря 1919 г. о награждении 7-го полка армии Советской Латвии Почетным Революционным Знаменем:

«...В боях под г. Валком с 21 по 31 января 1919 года 3 батальон 7 стрелкового полка Советской Латвии общей численностью в 180 штыков при 6 пулеметах был направлен из г. Валка в мызу Теплиц для того, чтобы задержать отступление части, восстановить общее положение и не дать противнику продвигаться далее реки Эмбах, что до некоторой степени ему удалось. Имея перед собою качественно и количественно сильнейшего противника, который под прикрытием броневого поезда и артиллерийского огня упорно наступал, батальон, потеряв более половины наличного состава, упорно оборонялся и, получив подкрепление (3 роту 7 стрелкового полка Советской Латвии), вновь перешел в наступление. В ночном штыковом бою 30 января он, захватив мызу Луде-гросгоф, удерживал ее в течение целых суток, несмотря на неоднократные атаки и сильный артиллерийский и пулеметный огонь противника»⁸.

Противник наращивал силу своих ударов. Оттеснив Печорскую группу, он готовился окружить г. Валки. Вечером 31 января его защитники начали отходить из города, предварительно вывезя оттуда запасы продовольствия и увозя подвижный железнодорожный состав. Валмиерская группа отошла на новые позиции вдоль берега реки Седа. В первых числах февраля отступила и Печорская группа, сдав 1 февраля Выру, а 4 февраля — Печоры.

К середине февраля 1919 г. относится образование Западного фронта. К его образованию много сил приложил Главком И.И. Вацетис. Сделано это было с целью объединения действий советских войск на западном и северо-западном стратегических направлениях. В состав фронта были включены 7-я армия, армия Советской Латвии, Западная армия, Эстляндская армия. С войсками фронта взаимодействовали корабли Балтийского флота. Командующим войсками фронта был назначен бывший генерал-лейтенант старой армии Д.Н. Надежный, начальником штаба — бывший капитан старой армии Н.Н. Доможиров, работавший на аналогичной должности на Северном фронте.

Для оказания помощи частям армии Советской Латвии, задействованным в боях против белоэстонской армии, из района Пскова в направлении Выру перешли в наступление войска 7-й армии. Успех сопутствовал частям правого фланга наступавших, однако части левого фланга испытали на себе сильное давление противника. Особенно тяжело пришлось 49-му полку 6-й стрелковой дивизии. Он был не в состоянии оказать врагу надлежащее сопротивление, ибо не было резервов. В такой ситуации 21 февраля защитники г. Алуksне были вынуждены оставить его.

В феврале военные действия обострились также в Курземе. Немецкий генерал Р. Гольц, получив большое подкрепление в виде 1-й гвардейской резервной дивизии, усилил давление на части армии Советской Латвии. В составе сил фон дер Гольца действовал и батальон латышских белогвардейцев. Сковав силы латышских стрелков на позициях, противник в ночь с 12 на 13 февраля захватил Кулдигу. Заняв город, захватчики учинили жестокую расправу, расстреляв множество трудящихся Кулдиги и ее окрестностей.

Ободренный первым успехом, генерал Гольц приступил к разработке плана общего наступления на Курземе и северную Литву. Один из первых ударов пришелся по 3-му полку

армии Советской Латвии под Мажекяй, который под умелым командованием К. Стуцки мужественно сражался, неоднократно контратакуя противника. Левее 3-го полка не столь успешно боролись части Особой интернациональной дивизии, полки которой под давлением противника оставили ранее занимаемые позиции. Надо отметить, что противник интенсивно использовал артиллерию. С целью укрепления правого фланга советских войск в Курземе из трудящихся окрестностей Вентспилса и Талсы был срочно сформирован 1-й Курземский полк революционной охраны, командиром которого стал бывший офицер Ф. Янкевиц. Большинство добровольцев до этого не служили в армии, поэтому их обучением пришлось заниматься непосредственно в боевой обстановке. Но удержать Вентспилс не удалось, и 24 февраля противник занял его.

Заняв Кулдигу и Вентспилс, немецкий 6-й корпус значительно укрепил свои позиции и стал готовиться к дальнейшему наступлению. Фронт в Курземе вытянулся вдоль реки Вента. Главкому Вацетису, командованию армии Советской Латвии пришлось самым серьезным образом позаботиться об укреплении своих частей на западе республики. Наряду с пополнением рядов сражающихся полков пришлось принимать срочные меры по сокращению сроков формирования 2-й стрелковой дивизии армии Советской Латвии, чтобы ее частями укрепить наиболее слабые участки фронта.

В последнюю неделю февраля 1919 г. армия Советской Латвии получила задание поддержать наступление Псковской группы 7-й армии. Это наряду с прочным удержанием линии Тукумс — Паневежис — Шяуляй и прежней задачей продвижения к Лиенае. В северной Видземе планировалось восстановить положение в районе Алуксне. И действительно, действиями особой группы в составе 1-го кавалерийского полка, 13-го и 15-го стрелковых полков под командованием Я. Кришьяниса 28 февраля город был освобожден. 1 марта исполнявший обязанности командира 2-й бригады 2-й стрел-

ковой дивизии Ф.Лабренцис и комиссар А. Шнука телеграфировали руководству армии Советской Латвии:

«Мы с боем заняли Алуксне, противник в панике отступил, наши части успешно продвигаются вперед»⁹.

Тогда же, 1 марта, командование армии Советской Латвии отдало распоряжение 1-й бригаде 1-й стрелковой дивизии, которая ожидала усиления за счет Витебского полка ВЧК. Вернуть Кулдигу и затем наступать в направлении Лиепая. Частям 2-й стрелковой дивизии в северной Литве было поручено продвигаться в направлении западнее Тельшяй.

Однако противник опередил советские войска, готовившиеся к наступлению на Лиепаяю. Рано утром 3 марта немецкий 6-й корпус сам пошел в наступление. Начались тяжелые бои в Курземе и северной Литве. Части армии Советской Латвии были вынуждены сражаться в невыгодных для них условиях. В течение 3—4 марта под сильным воздействием артиллерийского огня стрелки мужественно сражались в районе Скрунде и Мажекяй. С тяжелыми боями 2-й и 3-й стрелковые полки, неся большие потери, были вынуждены оставить линию реки Вента. Менее боеспособными оказались полки 2-й стрелковой дивизии.

Воспользовавшись тяжелым положением армии Советской Латвии в северной Литве, противник 13 марта захватил Шяуляй и стал угрожать Паневежису. Из Валмиерской группы под Елгаву срочно был переброшен 1-й кавалерийский полк. В качестве подкрепления в Латвию также срочно были направлены полки 3-й бригады 4-й стрелковой дивизии, находившейся в резерве у Главкома Вацетиса. Однако эти полки были еще слабо обученными. В несколько лучшем положении находились полки 3-й бригады 11-й дивизии, присланные из резерва Западного фронта.

В таком положении находились войска армии Советской Латвии на 10 марта, когда Вацетис окончательно передал командование ими другому лицу, а именно Петру Антоно-

вичу Славену, который до недавнего времени командовал Южным фронтом. В середине марта подвергся изменениям и состав РВС армии Советской Латвии. Его председателем правительство Латвии утвердило К.Х. Данишевского, а заместителем — К.А. Петерсона. Из прежнего состава в РВС остались П.Я. Авен, А.Э. Дауман. Членом РВС стал также Р. Баузе, назначенный начальником политического отдела армии. В сферу деятельности политотдела входило руководство политической, агитационно-пропагандистской и культурно-просветительной работой.

Несмотря на то, что И.И. Вацетис сдал обязанности командующего армией Советской Латвии, он, разумеется, живо интересовался всем, что происходило в республике и вокруг нее. И не только по должности Главкома, но и как человек, которому не безразлично то, что происходит в местах, где он родился, вырос, учился.

А происходило там следующее. После потери Тукумса и особенно Елгавы создалась реальная угроза Риге. Правительство республики обратилось к армии и всем трудящимся с призывом усилить борьбу и разгромить контрреволюционные силы. «Революционная Рига в опасности... к оружию, рабочие!» — звучало на страницах газеты «Циня». В столице Латвии началось формирование 1-го и 2-го рижских рабочих полков. Срочно создавались вооруженные отряды коммунистов, которые в конце марта отправились на фронт.

После падения Елгавы в невыгодных условиях оказались 2, 3 и 8-й стрелковые полки. Но и в этой неблагоприятной ситуации эти части стремились к тому, чтобы нанести больше урона противнику с наименьшими потерями со своей стороны. Особенно проявил себя в этих боях командир 3-го стрелкового полка К.А. Стуцка, за что и был награжден РВС Республики орденом Красного Знамени.

Бои на фронте шли с переменным успехом, но общий перевес был за противником. Полки армии Советской Лат-

вии с тяжелыми боями отходили. Во второй половине марта 1919 г. была оставлена Бауска, не удалось освободить Елгаву. Хотя случались и некоторые успехи — в начале апреля был освобожден Паневежис. Несмотря на этот и другие отдельные успехи частей армии Советской Латвии, положение в целом для нее продолжало оставаться тяжелым. Более того, возникла угроза захвата противником Риги. Подготовка к этому велась давно, усилившись со второй половины марта, когда линия фронта значительно приблизилась к столице Латвии. Необходимых резервов ни у армии Советской Латвии, ни у Западного фронта не было, — они были брошены на защиту Петрограда.

22 мая 1919 г. части противника прорвались к Риге. Рабочие отряды, военные моряки, курсанты военной школы самоотверженно сражались, отбивая атаки. Но силы были неравны, и в ночь на 23 мая защитникам Риги под натиском неприятеля пришлось отойти за реку Югла. А в самом городе белогвардейцы начали зверскую расправу с местными жителями, во время которой погибли тысячи человек.

Падение Риги было тяжелым ударом для Советской власти в Латвии и ее органов на местах. Командование армии стало разрабатывать планы возвращения города, однако успехи противника на других участках фронта не позволили осуществить этого (26 мая белогвардейцами был захвачен Псков). В этой ситуации, когда враг стремился замкнуть кольцо окружения, командованию армии Советской Латвии пришлось отказаться от намерения освободить Ригу. Комбинированное наступление контрреволюционных сил заставило армию Советской Латвии отступить с занимаемых позиций.

Отступление проходило в трудных условиях. Многие недавно мобилизованные солдаты бросали свои части. Резко усилилась антисоветская пропаганда, увеличилось число нападений на стрелков со стороны различных банд. И тем

не менее армия Советской Латвии отступала организованно. Она вывезла почти всю свою артиллерию. И хотя армия количественно сократилась, она не потеряла своей боеспособности.

В первые дни июня 1919 г. началась реорганизация армий Западного фронта, в том числе и армии Советской Латвии — она была переименована в 15-ю армию. Одновременно шел процесс реорганизации и переформирования латышских стрелковых частей. Этот процесс был тесно связан с активизацией политической работы, доукомплектованием частей, с постановкой дел по снабжению всем необходимым для жизни и боя, с другими актуальными вопросами. Все проведенные мероприятия оказали положительное воздействие на боеспособность частей и морально-политическое состояние стрелков. 1-я стрелковая дивизия получила свое прежнее название — Латышская стрелковая, а 2-я дивизия армии Советской Латвии была расформирована. Часть ее полков пополнили Латышскую дивизию, другая часть была включена в состав 4-й и 11-й дивизий 15-й армии.

Пока И.И. Вацетис был на должности Главкома Республики, для Латышской стрелковой дивизии особых проблем не возникало. Сразу же после его ареста в начале июля 1919 г. эту дивизию волевым решением из центра переименовали в 53-ю стрелковую. Была изменена и нумерация полков. Это решение вызвало недовольство среди латышских стрелков, гордившихся боевой историей своей дивизии. Начальник дивизии А. Мартусевич, комиссар К. Дозитис и начальник штаба К. Шведе в телеграмме РВС 15-й армии выразили свое несогласие и предложили вернуть старое наименование. По этому вопросу вышли даже на В.И. Ленина, председателя СНК. С большим трудом, но удалось добиться возвращения дивизии старого названия «Латышская стрелковая» с прежней нумерацией полков, т.е. от 1-го до 9-го.

Источники и литература

- ¹ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 8. Л. 18—19.
- ² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 234.
- ³ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 44. Л. 39.
- ⁴ Там же. Д. 8. Л. 71—73.
- ⁵ Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 148. Л. 128—129.
- ⁶ История латышских стрелков. С. 360—361.
- ⁷ Там же. С. 348.
- ⁸ Боевые подвиги частей Красной Армии (1918—1922 гг.). С. 24—25.
- ⁹ История латышских стрелков. С. 367.

ЗАГОВОР В ПОЛЕВОМ ШТАБЕ

При поисках «врагов и предателей революции» в годы Гражданской войны чекисты-особисты посягали даже на первых лиц в военной иерархии. Как это случилось в отношении к И.И. Вацетису — Главнокомандующему всеми вооруженными силами Республики, человеку, облеченного доверием лидера РКП(б) и председателя Совета народных комиссаров (правительства страны), а также председателя Реввоенсовета Республики, Народного комиссара по военным и морским делам Л.Д. Троцкого. Из приведенных выше материалов видно, как много Иоаким Иоакимович Вацетис, латыш по национальности, полковник старой армии, организатор и первый начальник Латышской стрелковой дивизии, сделал в дни революции и Гражданской войны для укрепления Советской власти и строительства молодой Красной Армии, для организации ее первых побед на фронтах войны. Однако и этот человек, бескорыстно служивший революции, оказался под подозрением бдительных органов «карающего меча».

Весной и летом 1919 г. И.И. Вацетис почувствовал, что вокруг него разворачивается какая-то непонятная закулисная

возня. Напрямую ему об этом никто не говорил, но по некоторым косвенным признакам Иоаким Иоакимович понял, что прежнего доверия к нему со стороны властных партийных и советских органов уже нет. Он продолжал исполнять обязанности Главкома, однако былой душевной комфортности не было, его оптимизма заметно поубавилось. К тому же начальником Полевого штаба РВСР в двадцатых числах июня 1919 г. был назначен старый недруг Вацетиса — М.Д. Бонч-Бруевич, что не предвещало спокойной жизни.

Обратимся к воспоминаниям генерал-лейтенанта в отставке М.Д. Бонч-Бруевича (родного брата В.Д. Бонч-Бруевича — управделами Совнаркома, доверенного лица В.И. Ленина. — *Н.Ч.*). «16 июня 1919 года ко мне на квартиру неожиданно приехал секретарь Склянского (заместителя Л.Д. Троцкого. — *Н.Ч.*) и потребовал, чтобы я вместе с ним немедленно отправился к народному комиссару (Л.Д. Троцкому. — *Н.Ч.*).

Явившись, как было приказано, я узнал от Склянского, что Центральный Комитет большевиков выдвинул меня на должность начальника Полевого штаба, почему я должен выехать в Серпухов и незамедлительно вступить в должность.

Назначение это явилось для меня полной неожиданностью. Уразуметь, чем это вызвано, я не мог. Ничего не ответил на мои недоуменные вопросы и Склянский, и единственное, чего я добился от него, было разрешение отсрочить выезд в Серпухов на сутки. Этой отсрочкой рассчитывал воспользоваться, чтобы выяснить мотивы, по которым был снова призван в армию.

Из разговоров с моим братом и другими близкими к правительству лицами, я понял, что Вацетис подозревается в чем-то нехорошем — в чем именно, никто не знал. Кое-какие предположения на этот счет были и у Склянского, но говорил он глухо и невнятно, то ли не доверяя мне, то ли ничего толком не зная.

Единственное предположение относительно себя, которое я мог сделать, сводилось к тому, что мои частые разговоры о военных делах с братом, а тем более памятки и докладные записки заинтересовали Ленина. Может быть, Владимиру Ильичу показалась заслуживающей внимания и докладная записка, в которой я настаивал на необходимости воссоздать Генеральный штаб, хотя бы и под другим названием, и предлагал давно выношенный план упорядочения высшего командования.

Позже выяснилось, что предположения мои были правильны — памятки и докладные записки навели Владимира Ильича на мысль вернуть меня в Красную Армию, и он поставил вопрос обо мне в Центральном комитете партии.

Разговаривая со Склянским, я ничего этого не знал. После попытки Склянского назначить меня председателем никому не нужной комиссии, я и к этому новому его предложению отнесся настороженно.

Смуцало меня и то, что Склянский не мог точно сказать — начальником какого штаба я назначаюсь: штаба ли главнокомандующего или Полевого штаба Реввоенсовета Республики. В первом случае я оказывался в подчинении Вацетиса; во втором — моим начальником являлся председатель Реввоенсовета Республики или его заместитель.

Идти к Вацетису в подчинение я решительно не хотел. Я не ладил с ним, ни будучи начальником штаба Ставки, ни сделавшись военным руководителем Высшего военного совета. К тому же я был значительно старше его по службе (по возрасту М.Д. Бонч-Бруевич был старше И.И. Вацетиса всего лишь на три года. — *Н.Ч.*). В то время, когда в чине полковника преподавал тактику в Академии Генерального штаба, поручик Вацетис (Бонч-Бруевич ошибается — И.И. Вацетис в то время имел чин штабс-капитана. — *Н.Ч.*) был только слушателем, и притом малоуспевающим. Позже, уже во время войны, мы соприкоснулись на Северном фронте, и разница в нашем по-

ложении оказалась еще более ощутимой: я, как начальник штаба фронта, пользовался правами командующего армией, Вацетис же командовал батальоном и в самом конце войны — одним из пехотных полков.

Мой служебный опыт настойчиво говорил мне, что на высших постах в армии во избежание неизбежных в таких случаях трений никогда не следует становиться под начало младшего, менее опытного по службе начальника.

Неясность положения, в которое я попадал в связи с новым назначением, угнетала меня, и я, рискуя оказаться бесцеремонным, попытался встретиться с Лениным. Владимир Ильич был настолько занят, что принять меня не смог. Но тут же через моего брата передал, чтобы я незамедлительно ехал в Серпухов и там вел дело независимо от Вацетиса, ибо назначен не к нему, а начальником штаба Реввоенсовета Республики.

На следующее утро я получил и подтвердившие слова Ленина предписание.

«Революционный Военный совет Республики, — с радостью прочел я, — с получением сего предлагает вам безотлагательно вступить в должность начальника Полевого штаба Революционного Военного совета Республики. Об исполнении донести».

В час дня в автомобиле Полевого штаба в сопровождении начальника связи Реввоенсовета Медведева я выехал в Серпухов и быстро добрался до него. Никого из членов Революционного Военного совета в городе я не застал. Все они разъезжали по фронтам, причем каждый (а их было более десяти человек) отдавал распоряжения и приказы, не согласовывая их с другими членами Реввоенсовета.

На следующий день с утра я отправился к Вацетису. Главнокомандующий жил в комфортабельном особняке местного фабриканта. Аляповатая роскошь, которой окружил себя в Серпухове Вацетис, не понравилась мне. Даже царскому генералу не приличествовало на войне изображать из себя

этакого изнеженного барина, а уж пролетарскому полководцу подавно... Не понравилось мне и окружение главкома: заменившие прежних адъютантов многочисленные «порученцы», такие же верткие и нагловатые, как и их предшественники; откормленные вестовые с тупыми лицами былых денщиков и чуть ли не в нитяных перчатках на огромных руках; купеческая роскошь гостиной, превращенной в приемную главкома; подозрительное обилие пустых бутылок в прихожей — словом, весь тот непривлекательный антураж, который был свойствен дореволюционному военному начальству из интендантов.

Вацетис еще спал, и это тоже не понравилось мне. Положение Республики было напряжено до крайности, многие части Южного фронта позорно бежали, даже не войдя в соприкосновение с наступавшими войсками Деникина, и уж кто-кто, а главнокомандующий мог не нежиться так поздно на роскошной кровати фабрикантши.

Прошло с полчаса, пока Вацетис встал и привел себя в порядок. Приняв меня все в той же гостиной, он с излишней готовностью предложил мне вступить в должность начальника своего штаба.

— Я назначен не к вам, а в Полевой штаб Республики, — сказал я. — Отсюда ясно, что ваш начальник штаба должен по-прежнему нести службу.

— В таком случае, я ничего не понимаю. Да, не понимаю, — повторил Вацетис и недоуменно поглядел на меня своими водянистыми глазами. — Это какая-то путаница...

Я терпеливо объяснил главкому, что никакой путаницы нет. Революционный Военный совет надо рассматривать как верховного главнокомандующего, и потому я оказываюсь в том положении, которое занимал в Могилеве, когда «верховным» был Крыленко...

— Скажите, какие директивы в отношении ведения военных операций имеет от правительства? — перешел я к наиболее интересующему меня вопросу.

— Представьте, Михаил Дмитриевич, никаких директив, — растерянно сказал Вацетис.

Мое появление в Серпухове, да еще в непонятной для него роли, застигло главкома врасплох, и он, видимо, не очень владел еще своими мыслями.

— Конечно, я не раз просил и директив, и указаний, но... Да, да, представьте себе, решительно ничего не получал в ответ, — начал жаловаться Вацетис.

Жалобы эти показались мне неискренними, и я ковано спросил:

— Стало быть, вы ведете операции по собственному усмотрению на свой страх и риск?

Вацетис начал путано объяснять, что, конечно, какие-то директивы он все-таки получает, но все это не то, чего хотелось...

Расставшись наконец с главкомом, я понял, что между ним и правительством нет должного контакта, а без него руководить обороной нельзя; что, вероятно, и сам Вацетис понимает, насколько не справляется с порученным ему делом, и продолжает командовать только по инерции, явно тяготясь этим делом...»¹

Из приведенного отрывка воспоминаний М.Д. Бонч-Бруевича видно, насколько субъективны его оценки деятельности И.И. Вацетиса. Ему не нравится буквально все: и особняк, в котором разместился Главком; и распорядок его работы; и его окружение; и, в конце концов, сам Вацетис с его «водянистыми глазами». В каждой строчке у автора мемуаров сквозит его застарелая неприязнь к Вацетису. Почему-то Бонч-Бруевич присвоил себе право оценивать деятельность Главкома («не справился с порученным ему делом»), разъяснять ему, как «малоуспевающему», функции РВСР и обязанности начальника его Полевого штаба (это Вацетису, который уже почти год входил в состав Реввоенсовета Республики и в качестве Главкома уже поработал

с двумя начальниками Полевого штаба — Н.И. Раттэлем и Ф.В. Костяевым).

Бонч-Бруевичу никак не хочется быть подчиненным у Вацетиса (как же: это его бывший слушатель в академии, к тому же «малоуспевающий»!). А посему Михаил Дмитриевич усердно доказывает, что Полевой штаб РВСР, которым он должен руководить, не подчинен Главкому. Однако здесь М.Д. Бонч-Бруевич лукавит, ибо прекрасно знал, что Полевой штаб, как рабочий орган РВСР, подчинен прежде всего Главкому как члену Реввоенсовета, и работает под его непосредственным руководством. Безусловно, профессорское самолюбие М.Д. Бонч-Бруевича было сильно ущемлено, и он сам об этом говорит, что «не следует становиться под начало младшего». К слову скажем, что М.Д. Бонч-Бруевич в должности начальника Полевого штаба РВСР не сработался и с С.С. Каменевым, сменившим Вацетиса на посту Главкома всеми вооруженными силами Республики в июле 1919 г.

Люди из органов «карающего меча» партии — ВЧК упорно подбирались к Вацетису. Получался парадокс — признанный вождь партии и революции высоко ценил и всячески выдвигал И.И. Вацетиса, а его опричники из ведомства Дзержинского при первой возможности «шили» ему дело. Например, он проходил по так называемой Приволжской шпионской организации, построенной на обвинении ответственных сотрудников частей Восточного фронта, в частности, штаба 1-й армии. Без Ивана Петровича Павлуновского, очевидно, здесь также не обошлось, хотя начальником особого отдела фронта в это время был Глеб Бокий. Дело это разрабатывалось osobистами с мая по сентябрь 1919 г.

Вот что говорилось по поводу этой «контрреволюционной организации» в информационном бюллетене Реввоенсовета Восточного фронта: «В деле замешаны ответственные сотрудники штарма 1, датский и персидский консулы, артисты и артистки частных театров и др. лица. Одним из средств шпионажа было

выманивание с помощью красивых женщин и пьянства сведений от ответственных работников Красной Армии. Некоторые обвиняемые были хорошо знакомы с бывш(им) Главкомом Вацетисом с 1914 г. Дело расследуется в самом спешном порядке»².

Наряду с другими в числе подозреваемых в деле фигурирует и командующий 5-й армией М.Н. Тухачевский, только что взявший Златоуст и Челябинск, награжденный за взятие последнего орденом Красного Знамени. А попал Михаил Николаевич в этот список из-за своего брата Николая, служившего в 1-й армии, а также из-за Н.И. Корицкого, бывшего у него в 1-й армии для поручений. Этих командиров особыты некоторое время усиленно разыскивали, хотя в целом все окончилось для них благополучно. Не без участия, видимо, М.Н. Тухачевского — восходящей звезды на небосклоне Гражданской войны.

В ведомстве Дзержинского, особенно сотрудники Особого отдела, не отличались симпатией к Главкому Республики и его помощникам. Им не нравилось, когда Вацетис вступался за арестованных бывших офицеров, обвиняемых в различных прегрешениях против Советской власти, апеллируя при этом к В.И. Ленину. Например, 18 апреля 1919 г. Главком в подробном докладе Ленину вступился за некоторых офицеров, находившихся в Красной Армии на штабных должностях и необоснованно попавших под подозрение органов ВЧК. Вацетис писал об оскорбительном недоверии к бывшим офицерам, которые дали согласие служить власти рабочих и крестьян, жаловался на несправедливое отношение к ним со стороны комиссаров:

«Скажу откровенно, что каждый комиссар, назначенный контролировать деятельность какого-нибудь отдела в штабе, имеет своим затаенным желанием поймать в контрреволюционности и предательстве какое-нибудь лицо Генштаба... Такими замашками страдали жандармы старого режима, служебное повышение которых находилось в сильной степени

в зависимости от того, сколько удастся раскрыть заговоры против самодержавного строя...»

Далее Вацетис перечислил фамилии бывших офицеров, состоявших на службе в РККА, которые были арестованы без всякой причины. Видимо, в качестве профилактики, для острастки остальных военспецов. Иоаким Иоакимович обращался к Ленину с просьбой проверить правомочность действий начальника Особого отдела ВЧК М.С. Кедрова:

«Товарищ Кедров мне известен и по весьма неудачному командованию им 6-й армией, во время которого он совершенно незаконно, не имея никаких прав на это, приказал арестовать командующего 2-й армией товарища Блохина и весь штаб 2-й армии, добавив в телеграмме, что если надо, то и расстрелять.

2-я армия Кедрову подчинена не была. За этот поступок Кедров был уволен с должности командующего 6-й армией. Этим своим незаконным и необдуманым арестом Кедров совершенно разбил управление 2-й армии, вследствие чего развалилась 2-я армия, и это было в тяжелые дни, когда чехословаки захватили Казань и грозили продвижением в центр Республики...»³

Отметим и то обстоятельство, что обстановку подозрительности, шпиономании, вредительства со стороны военспецов поддерживала часть членов Реввоенсовета Республики. В первую очередь это относится к И.В. Сталину, введенному в состав РВСР в начале октября 1918 г. Подозрительность «Кобы» явно превышала все допустимые мерки. Например, в своей записке В.И. Ленину от 4 июня 1919 г. он утверждает, что на противника работают высшие военные органы управления: «...не только Всеросглавштаб* работает на белых, но и Полевой штаб

* Всеросглавштаб ведал вопросами формирования, устройства и обучения частей и учреждений Красной Армии. Подчинялся Реввоенсовету Республики. В его ведении находились военные округа, а также военно-учебные заведения.

Реввоенсовета Республики во главе с Костяевым». Здесь же Сталин обвинил командующего Западным фронтом Д.Н. Надежного в неспособности руководить его войсками. В конце записки Сталин делает «резюме»: «Весь вопрос теперь в том, чтобы ЦеКа нашел в себе мужество сделать соответствующие выводы...»⁴

И.В. Сталин и руководитель Петрограда Г.Е. Зиновьев тогда же высказывали недовольство деятельностью Вацетиса на посту Главкома. Относительно Д.Н. Надежного эти руководители настаивали на его освобождении от должности командующего фронтом. А по большому счету, Сталин и Зиновьев потребовали созыва пленума ЦК РКП(б) «для рассмотрения вопроса о военспецах». ЦК 10 июня запросил Сталина и Зиновьева, настаивают ли они на созыве пленума 15 июня. И хотя обстановка на фронтах была сложной, тем не менее 15 июня состоялось заседание ЦК РКП(б). В его повестке одним из первых стоял вопрос о предложениях Сталина и Зиновьева.

Знакомство с материалами этого заседания показывает, что его участники отклонили большую часть требований и предложений Сталина и Зиновьева, в том числе и в отношении И.И. Вацетиса. ЦК РКП(б) решил:

— Главкома И.И. Вацетиса и командующего Западным фронтом Д.Н. Надежного оставить на занимаемых ими постах;

— начальника Полевого штаба РВСР Ф.В. Костяева переместить на другую должность⁵.

Как видим, ЦК сделал «соответствующие выводы», в частности, по Полевому штабу — Костяев был снят двадцать дней спустя. Вацетис же исполнял свои обязанности по 8 июля 1919 г., после чего был отстранен и арестован. Вот что об этом событии пишет М.Д. Бонч-Бруевич: «В начале июля я по своим личным делам выехал на один день в Москву. Не успел я приехать в столицу, как меня отыскал курьер с запиской

от Склянского. Склянский требовал, чтобы я немедленно вернулся в Серпухов. Мотивов, заставивших его отменить разрешенную мне поездку в Москву, он не приводил, да я и не стал допытываться.

Прицепив свой вагон к отдельному паровозу, я помчался в Серпухов и через полтора часа был уже в штабе, где застал всех моих сотрудников в подавленном, скорее даже, в паническом настроении.

Оказалось, что через два часа после моего отъезда в Москву Вацетис и его начальник штаба* были арестованы комиссарами, прибывшими со специальным заданием правительства**.

Допытываться, в чем дело, я не стал, полагая, что не вправе это делать; заниматься догадками и предположениями — тоже. Было не до этого; с арестом Главкома управление вооруженными силами Республики полностью сосредоточилось в моих руках»⁶.

Михаил Дмитриевич Бонч-Бруевич, как видим, чрезвычайно превозносит свою личность. Из сказанного выше можно подумать, что после ареста Вацетиса он стал Главкомом Республики, взявшись за руль управления всеми вооруженными силами страны. Однако (в очередной раз) это не соответствует истине — он только временно, в течение короткого времени, до прибытия в Серпухов нового Главкома С.С. Каменева, исполнял его обязанности. А Каменев был назначен на должность Главкома на следующий день после отстранения И.И. Вацетиса, т.е. 10 июля 1919 г. По всей видимости, М.Д. Бонч-Бруевич рассчитывал на то, что на указанную должность позовут его. Но в действительности этого не случилось...

Но вернемся к его мемуарам: «Сделавшись руководителем вооруженных сил страны, я начал проводить те мероприя-

* Бонч-Бруевич почему-то одного из командиров для поручений при Главкоме настойчиво представляет как начальника его штаба.

** Видимо, Особого отдела ВЧК.

тия, о которых ранее писал Владимиру Ильичу. От брата и по всяким другим каналам до меня доходили радостные вести о том, что Ленин полностью одобряет предложенную мною линию.

Много позже вернувшийся на свободу Вацетис рассказывал мне, что, находясь под арестом, он якобы продолжал вместе со своим начальником штаба руководить фронтами.

По непостижимому совпадению отдаваемые им распоряжения и приказы были идентичны моим, и только поэтому я, по его словам, не почувствовал параллелизма в своей работе по управлению Вооруженными силами Республики.

Я не стал возражать Вацетису, хотя тогда, как и теперь, был уверен, что он все это выдумывал, набивая себе цену и стремясь показать, что даже арест не лишил его доверия правительства»⁷.

В чем же обвиняли И.И. Вацетиса и сотрудников его аппарата, арестованных тогда же, летом 1919 г.? Необходимо отметить, что Иоаким Иоакимович, как бывший полковник старой армии, все время находился под «колпаком» — наблюдением со стороны приставленных к нему комиссаров и сотрудников Особого отдела ВЧК. Такое положение было постоянным — и когда он командовал Восточным фронтом, и когда стал Главкомом Республики. Нельзя сказать, что он не чувствовал этого контроля — то явного, открытого, то косвенного, завуалированного. Такое наблюдение значительно усиливалось в случае измены кого-либо из высшего командного состава фронтов и армий (случаи с командармами-2 Ф.Е. Махиным и А.И. Харченко, командармом-3 Б.П. Богословским, командармом-9 Н.Д. Всеволодовым), а также когда резко ухудшалось положение на фронтах. Летом 1919 г. дело дошло до того, что оперативные директивы Вацетиса стали рассматриваться под углом зрения вредительства, а его ближайшее окружение — в качестве среды, негативно на него

влияющей. Так появились «заговорщики» из состава Полевого штаба РВСР.

В качестве основных лиц этой «негативной» среды выступали: Е.И. Исаев — для поручений при Главкоме (бывший капитан); А.К. Малышев — для поручений при начальнике Полевого штаба (бывший капитан); начальник разведывательного отделения этого штаба Б.И. Кузнецов (бывший капитан); преподаватель Академии Генерального штаба Ю.И. Григорьев (бывший капитан); а также бывший начальник штаба Западного фронта (до 28 мая 1919 г.) Н.Н. Доможиров (бывший капитан) — его совсем недавно прочили на должность командующего 15-й армией. Можно сказать — заговор капитанов!.. Все названные лица были однокашниками, окончив в 1918 г. (А.К. Малышев в 1917 г.) ускоренный курс Академии Генерального штаба. Названных выше лиц подвергли основательным допросам. Все они обвинялись в подготовке заговора с целью свержения Советской власти. Допросы проводила бригада следователей, руководимая заместителем начальника Особого отдела ВЧК И.П. Павлуновским. Первым из названных выше лиц в июле был арестован Н.Н. Доможиров.

Иван Петрович Павлуновский, бывший подпоручик, член партии большевиков с 1905 г., служил в органах ВЧК менее года. Он достаточно хорошо знал И.И. Вацетиса по периоду боев с войсками корпуса польских легионеров генерала Довбор-Мусницкого. Однако хлеб и соль, которые Павлуновский делил тогда с Иоакимом Иоакимовичем, нисколько не помешали ему плести сеть для своего бывшего соратника. Показания арестованных «заговорщиков» значительно помогли ему в этом. Например, показания Е.И. Исаева.

«— На одной из встреч, — свидетельствовал Исаев, — в конце апреля или в начале мая (1919 г. — *Н.Ч.*), Малышев предложил организовать захват Тулы, Серпухова и Москвы, чтобы совершить внутренний переворот.

— Кто должен был стоять во главе заговора? — спрашивал у арестованных Павлуновский.

— По-моему, никто из нас не мог стать во главе заговора благодаря своему политическому ничтожеству, отсутствию связей, — отвечал на допросе Александр Малышев. — Единственно, кто мог возглавить движение, так это Главком Вацетис, который, по словам Исаева, пока колеблется. После продолжительных разговоров, выяснивших несостоятельность наших предположений, план был оставлен.

— Если я правильно понял, то активное воздействие на Главкома оказывал Исаев? — задал следующий вопрос Павлуновский.

— Исаев как-то, когда это было, не помню, — отвечал Борис Кузнецов, — передал, по-видимому, Вацетису, что ему угрожает петля в случае, если белые одержат верх.

— Тогда, если не ошибаюсь, — добавил Николай Доможиров, — Главком будто бы спросил Исаева: «Что же делать?» Видимо, с этого времени Исаев и начал наводить Вацетиса на то, чтобы исправить свою участь и совершить что-нибудь серьезное. Был я у начальника Полевого штаба Костяева, который страшно был ошеломлен своим увольнением и всячески бранил Главкома. Тогда тот ему сказал: «Давайте им устроим переворот» или «Надо им устроить переворот», точных слов не помню»⁸.

У сотрудников Особого отдела ВЧК, причем у руководящего его состава (пример Павлуновского), в 1919 г. было, по всей видимости, еще мало наработанного опыта в деле обвинения представителей высшего эшелона РККА. Потом, к 1937 г., такой опыт у них наберется. А тогда, в 1919 г., предпринимались всего лишь первые попытки поиска «врагов народа» среди военных специалистов — офицеров и генералов старой армии. Топорная работа следователей ВЧК видна во всем. Например, как в материалах следствия выглядит Главнокомандующий вооруженными силами Республики: он, полковник, боевой

офицер, не раз смотревший смерти в глаза, подавивший не одно восстание противников Советской власти, беспомощно озирается вокруг и умоляюще спрашивает у своего порученца, что же ему теперь делать (так в следственных документах). А порученец Исаев дает советы Главкому, как тому следует поступать далее. Какая чушь! Полный абсурд! Налицо желание унижить Вацетиса, показать его неспособным принимать ответственные решения и пешкой в руках так называемых заговорщиков. Такую, очевидно, поставили перед собой задачу сотрудники Особого отдела, расследовавшие «заговор» в Полевом штабе РВСР, в котором якобы существовала законспирированная белогвардейская организация.

Приведем некоторые данные из доклада заместителя начальника особого отдела ВЧК И.П. Павлуновского председателю СНК В.И. Ленину по делу о белогвардейской организации в Полевом штабе Реввоенсовета Республики: «Арестованная в ночь с 8 на 9 июля с.г. группа лиц Полевого штаба в составе: для поручений при Главкоме Исаев, начальника разведывательного отделения Кузнецова, для поручений при начальнике штаба Малышева и преподавателя Академии Генерального штаба Григорьева, по данным следствия, ставила перед собой следующие задачи:

а) Установление связи со штабами Деникина и Колчака.

б) Свержение Советской власти путем внутреннего переворота.

в) Захват аппарата управления армией в свои руки под видом воссоздания Генштаба...

Следствием установлено, что белогвардейская группа Полевого штаба находилась в первоначальной стадии своей организации, т.е. она только что создавалась, намечала свои задачи и планы и приступила лишь к частичной их реализации, причем была еще настолько невлиятельна, что ее нахождение в Полевом штабе не отражалось на ходе операций на фронтах.

Такое положение могло продолжаться лишь до момента установления связи со штабами Колчака и Деникина.

Очевидно, что установлением этой связи, которая, по словам Григорьева, имелась бы «недели через две», роль организации существенно изменилась бы и нахождение ее в Полевом штабе уже, безусловно, отражалось бы на развитии операций на фронтах; т возможность этого влияния предупредил арест белогвардейской организации 9 июля сего года»⁹.

Но Вацетис заговорщиком не являлся. На предварительном следствии, несмотря на все усилия следователей, доказать его принадлежность к белогвардейским организациям не удалось. Показания же Исаева, Малышева, Доможирова были весьма противоречивы и не внушали должного доверия. Поэтому в итоге Павлуновский доложил своему начальнику Феликсу Дзержинскому, что пока не удалось установить связи Главкома Вацетиса с белогвардейской организацией Полевого штаба РВСР. Казалось бы, уже этой формулировкой все обвинения Вацетиса в антисоветской деятельности должны полностью отпасть. Однако не тут-то было: по мнению Павлуновского, своими действиями, боязнью за свою судьбу в случае свержения Советской власти и победы белых (см. показания Исаева, Доможирова) Вацетис создал условия для возникновения и функционирования такой организации в Полевом штабе. Да и слово «пока», употребленное И.П. Павлуновским, означало, что следственные действия в отношении И.И. Вацетиса и его поделельников будут продолжены.

На июльском (1919 г.) пленуме ЦК РКП(б) вопрос о принадлежности Главкома Вацетиса к «заговору в Полевом штабе» не поднимался, так как следствие тогда еще продолжалось. Однако предложения о его смещении с занимаемой должности на пленуме все-таки прозвучали. И больше всего в этом преуспел его боевой товарищ по Восточному фронту, член РВСР С.И. Гусев (Я.Д. Драбкин), заявивший, что «Главкома Вацетиса необходимо заменить человеком, способным руко-

водить многочисленными фронтами и понимающим особенностями нашей войны».

На защиту Вацетиса встал председатель Реввоенсовета Республики Л.Д. Троцкий. Он, недолюбливавший Гусева, пытался защитить своего (и ленинского тоже) выдвиженца:

«Я против смены Главкома, так как товарищ Вацетис доказал свою преданность идеям революции и умело провел ряд операций против генерала Краснова и адмирала Колчака»¹⁰.

Спустя десять лет, уже будучи в эмиграции, Л.Д. Троцкий напишет о Вацетисе следующее: «...Вацетиса обвинили в сомнительных замыслах и связях, так что пришлось его сместить. Но ничего серьезного за этими обвинениями не крылось. Возможно, что на сон грядущий он почитывал биографию Наполеона и делился нескромными мыслями с двумя-тремя молодыми офицерами...»¹¹

По итогам обсуждения вопроса о Вацетисе на июльском (1919 г.) пленуме ЦК РКП(б) было решено: 1) перевести Полевой штаб РВСР из Серпухова в Москву; 2) вместо Вацетиса Главкомом назначить командующего Восточным фронтом С.С. Каменева; 3) Вацетису дать другую должность, соответствующую его опыту и знаниям; 4) обновить Реввоенсовет Республики. В обновленный состав вошли: Л.Д. Троцкий, его заместитель Э.М. Склянский, С.И. Гусев, И.Т. Смилга, А.И. Рыков, С.С. Каменев (в ранге Главкома).

После завершения работы пленума заступник Вацетиса, Лев Давидович Троцкий, выехал со своим поездом на Южный фронт, где резко обострилась обстановка в связи с наступлением войск генерала Деникина. Уже в пути председатель Реввоенсовета Республики получил телеграмму, подписанную В.И. Лениным, Ф.Э. Дзержинским, Н.Н. Крестинским и Э.М. Склянским. Ее содержание не вызвало радости у Троцкого: «Вполне избалованный в предательстве и сознавшийся Доможиров дал фактические показания о заговоре, в котором принимал участие Исаев, состоявший для поручений при Глав-

коме и живший с ним в одной квартире. Много других улик, ряд данных, избличающих Главкома в том, что он знал об этом заговоре. Пришлось подвергнуть аресту Главкома»¹².

Под арестом и следствием И.И. Вацетис пробыл чуть более трех месяцев. Как он пишет в своих воспоминаниях (запись от 13 октября 1919 г.): «Сейчас 20 часов 1 минута. Принесли ордер о моем освобождении. Итак, я просидел 97 дней». Несмотря на первоначальные заявления следствия о том, что имеется «много улик и других данных» о том, что Главком знал о готовящемся заговоре, дальнейшее расследование показало, что Вацетис все-таки не виновен в инкриминируемых ему преступлениях. И дело о нем передали во ВЦИК. Президиум ВЦИК, рассмотрев 7 октября 1919 г. дело бывшего Главкома Вацетиса, постановил: «Поведение бывшего Главкома, как оно выяснилось из данных следствия, рисует его как крайне неуравновешенного, неразборчивого в своих связях, несмотря на свое положение. С несомненностью выясняется, что около Главкома находились элементы, его компрометирующие. Но, принимая во внимание, что нет оснований подозревать бывшего Главкома в непосредственной контрреволюционной деятельности, а также принимая во внимание бесспорно крупные его заслуги в прошлом, дело прекратить и передать Вацетиса в распоряжение военного ведомства. Вместе с тем Президиум ВЦИК предлагает ВЧК установить за Вацетисом тщательный надзор»¹³.

Дело по обвинению И.И. Вацетиса было прекращено за недоказанностью его вины. Возникает вопрос — а был ли вообще заговор в Полевом штабе РВСР? Или его надо было придумать, сфабриковать, чтобы опорочить, очернить Главкома Вацетиса? Если последнее предположение верно (освобождение бывшего Главкома из-под стражи говорит за это), то резонно возникает и другой вопрос — а кому тогда это было нужно? Ведь не Ленину же, и не Троцкому! Видимо, «компетентные органы» уже в те годы предпринимали меры, чтобы показать

свою полезность делу революции, где надо и не надо размахивая карающим мечом. Можно сказать, что истоки тридцать седьмого года надо искать в революции 1917 года и последовавшей за ней Гражданской войне.

К остальным командирам, арестованным по делу о «заговоре в Полевом штабе», в ноябре 1919 г. была применена амнистия. В тридцать седьмом томе биографической хроники В.И. Ленина говорится, что 6 ноября 1919 г. на заседании Политбюро ЦК РКП(б) наряду с другими вопросами обсуждалось предложение председателя ВЧК Ф.Э. Дзержинского и заместителя начальника Особого отдела ВЧК И.П. Павлуновского о применении к арестованным по делу Полевого штаба генштабистам Н.Н. Доможирову, Ю.И. Григорьеву, Е.И. Исаеву, Б.И. Кузнецову и А.К. Малышеву амнистии, объявленной ВЦИК в связи со второй годовщиной Октябрьской революции¹⁴.

Все названные выше лица 7 ноября 1919 г. были амнистированы и направлены в распоряжение Полевого штаба РВСР, причем Е.И. Исаеву было предписано не давать ответственных назначений.

Эти освобожденные из-под стражи командиры продолжили службу в Красной Армии: Н.Н. Доможиров был назначен заведующим учебной частью Рязанских пехотных курсов, с июня 1920 г. он заведовал Курскими пехотными курсами. В 1922 г., будучи инструктором военно-учебных заведений Орловского военного округа, умер от тифа; Е.И. Исаев и Ю.И. Григорьев с декабря 1919 г. преподавали в Академии Генерального штаба РККА. Некоторые из освобожденных (А.К. Малышев, Б.И. Кузнецов) в последующие годы достигли немалых высот. Правда, первое время после освобождения все они, как и Вацетис, находились под негласным надзором органов ВЧК. На двух из них (А.К. Малышева и Б.И. Кузнецова) приведем краткие биографические справки.

Мальшев Александр Кузьмич. Комдив (1938). Русский. Член ВКП(б) с 1928 г.

Родился в октябре 1887 г. в семье фельдфебеля Можайского пехотного полка. Окончил церковно-приходскую школу и городское училище в г. Орле. Выдержал экзамен за 7 классов гимназии и в 1906 г. поступил вольноопределяющимся в 1-й Невский пехотный полк. В 1907 г. окончил учебную команду, произведен в унтер-офицеры и направлен учиться в Иркутское военное училище. Спустя год был переведен в Чугуевское военное училище. В 1910 г. окончил училище и получил назначение во 2-й Сибирский пехотный полк, дислоцированный в г. Никольск-Уссурийский. Там занимал должности: младшего офицера роты, заведующего школой подпрапорщиков, начальника команды конных разведчиков и учебной команды, командира роты. В 1913 г. поступил в Николаевскую военную академию. Участник Первой мировой войны, в ходе которой командовал ротой и батальоном. В середине 1916 г. назначен старшим адъютантом штаба 1-й Сибирской пехотной дивизии. В 1917 г. окончил военную академию. Последний чин в старой армии — капитан.

В Красной Армии с февраля 1918 г. Участник Гражданской войны, в ходе которой занимал должности: для особых поручений при штабе Порховского района, помощника начальника штаба 2-й Петроградской пехотной дивизии, начальника штаба районных частей г. Петрограда, для поручений при начальнике Полевого штаба Реввоенсовета Республики. Летом 1919 г. был арестован сотрудниками Особого отдела ВЧК. Вместе с другими бывшими офицерами-генштабистами обвинялся в подготовке заговора с целью свержения Советской власти. Следствие по этому сфабрикованному в недрах ВЧК делу продолжалось несколько месяцев. В ноябре 1919 г. был освобожден из-под стражи и направлен в распоряжение Управления военно-учебных заведений. В последующем работал заведующим учебной частью Иваново-Вознесенских

пехотных курсов, заведующим этими курсами, начальником Московской пехотной школы, командиром 1-й Московской стрелковой бригады.

После Гражданской войны на ответственных должностях в штабах и военно-учебных заведениях РККА. С июля 1921 г. — начальник штаба, а затем помощник командующего Бухарской группой войск. Из приказа Реввоенсовета Республики № 230 от 13 ноября 1922 г.: «Награждается орденом Красного Знамени начальник штаба войск Бухарской группы Малышев Александр Козьмич (так в приказе. — *Н.Ч.*) за то, что в период напряженной оперативной и организационной работы штаба войск Бухарской группы много способствовал успеху операций, неоднократно лично руководя наиболее важными из них в Западной Бухаре. Так, 20 июня 1922 г. во главе 9-х кавалерийских курсов и 17-го кавалерийского полка атаковал и разбил банды басмачей под Старой Бухарой. 11 августа, командуя конным отрядом, в бою у кишлака Джандера он лично принял участие в атаке и, увлекая за собой отряд, разбил в пять раз превосходящего его численностью противника и преследовал его до полного уничтожения». С осени 1922 г. — инспектор, с января 1923 г. — начальник управления военно-учебных заведений Приволжского военного округа. С сентября 1923 г. — помощник инспектора военно-учебных заведений Петроградского военного округа по учебно-строевой части. С сентября 1924 г. — инспектор военно-учебных заведений Ленинградского военного округа. С сентября 1926 г. — военный руководитель Ленинградского государственного университета. Спустя год (с июля 1927 г.) — начальник Среднеазиатской объединенной военной школы. В 1929 г. окончил Курсы усовершенствования высшего начальствующего состава при Военной академии имени М.В. Фрунзе. С декабря 1932 г. — заместитель начальника штаба Среднеазиатского военного округа. Без освобождения от занимаемой должности окончил оперативный факультет

Военной академии имени М.В. Фрунзе. В сентябре 1937 г. назначен начальником штаба Среднеазиатского военного округа. В апреле 1938 г. зачислен в распоряжение Управления по командно-начальствующему составу.

Награжден орденом Ленина (1937), двумя орденами Красного Знамени (1922, 1933), орденом Трудового Красного Знамени Узбекской ССР (1932).

Арестован 23 августа 1938 г. Военной коллегией Верховного суда СССР 8 февраля 1939 г. по обвинению в участии в военном заговоре приговорен к расстрелу. Приговор приведен в исполнение 19 марта 1939 г. Определением Военной коллегии от 19 марта 1957 г. реабилитирован.

Кузнецов Борис Иннокентьевич. Родился в 1889 г. Бывший капитан старой армии. После освобождения из-под стражи в 1919 г. занимал ряд должностей в военно-учебных заведениях: заведующего учебной частью Нижегородских пехотных курсов, заведующего 3-ми Казанскими пехотными курсами, начальника штаба Восточных курсов в г. Баку. С 1921 г. на штабной работе: начальник оперативного отдела штаба 11-й армии, начальник штаба этой армии, заместитель наркома по военным и морским делам Грузии, начальник штаба отдельной Кавказской армии (ОКА). С мая 1927 г. — военный атташе при полномочном представительстве СССР в Турции.

С середины 1929 г. находился на преподавательской работе в Военной академии имени М.В. Фрунзе: старший преподаватель кафедры военной истории, начальник этой кафедры (с января 1944 г.). С февраля 1946 г. — начальник кафедры истории военного искусства той же академии. Генерал-майор с 1940 г. С 1947 г. в отставке. Награжден орденами Ленина, Красного Знамени (двумя). Скончался в Москве 19 апреля 1957 г.

После освобождения И.И. Вацетис находился в распоряжении Реввоенсовета Республики в должности для особо важ-

ных поручений, а также преподавал в Академии Генерального штаба РККА. С 1921 г. — преподаватель истории военного искусства Военной академии РККА, для особо важных поручений при РВС СССР, старший руководитель по истории войн Военной академии имени М.В. Фрунзе.

Вклад И.И. Вацетиса в дело строительства армии и флота, защиты социалистического Отечества спустя несколько лет был оценен по достоинству руководством страны и военного ведомства. К 10-летию РККА большая группа активных участников Гражданской войны получила высокую государственную награду — ордена Красного Знамени. В их числе был и профессор Военной академии имени М.В. Фрунзе И.И. Вацетис. Приказом РВС по личному составу армии № 57 от 23 февраля 1928 г. объявлялось постановление Президиума ЦИК СССР о награждении орденами Красного Знамени командно-политического состава РККА за заслуги в годы Гражданской войны.

«При сем объявляется постановление Президиума ЦИК СССР от 20 февраля 1928 г.:

В ознаменование 10-летия Рабоче-Крестьянской Красной армии Центральный Исполнительный Комитет Союза ССР, отмечая заслуги в руководстве и личном участии в боевых операциях нижепоименованных военных и политических работников в тяжелые годы Гражданской войны, постановил наградить орденом «Красное Знамя» тт.:

И.С. Уншлихта,
И.И. Вацетиса,
А.И. Микояна,
С.М. Кирова,
В.И. Межлаука,
М.Л. Рухимовича,
В.И. Зофа»¹⁵.

Более полутора десятка лет И.И. Вацетис напряженно и плодотворно трудился в Военной академии имени

М.В. Фрунзе, обучая и воспитывая квалифицированные командные и штабные кадры для РККА. Многие из его воспитанников в годы Великой Отечественной войны стали прославленными полководцами. Об этом и пойдет рассказ в следующей главе.

Источники и литература

¹ *Бонч-Бруевич М.Д.* Вся власть Советам. С. 336—338.

² *Кантор Ю.* Война и мир Михаила Тухачевского. М.: Время, 2005. С. 149.

³ Цит. по кн.: *Млечин Л.* Русская армия между Троцким и Сталиным. С. 258—259.

⁴ Реввоенсовет Республики. С. 392—393.

⁵ Там же. С. 394.

⁶ *Бонч-Бруевич М.Д.* Вся власть Советам. С. 341.

⁷ Там же. С. 341—342.

⁸ *Краснов В., Дайнес В.* Неизвестный Троцкий. С. 192.

⁹ В.И. Ленин и ВЧК. Сборник документов (1917—1922 гг.). М.: Политиздат, 1987. С. 192—193.

¹⁰ *Краснов В., Дайнес В.* Неизвестный Троцкий. С. 192.

¹¹ *Троцкий Л.* Моя жизнь. С. 382.

¹² В.И. Ленин и ВЧК. С. 184.

¹³ Советская военная контрразведка. Сборник документов. Вып. 1. М., 1978. С. 99.

¹⁴ *Ленин В.И.* Биографическая хроника. Т. 7. С. 632.

¹⁵ Сборник приказов РВС СССР за 1928 г.

УЧИТЕЛЬ ПОЛКОВОДЦЕВ

Освобожденный из-под стражи и возвращенный в ряды Красной Армии, И.И. Вацетис хотел продолжить свою работу по руководству боевыми действиями на фронтах Гражданской войны. Однако прежней веры и поддержки со стороны

В.И. Ленин а и Л.Д. Троцкого у него уже не было. Боевыми действиями фронтов уже руководил его преемник С.С. Каменев, который вполне соответствовал занимаемой должности. об этом конкретно В.И. Ленин высказался в письме своей жене Н.К. Крупской (письмо от 9 июля 1919 г.): «...От замены главнокомандующего Вацетиса Каменевым (с Востфронта) я жду улучшения»¹.

Но без дела Вацетиса не оставили, определив на должность для особо важных поручений при РВСР. Поначалу Иоаким Иоакимович выполнял отдельные поручения Реввоенсовета Республики. Одним из таких поручений была подготовка доклада «Строительство вооруженных сил в огне и влияние его на стратегию», с которым Вацетис выступил 21 ноября 1919 г. на публичном заседании Военно-исторической комиссии Всеросглавштаба. В конце того же месяца И.И. Вацетис был назначен председателем комиссии по разработке вопросов, связанных с переходом в деле обороны страны к милиционной системе. Через полтора месяца Иоаким Иоакимович представил Реввоенсовету Республики доклад: «Вариант реформы вооруженной силы РСФСР с переходом к милиционной системе».

Однако разовые поручения Вацетиса удовлетворить не могли. Его деятельная натура стремилась к более активной работе, связанной с обучением и воспитанием людей. По его просьбе такое назначение состоялось: с началом 1919/1920 учебного года он стал преподавать в Академии Генерального штаба (с августа 1921 г. — Военная академия РККА). Это военно-учебное заведение (его по праву называли кузницей военных кадров) станет последним местом службы И.И. Вацетиса (до ареста в конце ноября 1937 г.). Особенностью 1919/1920 учебного года было то, что все слушатели, ранее направленные на различные фронты, отзывались в академию для продолжения учебы, срок которой устанавливался в три года.

Вацетис преподавал на кафедре истории войн, читал курс лекций по Первой мировой, а также по франко-прусской войне. Он одним из первых обратился к исследованию Гражданской войны. Высказавшись на заседании Военно-исторической комиссии за необходимость серьезного изучения еще продолжавшейся Гражданской войны, Вацетис первым подал соответствующий пример, выступив в ноябре 1919 г. с докладом на вышеназванную тему («Строительство вооруженных сил в огне...»), вызвавшим значительный интерес. Вацетис также был одним из первых исследователей, кто поставил себе задачу отразить и оценить участие и вклад латышских стрелков в установление и защиту Советской власти. В 1922—1924 гг. в двух частях был опубликован его труд «Историческое значение латышских стрелков» (на латышском языке).

Бывший Главком Республики добросовестно исполнял свои обязанности руководителя (преподавателя) в закрепленных за ним учебных группах: он читал лекции, проводил практические занятия и полевые поездки. Это делал он со слушателями основного факультета академии, но преимущественно на ВАК (Высших академических курсах), а впоследствии на КУВНАС (Курсах усовершенствования высшего начальствующего состава). Причем Иоакиму Иоакимовичу интересно было и с первыми, и со вторыми. Первым он щедро передавал свои знания, делился богатым армейским опытом, а со вторыми полемизировал, вспоминал, советовался, обсуждал. Например, в 1925 г. он с группой слушателей ВАК был на полевой поездке в Западном (Белорусском) военном округе. В ходе этой поездки они проезжали места, где еще недавно шли ожесточенные бои Гражданской войны, где некоторые из слушателей водили в атаки свои полки, бригады, дивизии.

В состав группы, которую тогда в полевой поездке возглавлял И.И. Вацетис, входили слушатели, имевшие значительный боевой опыт, отмеченные высшей степенью отличия — орденом Красного Знамени. На ВАК они прибы-

ли со следующих должностей: Кокорев Г.И. — начальника Тверской кавалерийской школы; Савченко А.Н. — начальника Полтавской пехотной школы; Журавлев Е.П. — начальника штаба 8-й Гомельской кавалерийской дивизии; Попов И.И. — командира бригады 3-й Бессарабской кавалерийской дивизии (имел два ордена Красного Знамени). В группе И.И. Вацетиса оказались и три комбрига из корпуса червонного казачества — Байло С.И., Самойлов И.Я. и Дубинский И.В.* Последний из названных лиц оставил интересные воспоминания об этой поездке, о встречах и беседах с И.И. Вацетисом.

«Летом 1925 года очередному выпуску высших академических курсов устроили полевую поездку. Руководил ею Михаил Николаевич Тухачевский. До Слуцка из Москвы добирались скорым. А там — на лошадях. Целую неделю возили нас по полям и дорогам Белоруссии.

Нашу группу из трех комбригов примаковского корпуса (червонного казачества. — *Н.Ч.*), трех — конного корпуса Котовского и еще нескольких товарищей ромбистов (лиц высшего комначсостава, носившего на петлицах знаки различия в виде ромбов. — *Н.Ч.*) возглавлял бывший Главком военный, профессор Иоаким Иоакимович Вацетис. Его, распевавшего с нами на сеновалах-ночевках «От тайги до британских морей», великого мастера солдатских анекдотов и прибауток, мы очень уважали. И не только за его простоту — ведь он был вдвое старше любого из нас...

Не прочь был наш полевой наставник посмеяться. Как водится, гостям из академии выделили самых неказистых лошадаков. Поглядывая на нас, чьи ноги чуть не касались земли, Вацетис шутил:

* Илья Владимирович Дубинский после окончания учебы на ВАК в 1925 г. был зачислен слушателем восточного факультета Военной академии имени М.В. Фрунзе.

— Мне-то что (Вацетис был небольшого роста. — *Н.Ч.*), а вот вам, господа генералы, придется попахать дороги носками сапог...

Часто в те времена приходилось еще слышать от старых военных специалистов подобное обращение и довольно все-рвез. Мы понимали, что у Вацетиса то была шутка. Ибо он тут же добавлял:

— Если это не по вкусу, то скажу — товарищи красные генералы...

Небольшого роста, коренастый и плотно сколоченный, наш профессор с чеканным лицом римского гладиатора и с всепонимающим взглядом Сократа чувствовал себя неплохо на своем низкорослом маштачке.

— Бог скуп, — заметил щупленький Савченко, комбриг (бывший. — *Н.Ч.*) якировской дивизии, бывший сельский учитель, наш товарищ по группе. — Он Наполеону и Махно тоже пожалел плоти, зато...

— Ну, ну, ну! — погрозил ему коротышкой пальцем Иоаким Иоакимович.

Ставя нам задачу, вытекающую из целей полевого учения, Вацетис внимательно выслушивал наши решения, с великим тактом корректируя каждого. Да и мы, понимая, какому большому человеку академия поручила нашу группу, старались вовсю»².

Эти строки полковник в отставке И.В. Дубинский писал в 60-х годах прошлого века, пройдя суровые испытания сталинскими тюрьмами, лагерями и ссылкой. Несмотря на все это, его память сохранила множество деталей взаимоотношений с людьми, встречавшимися на его жизненном пути, в том числе и с И.И. Вацетисом.

«Вставали мы чуть свет. Всей артелью устремлялись к речке или же к пруду. Чего-чего, а этой тепловатой на заре воды в Белоруссии сколько угодно. Скинув проворно легкую гимнастерку, простое солдатское белье, наш руководитель,

которому в ту пору перевалило уже за полста, не отставал ни в чем от своих подопечных.

Где там отставал! Иоаким Иоакимович по части выносливости, втянутости, способности часами топтать целину в часы учебных рекогносцировок и показательных атак мог заткнуть любого из нас за пояс. Вот только чем выше поднималось солнце, тем чаще следовавший в голове группы на своем маштачке наш руководитель снимал выцветшую на полевых занятиях холщовую фуражку и густо-красным стариковским платком вытирал свой аккуратно выбритый солидный затылок. Этот внушительный затылок гармонически завершал могучую голову, сидевшую на атлетических плечах.

Вместе с нашим мудрым наставником мы вспоминали героизм и легендарные подвиги молодых, не обстрелянных еще полков, их дерзкий вызов несметной тьме вражеских полчищ. И вызов всему возглавлявшему те полчища синклиту опытейших царских генералов...

Руководители иных групп, по большей части генералы старой армии, с одним, двумя ромбами в петлицах, строго соблюдая пафос дистанции, селились на ночь обособленно. А наш с четырьмя ромбами да еще с боевым орденом на груди*, все двадцать четыре часа проводил с нами.

Вот почему за те семь дней, хотя это было много лет назад, так врезался в память образ того классически идеального солдата и крупного мастера военных операций. Все мы, изучая военное прошлое народов, на всю жизнь запомнили монументальные фигуры Ганнибала, Юлия Цезаря, Александра Македонского, Фридриха Великого, Наполеона, Кутузова, Скобелева. Но те постепенно готовились к своей исторической роли, росли из года в год, шаг за шагом поднимались по

* Здесь память И.В. Дубинского дала «осечку»: орден Красного Знамени на груди И.И. Вацетиса появится через несколько лет (в начале 1928 г.).

ступеням служебной лестницы и боевой славы. А тут резкий скачок — из малоизвестных полковников на самые высокие посты военной иерархии страны, окруженной со всех сторон врагами»³.

Слушатели ВАК порой задавали И.И. Вацетису и «неудобные» вопросы. Бывший штабс-ротмистр Сергей Байло, «успевший» некоторое время послужить в войсках Петлюры командиром полка, а потому не безразличный к вопросам «самостийности» и «самоопределения наций», во время одной из походных трапез адресовал своему наставнику, как ему казалось, каверзный вопрос: «А верно ли, что буржуазная Латвия приглашала его на пост военного министра и главкома?» Ведь в ту пору среди военных кадров прошел слух, что прибалтийские республики звали к себе на этот пост советских военачальников — своих земляков: Вацетиса в Латвию, Уборевича — в Литву, а Корка — в Эстонию. Вацетис слух относительно себя косвенно подтвердил.

Обратимся к воспоминаниям И.В. Дубинского: «Иоаким Иоакимович, изучающее взглянув на котовца (С.И. Байло. — *Н.Ч.*), скользнув острым взглядом по его двум боевым орденам Красного Знамени, как обычно не торопясь, ответил:

— Тары-бары на три пары... Болтают многое. Да, я сын своего народа, латыш. Но есть латыши и латыши. Что я вам скажу? Все люди стремятся к лучшей жизни. Но одни прежде всего думают о своем богатстве, а потом уже о богатстве Латвии, а иные... Вот когда эти иные позвали меня... Это случилось спустя три месяца после разгрома Довбор-Мусницкого... При царе было много латышских полков, но в дивизии их не сводили. Боялись. А когда прозвучал настоящий голос народа, когда явились представители солдатского комитета всех десяти полков латышских стрелков, я долго не думал. Согласился стать их начдивом. А вы, товарищ комбриг, спрашиваете...

Вытерев свою алюминиевую ложку походной салфеткой и ткнув ее за голенище правого сапога, Вацетис продолжал:

— А потом вот что — я себя не переоцениваю, но в тяжелую для страны пору мне доверили пост, который в иные, тоже нелегкие времена занимали люди помудрее меня... Хотя я и беспартийный. А тут... да еще в буржуазной стране... Это после России-то... Правда, была при этом одна корысть...

— Что? Высокий оклад? — спросил Савченко.

— Вроде этого, — покосился на него профессор. — приварок в виде одной буквы «и». По-нашему моя фамилия пишется: **Ва-ци-е-ти-с...**»⁴

Военная академия РККА, с 1925 г. носившая имя М.В. Фрунзе, готовила красных офицеров командного и штабного профиля в звене полк-дивизия. Первостепенное значение в ней придавалось подготовке командира полка.

Командир полка — одна из ключевых фигур среди командного состава армии любой страны мира. Такое его значение обусловлено ролью полка, как основной тактической единицы в боевой обстановке, как важнейшего элемента в организации боевой подготовки и слаженности личного состава, в освоении и поддержании на должном уровне боевой техники и оружия, в совершенствовании мобилизационной готовности. Данное положение в полной мере относится не только к стрелковому полку, но и к артиллерийскому, авиационному, танковому, саперному, связи и др.

Иоаким Иоакимович, испытав на себе ношу командира полка в окопах Первой мировой, знал все «прелести» этой должности не понаслышке. Он постоянно напоминал слушателям академии о том, что необходимо обязательно пройти через полк, если они хотят быть авторитетными и компетентными руководителями соединений и объединений. Суждения И.И. Вацетиса порой были весьма категоричны, хотя и не бесспорны. Так, обращаясь к группе слушателей Высших академических курсов, бывший Главком Республики говорил о должности командира полка:

— Кто из вас перескочил через эту борозду, а не прошел ее с крепко зажатыми в руках чепигами, вернитесь, пока не поздно... работа командира полка — это четыре правила арифметики, без которых недоступны ни алгебра, ни геометрия, ни тригонометрия, ни бином Ньютона военного искусства. На той работе и на той практике командир постигает все, что ему потребуется позже на посту начдива, командарма и даже Главкома. Поверьте мне. Если бы это зависело от меня, я бы не давал высших постов тем, кто не имеет хотя бы трехлетней практики командования полком... только этот пост вырабатывает в командире организатора, администратора, тактика и оператора, стратега и политика, арбитра и воспитателя. Академия для офицера — это полк. Если к тому же у человека есть хорошая голова — он будет для своих подчиненных родным отцом, а то и больше... Если хотите, хороший полк — это в миниатюре вся армия. А хороший полковник — это в миниатюре Кутузов... таково мое мнение, а вы как знаете...⁵

Созвучие с мыслями и рассуждениями И.И. Вацетиса о роли и месте командира полка находим у видного советского военачальника, одного из выпускников КУВНАС 1930 г. — Маршала Советского Союза Г.К. Жукова, почти семь лет командовавшего полком. «Это была хорошая школа. Кроме богатой практики, за этот период я получил значительную теоретическую и оперативно-тактическую подготовку, участвуя на окружных маневрах, в дивизионных и корпусных учениях и военных играх...

Конечно, все это давалось нелегко, были в работе и ошибки. Но кто не ошибается? Разве тот, кто работает только по указке сверху, не проявляя в работе творческой инициативы. Вообще говоря, дело, на мой взгляд, не столько в ошибках, сколько в том, как скоро они замечаются и устраняются»⁶.

Необходимость прохождения полкового звена хорошо понимали лучшие представители советской военной школы. Например, будущий Маршал Советского Союза и начальник

Генерального штаба Вооруженных Сил СССР М.В. Захаров. Будучи в начале 30-х годов начальником оперативного отдела штаба Белорусского военного округа, он попросил командующего войсками И.П. Уборевича назначить его командиром полка. Ходатайство было удовлетворено. Кстати, М.В. Захаров был учеником И.И. Вацетиса, окончив в 1928 г. Военную академию имени М.В. Фрунзе, а в 1933 г. (дополнительно) ее оперативный факультет.

«Захаров понимал, что нельзя стать полноценным командиром, не пройдя основных ступеней строевой службы, и решил попроситься на должность командира полка...

...Этот шаг означал известное понижение в должности в сравнении с той, которую Захаров занимал в штабе округа, но он пошел на это, заботясь лишь об одном — познать все премудрости военной службы.

— Прошу назначить меня на полк, товарищ командарм, — обратился он к Уборевичу, подавая рапорт.

Уборевич с доброй улыбкой пожал ему руку:

— Правильно делаете, так и нужно постигать службу...»⁷

Вацетис неоднократно подчеркивал, что командиры полков бывают разные. Одному главным представляется все, что составляет материальное — казармы, склады, хранилища для техники, конюшни, стрельбища, полигоны, танкодромы. Все это у него стоит на первом плане, этому он отдает свое основное время. У другого же в центре внимания люди, солдаты и командиры, их подготовка. Быт и снабжение всем необходимым для жизни и боя. Хотя при этом они и первую составляющую не выпускают из поля зрения. По мнению И.И. Вацетиса, именно из последней категории командиров прежде всего и вырастают настоящие полководцы, творцы побед малой кровью.

— Что такое командир полка? — риторически начинал бывший Главком Республики разговор со слушателями, вспоминая при этом свою офицерскую юность. — Это в воображении

любого молодого офицера недосыгаемая вовек вершина. Это Килиманджаро мечтаний каждого свежее испеченного подпоручика или краскома. Хотя и говорится, плох тот солдат, который не стремится стать генералом. Стремятся все до единого, а достигают Килиманджаро единицы...

Иоаким Иоакимович, работая со слушателями, неоднократно говорил им о высокой роли командира полка в армии, о требованиях к его личности и авторитету. Он напоминал молодым командирам Красной Армии изречение известного русского генерала М.И. Драгомирова: «Полковой командир — большой человек: он правит, а не везет; но правит по всем частям... Он глава полковой семьи и первый радатель о поддержании в ней доброго товарищества, любви к своему делу, уважения к воинскому званию... Он отмеривает каждому по заслугам... Его слово — закон в части, и поэтому никогда не сваливает вину на подчиненных, а берет ее на себя, помня, что во всем хорошем, как и в дурном, он и голова, и ответчик в полку... Он определительно ставит цели... и настойчиво требует их достижения. Смотрит, чтобы все делалось хорошо и в свое время... Если требует чего-нибудь нового, должен сам показать, как делать»⁸.

Сложны и многообразны обязанности командира полка. Чтобы успешно справляться с большим объемом стоящих перед ним задач, командир полка должен обладать целым рядом качеств, необходимых ему как в боевой обстановке, так и в мирное время. Профессор И.И. Вацетис, сам пройдя суровую полковую школу, с полным правом мог давать молодым командирам советы и рекомендации. Говоря о качествах, предъявляемых к командиру полка, он прежде всего выделял военно-профессиональные качества, которые в совокупности представляли сплав знаний, навыков и умений, т.е. то, что оценивается как уровень профессиональной подготовки.

В качестве основного показателя такой подготовки Вацетис выделял уровень оперативно-тактических знаний

у командира полка. Его высокая профессиональная подготовка позволяла ему обеспечивать поддержание высокой боевой готовности части, постоянно повышать качество боевой подготовки подразделений, проводить занятия по боевой подготовке с максимальным качеством и охватом личного состава, совершенствовать тактическую, огневую и все виды специальной подготовки, поддерживать боевое напряжение и вести боевые действия в любых условиях обстановки, развивать творчество и инициативу командно-политического состава полка.

Бывший Главком Республики подчеркивал, что командир полка — организатор боя и боевой подготовки подчиненных подразделений — должен обладать не только глубокими оперативно-тактическими, но и в достаточном объеме техническими знаниями. Он должен знать боевые возможности технических средств, основные правила их эксплуатации и боевого применения. К числу важных военно-профессиональных качеств полкового командира Вацетис относил его организаторские способности — умение организовать и провести любое мероприятие в минимальные сроки, с высокой степенью эффективности, при минимальных затратах людских ресурсов и материальных средств. Разъясняя данное положение слушателям академии, Вацетис посчитал к месту при вести выражение В.И. Ленина.

«Может ли сила сотни превышать силу тысячи? — задавал тот вопрос и отвечал на него: — Может и превышает, когда сотня организована. Организация удесятеряет силы»⁹.

Вацетис напоминал, что характеризуют организаторские способности любого воинского начальника, а тем более командира полка прежде всего его инициативность, умение выдвигать идеи, предложения, проявлять настойчивость и предприимчивость при выполнении служебного долга. Помимо этого, сюда относятся способность активизировать, спланировать, мобилизовывать подчиненных эмоционально-речевым

воздействием, волевым обсуждением, личным примером, способностью пойти на разумный риск. Пассивный офицер, подчеркивал Иоаким Иоакимович, не может быть хорошим организатором.

Хороший организатор, особо подчеркивал И.И. Вацетис, должен быть неплохим педагогом, т.е. обладать определенными педагогическими знаниями, навыками и умениями, знать основы психологии личности и воинского коллектива, уметь разбираться в людях, определять их возможности — на что способен тот или иной подчиненный, на каком участке деятельности он проявит себя наилучшим образом.

Повседневная деятельность командира полка в основном носит практический характер и связана она с осуществлением конкретных задач. Поэтому одним из командирских качеств у него должна быть практичность. Это качество, разъяснял И.И. Вацетис, надо понимать как умение командира ставить перед собой и подразделениями полка реальные цели и задачи, находить пути их достижения на основе использования имеющихся сил и средств, а также сложившейся обстановки. Другими словами, практичность есть тактическая сметка — способность командира наилучшим образом применить на практике имеющиеся у него знания, опыт и умения.

По своему личному опыту И.И. Вацетис знал, что важными организаторскими качествами, которыми должен обладать командир полка, являются творчество, предвидение, интуиция и военная хитрость. Иоаким Иоакимович, исходя также из собственного опыта командования полком и дивизией, отмечал особую необходимость этих качеств при принятии решения на бой. По его мнению, обладать способностью предвидения — значит уметь всесторонне анализировать обстановку, понимать смысл происходящего, улавливать тенденцию развития событий и предугадывать результат. Предвидение и творчество тесно связаны между собой в управленческой деятельности командира, особенно при оценке противника.

В условиях, когда командиру полка приходится принимать решение на бой, не имея достаточных данных о противнике, предвидение помогает ликвидировать или определенным образом заменить эту нехватку данных и позволяет творчески разработать замысел боя и другие элементы решения.

На войне без военной хитрости никак не обойтись. Проявить военную хитрость — значит тем или иным способом ввести противника в заблуждение с целью воспользоваться этим для достижения собственного успеха. Вацетис приводил исторические примеры, когда выдающиеся полководцы прошлого применяли военную хитрость для достижения победы над противником, имевшим равные или даже превосходящие силы. Например, для введения противника в заблуждение в прошлых войнах широко использовалось нанесение внезапного удара там, где тот его не ожидал; завлечение в западню, огневой мешок; прорыв в глубину обороны с последующим ударом во фланг и тыл и другие способы.

Педагог и ученый, И.И. Вацетис, читая лекции слушателям академии и проводя с ними практические занятия, неоднократно подчеркивал, что кроме военно-профессиональных качеств, не менее важное значение для любого руководителя, а для командира полка и дивизии в особенности имеют его личностные качества. Самый лучший вариант получается тогда, когда должностной авторитет дополняется, подкрепляется авторитетом личности командира (начальника). В боевой обстановке и в мирное время командир полка действует в исключительно сложной и напряженной обстановке. Это требует от него затраты больших физических и моральных сил, психологических усилий и даже самопожертвования для достижения победы. Положение командира в части — это положение лидера в коллективе, а лидерство невозможно без прочного авторитета, без высоких волевых качеств: самообладания, выдержки, смелости, мужества. Волевые качества составляют основу личностных качеств командира. В бою

волевой командир одерживает победу не только над противником, но и над собственными чувствами, разумно управляя ими, верно оценивая сложившуюся обстановку, проявляя готовность пойти на оправданный риск.

Со слушателями основного курса, командирами в основном молодыми по возрасту и невысокой военной подготовкой до учебы в академии, И.И. Вацетис щедро делился и своим опытом учебы, своими достижениями и сомнениями, способами и методами добывания военных знаний. Но для того, чтобы добиться чего-то, особо подчеркивал он, надо перед собой поставить определенную цель и планомерно, настойчиво добиваться ее достижения. Вспоминая о своей учебе в Академии Генерального штаба, Иоаким Иоакимович говорил: «В частности, я поставил себе целью дать себе ясный отчет в старом и до сих пор (до конца) неразрешенном еще вопросе о том, что существует — военная наука или военное искусство. До сих пор очень многие утверждают, что есть военная наука, другие же говорят, что есть лишь военное искусство. Мой пытливый ум настойчиво искал ответа на этот вопрос. Должен откровенно сознаться, что мои изыскания во время нахождения в академии не дали мне определенного ответа.

Теперь же, после того, как я провел почти пять лет на войне, причем один год на посту главнокомандующего, затронутый выше вопрос представляется мне во всей его широте. Теперь я вижу, что военное дело не может быть узкой научной ареной, оно не есть также область искусства исключительно. Мне кажется, что правильнее будет сказать, что военное дело в принципиальной своей части опирается на научный фундамент, а в практической части — на гений искусства. Военное дело эксплуатирует самого человека и всю цивилизацию человечества.

Военное дело — есть наука о том, как давать возможность искусству эксплуатировать все средства цивилизации для победы.

Я был в числе тех, которые упорно трудились над выработкой самостоятельного мнения и взглядов на различные военные вопросы первоклассной важности...»¹⁰

Слушатели академии, народ любознательный и дерзкий, неоднократно допытывались у бывшего Главкома Республики: что представляет из себя полководец (командующий, главнокомандующий), какие наиболее характерные качества ему присущи? И кто может стать таковым, в какой обстановке, в каких условиях?

Иоаким Иоакимович с видимым удовольствием любил порассуждать на эту тему. Он уверенно при этом оперировал историческими примерами действий древних и не совсем древних полководцев и правителей стран и народов. Одним из излюбленных им исторических персонажей являлся Наполеон Бонапарт. К походам, действиям и поступкам последнего Вацетис обращался неоднократно. В частности, он особо обращал внимание слушателей на несколько важных положений французского полководца. Одно из них состояло в том, что полководец, стратег при необходимости должен рисковать. Однако риск риску рознь, подчеркивал Вацетис, поэтому не трижды, а только трижды три раза обдуманная военная дерзость может принести успех и лишь в качестве таковой она приносит большой эффект.

Второе положение — о посредственности и творческом начале. Посредственность, по Наполеону, придерживается установленных правил, инструкций и уставов. Как слепой стены, между тем как подлинный полководец подходит к ним творчески, избирательно. Он не отвергает опыт прошлого, но и не возводит его в незыблемые, непоколебимые рамки. На его основе и почве, с учетом современных условий, он выработывает новые правила и подходы, формулирует новые законы и закономерности войны.

— Что такое полководец? — рассуждал Вацетис. — Пусть апостолы военной науки не хмурят брови — не буду покушать-

ся на святость узаконенных формулировок. Но настоящим полководцем можно назвать лишь того, кто не повторяет ошибок предшественников...Эта одаренность перерастает в талант, а порой и в гениальность, если полководец и в большом и в малом делает меньше ошибок, нежели все его предшественники. А ошибки и просчеты неминуемы, как бы прогрессивна и талантлива ни была принятая на вооружение военная доктрина. Основное — чтоб их было поменьше.

— Выдающимся полководцем становится не просто исполнитель, а исполнитель и мыслитель одновременно. Лишь широко мыслящий человек может стать полководцем. Но и мыслитель мыслителю рознь. Есть мыслитель, способный предвидеть только результаты своих действий, а есть иной, который заранее видит последствия таковых. Не ошибусь, если скажу, что у такого полководца талант граничит с гениальностью. Он должен уметь не только логично излагать свои идеи и планы, но и иметь мужество отстаивать их перед высокими авторитетами. Уметь повиноваться и конструктивно возражать — это тоже талант...

— Вы хотите знать, что такое полководец? — отвечал Вацетис слушателям. — По моему мнению, это человек, которому государство предоставляет все, что оно имеет, а от него требует только одного — победы. Притом с наименьшими потерями... Полководец должен иметь широту оперативного мышления. Во всяком случае он, оценивая противника, обязан представить себе несколько вариантов его возможных действий. При этом помня, что сражения выигрываются не пассивным ожиданием, а смелыми и решительными действиями, навязыванием противнику своей воли.

Многие мысли и формулировки И.И. Вацетиса в области военного дела и военного искусства впоследствии нашли свое отражение в военных энциклопедиях и справочниках. В шестом томе «Советской военной энциклопедии» находим:

«Полководец — военачальник, военный деятель, умело руководящий вооруженными силами государства или крупными воинскими формированиями (как правило, оперативно-стратегическими объединениями) во время войны, владеющий искусством подготовки и ведения военных действий. К полководцам обычно относят лиц, обладающих талантом, творческим мышлением, способностью предвидеть развитие военных событий, волей и решительностью, богатым боевым опытом, высокими организаторскими способностями, интуицией и другими качествами, которые позволяют с наибольшей эффективностью использовать имеющиеся силы и средства для достижения победы.

Эти качества полководцу обуславливают высокий авторитет, позволяют ему своевременно и правильно предвидеть и оценивать складывающуюся обстановку, принимать и проводить в жизнь наиболее целесообразные решения»¹¹.

— Каждая историческая эпоха, крупная война, — говорил И.И. Вацетис, — выдвигает своих полководцев... Однако их роль, значение их личности нельзя преувеличивать, как это делают некоторые теоретики, наделяющие этих людей нечеловеческими качествами и считающие, что только полководцы определяют ход и исход войны. Чтобы правильно ронять и оценить роль того или иного полководца, необходимо рассматривать его деятельность с позиций конкретных социально-политических условий, в которых она протекала... любой военный деятель испытывает на себе воздействие общественной жизни, класса, которому он служит. Каждая историческая эпоха выдвигает таких полководцев, деятельность которых в наибольшей степени отвечает ее характеру и потребностям, позволяет правильно решать задачи, связанные с руководством вооруженными силами государства. Любой крупный военачальник, какими бы личными дарованиями он ни обладал, не может игнорировать социально-политические и экономические условия,

в которых он живет и действует, так как от этих условий зависят характер и предназначение армии, ее вооружение, принципы строительства, морально-боевые качества личного состава, способы военных действий. Талант полководца проявляется в полной мере лишь тогда, когда для этого существуют соответствующие материальные, социальные и иные предпосылки.

Настоящие полководцы — это не только мастера стратегии и тактики, они должны знать и дорогу к сердцу своих солдат. Быть мастерами создания высокого духа войск, умения вселить в душу солдат прочное доверие к себе...

Многие слушатели Военной академии имени М.В. Фрунзе, слушавшие лекции профессора И.И. Вацетиса, в годы Великой Отечественной войны стали прославленными полководцами, возглавлявшими фронты и армии, о чем будет сказано несколько позже.

Рассуждения И.И. Вацетиса о роли командира в бою отличались глубиной знания армейской жизни, они были насыщены изюминками личного боевого опыта, запоминающимися историческими примерами.

— Командир в бою — это все... Это диктаторская власть. Без этого нет победы, — говорил он слушателям. — Но... власть властью. Умей быть не повелителем, а водителем. Военачальником, который ведет или направляет солдат в бой. Что такое солдат? Настоящий командир помнит это ежеминутно. Это человек, который отгоняет смерть, идя навстречу смерти... Один идет в армию по повинности. Другой — по гражданскому долгу. У одного есть умение, нет воли, у другого есть воля, нет умения... У командира есть долг. Из пестрой человеческой смеси создать железный сплав. Есть, конечно, отсталые солдаты. Но в целом масса мудрее любого из нас...»¹²

Мудрый и опытный военачальник, Вацетис предостерегал слушателей, чтобы они в боевой обстановке не пренебрегали так называемыми мелочами, на первый взгляд пустяками.

— Пустяк в нашем деле может приобрести историческое значение. Многое зависит от пустяков. Утверждают, что Наполеон проиграл битву при Ватерлоо из-за насморка. А при разгроме русских армий в Восточной Пруссии тоже играл роль на первый взгляд пустяк...

Вообще на своих плановых занятиях и внеплановых беседах со слушателями академии, а особенно со слушателями ВАК и КУВНАС (в силу их возраста и должностного положения) И.И. Вацетис часто обращался к событиям в Восточной Пруссии в 1914 г., отсылая собеседников и к своей книге «Боевые действия в Восточной Пруссии», изданной в 1923 г. Говоря о роли случая на войне, Иоаким Иоахимович приводил такой пример из истории Первой мировой войны. Когда русские войска под командованием генералов П.К. Ренненкампа (1-я армия) и А.В. Самсонова (2-я армия) в августе 1914 г. вторглись в восточную Пруссию, немцам грозила катастрофа. Грозила в случае четкого взаимодействия русских армий. Правящая элита Германии бросилась спасать Восточную Пруссию, ту самую, которая, по словам Карла Маркса, являлась поставщиком самых свирепых солдат.

Но спас ее фактически генерал Макс Гофман, генерал-квартирмейстер 8-й армии, а затем штаба Восточного фронта. Тот самый Гофман, который впоследствии был начальником штаба и главнокомандующим Восточным фронтом, фактическим главой германской делегации на переговорах в Бресте в 1918 г. Этот самый Гофман и был истинным спасителем Восточной Пруссии. Его предложения базировались на точном расчете и знании особенностей психологии российских военачальников.

— Восточную Пруссию спас тогда незаметный штабник Гофман, — с разговорщическим видом поведал собеседникам И.И. Вацетис. — Он предложил дерзкий до авантюризма план, но... При малейшем взаимодействии русских армий немцам грозила бы катастрофа. А Гофман успокоил своих шефов. Ска-

зал им, что в русско-японскую войну он, в чине гауптмана, будучи наблюдателем при русской армии, лицезрел, как в станционном буфете Мукдена русские офицеры Ренненкампф и Самсонов, выпивши, угощали друг друга оплеухами. Прошло десять лет с тех пор, а наступающий на Пруссию с востока Ренненкампф не протянет руки Самсонову, штурмующему ее с юга. Гофман не ошибся. Восьмая немецкая армия в два приема поочередно разгромила первую армию Ренненкампфа и вторую Самсонова. А Гофман, как видите, взлетел. Вот что значит в нашем деле наблюдательность...»¹³

На многие вопросы слушателей Вацетис дал ответ в своей книге «О военной доктрине будущего», которая была издана в 1923 г. В ней автор анализирует сущность военной доктрины, утверждая, что она является учением о государственной военной готовности. На основе богатого исторического материала Вацетис определяет требования, которые военная доктрина предъявляет к государству и к военному делу в целом. Данная работа содержит некоторые спорные положения в вопросах сущности стратегии, роли полководца в современной войне и др. Например, автор утверждает, что стратегия есть свободное творчество полководца и его воли на театре военных действий, что оно (творчество) сугубо индивидуально, в то же время покоясь на вечных, неизменных принципах стратегии.

Данная книга была написана после окончания Гражданской войны. Исходя из итогов этой войны и изменившейся политической карты мира, Вацетис, подробно рассуждая о характере будущей войны, выводит задачи военной доктрины и особенности двух современных групп государств: «...Первая группа (Англия, США, Франция и Япония. — Н. Ч.), как всемогущая в экономическом отношении, как держащая в своих руках океанский транспорт, может вести войну весьма продолжительно, обращая экономический элемент в фактор стратегии, решающий исход кампании.

Вторая группа (Германия, Австрия и Россия. — *Н.Ч.*), составившаяся из континентальных государств, при весьма скромных экономических богатствах, но при сильнейшем людском материале вынуждена базировать свой успех преимущественно на стратегии. Группа этих государств не приспособлена к ведению продолжительных международных войн, — она должна стремиться решить международную вооруженную борьбу в наиболее кратчайший срок оружием.

Задача военной доктрины как учения о государственной воен(ной) готовности и заключается в том, чтобы поставить определенное **кредо** на роль данного государства в будущей войне.

Военная доктрина должна в высшей степени серьезно отнестись к экономическим вопросам на тот случай, если стратегия вынуждена будет действовать в состоянии окружения данного государства. Здесь экономика может оказаться в таком положении, когда те элементы, которые определяют регулярную мощь и силу данного государства, как-то: вооруженные силы и военная техника, дойдут до той степени, когда они начнут действовать на убывающей базе...

...Стратеги должны быть в одно и то же время и государствоведами. Они должны глубоко проникать во внутреннюю жизнь государства и определять экономическую мощь данной и всех прочих стран и, исходя из того базиса, который кладет для государства стратегия и экономика, определить все те возможности, которые могут постигнуть государство в предстоящую войну.

Будущая война потребует участия в ней всех физических сил народа, и мысли, и духа, что называется, придется обобрать и колыбели, и могилы, и кафедры. Будущие войны могут носить только лишь мировой характер в силу мощи тех альянсов, которые сложатся.

...Будущая война будет носить характер как бы классовой мировой войны, вызванной состязанием на чисто экономи-

ческой почве. Следовательно, в своих достижениях будущая война будет представляема массами как борьба за реальные классовые интересы.

Следовательно, мы можем смело сказать, что будущая война по своему характеру будет весьма близкой к только что закончившейся нашей гражданской войне, т.е. воюющие стороны будут проливать свою кровь и жертвовать жизнью или за сохранение преобладающего значения в эксплуатации земных благ, или во имя лучшего, более светлого будущего для сотен миллионов тех обездоленных, которые из великой мировой войны вышли побежденными.

Отсюда логически необходимо допустить, что как по своей жестокости, так и по колоссальности жертв будущая мировая война в весьма значительной степени превзойдет только что закончившуюся великую мировую войну, а равно и нашу гражданскую.

Для того, чтобы народные массы знали, что от них потребует будущая война, какие жертвы придется им нести на боевом фронте, они должны знать характер предстоящей борьбы и должны быть к ней подготовлены. Скрывать от масс тяжелую действительность будущей войны вряд ли будет целесообразным...»¹⁴

Далее автор говорит о том, что «стратегия создает план **кампании** для осуществления целей, поставленных государством, и осуществляет этот план в течение того времени, в которое данное государство в состоянии выдержать войну. В зависимости от этого стратегия определяет и объем живых и материальных средств и технической мощи. Которые государство должно мобилизовать для достижения в будущем вооруженном столкновении победоносного конца кампании.

План кампании должен быть создан и разработан детально, но из этого обстоятельства еще не вытекает то, что этого плана необходимо держаться, «как слепой стены». Главнокомандующего, который так поступает, ни в коем случае нель-

зя назвать стратегом, — это ремесленник своего дела, выполняющий механически свою работу по заученной указке. Для полководца-стратега в полном смысле этого слова заранее разработанный план кампании должен быть не более, не менее как элементарным пособием в начале войны. В дальнейшей творческой работе стратег должен, пользуясь этим элементарным пособием, уметь творить и властвовать над событиями на театре военных действий, в противном случае эти события поглотят его волю и он из стратега превратится в жалкого ремесленника, растерявшегося перед вырвавшейся из его повиновения машиной. Стратег должен быть настолько велик и свободен в своем творчестве, чтобы быть в состоянии самому создавать на театре военных действий желаемые события и дирижировать этими событиями по своей воле, стремясь, безусловно, в конце концов, к той главной цели, какая намечена планом войны...

Творчество стратега должно покоиться на тех принципах, которые заложены им самим в основании его стратегии. Полководец сам создает свою стратегическую линию поведения. Это не будет означать нарушение принципов военного искусства, которые остаются вечными; один из таковых гласит, по словам Суворова: полная мочь главнокомандующему.

В правдивости этого обстоятельства мы убеждаемся, изучая историю военного искусства, причем убеждения этого достигаем не только из общности признаков победоносности, но и из общности признаков поражений.

Если мы ознакомимся с 10—15 историческими операциями, то увидим, что к победе в каждом отдельном случае стратег шел оригинальными индивидуальными путями, к поражению же все полководцы шли по одинаковому пути. Общий признак однородности отрицательных явлений в области стратегии доказывает, что нарушен один важнейший или несколько однородных устоев фундамента. И если бы не произошло этого нарушения, то не произошло бы также и поражения...

Как видит читатель, во всех приведенных нами здесь операциях видна общность причин катастрофы, а именно: нарушение принципа стратегии, требующего обеспечения коммуникации. Указанная общность причин есть убедительный свидетель той аксиомы, которая гласит, что принципы стратегии вечны и неизменны, а раз так, то они должны явиться для стратега непреложным законом в его творчестве, и нарушение этого закона грозит стратегу катастрофой.

Без постоянных точек опоры нельзя совершить никакой работы»¹⁵.

Вацетис особо подчеркивает среди качеств полководца умение предвидеть возможное развитие событий. Он пишет: «...военная доктрина категорически заявляет, что современный стратег должен в совершенстве понимать настоящее и обладать способностью правильно предвидеть возможное грядущее, дабы быть совершенно свободным в своем творчестве и властвовать над грядущими событиями. В этом случае стратег поднимается гораздо выше толпы и является как бы пророком для современников и для ближайшего потомства»¹⁶.

В своей книге И.И. Вацетис значительное место уделит проблеме единой военной школы. Он дает ей такое определение: «...Единая военная школа есть понятие, вытекающее из сущности военной доктрины, у которой она... является помощницей как в деле боевой подготовки армии, так и в особенности на поле сражения. и притом помощницей активной, здравомыслящей, проявляющей неисчерпаемую инициативу, проводящей требования военной доктрины в жизнь, применяя эти требования на практике и совершенствуя их в зависимости от разнообразных условий современной эпохи.

...Главной целью единой военной школы является стремление добиться во что бы то ни стало **одинакового понимания военного дела**. Некоторые утверждают, что единая военная школа есть результат одинакового понимания военного дела.

Однако же под влиянием каких факторов создается одинаковой понимание военного дела?

По нашему мнению, одинаковое понимание военного дела создается под влиянием военного образования, а последнее только тогда приведет к одинаковому пониманию военного дела, когда будет неуклонно и однообразно проводиться в определенном направлении»¹⁷.

Еще будучи сравнительно молодым офицером, И.И. Вацетис стал проявлять заметный интерес к вопросам военной психологии. Этот интерес наибольшее развитие у него получил в годы Первой мировой войны, когда Иоаким Иоакимович находился в самой гуще боевых действий, командуя батальоном и полком. Его очень интересовала проблема поведения человека на войне, особенно в чрезвычайных ситуациях. Наблюдения за поведением солдат и их командиров в различных видах боевой деятельности позволили И.И. Вацетису сделать для себя некоторые важные выводы, относящиеся к области психологии. Способность Вацетиса к глубокому анализу событий и явлений, к обобщению и систематизации отдельных фактов, казалось бы, на первый взгляд, не имеющих отношения друг к другу. И умение делать необходимые выводы, — все это позволило ему написать несколько статей по военной психологии, получивших одобрительные отзывы со стороны командиров и политработников РККА. Кроме того, Вацетис, уже работая в Военной академии РККА, написал книгу «Человек и война. Очерки по военно-общественной психологии», изданную в Москве в 1925 г. Там он изложил многие свои мысли, наблюдения и обобщения по данной проблеме.

Некоторые психологические наблюдения И.И. Вацетиса можно найти и в его воспоминаниях, написанных в конце 1919 г. Например, такие: «во время одного боя, будучи тяжело раненым, я остался на поле боя среди убитых и раненых. Более двух часов я лежал, созерцая все страшное и некрасивое до отвратительности поле брани. И вот я увидел удивительную

картину. Ко мне приближалась группа из двух солдат — русского и немецкого. Они передвигались, обхватив друг друга, медленно продвигались вперед. Не обращая внимания на пули и снаряды. У каждого была перебита одна нога. Общая физическая беда их сблизила, и они перестали быть активными врагами».

И другую зарисовку находим там же: «На поле боя происходят такие чрезвычайно интересные явления, какие никто не увидит нигде в ином месте. Дело в том, что бывают такие ранения, последствием которых является неизбежная смерть. Это — при ранении в живот, в грудь, в голову, вообще говоря — в туловище. При таком ранении в известных случаях человек чувствует себя сначала удовлетворительно, потом наступает агония, которая длится дольше, иногда кончается быстро.

И вот тот, кто лежал на поле боя, мог заметить бессмысленную и отчаянную беготню людей. Я также наблюдал в тот раз такое. Я заметил, что по полю, где только что происходил жаркий бой, бегала масса людей с разорванными флагами. Я сначала не понял, в чем дело, что за люди, что за флаги и чего они бегают. Мимо меня пробежало несколько таких. Глаза у них были страшно безумные, у некоторых закрытые, у многих изо рта шла кровь. У одного висела изо рта половина отгрызенного языка и обильно шла кровь. Почти все кричали, стонали и сквернословили. То, что казалось мне флагами, было не что иное, как бинты индивидуального пакета. Но эти бинты были странно и беспорядочно обвязаны вокруг головы, шеи, рук, груди и живота. Концы бинтов развевались по ветру и казались флагом.

Несчастные страдальцы находились в последних конвульсиях перед смертью, здоровые ноги и последние силы толкали их на беготню. Зрелище было жуткое. Тот, кто не лежал на поле боя прикованным к земле тяжелыми ранами, тот не может себе представить, как не хочется оставаться там, как хочется быть оттуда подальше.

Во время войны, наблюдая за настроением массы перед атакой, я пришел к заключению, что не менее 99 процентов этой массы были бы рады не идти на этот кровавый долг. Я наблюдал настроение одного полка, который согласно боевому приказу должен был идти в атаку в голове штурмующей колонны. Полк занял исходное положение, причем первая линия рот была в 70 шагах от германских проволочных заграждений. Колоссальный процент жертв был неминуем для головной части, тем более что у нас было мало ножниц для резки проволоки и проволоку было приказано рубить топорами. Этот полк по храбрости был одним из самых доблестных.

Я обошел все части полка перед атакой, говорил со многими стрелками и офицерами. Но вот за полчаса до начала атаки пришел приказ, что атака отменяется на неопределенное время, а полк штурмовой колонны отводится в резерв. По получении этого приказа все словно изменилось, недовольных не было»¹⁸.

За время работы в Военной академии РККА, получившей в 1925 г. имя М.В. Фрунзе, И.И. Вацетис написал ряд научных трудов на военно-историческую тему. Помимо названных выше книг, он подготовил и опубликовал еще ряд других:

— Лекции о франко-прусской войне 1870—1871 года до Седана включительно, прочитанные на старшем курсе Академии Генерального штаба Рабоче-Крестьянской Красной Армии в 1920 году. М., 1920. 57 с.

— Историческое значение латышских стрелков (на латышском языке) в 2-х томах. М., 1922—1924.

— Боевые действия в Восточной Пруссии в июле, августе и начале сентября 1914 г. Стратегический очерк. Действия 1 и 2 русских армий и 8 германской армии. М., 1923. 105 с.

— Операции на восточной границе Германии в 1914 г. Ч. 1. Восточно-Прусская операция. М.—Л., 1929. 339 с.

— Начальный период войны. Прикрытие, развертывание и организация разведки. М., 1932.

И.И. Вацетис являлся автором многих статей, напечатанных в различных журналах и газетах. Среди них особый интерес представляют воспоминания о его встречах с В.И. Лениным, о разгроме мятежа левых эсеров в Москве в июле 1918 г., о событиях Гражданской войны, материалы по истории латышских стрелков и др. Иоаким Иоакимович оставил богатое рукописное наследие. Его рукописи подготовлены с использованием как архивных документов, так и личных воспоминаний. Эти материалы в совокупности составляют несколько тысяч страниц и представляют значительную историческую ценность.

Как педагог и ученый И.И. Вацетис был признанным авторитетом среди преподавателей кафедр военно-исторического цикла Военной академии имени М.В. Фрунзе. Его лекции, читаемые слушателям, для многих молодых преподавателей являлись примером умелого владения материалом и методики его подачи. Учебными пособиями, подготовленными И.И. Вацетисом, пользовались не только слушатели, но и преподаватели. Его коллега по кафедре А.В. Голубев в статье, опубликованной в сборнике, посвященной 15-летию академии, отмечал, что в 20-х годах история Первой мировой войны изучалась в основном по трудам Ф.Ф. Новицкого, А.М. Зайончковского и И.И. Вацетиса¹⁹.

Педагогическая деятельность И.И. Вацетиса получила оценку не только со стороны руководства Наркомата по военным и морским делам, но и со стороны зарубежных представителей. Так, в 20-х годах, в период тесного сотрудничества Красной Армии и германского рейхсвера, немецкие специалисты анализировали состояние работы военно-учебных заведений РККА. В первую очередь работу Военной академии имени М.В. Фрунзе — основной кузницы подготовки общевойсковых командиров с высшим военным образованием.

Не всегда оценки руководства РККА совпадали с оценками ее тогдашних союзников, а точнее партнеров. Так,

полковник германского генштаба Х. Хальм, наблюдавший работу Военной академии имени М.В. Фрунзе, дал о ней не слишком хороший отзыв. В своем отчете от 2 ноября 1929 г. он, отметив несколько хорошо подготовленных фигур из числа руководства и профессорского состава (Р.П. Эйдемана — начальника академии, профессоров А.А.Свечина, И.И. Вацетиса, А.И. Верховского, Ф.Ф. Новицкого — генералов и полковников старой армии), в целом невысоко оценил ее деятельность.

Хальм отмечал, что на самых ответственных преподавательских постах академия не располагает профессорско-преподавательским составом с опытом руководства соединениями всех родов в мирное и военное время. А опыт Гражданской войны, по общепризнанному мнению, безвозвратно устарел. По заключению Хальма, «надо было бы вести прежде всего подготовку руководителей по другому руслу». То есть в войска из академии ее выпускники командного и штабного профиля должны приходиться хорошо подготовленными и натренированными²⁰.

Звание профессора И.И. Вацетис получил одним из первых в академии. Из приказа РВС СССР № 149 от 24–27 июня 1927 г.

«...Нижепоименованные военно-научные работники удостоиваются научного звания «профессор высших военно-учебных заведений РККА»:

— по стратегии — заместитель Главного руководителя Военной академии имени М.В. Фрунзе Свечин Александр Андреевич.

— по тактике — заместитель Главного руководителя Военной академии имени М.В. Фрунзе Верховский Александр Иванович.

...— по истории войн и военного искусства — старший руководитель Военной академии имени М.В. Фрунзе Вацетис Иоаким Иоакимович...».

В декабре 1933 г. Военной академии имени М.В. Фрунзе исполнилось 15 лет. В этой связи по ходатайству командования академии, поддержанному руководством РККА, Президиум ЦИК СССР наградил орденом Красной Звезды ряд ее сотрудников. И первым в этом списке награжденных стоит фамилия И.И. Вацетиса. Приведем выдержку из постановления Президиума ЦИК СССР от 15 января 1934 г. (пункт IV):

«За выдающуюся учебно-педагогическую работу и отличное руководство подготовкой слушателей Военной академии наградить орденом Красной Звезды:

1. Профессора академии т. Вацетиса И.И.
2. Нач(альника) штаба академии т. Кит-Вийтенко И.П.
3. Быв(шего) начальника оперативного факультета академии т. Иссерсона Г.С.
4. Н-ка кафедры Гражданской войны т. Меликова В.А.
5. Н-ка 3 курса академии т. Тихомирова Е.М.»²¹.

Тем же постановлением Президиума ЦИК СССР Военная академия имени М.В. Фрунзе была награждена орденом Ленина.

В целях дальнейшего укрепления единоначалия и твердой воинской дисциплины в Красной Армии постановлением ЦИК и СНК СССР от 22 сентября 1935 г. в ней были введены персональные воинские звания. А что представляла собой Красная Армия в середине 30-х годов? К этому времени РККА уже почти два десятилетия с достоинством несла свои обязанности по охране и обороне границ СССР, отражая наскоки и выпады внутренних и внешних врагов. Закалившись в этих боях, РККА выросла и превратилась в грозную, внушительную силу. На своем вооружении она имела передовую по тому времени технику, на которой работали достаточно квалифицированные кадры.

В начале тридцатых годов резко обострилась международная обстановка как на Западе, так и на Востоке. Не ис-

ключалась угроза нападения на СССР со стороны Японии и Германии, агрессивных настроенных по отношению к нашей стране. Например, японские милитаристы, положившие в основу своей внешней политики расширение границ за счет чужих территорий, уже не раз проверяли крепость границ Советского Союза. В 1932 г. она оккупировала Маньчжурию, подготовив тем самым себе удобный плацдарм для действий против СССР. Германские фашисты, возглавляемые А. Гитлером, пришедшие к власти в 1933 г., начали свой поход за насильственный пересмотр границ европейских государств в свою пользу, за «жизненное пространство», в первую очередь за счет Советского Союза.

Необходимость укрепления единоначалия и дисциплины в Красной Армии диктовалась еще и тем, что к концу 1935 г. в основном завершился переход от смешанного территориально-кадрового принципа ее комплектования к единому кадровому принципу. Дело в том, что территориальная система комплектования, приемлемая в условиях отсутствия непосредственной угрозы нападения извне, в обстановке тридцатых годов уже не соответствовала интересам обороны страны. Того же требовал и возросший уровень технического оснащения войск.

Постановлением ЦИК и СНК СССР от 22 сентября 1935 г. «О введении персональных военных званий начальствующего состава Рабоче-Крестьянской Красной Армии и об утверждении Положения о прохождении службы командным и начальствующим составом РККА» еще выше был поднят авторитет командиров и начальников в РККА. В этом постановлении, в частности, говорилось:

«Кадры начальствующего состава Рабоче-Крестьянской Красной Армии являются ценнейшим капиталом, выращенным и воспитанным партией. С каждым годом эти кадры пополняются новыми отрядами молодых командиров, выпускаемых из военных школ и академий и выдвигаемых из

рядов младшего командного состава. Тысячи и десятки тысяч рабочих и колхозной молодежи нашей страны ежегодно идут в нашу родную, подлинно народную Красную Армию, посвящая себя службе в рядах ее командиров.

...Для всей массы командиров, политических работников, военных инженеров, техников, врачей, военнo-хозяйственного, административного и военнo-юридического состава служба в Рабоче-Крестьянской Красной Армии становится пожизненной профессией, и особенности этой службы требуют регламентированного законом порядка ее прохождения. Особо ответственные в деле обучения и воспитания красноармейских масс, возложенные на начальствующий состав в целом, и ведущая роль командиров в бою требуют установления военных званий, отчетливо отражающих военную квалификацию каждого командира и начальствующего лица, их служебный стаж и заслуги, их власть и авторитет как командиров и начальников Рабоче-Крестьянской Красной Армии»²².

Присвоение персональных воинских званий высшему командно-начальствующему составу РККА началось в ноябре 1935 г. Высшее звание «Маршал Советского Союза» было присвоено пяти руководителям Наркомата обороны — наркому К.Е. Ворошилову, его заместителю М.Н. Тухачевскому, начальнику Генерального штаба А.И. Егорову, инспектору кавалерии РККА С.М. Буденному и командующему ОКДВА В.К. Блюхеру. Командармами 1-го ранга стали четыре командующих наиболее важных и крупных военных округов: И.П. Белов (МВО), И.П. Уборевич (БВО), Б.М. Шапошников (ЛВО), И.Э. Якир (КВО) и начальник Управления Противовоздушной обороны РККА, бывший Главком республики С.С. Каменев.

А другому бывшему Главкому Республики И.И. Вацетису было присвоено звание на одну ступень ниже С.С. Каменева, т.е. он стал командармом 2-го ранга, и это было очеред-

ным признанием его заслуг. Ведь по должности профессора и преподавателя Военной академии Иоаким Иоакимович мог претендовать, как и другие профессора и преподаватели, максимум на звание «комдива» (примеры А.А. Свечина, Я.Я. Алксниса, П.И. Вакулича, Д.Н. Надежного, Ф.Ф. Новицкого, Н.Г. Семенова, Е.Н. Сергеева, Н.Н. Шварца). Однако его прошлые заслуги перед Советской Республикой еще помнили в «верхах», а нарком К.Е. Ворошилов, просматривая и списки на присвоение воинских званий высшему комначсоставу РККА, согласовывал их с И.В. Сталиным, В.М. Молотовым и М.И. Калининым. Особенно «командармский» список. Дело в том, что до «комкора» включительно Ворошилов (нарком) имел право сам присваивать воинские звания, а вот звания командарма 1-го и 2-го ранга и маршала являлись прерогативой СНК и ЦИК СССР.

В данном случае И.И. Вацетису не было оснований обижаться на то, что его недооценили, не заметили, забыли о его заслугах перед страной и народом, как это было в отношении других лиц командно-начальствующего состава РККА. Например, обиженными в плане присвоения воинских званий считала себя часть такой важной категории, как командующие войсками военных округов. По нашему мнению, всем командующим округов следовало присвоить звание «командарма (1-го или 2-го ранга)». Однако в «верхах» посчитали, что округ округу рознь, и такие командующие, как М.Д. Великанов (САВО), И.К. Грязнов (ЗабВО), И.И. Гарькавый (УрВО), Я.П. Гайлит (СибВО) получили только звание «комкор».

Вместе с И.И. Вацетисом командармами 2-го ранга стали 10 человек. Назовем их поименно: начальник В ВС РККА Я.И. Алкснис; командующие войсками военных округов: Харьковского — И.Н. Дубовой; Приволжского — П.Е. Дыбенко; Закавказского — М.К. Левандовский; Северо-Кавказского — Н.Д. Каширин; Приморской группы войск

ОКДВА — И.Ф. Федько; начальник Военной академии имени М.В. Фрунзе А.И. Корк; заместитель начальника Генерального штаба А.И. Седякин; начальник Автобронетанкового управления РККА И.А. Халепский.

Присвоение персональных воинских званий в Красной Армии было с одобрением встречено в стране. Выражая мнение общественности, газета «Правда» в те дни писала: «Командиру принадлежит ведущая роль в бою. Чтобы красноармеец шел в бой без страха и сомнения, чтобы он не дрожал ни перед какой опасностью, ему нужен командир, в авторитет которого он верил бы как в самого себя и власть которого он признавал бы как власть народа...

Правительство революционного народа дает командирам своей армии эти звания как свидетельство их власти и авторитета. Командиры примут эти звания как обязательство еще выше поднять честь рабоче-крестьянских воинов»²³.

Мы упомянули об обиженных среди лиц высшего командно-начальствующего состава при присвоении им персональных воинских званий. Несколько разове́м эту тему. Действительно, обиженных было достаточно много как в военных округах, так и в центральных управлениях и военных академиях. Начиная кампанию по присвоению персональных воинских званий, руководство Наркомата обороны, безусловно, предполагало, что какой-то процент обиженных будет, — как в центральном аппарате, так и в войсках. На деле же обиженных оказалось во много раз больше, чем планировали нарком Ворошилов и Б.М. Фельдман — главный кадровик РККА.

Среди недовольных были и командующие войсками военных округов. Такие военачальники, как И.Э. Якир (Киевский военный округ), И.П. Уборевич (Белорусский военный округ), И.П. Белов (Московский военный округ), получившие «командарма 1-го ранга», были удивлены и обескуражены, узнав о присвоении маршальского звания коман-

дующему ОКДВА В.К. Блюхеру. Все они с одинаковым успехом могли рассчитывать на такое же воинское звание. И к тому были все основания — округа у них были перво-разрядные, а у Белова к тому же и столичный. Войск у них (корпусов, дивизий, бригад) было не меньше, чем у Блюхера, а в Киевском и Белорусском — даже больше. Добавим сюда и тот факт, что до назначения в ОКДВА В.К. Блюхер работал заместителем у Якира. Притом Якир, единственный из командующих войсками округов, являлся членом ЦК ВКП(б), и у него, как ни у кого другого, были веские основания претендовать на маршальскую звезду. Но не получилось!..

Остались недовольными и те командующие войсками округов, которые в конце 1935 г. получили только «комкора» (М.Д. Великанов — САВО, И.К. Грязнов — ЗабВО, И.И. Гарькавый — УрВО, Я.П. Гайлит — СибВО). Всем им пришлось снять с петлиц своих форменных кителей и гимнастерок по одному ромбу, что было для них, безусловно, психологически неприятным событием. К тому же их заместители тоже получили звание «комкор», что нарушало важнейший кадровый принцип «заместитель — на одну ступень ниже».

Обделенным оказался и профессорско-преподавательский состав военных академий, в первую очередь Военной академии имени М.В. Фрунзе: ведь среди ее преподавателей находилось много лиц, имевших в прошлом большие заслуги перед страной и занимавших в разное время крупные должности в Красной Армии — от командира дивизии до командующих армиями и фронтами. Немало там было преподавателей, которые в годы Гражданской войны и после нее возглавляли штабы фронтов, округов, армий. Самое большое, что дали им, — это звание «комдив», т.е. два ромба на петлице. Однако и это звание получили совсем немногие: Н.Г. Семенов, В.С. Лазаревич, Е.Н. Сергеев — в прошлом командармы, Н.Н. Шварц — начальник штаба ряда фронтов. И еще несколько человек. По-

давяющее же число преподавателей стратегии и тактики военных академий стали комбригами и полковниками, что, естественно, вызвало поток мотивированных жалоб и критики в адрес руководства Наркомата обороны и лично наркома К.Е. Ворошилова.

Выше уже упоминалось, что многие из учеников и воспитанников И.И. Вацетиса в годы Великой Отечественной войны стали прославленными полководцами фронтами и армиями. И это действительно так. Командиры Красной Армии, слушавшие лекции И.И. Вацетиса по вопросам стратегии и оперативного искусства, под его руководством изучавшие крупнейшие сражения различных войн и эпох, в годы Великой Отечественной войны творчески применяли эти знания, показав немало примеров блестящих операций. Достаточно сказать, что воспитанниками И.И. Вацетиса были начальники Генерального штаба Маршал Советского Союза А.М. Василевский и генерал армии А.И. Антонов. Командовали фронтами также ученики И.И. Вацетиса: Маршалы Советского Союза Л.А. Говоров, И.С. Конев, К.К. Рокоссовский, Р.Я. Малиновский, К.А. Мерецков, С.К. Тимошенко, Ф.И. Толбухин, генералы армии Н.Ф. Ватутин, И.Х. Баграмян, А.И. Еременко, Г.Ф. Захаров, И.Е. Петров, М.М. Попов, И.Р. Апанасенко, М.А. Пуркаев, генерал-полковники П.А. Курочкин, М.П. Ковалев, М.А. Рейтер, В.А. Фролов, М.С. Хозин.

Самой многочисленной группой выпускников Военной академии РККА (Военной академии имени М.В. Фрунзе) — учеников бывшего Главкома Республики И.И. Вацетиса, проявивших себя с положительной стороны в годы Великой Отечественной войны, является группа командующих армиями. Список этот большой, поэтому мы назовем только наиболее заслуженных, кто командовал армиями не менее полугода и был отмечен высокими (полководческими) наградами (орденами Суворова и Кутузова 1-й степени). Воинское

звание приведем то, которое каждый из них имел в период последнего исполнения должности командующего армией.

Вот этот перечень командармов: А.П. Белобородов (43А, 1 Краснознаменная, дважды Герой Советского Союза — далее ГСС, генерал-полковник), П.А. Белов (61А, ГСС, генерал-полковник), С.С. Бирюзов (37А, генерал-полковник), И.В. Болдин (19А, 50А, генерал-полковник), В.Т. Вольский (5 гв.ТА, генерал-полковник танковых войск), К.Н. Галицкий (3 уд. А, 11 гв. А, ГСС, генерал-полковник), В.Ф. Герасименко (21А, 13А, 28А, генерал-лейтенант), К.Д. Голубев (10А, 13А, 43А, генерал-лейтенант), В.Н. Гордов (21А, 33А, 3 гв. А, ГСС, генерал-полковник), А.А. Гречко (12А, 47А, 18А, 56А, 1 гв. А, генерал-полковник), И.Т. Гришин (49А, ГСС, генерал-полковник), М.Г. Ефремов (21А, 33А, генерал-лейтенант), А.С. Жадов (66А, 5 гв. А, ГСС, генерал-полковник), Е.П. Журавлев (29А, 53А, 68А, 21А, 18А, генерал-лейтенант), Н.Д. Захватаев (1 уд. А, 4 гв.А, ГСС, генерал-полковник), М.И. Казаков (69А, 10 гв.А, генерал-полковник), Д.Т. Козлов (6А, 24А, генерал-лейтенант), В.Я. Колпакчи (30А, 63А, 69А, ГСС, генерал-полковник), А.Г. Кравченко (6 гв.ТА, дважды ГСС, генерал-полковник танковых войск), В.И. Кузнецов (3А, 21А, 1 уд. А, 63А, 1 гв. А, 3 уд. А, ГСС, генерал-полковник), Ф.И. Кузнецов (21А, 51 отд. А, 61А, генерал-полковник), А.И. Лизюков (5 ТА, ГСС, генерал-майор), В.С. Попов (10А, 70А, ГСС, генерал-полковник), П.Л. Романенко (3ТА, 5ТА, 2ТА, 48А, генерал-полковник), В.З. Романовский (1 уд. А, 2 уд. А, 42А, 67А, 19А, генерал-полковник), П.А. Ротмистров (5 гв. ТА, ГСС, маршал бронетанковых войск), П.С. Рыбалко (5ТА, 3ТА, 57А, 3 гв.ТА, дважды ГСС, маршал бронетанковых войск), Н.П. Симоняк (3 уд. А, 67А, ГСС, генерал-лейтенант), А.В. Сухомлин (8А, 54А, 10 гв. А, генерал-лейтенант), С.Г. Трофименко (53А, 32А, 7 отд. А, 27А, ГСС, генерал-полковник), В.Д. Цветаев (5 уд. А, 33А, ГСС, генерал-полковник), В.В. Цыганов (38А, 56А, генерал-лейтенант), Я.Т. Черевиченко

(9А, 21А, 51А, генерал-полковник), А.И. Черепанов (23А, генерал-лейтенант), Н.Е. Чибисов (38А, 3 уд. А, 1 уд. А, ГСС, генерал-полковник), В.И. Чуйков (64А, 62А (8 гв.А), дважды ГСС, генерал-полковник), М.Н. Шарохин (37А, 57А, ГСС, генерал-полковник), В.И. Швецов (29А, 4 уд. А, 21А, 23А, генерал-лейтенант), И.Т. Шлемин (5 ТА, 12А, 6А, 46А, генерал-лейтенант), В.А. Юшкевич (22А, 31А, 3 уд. А, генерал-полковник), В.Ф. Яковлев (52А, генерал-лейтенант).

К сказанному добавим, что И.И. Вацетис после окончания Гражданской войны и до дня своего ареста был активным участником деятельности латышского землячества в Москве. Вообще латышская диаспора в СССР была одной из самых многочисленных — по данным исследователя В. Штрауса она насчитывала 150 тысяч человек²⁴.

И.И. Вацетис принимал участие в работе основного учреждения этого землячества в Москве — просветительного общества «Прометей», образованного в 1924 г. после ликвидации Наркомата по делам национальностей. Перед «Прометеем» стояла задача перенять от латышского отдела наркомата заботу о сохранении и развитии национального образования и культуры латышской диаспоры в СССР. Это общество занималось не только организаторской, но и экономической деятельностью (производство культтоваров на пяти заводах), которая позволяла оказывать помощь и поддерживать латышские учебные заведения, клубы, театры, объединения писателей, художников, издательство, газеты. Почетным председателем общества был Я.Э. Рудзутак, а латышскую секцию Союза писателей СССР, работавшую при «Прометее», возглавлял Р.П. Эйдеман. Бессменным председателем правления общества являлся Карл Данишевский. И.И. Вацетис был непременным участником многих мероприятий, проводившихся с бывшими латышскими стрелками, проживавшими на территории СССР.

Источники и литература

- ¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 374.
- ² Дубинский И.В. Портреты и силуэты. С. 21—22.
- ³ Там же. С. 22—23.
- ⁴ Там же. С. 27.
- ⁵ Там же. С. 32.
- ⁶ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М.: Изд-во АПН, 1969. С. 102.
- ⁷ Грязнов Б.З. Маршал Захаров. М.: Воениздат, 1979. С. 43, 44.
- ⁸ Драгомиров М.И. Избранные труды. М., 1956. С. 501.
- ⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 24. С. 34.
- ¹⁰ Даугава. 1980. № 4. С. 77.
- ¹¹ Советская военная энциклопедия. Т. 6. С. 427.
- ¹² Дубинский И.В. Портреты и силуэты. С. 22.
- ¹³ Там же. С. 26.
- ¹⁴ Вацетис И.И. О военной доктрине будущего // Вопросы стратегии и оперативного искусства в советских военных трудах. М.: Воениздат, 1965. С. 178—180.
- ¹⁵ Там же. С. 181—182.
- ¹⁶ Там же. С. 183.
- ¹⁷ Там же. С. 184—185, 186.
- ¹⁸ Вацетис И.И. Моя жизнь и мои воспоминания // Даугава. 1980. № 5. С. 95—96.
- ¹⁹ XV лет Краснознаменной Военной академии РККА им. М.В. Фрунзе. 1918—1933. М., 1934. С. 167.
- ²⁰ Кантор Ю. Война и мир Михаила Тухачевского. М.: Время, 2005. С. 302.
- ²¹ Красная Звезда. 1934. 18 янв.
- ²² Правда. 1935. 23 сент.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Бутровский полигон. Вып. 8. М., 2004. С. 263.

ДОСЬЕ НА КОМАНДАРМА

В архиве Главной военной прокуратуры имеется папка с документами надзорного производств (НП 28466—56). И эти документы раскрывают события последних лет жизни И.И. Вацетиса. Скажем сразу, что документов в данной папке совсем немного, но и они дают достаточно полное представление о том, почему И.И. Вацетиса арестовали в 1937 г., в чем его обвиняли, как он вел себя в ходе следствия и на суде, чем закончилось следствие по его делу.

Арестовали И.И. Вацетиса 28 ноября 1937. Под следствием он находился восемь месяцев. Военной коллегией Верховного суда СССР 28 июля 1938 г. приговорен к расстрелу. Приговор приведен в исполнение в тот же день. Итак, в чем его обвиняли, какие преступления он совершил, за что его судили?

«Начальнику 3-го Главного управления Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР генерал-лейтенанту тов. Леонову Д.С.

В порядке ст. 377 УПК РСФСР направляется для дополнительной проверки архивно-следственное дело 3 967400 по обвинению бывшего профессора военной истории Военной академии РККА им. М.В. Фрунзе — командарма 2 ранга Вацетиса Иоакима Иоакимовича.

По приговору суда *Вацетис И.И.* признан виновным в шпионской деятельности в пользу германской и латышской разведок, в предательстве на фронтах Гражданской войны в бытность его Главнокомандующим всеми вооруженными силами Республики, в создании военной латышской шпионско-фашистской организации для борьбы с Советской властью.

Это обвинение Вацетиса И.И. основано исключительно на его так называемых признательных показаниях, полученных в процессе предварительного следствия в 1937—1938 гг.

Других объективных доказательств, подтверждающих его виновность, в деле не имеется.

Из материалов дела также не видно, что послужило основанием к аресту Вацетиса И.И.

В целях объективной проверки обоснованности обвинения Вацетиса И.И. по делу необходимо выполнить:

1. Проверить по материалам Центрального военно-исторического архива, ЦГАКА и ЦГАОР, какие имеются объективные данные о деятельности Вацетиса И.И. в дореволюционный и послереволюционный период, в частности, в годы Гражданской войны.

2. Проверить по материалам КГБ и Особого архива МВД СССР, имеются ли данные о связи Вацетиса И.И. с германской и латышской разведками, в частности, с работниками германского посольства в Москве: Шубертом, Циммерманом, Шрадером, о связи в период пребывания в Германии в 1923 году с майором германского Генштаба фон Плото, с начальником штаба рейхсвера фон Гессе и главнокомандующим генералом фон Сектом.

3. Проверить, арестовывались ли лица, названные в показаниях Вацетиса, как участники антисоветской организации (л.д. 387—389), как разрешены их дела. Какие показания они давали в отношении Вацетиса. При этом необходимо учесть, что целый ряд лиц, названных в показаниях Вацетиса (Рудзутак Я.Э., Алкснис Я.И., Берзин Я.К., Аппога Э.Ф., Ошлей П.М., Розенталь К.Я., Кириш Ю.И.) в настоящее время реабилитированы.

4. Проверить в учетно-архивном отделе КГБ, имеются ли на Вацетиса какие-либо материалы, кроме архивно-следственного дела, и составить по ним подробную обзорную справку...

Ст. пом. Главного военного прокурора
полковник юстиции
Ф. Артемьев»¹.

Какие же показания давали в отношении И.И. Вацетиса арестованные военачальники Красной Армии в 1937—1938 гг.? Обратимся к материалам их архивно-следственных дел и дел надзорного производства. Например, в обвинительном заключении по делу бывшего начальника ВВС Красной Армии командарма 2-го ранга Я.И. Алксниса говорится:

«С 1935 года Алкснис является участником антисоветской националистической латвийской организации, действовавшей в блоке с другими антисоветскими националистическими организациями и в контакте с антисоветским военным заговором. В указанную антисоветскую организацию Алкснис был завербован Эйдманом и с 1936 года являлся членом военного центра этой организации, в который, помимо него, входили Вацетис, Зонберг, Бокис и Гайлит»².

В деле по обвинению комкора Ж.Ф. Зонберга, бывшего инспектора по военной работе Осоавиахима СССР, находим следующие материалы. Например, на одном из допросов Зонберг в качестве своего вербовщика в антисоветскую латышскую националистическую организацию назвал бывшего Главкома Красной Армии в период Гражданской войны И.И. Вацетиса. Затем он изменил эти показания, заявив, что завербовал его в эту организацию не Вацетис, а Август Мезис, политработник РККА³.

В принадлежности к пресловутой латышской националистической организации в 1937—1938 гг. обвиняли многих латышей — командиров и политработников Красной Армии. Одним из таких был комкор Э.Д. Лепин, до ареста работавший военным атташе СССР в Китае. В обвинительном заключении по делу Э.Д. Лепина утверждалось, что он состоял в данной организации с 1922 г. На предварительном следствии, испытыв «соответствующее» физическое воздействие, Лепин показал, что по антисоветской деятельности он был связан с Р.П. Эйдманом, А.Ю. Гайлис-Валиным (начальником разведотдела штаба ОКДВА) и другими латышами-военнослужащими.

В ходе проведения дополнительной проверки архивно-следственного дела по обвинению И.И. Вацетиса, военные прокуроры установили необоснованность всех этих обвинений, в том числе и о его связях с сотрудниками германской разведки Шубертом, Циммерманом, Шрадером.

**Архивная справка
Центрального государственного особого архива
МВД СССР от 12 декабря 1956 г.**

В документальных материалах архива имеются следующие сведения о Шуберте:

По картотеке и документам французской контрразведки проходит Шуберт (имя не указано), немец, майор, бывший немецкий военный атташе в Москве, начальник службы разведки в Кёнигсберге...⁴

«УТВЕРЖДАЮ»

Зам. Генерального прокурора СССР
генерал-майор юстиции ВАРСКОЙ
22 декабря 1956 года

В Военную коллегию Верховного суда СССР

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

(в порядке ст. 378 УПК РСФСР) по делу Вацетиса И.И.
7 декабря 1956 года город Москва

Военный прокурор отдела Главной военной прокуратуры подполковник юстиции Хрущев, рассмотрев уголовное дело по обвинению Вацетиса И.И. и материалы дополнительной проверки по этому делу,

УСТАНОВИЛ:

28 июля 1938 года Военной коллегией Верховного суда СССР на основании ст.ст. 58—1 «б», 58—8 и 58—11 КУ РСФСР осужден к расстрелу с конфискацией имущества и лишению воинского звания «командарм 2 ранга»,

ВАЦЕТИС Иоаким Иоакимович, 1873 года рождения, уроженец Курляндской губернии, Гольдингенского уезда, имение Нейгоф, беспартийный, до ареста — профессор Военной академии РККА имени М.В. Фрунзе, командарм 2 ранга.

По приговору суда Вацетис И.И. признан виновным в том, что он якобы с 1918 г. являлся агентом германской разведки, по заданию которой в период Гражданской войны осуществил ряд предательских действий, направленных на поражение Красной Армии. С 1921 года, будучи связан с латвийской разведкой, он якобы принял участие в создании фашистской шпионско-террористической организации для борьбы с Советской властью.

(Из приговора, л.д. 465.)

Это обвинение Вацетиса И.И. основано исключительно на его так называемых признательных показаниях, полученных в процессе предварительного следствия в 1937—1938 гг. и подтвержденных им в суде. Других объективных данных, подтверждающих указанное обвинение, в деле не имеется.

В суде *Вацетис И.И.* по существу обвинения не допрашивался и судебное заседание, включая написание и оглашение приговора, продолжалось всего лишь 20 минут (л.д. 464).

Проведенной в настоящее время дополнительной проверкой данного дела в порядке ст. 377 УПК РСФСР установлено, что обвинение Вацетиса И.И. в антисоветской деятельности было сфальсифицировано бывш(ими) работниками НКВД СССР и осужден он необоснованно.

Так, из материалов проверки усматривается, что в связи с освобождением Вацетиса И.И. 8 июля 1919 года с поста Главнокомандующего всеми вооруженными силами, его

деятельность на фронтах Гражданской войны была предметом специального расследования ВЧК и обсуждалась на заседании Президиума Всероссийского Центрального комитета рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов.

В постановлении ВЦИК от 7 октября 1919 г. отмечалось:

«Поведение бывшего Главкома, как оно выяснилось из данных следствия, рисует его как крайне неуравновешенного, неразборчивого в своих связях, несмотря на свое положение. С несомненностью выясняется, что около Главкома находились элементы, его компрометирующие. Но принимая во внимание, что нет основания подозревать бывшего Главкома в непосредственной контрреволюционной деятельности, а также принимая во внимание бесспорно крупные заслуги его в прошлом, дело прекратить и передать Вацетиса в распоряжение военного ведомства...».
(л.д. 496).

В связи с этим обвинением Вацетиса И.И. в каких-либо фактах предательства на фронтах Гражданской войны не соответствует действительности.

Не нашло подтверждения в ходе проверки и обвинение Вацетиса И.И. в шпионской деятельности.

В КГБ при СМ СССР и в Особом архиве МВД СССР каких-либо данных о связях Вацетиса И.И. с органами иностранных разведок не имеется.

Проверкой в других соответствующих архивах в отношении Вацетиса И.И. никаких компрометирующих сведений не установлено.

Обвинение Вацетиса И.И. в принадлежности к антисоветской латышской организации является также несостоятельным. Названные в показаниях Вацетиса И.И. участниками указанной организации более 20 человек, и среди них: Рудзутак Я.Э., Алкснис Я.И., Аппога Э.Ф., Ошлей П.М., Зон-

берг Ж.Ф., Берзин Я.К. и другие в настоящее время полностью реабилитированы.

По показаниям осужденного быв(шего) председателя Центрального Совета Осоавиахима СССР Эйдемана Р.П., организационная связь с которым по антисоветской деятельности вменялась (в вину) Вацетису И.И., последний не проходит.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что так называемые признательные показания Вацетиса И.И. о его якобы антисоветской деятельности являются вымышленными и были получены от него в результате применения незаконных методов следствия со стороны бывших работников НКВД.

Быв(ший) начальник 5 отдела ГУГБ НКВД СССР Николаев Н.Г., подписавший ордер на арест Вацетиса И.И., и его заместитель Агас-Мойсыф В.С., производивший допросы Вацетиса И.И., осуждены за преступную деятельность в 1937—1938 гг. в органах НКВД.

Из материалов о деятельности Вацетиса И.И. видно, что, будучи полковником латышской армии (так в тексте документа. Правильно — полковником в латышских частях русской армии. — Н.Ч.), он в 1917 году перешел на сторону Октябрьской революции вместе с бригадой латышских стрелков, которой он командовал. В ноябре 1917 года *Вацетис И.И.* командовал отрядом по ликвидации керенщины и остатков войск контрреволюционного штаба 12-й армии. С декабря 1917 года он работал начальником оперативного управления Революционного полевого штаба.

В январе 1918 года *Вацетис И.И.* являлся Главкомом войсками, действовавшими против корпуса польского генерала Довбор-Мусницкого. 6 и 7 июля 1918 года руководил войсками при подавлении левоэсеровского мятежа в Москве.

10 июля 1918 года Советом Народных Комиссаров он был назначен командующим Восточным фронтом, а 4 сентября 1918 года постановлением ВЦИК назначен Главнокомандующим всеми вооруженными силами Республики и находился на

этом посту до 18 июля (неверно — до 8 июля. — *Н.Ч.*) 1919 г. В последующие годы *Вацетис И.И.* работал преподавателем Военной академии РККА. По служебной деятельности характеризуется положительно.

Вацетис И.И. награжден орденом Красного Знамени и орденом Красной Звезды.

Таким образом, никаких объективных данных для ареста Вацетиса И.И. в 1937 году и обвинения его в антисоветской деятельности по делу не имелось.

Учитывая установленные проверкой новые существенные обстоятельства, указывающие на необоснованность осуждения Вацетиса И.И., руководствуясь ст. 378 УПК РСФСР,

ПОЛАГАЛ БЫ:

Уголовное дело по обвинению Вацетиса Иоакима Иоакимовича вместе с материалами дополнительной проверки внести на рассмотрение Военной коллегии Верховного суда СССР с предложением: приговор Военной коллегии от 28 июля 1938 года в отношении Вацетиса И.И. по вновь открывшимся обстоятельствам отменить и дело на него прекратить за отсутствием состава преступления.

Приложение: дело на 520 листах...

Военный прокурор отдела ГВП
подполковник юстиции (Хрущев)
«Согласен». Пом. Главного военного прокурора
подполковник юстиции (Камышников)
18 декабря 1956 года»⁵.

Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 28 марта 1957 г. Иоаким Иоакимович Вацетис был полностью реабилитирован (посмертно).

Источники и литература

¹ Архив Главной военной прокуратуры (далее АГВП). НП 28466—56. Л. 5.

² Там же. НП 8067. Л. 4.

³ Там же. НП 18994—39. Л. 28.

⁴ Там же. НП 28466. Л. 14.

⁵ Там же. Л. 10—11

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Иоаким Иоакимович Вацетис прожил сложную, но интересную жизнь, богатую стремительными взлетами и такими же падениями. Но даже в трудные минуты он не сломался, не потерял себя, сохраняя самообладание и способность самокритично оценивать обстановку, свои поступки и поведение. Так было в годы Гражданской войны, так было и в межвоенный период. Он отдавал всего себя работе и только работе и этим служил примером для более молодых сослуживцев и подчиненных.

Особый этап деятельности И.И. Вацетиса составляет научно-педагогическая работа в «кузнице» советских военных кадров — Военной академии имени М.В. Фрунзе. Мерилом эффективности его вклада в подготовку полководцев советской военной школы служит то, что его ученики, воспитанники академии, возглавляя дивизии, корпуса армии и фронты в 1941—1945 гг., выстояли в тяжелых боях первых лет этой самой тяжелой и кровопролитной в истории народов войны, а затем погнало врага с родной земли, победно закончив ее полной капитуляцией фашистской Германии. Лучшей оценки работы преподавателя и воспитателя и быть не может!

Воздать должное каждому первостроителю Красной Армии — армии нового типа, победившей внутреннюю контрреволюцию и изгнавшей войска иностранных интервентов в годы Гражданской войны; армии, одолевшей грозного

и сильного врага в годы Великой Отечественной войны, — задача первостепенной важности. В числе этих лиц, стоявших у «руля» Красной Армии в самые ответственные моменты ее строительства и функционирования, свое, далеко не последнее место занимает первый Главком Республики И.И. Вацетис, впоследствии командарм 2-го ранга. Для увековечивания этих людей, внесших огромный вклад в дело защиты нашей Родины от посягательств многочисленных врагов, нужна особая государственная программа. И свой посильный вклад в это святое дело вносит данное издание, рассчитанное на интерес не только специалистов-историков, но и массового читателя.

ПЕРЕЧЕНЬ СОКРАЩЕНИЙ

А — армия

гв. А — гвардейская армия

ГВП — Главная военная прокуратура

ГСС — Герой Советского Союза

оперод — оперативный отдел

особисты — сотрудники особых отделов ВЧК

отд. А — отдельная армия

ТА — танковая армия

уд. А — ударная армия

штарм — штаб армии

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА.....	3
ПРЕДИСЛОВИЕ.....	6
ИСТОКИ. НАЧАЛО РАТНОГО ПУТИ.....	9
В УЧИЛИЩЕ И АКАДЕМИИ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА.....	22
В РЯДАХ ЛАТЫШСКИХ СТРЕЛКОВ.....	55
ПРОТИВ ДОВБОР-МУСНИЦКОГО.....	88
СОЗДАНИЕ ЛАТЫШСКОЙ ДИВИЗИИ.....	96
КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ НЕ ПРОЙДЕТ!.....	115
НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ.....	140
ГЛАВКОМ РЕСПУБЛИКИ.....	188
ВЛАДИМИР ЛЕНИН И ИОАКИМ ВАЦЕТИС.....	253
ВО ГЛАВЕ АРМИИ СОВЕТСКОЙ ЛАТВИИ.....	285
ЗАГОВОР В ПОЛЕВОМ ШТАБЕ.....	308
УЧИТЕЛЬ ПОЛКОВОДЦЕВ.....	331
ДОСЬЕ НА КОМАНДАРМА.....	371
ПОСЛЕСЛОВИЕ.....	380
ПЕРЕЧЕНЬ СОКРАЩЕНИЙ.....	382

Научно-популярное издание

Путь русского офицера

Черушев Николай Семенович

ВАЦЕТИС — ГЛАВКОМ РЕСПУБЛИКИ

Выпускающий редактор *К.К. Семенов*

Корректор *Р.Ф. Зайнуллина*

Верстка *И.В. Левченко*

Художественное оформление *М.Г. Хабибуллов*

ООО «Издательство «Вече»

Адрес фактического местонахождения:

127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.

Тел.: (499) 940-48-70 (факс: доп. 2213), (499) 940-48-71.

Почтовый адрес:

129337, г. Москва, а/я 63.

Юридический адрес:

129110, г. Москва, ул. Гиляровского, дом 47, строение 5.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 23.12.2014. Формат 84×108^{1/32}.

Гарнитура «PetersburgС». Печать офсетная. Бумага газетная.

Печ. л. 12. Тираж 1500 экз. Заказ № 2573.

Отпечатано в ОАО «Рыбинский Дом печати»

152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

e-mail: printing@r-d-p.ru www.r-d-p.ru

Путь русского офицера

Н.С. Черушев

Новая книга Н.С. Черушева повествует о судьбе Иоакима Вацетиса. Начав службу простым солдатом русской армии, этот латышский паренек дослужился до звания полковника, а затем, приняв революцию, стал Главнокомандующим Вооруженными силами РСФСР. На основе многочисленных архивных источников автор рассказывает о взлетах и падениях латышского стрелка Вацетиса, особенно подробно описана его карьера в Советском Союзе и обстоятельства трагической гибели.

ISBN 978-5-4444-1176-6

9 785444 411766

